

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ: научно-практический журнал

Выходит с 1994 года

*Актуальные проблемы
экономики и общества*

Региональная экономика

*Менеджмент.
Экономика предприятия*

Финансы. Инновации

*Цифровая экономика
и информационная безопасность*

Социально-политические процессы

6/2020

Редакционный совет

Н.З. Арабаджийски, профессор департамента Администрации и управления Нового болгарского университета, д-р экономики, профессор

Р.Р. Ахунов, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан (АН РБ), заведующий лабораторией современных проблем региональной экономики Уфимского федерального исследовательского центра (УФИЦ) Российской академии наук (РАН), д-р экон. наук, доцент, доктор делового администрирования (DBA)

М.А. Аюпов, член-корреспондент АН РБ, д-р полит. наук, профессор

А.Р. Бахтизин, член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-математического института РАН, д-р экон. наук, профессор

В.И. Буренко, профессор кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета, д-р полит. наук, профессор

В.М. Валиев, директор НИИ экономических реформ Министерства экономического развития Азербайджана, д-р экон. наук, профессор

Д.А. Гайнанов, директор Института социально-экономических исследований УФИЦ РАН, д-р экон. наук, профессор

А.М. Ганнев, руководитель Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан

М.Н. Грачев, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета, д-р полит. наук, профессор

К.Е. Гришин, директор Института экономики, финансов и бизнеса (ИНЭФБ) Башкирского государственного университета (БашГУ), д-р экон. наук, доцент

А.Н. Дегтярев, член-корреспондент АН РБ, вице-президент АН РБ, д-р экон. наук, профессор

О.И. Зазнаев, заведующий кафедрой политологии Казанского федерального университета, д-р юрид. наук, профессор

Н.У. Зулкарнайн, директор Центра стратегических и междисциплинарных исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН, д-р экон. наук

Л.Е. Ильичева, директор Центра государственно-частного партнерства Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), д-р полит. наук, профессор

Ю.Г. Коргунык, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, д-р полит. наук

И.Р. Кызыргулов, ректор Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (БАГСУ), д-р физ.-мат. наук, доцент (председатель Совета)

А.В. Кынев, доцент департамента политических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», канд. полит. наук, доцент

Т.Б. Лейберт, директор Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета (ИНБ УГНТУ), д-р экон. наук, профессор

Р.Х. Марданов, начальник Уральского главного управления Центрального банка Российской Федерации, канд. экон. наук, доцент

Т.А. Махмутов, директор департамента международного и регионального сотрудничества Счетной палаты Российской Федерации, канд. полит. наук

Г.Н. Никонова, член-корреспондент РАН, заведующая аспирантурой, заведующая отделом прогнозирования трансформации экономических структур и земельных отношений Северо-Западного НИИ экономики и организации сельского хозяйства, д-р экон. наук, профессор

А.В. Павроз, доцент кафедры российской политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, д-р полит. наук, доцент

П.В. Панов, заведующий кафедрой государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета, д-р полит. наук, профессор

О.Б. Падвинцев, директор Пермского филиала Института философии и права Уральского Отделения РАН по исследованию политических институтов и процессов, д-р полит. наук, профессор

А.А. Пороховский, заведующий кафедрой политической экономики экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, д-р экон. наук, профессор

А.В. Скиперских, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Перми, д-р полит. наук, профессор

Л.Н. Тимофеева, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС, д-р полит. наук, профессор

К.Б. Толкачев, председатель Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан, д-р юрид. наук, профессор

В.И. Трубинков, вице-президент Российского совета по международным делам, член дирекции Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН

О.Ф. Шапоров, заведующий кафедрой политологии и политического управления РАНХиГС, д-р полит. наук, профессор

А.В. Янгиров, ректор Института развития образования Республики Башкортостан, д-р экон. наук, доцент

НАЦИОНАЛЬНАЯ
ЭКСПЕРТНАЯ КОМИССИЯ (НАЭК)
Министерства образования и науки Российской Федерации

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по следующим научным специальностям и соответствующим отраслям науки: 08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки), 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки), 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Экономика и управление: научно-практический журнал

№ 6 (156)

СОДЕРЖАНИЕ

Актуальные проблемы экономики и общества

В. БИРЮКОВА, А. ЧЕРЕПОВИЦЫН. Российский и зарубежный опыт формирования индексов устойчивого развития вертикально-интегрированных нефтяных компаний	5
И. ЗУЛЬКАРНАЙ. Структурная перестройка экономики или сохранение нефтехимической специализации экономики Республики Башкортостан?	11
Е. ЯНГИРОВА, М. ИСКАКОВ. Совершенствование методики расчета индекса человеческого развития	15
Г. РОССИНСКАЯ, Н. СИНГИЗОВА. Экономические функции семьи: индикаторы реализации	21
В. МИХАЙЛОВ. Экономические эффекты налогового маневра	24
И. РЫСАЕВ. Стратегия модернизации системы современного управленческого образования	29
С. НАЗЮТА. Модель оценки интеллектуального потенциала вуза	33

Региональная экономика

Р. АХУНОВ, Р. РАМАЗАНОВ, А. БИКМЕТОВ. Особые экономические зоны: теоретические и практические аспекты формирования и функционирования (на примере особой экономической зоны «Алга»)	40
С. ЕМЕЛИН, Е. ТАВХИТОВА. Институциональные и экономические препятствия развитию глубокой переработки природных ресурсов в Башкортостане	44
Г. ИСЛАКАЕВА. Регион с преимущественным развитием нефтехимического комплекса: теоретический аспект	48
М. НЕУЧЕВА, О. ШАЛИНА. Сравнительный анализ развития ОЭЗ и ТОСЭР в России	52
М. САЗЫКИНА, Э. МАМЛЕЕВА, Н. ТРОФИМОВА, Г. ШИРЯЕВА. Промышленный туризм как перспективное направление развития регионального туризма в Республике Башкортостан	56
А. МИЛИЦКАЯ, Н. КУЗЬМИНЫХ. Оценка характера инновационного развития Республики Башкортостан	60
Т. ИШМУХАМЕТОВ, Л. БАЙГУЗИНА. Влияние межбюджетных трансфертов на налоговый потенциал Республики Башкортостан	67

Менеджмент. Экономика предприятия

И. БУРЕНИНА, Т. ГАЙНУЛЛИН. Перспективы стратегического планирования деятельности нефтесервисных предприятий	72
Л. ВАНЧУХИНА, О. БАДРЕЕВА. Развитие корпоративного контроля в условиях цифровой трансформации бизнеса	76

К. КАЧАЛКИНА, Д. КОТОВ. Организационное проектирование в условиях трансформации структуры факторов производства	82
А. ГАЛИНА, А. ИВАНОВА. Внедрение профессиональных стандартов как фактор профессионального развития персонала	91
М. ДЖАМАЛУДИНОВА, К. АСРИЯНЦ. Метод игрового моделирования в теории и практике государственного управления	97
В. ПАРШИНА. Развитие персонала региональных гипермаркетов как условие их конкурентоспособности	101
Н. ИВАНОВА, А. ДЕМЕНТЬЕВА. Внешнеэкономическая деятельность малых и средних предприятий России и Китая в условиях пандемии	106
А. ГАЛИМОВА, Е. ШАДРИНА. Особенности трансформации системы оплаты труда в условиях кризисной экономики	109
Э. МАГОМАЕВА, Г. МУРАДОВ. Пути повышения эффективности трудового потенциала предприятия	114

Финансы. Инновации

Г. АГАРКОВ. Динамическая оптимизационная модель регулирования ресурсных потоков на уровне субъекта федерации	116
А. ФРОЛОВА, И. КУЛЬКОВА. Бюджетирование затрат на персонал как элемент менеджмента	121
А. ШЕСТАКОВИЧ. Опыт Китая в формировании зон высоких технологий как главного института поддержки инновационной деятельности	125
М. МАЛЛАЕВА, Ф. НИНАЛАЛОВА. Сберегательное поведение домашних хозяйств в условиях современной России	128
А. РАБЦЕВИЧ. Методические основы оценки деятельности университета в трансфере научных результатов	132
Б. МУЗАФФАРОВ, Ш. КАМАРОВ. Инвестиционное сотрудничество как фактор развития энергетического сектора	139
И. ИСЛАМОВ, Р. ГАЙНУЛЛИНА. Анализ методов формирования бюджета муниципальных образований	143
Л. КУРБАНАЕВА. Последствия недостоверной информации в бухгалтерской финансовой отчетности	146
М. ХАМУРАДОВ, Д. ХУПИЕВА. Развитие и регулирование финансовых рынков в РФ	149

Цифровая экономика и информационная безопасность

Д. КРУГЛОВ, Е. АМЕЛЬЧЕНКО. Влияние цифровой трансформации общества на содержание предпринимательской деятельности	153
С. МАРИЧЕВ. Классификация цифровой экономики на основе интенсивности использования цифровых технологий	156
Б. ДЕМИЛЬХАНОВА, Ф. САДАЕВА, З. САХРУДИНОВА. Цифровизация и формирование доходов на рынке ценных бумаг в регионе	161
М. ХАДЖИЕВ, Х. МЕЖИЕВА, З. ТЕСАЕВА. Анализ показателей оценки эффективности цифровой трансформации экономики	167
С. ПУПЕНЦОВА, В. КОЛОТОВ. Экономическая безопасность и защита информации в эпоху цифровизации	172
Н. РОМАНОВА. Специфика цифровой трансформации в сфере здравоохранения	178
З. САБИРОВА, О. СИДОРОВА. Проблемы цифрового неравенства в сфере высшего образования	184
К. НУРИМАНОВА, И. ШАРИПОВА. Применение цифровых инструментов адаптации персонала в актуальных условиях хозяйствования	187

Социально-политические процессы

В. ТИМИРЬЯНОВА, К. ЮСУПОВ, Р. ШАЙХИСЛАМОВ, Р. БАХИТОВА, Э. ЯМАЛОВА. Трансформация постсоветского пространства и новые направления его исследования	196
Р. ВАЛИАХМЕТОВ, Г. БАЙМУРЗИНА, С. КАДЫРОВ. Индекс доходов муниципальных образований Башкортостана: проблемы расчета и анализа	202
Л. МУСИНА. GR-деятельность в политическом процессе: анализ коммуникационных каналов	208
ЛЮ ЯНЬ. Зарубежный опыт институционализации делиберативных практик	212

А. АМИРОВА. Возможность применения сетевого механизма координации к государственному управлению и местному самоуправлению в Российской Федерации на современном этапе развития	216
Р. ЯХИНА. Методика оценки глобального экономического бремени болезни	222
С. СЕМЕНОВ. Анализ методологических основ теории решения изобретательских задач (ТРИЗ)	225
С. САФИНА, Н. ЕВДОКИМОВ, А. ШАЯХМЕТОВ. Академик А. Махмутов в воспоминаниях коллег, друзей и родственников: по материалам «круглого стола»	230

CONTENTS

Actual problems of the economy and society

V. BIRYUKOVA, A. CHEREPOVITSYN. Industrial Enterprise Management in a Changing Business Paradigm	5
I. ZULKARNAY. Structural Restructuring of the Economy or the Preservation of the Petrochemical Specialization of the Economy of the Republic of Bashkortostan?	11
E. YANGIROVA, M. ISKAKOV. Improvement of the Methodology of Calculation of the Human Development Index	15
G. ROSSINSKAYA, N. SINGIZOVA. Economic Functions of the Family: Indicators of Implementation	21
V. MIKHAILOV. Economic effects of tax maneuver	24
I. RYSAEV. Strategy for Modernizing the Present-day Management Training System	29
S. NAZYUTA. A model for Assessing the Intellectual Potential of a University	33

Regional Economy

R. AKHUNOV, R. RAMAZANOV, A. BIKMETOV. Special economic zones: theoretical and practical aspects of formation and functioning (on the example of the special economic zone «Alga»)	40
S. EMELIN, E. TAVKHITOVA. Obstacles to the Development of Deep Processing of Natural Resources in Bashkortostan	44
G. ISLAKAEVA. Region with Promotional Development of the Petrochemical Complex: Theoretical Aspect	48
M. NEUCHEVA, O. SHALINA. Comparative Analysis of the Development of the SEZ and TASED in Russia	52
M. SAZYKINA, E. MAMLEEVA, N. TROFIMOVA, G. SHIRYAEVA. Industrial Tourism as a Promising Direction for the Development of Regional Tourism in the Republic of Bashkortostan	56
A. MILITSKAYA, N. KUZMINYKH. Assessment of the Nature of Innovative Development of the Republic of Bashkortostan	60
T. ISHMUKHAMETOV, L. BAIGUZINA. Impact of Inter-budget Transfers on the Tax Potential of the Republic of Bashkortostan	67

Management. Enterprise Economy

I. BURENINA, T. GAINULLIN. Prospects for Strategic Planning of Oilfield Service Enterprises	72
L. VANCHUKHINA, O. BADREEVA. Development of Corporate Control in the Context of Digital Business Transformation	76
K. KACHALKINA, D. KOTOV. Organizational Design at the Production Factors' Structure Transformation	82
A. GALINA, A. IVANOVA. Features of the Status of the Implementation of Professional Standards and their Influence on the Professional Growth of Employees	91
M. JAMALUDINOVA, K. ASRIYANTS. Game modeling method in the theory and practice of public administration	97
V. PARSHINA. Staff Development of Regional Hypermarkets as a Condition for their Competitiveness	101
N. IVANOVA, A. DEMENTIEVA. Foreign Economic Activity of Small and Medium-sized Enterprises in Russia and China under Pandemic	106
A. GALIMOVA, E. SHADRINA. Features of the Transformation of the Remuneration System in a Crisis Economy	109
E. MAGOMAEVA, G. MURADOV. Ways to Improve the Efficiency of the Company's Labor Potential	114

G. AGARKOV. Dynamic Optimization Model for Regulating Financial Flows at the Level of a Federal Subject	116
A. FROLOVA, I. KULKOVA. Staff Cost Budgeting as an Element of Management	121
A. SHESTAKOVICH. China's Experience in the Formation of High-Tech Zones as the Main Institution for Supporting Innovation	125
M. MALLAEVA, F. NINALALOVA. Savings Behavior of Households in Modern Russia	128
A. RABTSEVICH. Methodological Basis for Evaluating the University's Activities in the Transfer of Scientific Results	132
B. MUZAFFAROV, SH. KAMAROV. Investment Cooperation as a Factor of the Energy Sector Development	139
I. ISLAMOV, R. GAINULLINA. Analysis of Methods of Formation of the Budget of Municipal Entities	143
L. KURBANAEVA. Consequences of False Information in the Financial Statements	146
M. KHAMURADOV, D. KHUPIEVA. Development and Regulation of Financial Markets in Russia	149

Digital economy and information security

D. KRUGLOV, E. AMELCHENKO. Impact of digital transformation of society on the content of entrepreneurial activity	153
S. MARICHEV. Digital Economy Classification based on the Intensity of Digital Technologies Usage	156
B. DEMILKHANOVA, F. SADAIEVA, Z. SAKHRUTDINOVA. Digitalization and Generation of income in the Securities Market in the Region	161
M. HAJIYEV, H. MEZHIEVA, Z. TESAEVA. Analysis of Indicators for Evaluating the Effectiveness of Digital Transformation of the Economy	167
S. PUPENTSOVA, V. KOLOTOV. Economic Security and Information Protection in the Era of Digitalization	172
N. ROMANOVA. Specifics of Digital Transformation in the Healthcare Sector	178
Z. SABIROVA, O. SIDOROVA. Problems of the Digital Divide in Higher Education	184
K. NURIMANOVA, I. SHARIPOVA. Application of Digital Tools for Personnel Adaptation in the Current Economic Conditions	187

Socio-political processes

V. TIMIRYANOVA, K. YUSUPOV, R. SHAIKHISLAMOV, R. BAKHITOVA, E. YAMALOVA. Transformation of the Post-Soviet Space and New Directions of its Research	196
R. VALIAKHMETOV, G. BAIMURZINA, S. KADYROV. Income Index: Calculation and Analysis for Municipal Entities of Bashkortostan	202
L. MUSINA. GR-activities in the Political Process: Analysis of Communication Channels	208
LIU YAN. Foreign Experience of Deliberative Practices Institutionalization	212
A. AMIROVA. Possibility of Applying the Network Coordination Mechanism to Public Administration and Local Self-Government in the Russian Federation the Present Stage of Development	216
R. YAKHINA. Methodology for Assessing the Global Economic Burden of Disease	222
S. SEMENOV. Analysis of the methodological foundations of the theory of inventive problem solving	225
S. SAFINA, N. EVDOKIMOV, A. SHAYAKHMETOV. Academician A. Makhmutov in the memoirs of colleagues, friends and relatives: based on the materials of a «round table»	230

Редакционная коллегия

Р.Ф. Латыпов (главный редактор), И.В. Буренина, Л.С. Валинурова, И.В. Дегтярева,
Ю.Н. Дорожкин, В.В. Еникеев (заместитель главного редактора), Н.А. Кузьминых,
С.Н. Лаврентьев, Д.Р. Орлова, Г.М. Россинская, Н.З. Солодилова, С.Н. Шкель

Публикуемые материалы могут отражать точку зрения авторов, которая не совпадает с мнением редколлегии журнала.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© «Экономика и управление: научно-практический журнал», 2020.

Российский и зарубежный опыт формирования индексов устойчивого развития вертикально-интегрированных нефтяных компаний

Russian and Foreign Experience in Forming Sustainable Development Indices for Vertically Integrated Oil Companies

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.1)

В. БИРЮКОВА, А. ЧЕРЕПОВИЦЫН

Бирюкова Вера Витальевна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и управления на предприятии нефтяной и газовой промышленности Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: v.birukova@yandex.ru

Череповицын Алексей Евгеньевич, д-р экон. наук, профессор, декан экономического факультета Санкт-Петербургского горного университета
E-mail: alekseicherepov@inbox.ru

В статье проводится исследование российской и зарубежной практики комплексной оценки устойчивого развития вертикально-интегрированных нефтяных компаний. Определена значимость оценки уровня устойчивого развития компании с точки зрения управления стратегическими преимуществами. Исходя из этого рассмотрены важные аспекты предложенного подхода, способствующего формированию механизмов развития стратегических вертикально-интегрированных нефтяных компаний в современных условиях.

Ключевые слова: промышленное предприятие, управление, концепция устойчивого развития, стратегическое преимущество.

The article examines the Russian and foreign practices of integrated assessment of the sustainable development of vertically integrated oil companies. The importance of assessing the level of sustainable development of the company from the point of view of managing strategic advantages is determined. Based on this, we consider important aspects of the proposed approach that contributes to the formation of mechanisms for the development of strategic vertically integrated oil companies in modern conditions.

Key words: industrial enterprise, management, sustainable development concept, strategic advantage.

В настоящее время можно выделить три одновременно сосуществующие в экономической науке основные теоретические парадигмы: неоклассическая концепция, парадигма институциональной экономики и эволюционная парадигма. В свою очередь, в развитой экономике сложились следующие основные концепции управления предприятием: неоклассическая, агентская (акционерная) и концепция стейкхолдеров [3].

Концепция стейкхолдеров (теория заинтересованных сторон) является инструментом стратегического управления долгосрочной устойчивостью компании. Она основана на том, что взаимодействие внешних и внутренних стейкхолдеров обуславливает эффективность деятельности организации. При этом роль такого взаимодействия настолько высока для развития бизнеса, что теория заинтересованных сторон приобретает все большую популярность и вытесняет концепцию акционерной стоимости.

Ключевое положение теории управления заинтересованными сторонами заключается в том, что цели компании не ограничиваются получением прибыли для ее собственников, а должны учитывать интересы более широкого круга лиц, влияющих на ее развитие. Таким образом, стоимость компании формируется на принципах системного подхода, то есть создается через выстраивание взаимоотношения со всеми стейкхолдерами. Публичная отчетность при этом выступает основной формой информационного взаимодействия с заинтересованными сторонами. Проблема применения данной концепции на практике остается чрезвычайно актуальной.

В настоящее время, при том, что практические аспекты учета при разработке стратегии развития вертикально-интегрированных нефтяных компаний остаются нерешенными, ее использование как основной элемент публичной политики стало необходимым для участников топливно-энергетического комплекса. Сторонники инвестирования в устойчиво развивающиеся компании полагают, что эта сфера имеет высокий потенциал роста, и вложения в этом случае осуществляются в действительно успешные и надежные компании.

Среди ключевых принципов устойчивого развития организаций выделяют следующие: экономика, взаимоотношение, воздействие и преобразование. Во-первых, соблюдение принципа устойчивого развития предполагает достижение поставленных показателей экономической эффективности. Во-вторых, обеспечить устойчивое развитие невозможно без создания и развития хороших долгосрочных взаимоотношений с заинтересованными сторонами. В-третьих, компания должна нести ответственность за то воздействие, которое она оказывает на внешний мир, окружающую среду и социальную сферу бизнес-деятельности. В-четвертых, принцип устойчивого развития связан с преобразованием и развитием организации, а также созданием стратегических преимуществ за счет использования инноваций и интеллектуального капитала. Таким образом, устойчивое развитие предполагает, что сегодняшние бизнес-стратегии должны положительно отражаться на будущем компании.

Для построения индексов устойчивого развития компаний в мировой практике используются различные наборы показателей. В связи с тем, что вопрос диагностики текущего состояния и оценка предлагаемых мер по учету факторов внешнего и внутреннего воздействия при проектировании программ развития вертикально-интегрированных нефтяных компаний остается нерешенным, задача разработки интегральной системы индикаторов устойчивого развития все больше актуализируется. Разработка и внедрение системы комплексного анализа и оценки устойчивого развития вертикально-интегрированных компаний направлена на повышение конкурентоспособности организации за счет:

- построения эффективного управленческого комплекса компании как в краткосрочном, так и долгосрочном горизонте, направленного на учет как экономических, так и не экономических последствий деятельности;
- интеграции взаимосвязей отдельных корпоративных функций в единое целое;
- возможности раздвинуть горизонты классической финансовой отчетности компании, а следовательно, и увеличить ценность результатов ее бизнес-деятельности;
- моделирования прогноза пространства изменений во внешней среде и учета их влияния на деятельность организации;
- формирования коммуникационной среды в области взаимодействия с заинтересованными участниками бизнес-сообщества компаний;
- укрепления финансовой стабильности компании и, как следствие, ее рыночного положения.

Качество корпоративного управления нефинансовыми параметрами вертикально-интегрированных компаний отражается в отчетности устойчивого развития и индекса Environmental, Social & Governance (ESG). Считается, что первый индекс ESG был запущен в 1990 году, в 2000-е годы оценки ESG стали нормой, спектр услуг и продуктов заметно расширился, а количество индексов ESG теперь превышает тысячу.

Все многообразие нефинансовой отчетности компаний можно разделить на четыре группы: «Отчет о социальном развитии», «Экологический отчет», «Отчет о корпоративной социальной ответственности (КСО)» и «Отчет об устойчивом развитии». Открытие информации в данных областях повышает прозрачность компании, характеризует ее как более надежную с точки зрения инвесторов и кредиторов, что в итоге должно вести к повышению капитализации компании (рост стоимости акций вследствие снижения рисков), и позволяет при необходимости привлекать кредиты по более низкой ставке (рост доверия вследствие снижения рисков), что открывает для компании широкий спектр возможностей по развитию и расширению бизнеса.

Рис. 1. Эволюция развития индексов Environmental, Social & Governance

Источник: *An Evolution in ESG Indexing* / BlackRock, 2019

Зарубежные аналитики считают, что для определения потенциала и возможности успешного функционирования компании на рынке необходимо анализировать ее экологическую репутацию, разнообразие применяемых управленческих инструментов, прозрачность отчетности, обоснованность кредитных займов.

Наиболее востребованными сегодня становятся именно индексы устойчивого развития (в силу возросшей заинтересованности бизнеса и энергетического комплекса, в частности, в данном направлении за последние годы), в отличие от индексов корпоративной социальной ответственности. Они более надежны для инвесторов в финансовом аспекте, т.к. включают публикацию корпоративной финансовой отчетности, управление рисками и экологическую составляющую. Одной из самых распространенных систем отчетности в области устойчивого развития является международный стандарт GRI (Global Reporting Initiative) или «Глобальная инициатива по отчетности», на сегодняшний день действует стандарт четвертого поколения – G4, который обновлялся последний раз в 2016 году.

Согласно данному подходу, «стоимость компании формируется в результате трансформации ресурсов организации через ее коммерческую деятельность, направленную на достижение стратегических целей, в результаты и продукты» [5] (рисунок 2).

Рис. 2. Концептуальная схема стандарта GRI трансформации ресурсов компаний в процессе создания стоимости

Таким образом, «бизнес-модель компании основывается на привлечении различных видов капитала в качестве входящих ресурсов и превращении их за счет деятельности организации в исходящие» [5]. В стандарте GRI предполагается использовать 6 видов капитала, которые используются компанией при создании ценностей: «финансовый, производственный, интеллектуальный, человеческий, социально-репутационный, природный» [5]. Роль каждого из них в создании ценности компании зависит от отраслевой специфики. При этом индикаторы системы в методологии отчетности GRI синтезированы в 3 блока, характеризующих устойчивое развитие компании: экономический, экологический и социальный. Некоторые из индикаторов являются основными, а некоторые дополнительными.

Если рассматривать мировой опыт в формировании системы инструментов в области нефинансовой отчетности, то среди них выделяются страны-лидеры: Канада, Великобритания и Япония. В европейских компаниях самые первые формы нефинансовых отчетов появились в середине прошлого века. Первое время основу нефинансовой отчетности составляли преимущественно классические показатели основной деятельности, которые в дальнейшем пополнились показателями экологической и экономической сфер. В современной действительности индексы дополняются показателями инновационной активности.

Вектор развития методологии в области нефинансовой отчетности направлен в сторону расширения количества анализируемых и публикуемых в открытом доступе индикаторов, которые характеризуют влияние вертикально-интегрированных нефтяных компаний на экономическую, экологическую и социальную среду в контексте всего разнообразия коммуникаций с заинтересованными сторонами.

Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) в 2008 году включил систему нефинансовой отчетности в российскую практику производственных компаний. Несмотря на то, что практически все вертикально-интегрированные нефтяные компании раскрывают нефинансовые аспекты своей деятельности (ПАО «Сургутнефтегаз» ограничивает перечень нефинансовой отчетности экологическим отчетом), до сих пор российские компании отстают от общемировой практики применения данной концепции.

Отличие социальных отчетов российских компаний от западных заключается в том, что они достаточно редко выстраивают взаимоотношения с такой заинтересованной стороной, как потребитель. Отечественные компании в своих отчетах большее внимание уделяют в основном аспектам подтверждения качества производимых товаров и услуг с помощью систем сертификации различного уровня. В таблице представлены российские индексы ESG и лидирующие компании нефтегазовой промышленности, которые их применяют.

Другими авторитетными международными индексами в области устойчивого развития являются Dow Jones Sustainability Indices (DJSI) и FTSE4Good. Несмотря на разнообразие существующих и появляющихся индексов, сейчас отсутствуют единые и универсальные индикаторы, позволяющие сравнивать и анализировать компании и отрасли. Однако существует ряд индексов, позволяющих в той или иной мере оценить компании по некоторым параметрам (см. табл.).

Одни из самых распространенных индексов устойчивого развития – DJSI и FTSE KLD Global Sustainability Index Series (GSI). Также в области нефинансовой отчетности выделяется ряд индексов, которые анализируют непосредственно энергетический сектор (NYSE Energy Index, WilderHill New Energy Global Innovation Index (NEX)), эффективность в области социальной корпоративной ответственности компаний (например, один из продуктов серии FTSE индексов – FTSE4Good), эффективность в области экологической ответственности бизнеса (FTSE Environmental Markets Index Series) и некоторые другие [4].

Разработка отечественных индексов активно продолжается. Российское представительство компании Standard & Poor's планирует выпустить новый ESG Index, который сможет оценить компании по трём основным направлениям – социальное обеспечение, экологическая безопасность и корпоративное управление. Московская школа управления СКОЛКОВО совместно с биржей РТС также разрабатывают индекс устойчивого развития RTSI, ориентированный именно на российские компании. Данный индекс содержит 3 группы показателей: социальные

(информация по выплатам персоналу в разрезе регионов, проведению социальных программ, информация об условиях труда, о каналах связи компании с обществом), экологические (информация о выбросах парниковых газов, о мероприятиях, направленных на очистку окружающей среды, объемах использования и очистки, совершенствовании технологий) и экономические (описание основных принципов ведения бизнеса, наличие прозрачной политики корпоративного управления, объем социальных инвестиций). Полностью методика пока не раскрывается, однако известно, что она разрабатывается на основе уже существующих стандартов и рекомендаций (GRI, ISO 26000, UN Global), а также индексов (DowJones, Bovespa, FTSE4Good, Maala, НКQAA).

Российские индексы ESG и лидирующие компании нефтегазовой промышленности

Индекс	Цель	Методология	Компания
Индексы РСПП и МосБиржа: • Ответственность и открытость; • Вектор устойчивого развития; • Индекс раскрытия информации по целям в области устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности	Выявить лучшие практики раскрытия информации в области устойчивого развития и корпоративной социальной ответственности	Анализ нефинансовых отчетов компаний. Использование 43 показателей экономического, экологического, социального, управленческого воздействия	ПАО «Газпром», ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Сибур Холдинг» ПАО «Татнефть», ПАО «Транснефть»
WWF и Стеоп – открытости нефтегазовых компаний в сфере экологической ответственности	Оценка степени раскрытия информации нефтегазовыми компаниями об экологическом воздействии	Анализ публичной информации компаний. Использование 29 критериев по направлениям: экологический менеджмент, воздействие на окружающую среду, раскрытие информации	АО «Зарубежнефть», ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «Сургутнефтегаз», ПАО «Татнефть», ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Газпром»
ESG-рейтинг	Оценка деятельности компаний в области экологии, социальной политики и управления	Выборка из топ-50 компаний RAEX с исключением компаний из секторов с наименьшим воздействием на окружающую среду. Использование 8 показателей по 3 разделам: экология, общество, управление	ПАО «ЛУКОЙЛ», ПАО «Татнефть», ПАО «Газпром», ПАО «НК «Роснефть»
Рейтинговое агентство «Эксперт РА» Услуга по присвоению SG-рейтинга	Оценка соответствия деятельности компаний принципам устойчивого развития	По результатам анализа экологической, социальной и управленческой деятельности компанию относят к одному из 6 уровней	Нет результатов оценки

Источник: РСПП, МосБиржа, WWF, Рейтинговое агентство «Эксперт РА», [2]

В России наибольшее значение публикации своих результатов в области корпоративной ответственности традиционно уделяют нефтегазовая промышленность и электроэнергетика. Это в целом совпадает с мировыми тенденциями и объясняется во многом уровнем нефинансовых рисков для таких компаний (в частности, важным фактором является государственное регулирование их деятельности).

Отчетность компаний в нефтегазовой промышленности наиболее стабильна: ни одна из компаний, начавших выпускать нефинансовые отчеты, не прекратила отчитываться до настоящего времени. Однако учет целевых показателей нефинансовой отчетности при построении программ стратегического развития вертикально-интегрированных нефтяных компаний ограничен. Таким образом, цели в области достижения устойчивого развития в большей степени декларируются, а не являются частью программ развития компаний [6].

Если в период становления теории устойчивого развития концепция затрагивала преимущественно макроуровень коммуникаций компании, то в последние годы происходит ее трансформация на уровень компании. Исследование практики применения данной теории показало, что она дает компаниям преимущества в области управления рисками, операционной эффективности, более высокой оценки бизнеса на рынке и, соответственно, обеспечивает более легкий доступ к заемным средствам, кроме того, по статистике такие компании являются более инновационными [1].

Подводя итог, можно сказать, что как иностранные, так и российские вертикально-интегрированные нефтяные компании, следуя международным трендам, включают в свои стратегии элементы системы концепции устойчивого развития. Однако существующие мировые подходы необходимо адаптировать к особенностям системы экономических и неэкономических отношений субъектов хозяйственной деятельности Российской Федерации, а также в условиях перехода к Индустрии 4.0 учесть требования к развитию инновационного капитала компаний.

Литература

1. Бирюкова В.В. Управление сбалансированным развитием предприятий нефтяной промышленности // Вестник Сибирской государственной автомобильно-дорожной академии. 2016. № 1. С. 87–94.
2. Измерение устойчивого развития в ТЭК // Энергетический бюллетень. 2020. № 4 [Электронный ресурс]. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo_march_20.pdf
3. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем // ЦЭМИ РАН. М.: Наука, 2004.
4. Корчагина Е.В. Проблемы конкурентоспособности в современной экономике // Проблемы современной экономики. 2008. № 4.
5. Руководство по отчетности в области устойчивого развития G4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecp.ru/sites/default/files/download/stakeholder/Russian-G4-Part-Two.pdf>
6. Чанышева И.А., Бирюкова В.В. Механизм управления устойчивым развитием предприятий нефтяного комплекса // Электронный научный журнал «Нефтегазовое дело». 2015. № 3. С. 576–589.

Структурная перестройка экономики или сохранение нефтехимической специализации экономики Республики Башкортостан?

Structural Restructuring of the Economy or the Preservation of the Petrochemical Specialization of the Economy of the Republic of Bashkortostan?

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.2)

И. ЗУЛЬКАРНАЙ

Зулькарнай Ильдар Узбекович, д-р экон. наук, директор Центра стратегических и междисциплинарных исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.
E-mail: zulkar@mail.ru

В статье обсуждается вопрос о перспективах развития экономики Республики Башкортостан, известной своим развитым нефтехимическим комплексом. На данный момент стратегические документы федерального и регионального уровня не предусматривают коренной структурной перестройки экономики региона, но, как показано в статье, такая перестройка неминуемо произойдет в перспективе 20–30 лет и лучше ее делать в плановом порядке. Обсуждены основные направления государственного регулирования, способствующие такому развитию событий.

Ключевые слова: Структурная перестройка экономики, нефтехимическая специализация экономики, Республика Башкортостан.

The article discusses the issue of the prospects for the development of the economy of the Republic of Bashkortostan, known for its developed petrochemical complex. At the moment, strategic documents of the federal and regional levels do not provide for a radical restructuring of the region's economy, but as shown in the article, such restructuring will inevitably occur in the future 20-30 years and it is better to do it as planned. The main directions of state regulation, contributing to such a development of events, are discussed.

Key words: Economic restructuring, petrochemical specialization of the economy, Republic of Bashkortostan.

С момента открытия в Башкортостане месторождений нефти в начале 30-х годов прошлого века, республика прочно ассоциируется в сознании россиян с тремя отраслями, связанными с нефтью: нефтедобычей, нефтепереработкой и нефтехимией. В этих отраслях работают предприятия, входящие в число крупнейших в стране: ООО «Башнефть-Добыча» занимается нефтедобычей в республике; нефтепереработкой заняты предприятия Башнефть-УНПЗ, Башнефть-Новыйл, Башнефть-Уфанефтехим; производство продукции химии и нефтехимии осуществляют ООО «Газпром нефтехим Салават», ПАО «Уфаоргсинтез», АО «Полиэф». Кроме того, Шкаповское и Туймазинское газоперерабатывающие предприятия занимаются разделением и извлечением фракций из попутного газа, выделяющегося из нефти при ее добыче и подготовке к переработке.

Еще в советское время ряд предприятий в этих отраслях считались крупнейшими не только в СССР, но и в Европе, и до сих пор республика занимает ведущие позиции среди других нефтеориентированных регионов. Так, «Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года» (далее будем называть ее «Стратегия РБ-2030»), принятая в 2018 году, констатирует, что Башкортостан занимает 1-е место среди субъектов Российской Федерации по объему нефтепереработки, в частности, по производству автомобильного бензина, производству дизельного топлива, бензола; «2-е место – по объему нефти, поступившей на переработку, производству этилена, ксилола, стирола, пластмасс в первичных

Исследование проведено в рамках выполнения НИР по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ.

формах, синтетических каучуков»; «3-е место – по добыче нефти (после Тюменской области и Республики Татарстан)» [6].

Констатируя ведущие позиции Башкортостана, Стратегия РБ-2030 не предлагает ничего лучшего, как сохранение за этими отраслями ведущего положения и в будущем. Мы в этой статье подвергаем критическому анализу данное центральное положение стратегического документа. В нем рассматривается три сценария развития экономики республики, от оптимистичного до пессимистичного, отличающиеся значениями всего трех параметров: мировой цены на нефть, курса доллара к рублю и темпов инфляции.

Тем самым, Стратегия РБ-2030 считает, что и в 2030 году экономика Башкортостана будет зависеть от мировых цен на нефть. К примеру, стратегия развития известного своей сельскохозяйственной направленностью Ставропольского края сценарии развития экономики региона на перспективу до 2035 года ставит в зависимость от таких факторов, как «изменение внешнего и ответного внутреннего санкционного режима» [7], оказывающего влияние на внутренние цены продукции АПК, и «политическая и военная стабильность на Ближнем Востоке» [7], оказывающего влияние на экспортные цены продукции АПК.

Кроме того, все три сценария развития экономики Башкортостана, согласно Стратегии РБ-2030, исходят из роста мировых цен на нефть, причем целевой сценарий (базовый сценарий, очевидно, имеется в виду), названный в документе почему-то также инновационным, исходит из роста цены на нефть марки Urals с 40 долларов США за один баррель в 2017–2019 годах (документ был принят в 2018 году) до 90 долларов США за баррель к 2030 году. Соответственно, предлагается считать, что «Производство нефтепродуктов является конкурентным преимуществом Республики Башкортостан, основной ее компетенцией, развитие которой необходимо поддерживать» [6, 83]. Также предлагается лишь модернизировать существующие мощности и лишь с целью «увеличения выхода светлых продуктов нефтепереработки» [6, 83], то есть бензина, керосина и дизельного топлива.

Между тем, последние 20 лет и активно последние 10 лет в мире дискутируются перспективы развития электромобилестроения, а различными автомобильными гигантами проводятся исследования в этом направлении и даже началось производство электромобилей. К примеру, производство и продажа электромобилей компании Tesla исчисляется уже сотнями тысяч в год при значительной цене в 3,5 миллиона рублей за единицу [8]. Компания Volkswagen поставила цель в 2028 году продать 22 миллиона автомобилей, работающих исключительно на электрической тяге [1], а компания Porsche планирует уже к 2025 году половину автомобилей выпускать с электромотором [1].

Правительства развитых стран строят планы поэтапного отказа от двигателя внутреннего сгорания. По заявлению министра окружающей среды Великобритании Майкла Гоува, к 2050 году (всего лишь через 30 лет!), на дорогах страны исчезнут автомобили с двигателем внутреннего сгорания. Великобритания и Франция планируют уже с 2040 года запретить продажу всех таких автомобилей, а Норвегия ставит цель прекратить эксплуатацию таких автомобилей уже к 2025 году! [5]. Все это означает, что спрос на бензин и дизельное топливо, производство которых является сегодня все еще «визитной карточкой» Башкортостана, уже в перспективе ближайших 10 лет (то есть до 2030 года) будет сокращаться, ввиду постепенного вытеснения с рынка двигателя внутреннего сгорания.

Кроме того, о близком конце эры нефти как источника энергии говорит и теория технологических укладов Кондратьева, согласно которой двигатель внутреннего сгорания и нефтепереработка являются ядром 4-го технологического уклада. Преимущественное развитие этого уклада пришлось на 1930–1970 гг., после чего он уступил по доле в экономике пятому технологическому укладу (в развитых странах, но, к сожалению, не в СССР и России), в основе которого микроэлектроника и информационные технологии. Теперь же мир вступает в шестой технологический уклад, основными отраслями которого будут нанотехнологии, биотехнологии, робототехника, электрическая тяга и полный пересмотр транспортной инфраструктуры, включая внутригородскую (возможен даже отказ от индивидуального автотранспорта) [2]. С точки зре-

ния этой теории двигатель внутреннего сгорания должен исчезнуть вместе с 4-м технологическим укладом на фоне 6-го уклада, так же, как паровой двигатель вместе с паровозами, являвшимися ключевыми факторами 2-го технологического уклада, исчезли в середине прошлого века ввиду развития 4-го уклада.

Все это позволяет нам сделать выбор в дилемме, поставленной в заголовок статьи: Республика Башкортостан должна принять стратегию отхода от нефтехимической специализации и активно заняться структурной перестройкой экономики с ориентацией на ожидаемое содержание отраслей шестого технологического уклада. Такая стратегия должна быть основана на глубоких научных исследованиях экономического и управленческого характера, охватывающих весь спектр факторов – от глобального уровня до микроуровня (см. рис.).

ФАКТОРЫ ГЛОБАЛЬНОГО УРОВНЯ:

Изменения внешней среды в связи с мировыми вызовами развития

ФАКТОРЫ НАЦИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ:

Межбюджетные отношения федерального бюджета и бюджетов регионов с точки зрения стимулирования технологического развития экономики региона

ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ:

Стратегическое развитие экономической системы региона

ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛЬНО-ЛОКАЛЬНОГО УРОВНЯ:

Финансово - экономический потенциал и финансово - экономическая самостоятельность муниципальных образований

ФАКТОРЫ ЛОКАЛЬНОГО УРОВНЯ:

Институты местного самоуправления в формировании местной экономики

ФАКТОРЫ МИКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО УРОВНЯ:

Стратегическое развитие предприятий

Иерархическая спецификация ключевых факторов, определяющих социальную и инфраструктурную модернизацию и структурную перестройку экономики региона с преимущественным развитием нефтехимического комплекса

На глобальном уровне необходимо проанализировать ограничивающие развитие экономики Башкортостана факторы, а также факторы и тенденции, создающие новые возможности. В числе ограничивающих факторов глобального уровня, прежде всего, конечно, надо оценить степень снижения спроса на нефть и продукты нефтепереработки в перспективе до 2030, 2040 и 2050 гг. В части факторов, создающих возможности для Башкортостана, необходимо оценить перспективы развития новых химических производств, связанных с наноматериалами, с новым поколением продуктов химии (саморазлагающиеся упаковочные материалы; материалы, меняющие форму под влиянием электрических и акустических волн; сверхпрочные пластмассы, материалы для медицины и т.д.).

На национальном (федеральном) уровне необходимо исследовать состояние экономических, институциональных и фискально-бюджетных условий, способствующих и препятствующих необходимой отраслевой диверсификации, и предложить меры по их модернизации [3]. В

разработке мер по их модернизации важен критический анализ опыта других стран по стимулированию развития, в том числе инновационного развития экономики [4].

На региональном, регионально-локальном и локальном уровнях в центре исследований должно быть стратегическое развитие экономической системы региона, системы государственного управления и местного самоуправления (и то, и то определяет развитие малого бизнеса, его инновационный характер), фискально-бюджетные отношения региона с центром и с муниципальными образованиями. Требуется внимательный технологический мониторинг нефтехимических предприятий. Вполне возможно, что развитие новой химии, соответствующей шестому технологическому укладу, невозможно на путях модернизации существующих производств и необходимо создание новой химической промышленности. На микроуровне мало исследованы вопросы качества управления малым бизнесом самими предпринимателями, вопросы менталитета населения (которое, оценочно, в своей массе ренто-ориентировано), качества человеческого капитала и институтов их формирования.

Целенаправленная, основанная на научных исследованиях работа по диверсификации экономики Башкортостана, отходу ее от нефтедобычи и нефтепереработки с коренной перестройкой отрасли нефтехимии и химии, позволит региону создать новые конкурентные преимущества к середине XXI века.

Литература

1. Автопром Германии ускоряет переход на электромобили и гибриды [Электронный ресурс]. URL: <https://www.autostat.ru/articles/41577/>
2. Гринин А.Л., Гринин Л.Е. Ведущие технологии шестого технологического уклада [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/323996170_VEDUSIE_TEHNOLOGII_SESTOGO_TEHNOLOGICESKOGO_UKLADA
3. Зулькарнай И.У. Институциональные аспекты арендных отношений в лесной отрасли: анализ российского законодательства // Евразийский юридический журнал. 2016. № 10. С. 297–299.
4. Зулькарнай И.У. Одноканальная бюджетная система в экономических реформах Китая 1979–1993 гг.: уроки для России // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 6. С. 101–106.
5. Переход Европы на электромобили к 2040 году вполне реален, считает эксперт [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20170816/1500466178.html>
6. Постановление Правительства РБ от 20.12.2018 № 624 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://minecon.bashkortostan.ru/dejatelnost/strategicheskoe-planirovanie/strategiya-razvitiya-respubliki-bashkortostan/strategiya-respubliki-bashkortostan-2030/>
7. Стратегия развития Ставропольского края на период до 2035 г. [Электронный ресурс]. URL: https://stavkray2035.ru/strategiya_2035
8. Tesla продала рекордное количество электрокаров [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/auto/news/2019/07/03/805700-tesla-rekordnoe>

Совершенствование методики расчета индекса человеческого развития

Improvement of the Methodology of Calculation of the Human Development Index (DOI: 10.34773/EU.2020.6.3)

Е. ЯНГИРОВА, М. ИСКАКОВ

Янгирова Елена Ирековна, д-р экон. наук, заведующий кафедрой управления проектами и маркетинга Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: beglovaelena75@mail.ru

Искаков Марат Ришатович, аспирант 2 года обучения Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: marat.iskakov1995@yandex.ru

В статье исследуются компоненты человеческого развития, разработанные Программой развития ООН. Авторами предложена модернизированная методика расчета индекса человеческого развития для определения вектора экономического развития страны.

Ключевые слова: человеческое развитие, индекс человеческого развития, потребности, экономический рост.

The article examines the components of human development developed by the United Nations Development Program. The authors have proposed a modernized method for calculating the human development index to determine the vector of the country's economic development.

Key words: human development, human development index, needs, economic growth.

В современном обществе происходит осознание ведущей роли человека в экономическом развитии, росте благосостояния страны. На наш взгляд, именно человек является важнейшим компонентом в экономической системе, а человеческое развитие способствует как повышению производительности накопленного человеческого капитала, так и уровня жизни населения. Поэтому остро стоит проблема регулирования взаимосвязи экономического роста в Российской Федерации и человеческого развития посредством разработки инструментария комплексной оценки ключевых компонентов человеческого развития для определения вектора экономического развития.

Человеческое развитие включает в себя ряд аспектов, определяющих уровень развития экономически активного населения страны [1]. Однако Программа развития ООН выделяет при оценке человеческого развития лишь три основных компонента [2]:

- долголетие и здоровый образ жизни;
- уровень образования населения;
- доступные ресурсы, способствующие ведению достойного уровня жизни населения.

Следует отметить, что каждый аспект человеческого развития непосредственно влияет на величину экономического роста государства или региона, определяемую через индексы человеческого потенциала, ранее разработанные Программой развития ООН [12]. В их числе: индекс человеческого развития (ИЧР); индекс человеческого развития с учетом неравенства (ИЧРН); индекс гендерного неравенства (ИГН); индекс гендерного развития (ИГР); индекс многомерной бедности (ИМБ).

Что касается ИЧР, то это первый из индикаторов измерения человеческого потенциала, введенный в 1990 г. Программой развития ООН (ПРООН) в первом докладе о человеческом развитии. Оценка рассмотренных выше трех компонентов человеческого развития определяет методологию расчета ИЧР. Введение в 1990 г. индекса человеческого развития было эволюцией в области исследований оценки человеческого развития. С возникновением ИЧР-рейтинг стран

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-310-90024.

составляется по значениям индекса, полученного на основе трех основных компонентов человеческого развития, что учитывает такие области развития, как долголетие и уровень образования населения.

Согласно методике расчета, приведенной в Техническом примечании [6], расчет индекса человеческого развития проводится в два этапа:

На первом этапе определяются индикаторы измерения, т.е. фактические показатели компонентов человеческого развития приводятся к единой системе измерения путем преобразований.

Целевые ориентиры – это установленные максимальные и минимальные значения фактических значений компонентов, которые вводятся для преобразования данных значений, выраженных в различных единицах, в индикаторы со значением от 0 до 1. Эти целевые ориентиры действуют как «естественные нули» и «желательные цели», соответственно, из которых стандартизируются составляющие индикаторы.

На основании исторических данных, ожидаемая продолжительность жизни в XX веке не составляла менее 20 лет, соответственно минимальное значение для ожидаемой продолжительности жизни установлено на уровне 20 лет [9; 10; 11].

Максимальная продолжительность жизни составляет 85 лет, что является реалистичной целью для многих стран за последние 30 лет. В связи с постоянным улучшением условий жизни и развитием медицины ожидаемая продолжительность жизни уже вплотную приблизилась к 85 годам в нескольких странах: 84,7 года в Гонконге, Китае и 84,5 года в Японии.

Минимальный уровень образования приравняется к нулю, так как человеческое общество способно существовать без получения образования. Во многих странах максимальной степенью высшего образования является получение степени магистра, соответственно целевой ориентир на максимум будет равен 18 годам обучения. Целевой ориентир на максимум средней продолжительности обучения приравнен к 15 годам, в связи с прогнозами ученых в области человеческого развития на 2025 год.

«Естественный ноль» валового национального дохода (ВНД) по паритету покупательской способности на душу населения составляет 100 долларов США [6]. Целевой ориентир на максимум дохода населения установлен в размере 75 000 долларов США на душу населения. Как отмечено в [8]: «Канеман и Дитон показали, что годовой доход на душу населения, превышающий 75 000 долларов США, практически не дает выигрыша в человеческом развитии и благополучии». Сегодня только четыре страны (Бруней-Даруссалам, Лихтенштейн, Катар и Сингапур) превышают потолок дохода на душу населения в 75 000 долларов.

После определения целевых ориентиров индикаторы размерности рассчитываются по формуле (1):

$$\text{Dimension index} = \frac{X_i - \min_i}{\max_i - \min_i}, \quad (1)$$

где X_i – фактическое значение показателя, описывающего i -ую составляющую человеческого развития; $\max_i$ и $\min_i$ – соответственно, максимальное и минимальное значения показателя, описывающего i -ую составляющую человеческого развития.

Использование среднего арифметического двух индексов образования обеспечивает прекрасную взаимозаменяемость между средней продолжительностью обучения и ожидаемой продолжительностью обучения, что кажется правильным, учитывая, что во многих развивающихся странах низкая успеваемость взрослых в школе, но они стремятся добиться всеобщего охвата начальным и средним образованием среди детей школьного возраста.

Для определения индикатора дохода применяется натуральный логарифм фактического значения и целевых ориентиров дохода населения в левой части формулы (1), так как функциональная зависимость возможностей от дохода населения будет представлять экспоненциальный график. Амартия Сен в своих исследованиях писал, что «каждый дополнительный доллар дохода оказывает меньшее влияние на расширение возможностей человека» [7].

На втором этапе происходит агрегирование индикаторов измерений для получения индекса человеческого развития с учетом равного веса каждой составляющей человеческого развития.

Индекс человеческого развития с 2011 г. рассчитывается как среднее геометрическое трёх индикаторов по формуле (2), которая вбирает в себя все вышеперечисленные компоненты человеческого развития [6]:

$$HDI = (I_{health} \cdot I_{education} \cdot I_{income})^{\frac{1}{3}}, \quad (2)$$

где I_{health} – индикатор здоровья, $I_{education}$ – индикатор образования, I_{income} – индикатор дохода населения.

До 2010 г. ИЧР рассчитывался как среднее арифметическое представленных выше индикаторов. Согласно исследованиям А. Косьмина, О. Кузнецовой и Е. Косьминой, выявлена следующая закономерность: значение ИЧР, рассчитанного по методу, используемому до 2010 г., и соответствующего индекса, рассчитанного по методологии, используемой с 2011 г., расходится на 3–8 % в пользу аддитивного подхода [4]. При использовании синергетического подхода, введенного в 2011 г., наблюдается меньшая величина выявленного эффекта индикаторов ИЧР по сравнению с аддитивным подходом. Таким образом, аддитивный подход является более точным по сравнению с подходом 2011 г. и показывает больший эффект индикаторов вследствие того, что взаимодействие индикаторов человеческого развития как его составляющих не есть произведение данных величин, а их сумма.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что для оценки человеческого развития ПРООН использует основной показатель – индекс человеческого развития. ИЧР учитывает лишь три составляющие человеческого развития для оценки уровня человеческого прогресса в каждой стране: долголетие, уровень образования населения, доступные ресурсы, способствующие ведению достойного уровня жизни населения. Данные составляющие человеческого развития основаны на базовых потребностях каждого индивидуума. Следовательно, между человеческим развитием и потребностями человека существует тесная взаимосвязь.

Характеристики человеческого развития базируются на первичных и вторичных потребностях человека. За основу составляющих человеческого развития возьмем иерархическую модель потребностей человека, предложенную А. Маслоу в работах «Теория человеческой мотивации» и «Мотивация и личность» [5]. Спроецировав составляющие человеческого развития сквозь «призму» иерархической модели потребностей человека, можно вывести алгоритм комплексного анализа человеческого развития и оценить его количественно, выявив среднеарифметическое значение индикаторов, определяющих каждую группу потребностей.

Индикаторы, которые используются в расчете ИЧР, характеризуют базовые или первичные потребности населения той или иной страны. Однако существуют не менее важные психологические потребности человека, к которым относятся потребность в семейных отношениях и трудовой деятельности, потребность в признании и эстетические потребности. Существующий ИЧР, разработанный ПРООН, охватывает ограниченные составляющие человеческого развития. Так, отсутствуют индикаторы, характеризующие духовную, общественную составляющую и составляющую признания в обществе человеческого развития.

В Докладе о человеческом развитии, опубликованном ПРООН в 2015 г. [3], подчеркивается, что источником духовного процветания общества является труд представителей творческой интеллигенции, а именно художников, писателей, музыкантов. Духовная составляющая играет одну из ключевых ролей в структуре компонентов человеческого развития и корректирует вектор экономического роста в правильном направлении.

Семейные отношения являются основой человеческого бытия. На уровень человеческого развития подрастающего поколения влияют взаимоотношения в семье. Демография является главной целью развития любого государства. Улучшению демографической ситуации способствует развитие института семьи в современном обществе, а это, в свою очередь является следствием развития человеческого потенциала страны. В основу человеческого развития должен входить компонент, который учитывает благосостояние семейного института в стране и регионе.

Для оценки уровня составляющей человеческого развития, оценивающей благосостояние института семьи, правильно было бы оценить уровень разводов по отношению к уровню заключенных браков в рассматриваемом обществе.

Труд занимает большую часть жизни человека. Трудовая деятельность обеспечивает материальное и духовное благосостояние индивидуума. Доходы людей от трудовой деятельности формируют ВНД государства, таким образом, основная составляющая ИЧР – показатель уровня жизни населения – не показывает реальную ситуацию в стране. Поэтому введение индикатора занятости в модернизированный ИЧР покажет не только доходность занятого населения в стране, но и возможный потенциал дохода при его полной занятости. Индикатор занятости населения будет рассчитываться как отношение занятого населения ко всему трудоспособному населению.

Согласно модели А. Маслоу, после удовлетворения базовых человеческих потребностей индивидуум должен удовлетворить психологические потребности, а именно – потребности в уважении и признании, а также познавательные потребности. В ИЧР, разработанном ПРООН, присутствует составляющая образования, но отсутствует индикатор, который бы оценил потребности индивидуума в уважении и признании. После достижения «пика» трудовой деятельности уважение и признание является дальнейшей целью в развитии личности. Стремление человека получить больше уважения и признания от общества преумножает его материальный и духовный капитал, который в свою очередь влияет на человеческое развитие в целом, стимулируя поступательное движение в экономике. Индикатор «уровня уважения и признания» можно оценить как долю населения, занимающего административные и управленческие должности, должности специалистов и технических сотрудников и парламентские должности, и долю населения с ученой степенью. Таким образом, для оценки «уровня уважения и признания» была определена доля населения, так называемая научно-управленческая интеллигенция, генерирующая человеческий капитал.

Основываясь на иерархической модели потребностей А. Маслоу, выделим наиболее значимые потребности в рамках существующей прямой взаимосвязи с компонентами человеческого развития для расчета модернизированного индекса человеческого развития (рис. 1):

Рис. 1. Иерархическая модель индикаторов в модернизированном ИЧР

Разработаем методику расчета модернизированного ИЧР. За основу расчета модернизированного ИЧР примем методику ПРООН, введенную до 2010 г., так как аддитивный подход является самым точным и объективным по сравнению с синергетическим подходом.

Модернизированный индекс человеческого развития будет рассчитываться по формуле (3):

$$MHDI = \frac{I_{health+income} + I_{sociable} + I_{recognition} + I_{education} + I_{bohemia}}{5}, \quad (3)$$

Рассмотрим подробнее все индикаторы модернизированного ИЧР.

1) Индикатор физических потребностей и потребностей в безопасности рассчитывается по формуле (4):

$$I_{health+income} = \frac{I_{health} + I_{income}}{2} = \frac{\frac{X_{health} - \min_{health}}{\max_{health} - \min_{health}} + \frac{\ln X_{income} - \ln \min_{income}}{\ln \max_{income} - \ln \min_{income}}}{2}, \quad (4)$$

где I_{health} – индикатор долголетия населения рассматриваемого государства; I_{income} – индикатор достойного уровня жизни населения рассматриваемого общества; X_{health} – фактическое значение показателя, описывающего продолжительность жизни населения рассматриваемого государства; X_{income} – фактическое значение показателя, описывающего уровень жизни населения рассматриваемого общества; $\max_{health}$ и $\min_{health}$ – максимальное и минимальное значения продолжительности жизни населения рассматриваемого общества, численно равные 85 и 20 годам соответственно; $\max_{income}$ и $\min_{income}$ – максимальное и минимальное значения уровня жизни населения рассматриваемого общества, равные 75000 и 100 долларов США соответственно.

2) Индикатор потребностей в семейных отношениях и трудовой деятельности рассчитывается по формуле (5):

$$I_{sociable} = \frac{\left(1 - \frac{X_{family} - \min_{family}}{\max_{family} - \min_{family}}\right) + \frac{X_{job} - \min_{job}}{\max_{job} - \min_{job}}}{2}, \quad (5)$$

где X_{family} – фактическое значение показателя, описывающего уровень разводов по отношению к уровню заключенных браков в рассматриваемом обществе; X_{job} – фактическое значение показателя, описывающего уровень безработицы населения рассматриваемого общества; $\max_{family}$ и $\min_{family}$ – максимальное и минимальное значения отношения уровня разводов к уровню заключенных браков в рассматриваемом обществе, численно равные 1 и 0,1 соответственно; $\max_{job}$ и $\min_{job}$ – максимальное и минимальное значения уровня безработицы населения рассматриваемого общества, равные 1 и 0,01 соответственно.

3) Индикатор потребностей в признании и уважении рассчитывается по формуле (6):

$$I_{recognition} = \frac{d_{adm./manager} + d_{specialist/techn.} + d_{parliament} + d_{academic}}{d_{population}}, \quad (6)$$

где $d_{adm./manager}$ – население рассматриваемого общества, занимающее административные и управленческие должности; $d_{specialist/techn.}$ – население рассматриваемого общества, являющееся специалистами и техническими сотрудниками; $d_{parliament}$ – население рассматриваемого общества, занимающее парламентские должности; $d_{academic}$ – население рассматриваемого общества, имеющее ученые степени; $d_{population}$ – общее население рассматриваемого общества.

4) Индикатор познавательных потребностей рассчитывается по формуле (7):

$$I_{education} = \frac{\frac{X_{ex.years} - \min_{ex.years}}{\max_{ex.years} - \min_{ex.years}} + \frac{X_{mean.years} - \min_{mean.years}}{\max_{mean.years} - \min_{mean.years}}}{2}, \quad (7)$$

где $X_{ex.years}$ – фактическое значение показателя, описывающего ожидаемую продолжительность обучения населения в рассматриваемом обществе; $X_{meanyears}$ – фактическое значение показателя, описывающего среднюю продолжительность обучения населения рассматриваемого общества; $\max_{ex.years}$ и $\min_{ex.years}$ – максимальное и минимальное значения ожидаемой продолжительности

обучения населения в рассматриваемом обществе, численно равные 18 и 0 лет соответственно; $\max_{meanyears}$ и $\min_{meanyears}$ – максимальное и минимальное значения средней продолжительности обучения населения рассматриваемого общества, равные 15 и 0 лет соответственно.

5) Индикатор эстетических потребностей рассчитывается по формуле (8):

$$I_{bohemia} = \frac{Y_{bohemia}}{Y_{population}}, \quad (8)$$

где $Y_{bohemia}$ – фактическое значение показателя, описывающего удельный вес «богеми» в общей численности населения рассматриваемого общества, т.е. равный отношению численности работников искусства к общей численности населения страны; $Y_{population}$ – фактическое значение показателя, описывающего удельный вес численности населения страны в общей численности населения в мире.

Таким образом, предложенная методика расчета модернизированного индекса человеческого развития включает в себя пять индикаторов человеческого развития, которые определяют вектор экономического развития страны. Последний будет основан на отстающих или минимальных значениях индикаторов человеческого развития. При этом следует отметить, что индикаторы, соответствующие базовым потребностям человека, являются основными и при их адекватном значении провоцируют дальнейший рост индикаторов, соответствующих психологическим потребностям человека. Изначально основной упор делается на индикаторы базовых потребностей, и лишь потом учитываются индикаторы психологических потребностей населения.

Литература

1. Бабаджанов Р.М. Человеческое развитие: учебное пособие для вузов // Р.М. Бабаджанов и др. Душанбе: ООО «Фарзин 2012», 2012. 200 с.
2. Газибеков С.А., Абдусаттарова Р.Ш. Человеческое развитие как основа современной организации // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2018. № 2. С. 17–23.
3. Доклад о человеческом развитии 2015 г. // Официальный сайт Программы развития ООН [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report.pdf
4. Космин А.Д. Краткий обзор подходов к измерению человеческого развития // Космин А.Д., Кузнецова О.П., Космина Е.А. // Российское предпринимательство. 2017. № 10. С. 1615–1636.
5. Маслоу Абрахам. Мотивация и личность // пер. с англ. Т. Гутман, Н. Мухина. 3-е изд. СПб, 2013. 351 с.
6. Техническое примечание // Официальный сайт Программы развития ООН [Электронный ресурс]. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019_technical_notes.pdf
7. Anand S. and Sen A. The Income Component of the Human Development Index // Journal of Human Development and Capabilities. 2000. № 1. Pp. 83–106.
8. Kahneman D. and Deaton A. High Income Improves Evaluation of Life But Not Emotional Well-being // Proceedings of National Academy of Sciences. 2014. № 107 (38). Pp. 16489–16493.
9. Maddison A. Historical Statistics of the World Economy // Organization for Economic Cooperation and Development. 1–2030. AD. Paris, 2010.
10. Oeppen J. and Vaupel J.W. 2002. «Broken Limits to Life Expectancy» Science 296. Pp. 1029–1031.
11. Riley J.C. 2005. Poverty and Life Expectancy. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
12. United Nations Development Programme (UNDP). 1990. Human Development Report 1990. New York: Oxford University Press.

Экономические функции семьи: индикаторы реализации

Economic Functions of the Family: Indicators of Implementation

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.4)

Г. РОССИНСКАЯ, Н. СИНГИЗОВА

Россинская Галина Михайловна, д-р экон. наук, заведующий кафедрой общей экономической теории Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: g-ross@mail.ru

Сингизова Наркас Байрасовна, старший преподаватель кафедры общей экономической теории ИНЭФБ БашГУ. E-mail: narkesochka@mail.ru

В статье показана необходимость разработки индикаторов выполнения функций семьи. Авторами предложены индикаторы реализации потребительской функции домохозяйства.

Ключевые слова: функции семьи, «внутренние» и «внешние» функции, потребительская функция, индикаторы реализации функций семьи.

The article shows the need to develop indicators of family functions. The authors propose indicators for the implementation of the consumer function of the household.

Key words: family functions, "internal" and "external" functions, consumer function, indicators of family functions implementation.

Как известно, домохозяйства играют в любой экономической системе важнейшую роль, выступая важнейшими субъектами взаимодействия на двух видах рынков: рынке ресурсов и рынке товаров и услуг. Обеспечивая экономику ресурсами, в первую очередь, таким ресурсом, как труд, и получая соответствующие доходы, они формируют благодаря этому платежеспособный спрос, который реализуется на рынке товаров и услуг. Это и есть «пусковой механизм» функционирования экономической системы. Соответственно, экономическая роль домохозяйств по отношению к экономической системе в целом двояка: с одной стороны, это обеспечение ресурсами, с другой стороны – формирование платежеспособного спроса, инициирующего предложение.

Видимо, можно назвать эти фундаментальные функции «внешними» функциями домохозяйств по отношению к экономической системе в целом, обеспечивающими ее функционирование и ориентированными на социум.

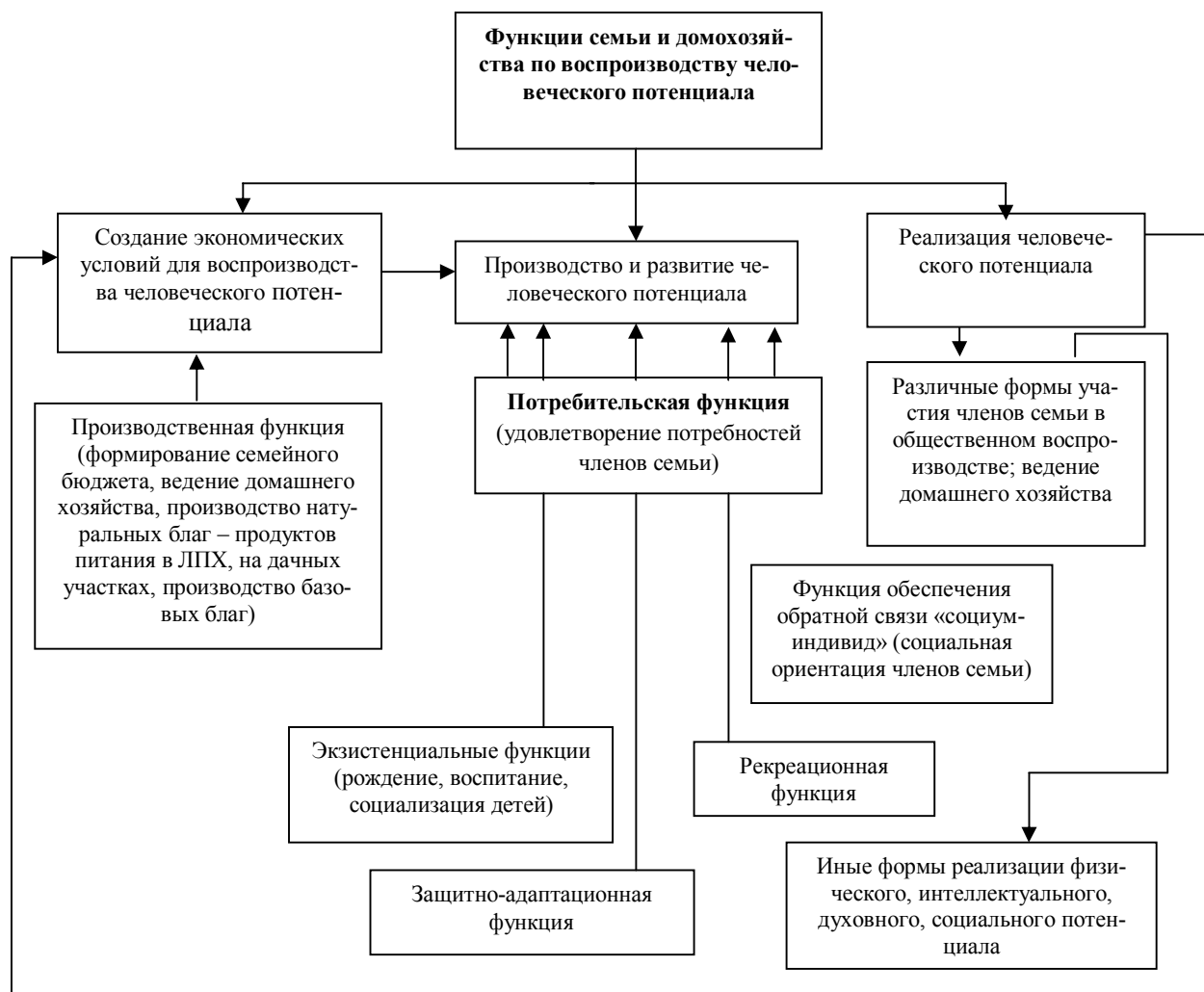
Если же мы рассмотрим проблему на микроуровне, то сможем выделить «внутренние» экономические функции домохозяйства, обеспечивающие реализацию его основной, результирующей функции по воспроизводству человеческого потенциала семьи и ориентированные на внутрисемейные нужды.

Организация деятельности по воспроизводству человеческого потенциала семьи, по обеспечению экономических условий его производства, сохранения, развития осуществляется на уровне домохозяйства. Именно на основе реализации этих «внутренних» функций обеспечиваются «внешние», они теснейшим образом взаимосвязаны. Поэтому необходимо остановиться на «внутренних» экономических функциях домохозяйства, которые нами ранее уже рассматривались [1, 2]. Их связь с потребительской функцией и с основной, результирующей функцией домохозяйства – функцией, связанной с воспроизводством человеческого потенциала семьи – отражена на рисунке.

Рисунок наглядно демонстрирует, что каждая из функций семьи (функция по рождению, воспитанию и социализации детей, производственная, потребительская, рекреационная, защитно-адаптационная и т.д.) в конечном итоге связана с процессом воспроизводства ее человеческого потенциала.

Формирование материальной базы семьи происходит за счет создания семейного бюджета и ведения домашнего хозяйства, что выступает первоначальной стадией создания человеческого потенциала. При этом человеческий потенциал семьи, развиваясь, параллельно адаптируется к особенностям социально-экономической системы. Включение членов семьи в общественную систему (социализация) происходит через получение (посредством помощи семьи и государства) образования, воспитания, услуг в области здравоохранения и т.д.

Очевидна взаимосвязь, взаимообусловленность всех функций семьи, которая может проявляться в большей или меньшей степени. Так, реализация экзистенциальных функций во многом опирается на результаты выполнения производственной функции, потребительская функция прямо зависит как от уровня выполнения репродуктивной функции (уровень потребления семьи тесно связан с числом детей), так и от производственной функции и т.д.

Процесс формирования человеческого потенциала

Двухаспектную направленность практически каждой из функций семьи можно проследить, например, на содержании производственной функции, которая, с одной стороны, обеспечивает получение семейного дохода как материальной основы существования и развития. С другой стороны, на макроуровне совокупность семей (домашние хозяйства) выступает на ресурсном и товарном рынках со стороны предложения (рабочая сила, предпринимательские способности, продукция, произведенная в домохозяйстве и поступающая на рынок и др.). Показательна в этом отношении и потребительская функция семьи, через которую, с одной стороны, происходит обеспечение воспроизводства человеческого потенциала членов семьи, с другой – осуществляется реализация цели общественного производства. На макроуровне совокупность

семей (домохозяйств) выступает на рынке товаров и услуг, главным образом, со стороны спроса и в определенной степени – со стороны предложения (товары, произведенные на дачных участках, продукция ЛПХ и т.д.).

Таким образом, от степени и качества реализации функций семьи, направленных, казалось бы, исключительно на внутрисемейные нужды, в конечном счете зависит и реализация «внешних» функций семьи, определяющих социально-экономическое состояние общества в целом.

Возможно ли количественно оценить, насколько полноценно реализуется та или иная «внутренняя» функция? Попробуем выделить некоторые из таких индикаторов.

Так, например, степень реализации потребительской функции семьи можно оценить по уровню и динамике потребительских расходов. Это представляется особенно важным, поскольку посредством реализации именно этой функции происходит реализация всех остальных функций.

Представляется, что можно подобрать количественные индикаторы для прямой или косвенной оценки степени и качества реализации тех или иных функций семьи. При этом, видимо, можно выделить «факторные» индикаторы, характеризующие обеспеченность реализации той или иной функции (например, уровень бедности семей с детьми как «факторный» индикатор реализации репродуктивной функции семьи) и «результатирующие» индикаторы (например, рождаемость как «результатирующий» индикатор той же функции).

Отметим, что потребительская функция семьи выполняет в системе функций особую роль – именно через нее во многом обеспечивается, в конечном счете, реализация остальных функций семьи, о чем мы уже неоднократно писали [1,2]. Поэтому попытаемся проиллюстрировать сказанное, выбрав в качестве «факторных» индикаторов реализации данной функции семьи показатели реальных доходов и индекса инфляции, а в качестве «результатирующих» индикаторов – показатели потребительских расходов семьи и доли расходов на питание и ЖКУ в структуре потребительских расходов населения (см. таблицу).

Индикаторы реализации потребительской функции семьи*

	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Динамика потребительских расходов домохозяйств, % к 2014 г.	100,0	100,6	110,0	114,6	119,5	131,0
Индекс потребительских цен на товары и услуги, % к 2014 г.	100,0	112,9	119,0	122,0	127,2	131,0
Реальные располагаемые денежные доходы населения РФ, % к 2013 г.	98,8	96,4	92,1	91,6	91,7	92,6
Доля расходов на продукты питания и ЖКУ в потребительских расходах домохозяйств	37,3	41,2	41,8	40,4	38,9	38,9

* Рассчитано по [3].

Как видно из таблицы, динамика избранных показателей свидетельствует о постепенном «угнетении» потребительской функции семьи, чему способствует как понижающаяся динамика реальных доходов населения, так и подтверждающий ее достаточно высокий уровень доли расходов на самое необходимое – продукты питания и услуги ЖКУ. Динамика «результатирующего» индикатора – потребительских расходов населения (в сопоставлении с индексом инфляции) лишь подтверждает данную тенденцию. Еще более красноречивой выглядит эта тенденция, безусловно, усугубившаяся в связи с «ковидным» кризисом 2020 года, в разрезе доходных групп, а также в отношении семей с детьми.

Таким образом, в связи с актуальностью проблемы представляется перспективной дальнейшая разработка инструментария количественной оценки степени и качества реализации функций семьи, поскольку это может быть полезным для адекватного мониторинга состояния

этих функций и выявления наиболее болезненных «узких мест», требующих государственного участия в решении этих проблем.

Литература

1. Россинская Г.М. Экономическое поведение потребителя: закономерности и особенности в условиях переходной экономики // Г.М. Россинская; Акад. наук Респ. Башкортостан, Отделение социальных и гуманитарных наук. Уфа, 2007. 211 с.
2. Россинская Г.М. Особенности потребительского поведения домохозяйства в условиях трансформации российского общества: дисс. ... д-ра экон. наук: 08.00.01 // Россинская Галина Михайловна; Институт экономики РАН. Москва, 2009. 305 с.
3. Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru>

Экономические эффекты налогового маневра

Economic Effects of Tax Maneuver

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.5)

В. МИХАЙЛОВ

Михайлов Вячеслав Сергеевич, младший научный сотрудник Центра стратегических и междисциплинарных исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. E-mail: Mikhailov.Vyacheslav555@yandex.ru

В статье анализируются экономические эффекты налогового маневра в нефтяной отрасли, инициированного российским правительством в 2018 году. Суть налогового маневра состоит в увеличении НДПИ и снижении экспортных пошлин. Показано, что данный метод бюджетно-налогового регулирования приводит к разнонаправленным экономическим эффектам: стабилизации налоговых поступлений в бюджет, удорожанию горючего, увеличению расходов домохозяйств, торможению научно-технического прогресса, снижению конкурентоспособности российской экономики.

Ключевые слова: налоговый маневр, налоговое регулирование, экономический рост, стабилизация бюджетных поступлений.

The article analyzes the economic effects of the tax maneuver in the oil industry, initiated by the Russian government in 2018. The essence of the tax maneuver is to increase the revenues from the mineral extraction tax and reduce the export duties. It is shown that this method of fiscal regulation leads to multidirectional economic effects: stabilization of tax revenues to the budget, higher fuel prices, higher household expenditures, slowing down scientific and technological progress, reducing the competitiveness of the Russian economy.

Key words: tax maneuver, tax regulation, economic growth, stabilization of budget revenues.

В России в 2018 году был предпринят налоговый маневр. Многие эксперты [12; 13; 14] сходятся в том, что основной целью этой налоговой реформы была стабилизация налоговых поступлений в бюджет. Отметим, что в некоторых других странах налоговые реформы проводились с целью обеспечения экономического роста.

Примером такой реформы является создание системы межбюджетных отношений, называемой «одноканальной системой», или «заключением фискальных контрактов». Подобная система была создана в Китае, в 1980–84 годах. Такие «фискальные контракты» являлись договорами о пополнении бюджетов между Центром и провинциями. Эти договоры не менялись в течение нескольких лет, неизменными оставались база и ставка каждого налога, перечень налогов,

* Исследование проведено в рамках выполнения НИР по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ.

что стимулировало регионы к увеличению налоговой базы, так как иным способом добиться увеличения налоговых поступлений было невозможно [11]. Таким образом, создавались предпосылки для экономического развития регионов, которые получали стимулы для увеличения налоговой базы [2; 9; 10].

Другим примером налоговой реформы, направленной на создание условий для экономического роста, является внедрение модели конкурентного федерализма в США. Эта реформа была предложена Ричардом Никсоном, но проведена после 1981 года, во времена, когда президентом стал Рональд Рейган. Данная модель предполагает конкуренцию региональных юрисдикций за население и налоговых резидентов путем выстраивания особого фискально-административного режима, основанного на экономической и административной автономии. Конкурентный федерализм создает локальные рынки общественных услуг, обеспечивает высокую эффективность их предоставления и эффективное движение факторов производства между экономическими зонами [21; 23].

В 2018 году в РФ был предпринят налоговый маневр, предполагающий повышение налога на добычу полезных ископаемых с постепенным снижением экспортной пошлины на нефть [17] до нуля к 2024 году. Основной целью является стабилизация налоговых поступлений в бюджет [8, 10]. Многие эксперты [12; 13; 14] сходятся во мнении, что реформа обладает значительным трансформационным потенциалом и, вне всякого сомнения, будет иметь фундаментальное значение для российской экономики.

После распада Советского Союза в России была сформирована новая налоговая система, особенность которой состояла в зависимости от экспортных пошлин на энергоносители [12]. В 2018-2019 годах российская экономика столкнулась с падением мировых цен на нефть, которое привело к снижению доходов нефтедобывающих компаний, и, соответственно, к уменьшению налоговых поступлений. Снижение цен на энергоносители спровоцировало социально-экономический кризис, глубина и продолжительность которого будет зависеть от множества факторов. Одним из ключевых факторов является степень зависимости налоговой системы страны от экспортных пошлин на энергоносители [3; 9].

Так, А.В. Ерохиным выявлены возможные последствия осуществления налогового маневра для российской нефтяной отрасли, в числе которых повышение цен на нефтепродукты и рост эффективности нефтепереработки [6, 72].

И.А. Хомутов проанализировал налоговый маневр как инструмент воздействия на нефтеперерабатывающие предприятия. По его мнению, основной целью маневра является достижение более высоких темпов социально-экономического развития за счет стимулирования роста цен на нефтепродукты, как фактора, снижающего энергоемкость российской экономики [16].

Большое значение для достижения цели настоящего исследования имеют работы Н.В. Крушельницкого [14, 46], А.С. Абдулкадырова [1, 1091], А.С. Каукина [13, 50], Е.Н. Горбунова [5, 36] и Е.В. Голубцова [4, 13], в которых авторы анализируют перспективы налогового маневра для нефтяной отрасли.

Россия не впервые обращается к практике обнуления экспортных пошлин на нефтепродукты. Подобная мера уже применялась руководством страны в 1995–1996 гг., когда налоговый маневр был обязательным элементом комплекса реформ, являвшегося частью сделки по получению кредита от Международного валютного фонда. В 1999 году после кризиса Россия вернулась к экспортным пошлинам на нефть [20]. Отметим, что первый маневр привел лишь к усилению сырьевой зависимости консолидированного бюджета. Так, доля поступлений налога на добычу полезных ископаемых выросла с 11,79 % в 2012 году до 13,76 % в 2015 [15] (рис. 1).

Анализ эмпирических данных показывает, что выпадающие доходы по экспорту компенсируются поступлениями по налогу на добавленную стоимость. Отметим, что НДС играет важнейшую роль в формировании доходной части консолидированного бюджета. Поступления по НДС могут увеличиваться и в будущем, так как увеличение глубины нефтепереработки может привести к росту производства нефтепродуктов – товара с большей, чем у сырой нефти, долей добавленной стоимости.

Рис. 1. Динамика поступлений налогов на добавленную стоимость и добычу полезных ископаемых в 2012–2015 годах

Низкая эффективность нефтепереработки является одной из важнейших проблем российской энергетической отрасли. Так, например, в 2014 году глубина нефтепереработки в России была ниже, чем во многих других, далеко не самых технологически развитых регионах [20] (рис. 2.).

Рис. 2. Глубина переработки нефти по регионам в 2014 году

Увеличение глубины переработки нефти позволит России получать дополнительные средства от экспорта нефтепродуктов, а значит – дополнительные возможности для реализации программ развития. Определённый успех на этом направлении уже достигнут – глубина переработки нефти в РФ в 2018 году составила 82,1 %, в 2019 – 82,7 % [7; 19].

Есть основания полагать, что рост глубины переработки нефти является результатом налогового маневра. Повышение НДС сделало продажу сырой нефти менее рентабельной, подтолкнув нефтеперерабатывающие компании к производству нефтепродуктов. Переориентация с продажи сырой нефти на производство нефтепродуктов в актуальных условиях является особенно выгодной, учитывая снижение мировых цен на энергоносители.

Постепенное обнуление экспортной пошлины на нефть и нефтепродукты к 2024 году также может привести к росту экспорта этих товаров. Тенденция роста их производства отражается в увеличении доли поступлений по налогу на добавленную стоимость. Но, в то же время,

востребованность бензина и дизельного топлива из-за роста популярности электромобилей в мире может существенно снизиться [22].

Превышение предложения над спросом создает условия не только для снижения цен, но и для усиления конкуренции на рынке бензина и дизельного топлива. В связи с обозначенной тенденцией России необходимо приложить значительные усилия для развития нефтепереработки. Обнуление экспортной пошлины на нефть и нефтепродукты, может привести к повышению цен на бензин на внутреннем рынке до мирового уровня. В последние годы в России цена одного литра бензина повышается (исключением можно считать снижение цены в 2015 году) [12; 13] (рис. 3.).

Рис. 3. Рост цены за 1 литр бензина в России

Основная цель налогового маневра – стабилизация налоговых поступлений в бюджет – достигается прежде всего, в силу увеличения налоговых доходов от НДС, и во вторую очередь – благодаря поддержанию экспорта сырой нефти за счет снижения экспортных пошлин (это снижение ведет, конечно, к выпадающим доходам бюджета, но при этом стабилизация экспорта нефти упорядочивает поступление всех остальных налогов, генерируемых нефтедобывающей отраслью). При этом налоговый маневр не является фактором ускорения экономического роста: удорожание горючего через транспортные расходы ведет к росту цен на услуги и на некоторые виды работ, что, в свою очередь, вызывает увеличение расходов домохозяйств и негативно сказывается на конкурентоспособности российской экономики в целом. Повышение внутренних цен на нефтепродукты ведет к замедлению развития предпринимательства из-за роста расходов во всей цепочке производства, а увеличение издержек на материальные запасы бизнеса оказывает понижающее давление на расходы предпринимателей на оплату труда работников.

Снижение экспортной пошлины на нефть и повышение налога на добычу полезных ископаемых ведет к переносу части налоговой нагрузки с нефтедобывающих компаний на нефтеперерабатывающие, что снижает рентабельность последних, замедляя их развитие и уменьшая инвестиционную привлекательность. В то же время, это мотивирует нефтеперерабатывающие предприятия внедрять новые технологии, повышать эффективность нефтепереработки и добиваться роста рентабельности производства. Однако этот эффект может наблюдаться только в условиях разделения и конкуренции между собой нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей отраслей. В России же эти отрасли представлены преимущественно в вертикально интегрированными компаниями, что ведет к обратному эффекту, т.е. действует угнетающе на развитие глубины переработки нефти, и в целом на научно-технический прогресс в российской экономике.

Литература

1. Абдулкадыров А.С. Перспективы развития налогового маневра в нефтегазовой отрасли // Экономика и предпринимательство. 2018. № 3.
2. Бахитова Р.Х. Модель одноканальной бюджетной системы в Китайской Народной Республике // Проблемы востоковедения. 2013. № 4.
3. Белов В.С. Экономика России. Нефть как важная составляющая всех стран. 2015.
4. Голубцова Е.В. Налоговый маневр и цены на энергоносители // Независимая газета. 2019. № 29. С. 13.
5. Горбунова Е.Н. Налоговая политика в нефтяной отрасли России: от налоговых маневров к реформе налогообложения отрасли // Предложения. Концепции. Перспективы. 2016. № 1.
6. Ерохин А.В. Влияние «налогового маневра» на конкурентоспособность нефтеперерабатывающей отрасли // Научно-практический журнал «ModernScience». 2020. № 6-3.
7. Журнал «ПроНПЗ». Глубина нефтепереработки в России [Электронный ресурс]. URL: <https://pronpz.ru/neftererabatyvayushchie-zavody/glubina-pererabotki.html#i-2>
8. Землякова А.В. Схема «налогового маневра» и его практическая реализация // Научный вестник ЮИМ. 2017. № 1.
9. Зулкарнай И.У. Бюджетные стимулы социально-экономического развития регионов // Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2013. № 4 (6). С. 80–85.
10. Зулкарнай И.У. Одноканальная бюджетная система в экономических реформах Китая 1979–1993 гг.: уроки для России // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 6. С. 101–106.
11. Зулкарнай И.У. Стимулы экономического развития, создаваемые бюджетной системой Китая для всех уровней государственного и местного управления // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2016. № 4 (18). С. 16–21.
12. Кабышев В.Т. Конституционный диалог // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5. С. 12–21.
13. Каукин А. Налоговый маневр в нефтяной отрасли: благоприятный момент для завершения // Экономическое развитие России. 2018. № 7.
14. Крушельницкий Н.В. Большой налоговый маневр и его влияние на нефтяную отрасль России // Знание. 2016. № 5-2 (34).
15. Министерство финансов Российской Федерации. Структура доходов консолидированного бюджета [Электронный ресурс]. URL: http://info.minfin.ru/kons_doh.php
16. Научный журнал «Фундаментальные исследования». Серия публикаций «Нефтяной рынок России: в поисках оптимальных условий функционирования» [Электронный ресурс]. URL: http://www.petrmarket.ru/public/Publication_2016-08-04.pdf
17. Национальная Ассоциация нефтегазового сервиса. Мировой рынок нефти и нефтепродуктов до 2024 года [Электронный ресурс]. URL: <https://nangs.org/news/world/mirovoj-rynok-nefti-i-nefteproduktov-do-2024-goda>
18. Росстат. Цены на бензин по данным Росстат [Электронный ресурс]. URL: <https://rosinfostat.ru/tseny-na-benzin/>
19. Сделано у нас. Топливо-энергетический комплекс России в 2019 году: итоги производства [Электронный ресурс]. URL: <https://sdelanounas.ru/blogs/129952/>
20. СОНАР-2050. Тайна налогового манёвра [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sonar2050.org/publications/nalogovyy-manevr-v-neftyanke/>
21. Туровский Р. Ф. Политическая регионалистика: концепции федерализма [Электронный ресурс]. URL: <http://freebooks.site/uchebnik-teoriya-politiki/kontseptsii-federalizma.html>
22. Черкасов М.Ю., Овчинников Н.К., Комов В.Э. Анализ перспектив производства отечественных автомобилей с электродвигателями в отрасли машиностроения Российской Федерации // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. 2020. № 1.
23. Weingast B.R. The Economic Role of Political Institutions: Market-Preserving Federalism and Economic Development, Law, Economic and Organization, 1995. Vol. 11. No.1. Pp. 3–31.

Стратегия модернизации системы современного управленческого образования

Strategy for Modernizing the Present-day Management Training System
(DOI: 10.34773/EU.2020.6.6)

И. РЫСАЕВ

Рысаев Ильшат Шавалиевич, канд. филос. наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: rish.rum@inbox.ru

В статье рассматриваются актуальные проблемы и основные направления модернизации современного управленческого образования в России и за рубежом. Выявлены основные предпосылки совершенствования системы управленческого образования. В рамках анализа особенностей смены классической управленческой парадигмы неоклассической анализируются содержание, формы и методы современного управленческого образования.

Ключевые слова: управленческое образование, управленческая парадигма, особенности современного управленческого образования.

The article considers current problems and main areas of modernization of present-day management training in Russia and abroad. The basic premises of improvement of the system of management training are identified. Within the analysis of the features of management paradigm shift from classic to neoclassic, the content, forms, and methods of present-day management training are being analyzed.

Key words: management training, management paradigm, features of present-day management training.

В последние годы во всем мире идет анализ и переосмысление эффективности управленческой подготовки современных руководителей. При этом подвергаются критике традиционные модели обучения, основанные на классической парадигме управления и реализуемые в основном в отрыве от практики и производства. Долгое время так называемая «рецептурная модель» подготовки управленцев оставалась преобладающей формой обучения менеджеров во всех передовых странах Западной Европы и в США. Она была ориентирована на овладение определенными принципами и постулатами менеджмента, а также на формирование умений и навыков, компетенций для решения управленческих задач в рамках относительно стабильной внутренней и внешней среды организации. Эта модель достаточно эффективно себя зарекомендовала с момента формирования менеджмента в его традиционном понимании на рубеже XIX – XX веков вплоть до середины 80-х годов XX века. Однако, начиная с 80-х годов XX в. появились сомнения в её эффективности: сначала у практиков, а затем и у исследователей-специалистов в области управления. С чем же были связаны причины этой переоценки и переосмысления?

Прежде всего, изменился формат современного мира. Мир стал глобальным, неопределенным, динамичным и турбулентным. Глобализация международных отношений происходила намного быстрее, чем её осмысление и теоретическое обобщение; при этом усиление экономической глобализации приводило, как ни странно, к увеличению политической разобщенности и к росту неуправляемости общецивилизационных процессов. Возникли дискуссии о том, какая модель управления – либерально-демократическая или авторитарная, более эффективна в масштабах каждой страны. Традиционная классическая веберовская парадигма управления была эффективна в рамках автономных национально-государственных образований и ориентирована была в большей мере на авторитаризм, иерархию, бюрократию и централизованное принятие управленческих решений в функциональных организационно-управленческих структурах. Любые изменения в социальных системах в рамках этой парадигмы рассматривались в большей мере как вынужденное явление, а сохранение стабильности – как стратегическая задача

управления. Однако с увеличением динамичности изменений и ростом глобальной конкуренции стали очевидными недостатки и ограничения не только традиционной модели менеджмента и соответствующей ей управленческих технологий, но и системы подготовки управленцев. Таким образом, кардинальные изменения социально-экономической среды бизнеса, организаций и, соответственно, менталитета людей способствовали переосмыслению не только парадигмы управления, но и традиционных социально-экономических закономерностей, экономической теории в целом.

Одними из первых об этом заговорили такие известные исследователи в области менеджмента как П. Друкер, Р. Салмон, Д. Оуэн, К. Клок, Дж. Голдсмит, Т. Питерс, Г. Минцберг, С. Крейнер, П. Сенге и др. Гарвардская бизнес-школа Кеннеди разработала десять современных программ обучения, основанных на концепции новой неоклассической управленческой парадигмы, ориентированной на организационно-управленческую демократию, децентрализацию принятия решений, развитие горизонтальных организационных структур, team-менеджмента, проектного подхода и т.д. В этих условиях по-новому встал вопрос о том, кто такой современный менеджер, и в чем его главные управленческие функции. Если традиционный менеджер был специалистом в сфере профиля деятельности организации, а затем – в области управления и выполнения таких базовых функций менеджмента как планирование, организация, мотивация и контроль, то в новых условиях этих качеств оказалось недостаточно. С точки зрения овладения знаниями, большинство обучающих менеджмент-центров начали составлять свои учебные программы, интегрируя в них определенные знания из области юриспруденции, финансов, экономики, психологии, маркетинга, информационных технологий и др. Методы и формы обучения были переориентированы в основном на активные виды – тренинги, кейсы, деловые игры и т.п. Эти учебные центры понимали, что в современных условиях овладение только знаниями, пусть даже самыми современными, не может гарантировать конкурентоспособности и эффективности подготовки руководителей. Большинство из них начали переориентировать свое обучение на формирование умений и навыков руководителя в рамках так называемого компетентностного подхода. При этом, конечно же, необходимо было отказаться от некоторых устоявшихся стереотипов в менеджменте, в частности от таких, как:

1. Менеджмент – это управление только в сфере бизнеса;
2. Менеджмент – это управление только в организациях;
3. Существуют единственно правильные способы управления, принятия управленческих решений, управления персоналом и т.п.;
4. Внутренняя среда организации приоритетнее в менеджменте, чем внешняя среда;
5. Достижение стабильности важнее изменений;
6. Менеджер – это лидер, который должен проявлять свою компетентность лучше, чем остальные сотрудники организации и др.

Таким образом, изменилась эпоха, что привело к смене парадигмы управления и пересмотру стратегии управленческой подготовки руководителей. Закончилось время моноинструментов обучения, появилась потребность в развитии интегральных управленческих технологий в условиях расширения и диверсификации функций менеджмента и глобального усложнения управленческой деятельности в целом. В этих условиях необходимо было ориентироваться на развитие таких качеств руководителей как коммуникативность, открытость, демократичность, современное лидерство как организаторов процессов, стрессоустойчивость, бесконфликтность, умение работать в условиях неопределенности, делегировать полномочия, выступать в роли наставника, тренера и консультанта и др. В профессиональном плане появилась необходимость в овладении компетенциями в области маркетинга, проектного менеджмента, управления человеческими ресурсами, кросс-культурного менеджмента, стратегического управления, IT-технологий. Информация в современном мире превратилась в один из основных ресурсов управления организациями. Одновременно вырос интерес руководителей к овладению знаниями в области психологии, философии и политологии. Актуальными стали такие методы обучения как коучинги, ретриты, рефлексивные сессии, управленческие лайф-тренинги,

стресс-серфинги, стратегические сессии и проектные семинары. Рост потребности в обучении и развитии персонала, ставка на развитие интеллектуальных ресурсов организации привели к формированию и развитию так называемых самообучающихся организаций. Девизом современного менеджмента стал лозунг «не управлять людьми, а направлять их». В условиях постоянных и динамичных перемен оказалось недостаточной даже стратегия их опережения; необходимо стало переходить на стратегию инициирования перемен и проектирования будущего. В условиях глобальных изменений наиболее эффективной оказалась японская модель повышения квалификации менеджеров без отрыва от производства и на основе стратегии развития организации. Подготовка современных руководителей по длительным программам бакалавриата и магистратуры с отрывом от практики управления приводила к снижению эффективности управления и запаздыванию управленческого реагирования как основного фактора осуществления перемен в современных условиях. Менеджмент сегодня становится в полном смысле Change-менеджментом (менеджментом изменений), а основой модели подготовки современных менеджеров становится овладение технологиями проектирования стратегического управления и непрерывного саморазвития. Такая стратегия выдвигает другие требования и к развитию теории современного менеджмента. Она сегодня и на Западе недостаточно эффективно обеспечивает практику управления обоснованными и опережающими научными инструментами. «Мозаичные», «рецептурные», предметные и оторванные от практики управления формы обучения управленцев являются вчерашним днём и тормозящим фактором в условиях глобальных изменений и глобальной конкуренции XXI века. Несмотря на то, что современная система подготовки управленцев в передовых зарубежных странах базируется на принципах неоклассической управленческой парадигмы, поиски более совершенных моделей обучения менеджеров продолжаются. Особенно сильной критике в последнее время подвергается подготовка управленцев в системе МВА, которая в большей степени похожа на бизнес-школу, чем на школу управленческой подготовки. Такой подход важен и для тех стран, которые претендуют на роль ведущих. Это особенно актуально в условиях повышения роли человеческого и управленческого факторов в общепланетарном масштабе.

В современной России сегодня ощущается снижение эффективности управления во многих направлениях общественной жизнедеятельности. Особенно это проявилось в условиях коронавирусной пандемии, когда необходимо было принимать быстрые, точечные и опережающие антикризисные управленческие решения.

Диссонанс между парадигмами теории и практики управления, а также управленческим образованием приводит к снижению эффективности управления и росту энтропийных проявлений в социальных системах. «Ликбезный» период подготовки руководителей давно завершился. В то же время трансформация зарубежного опыта менеджмента в силу отсутствия достаточно развитой объективной рыночной инфраструктуры недостаточно эффективна. Система управленческой подготовки в содержательном плане во многом потеряла свои стратегические ориентиры, достаточную осмысленность и обоснованность. Для большинства образовательных программ и учебных планов характерны «мозаичность», межпредметная разобщенность, слабая связь с реальной практикой управления и ориентированность в основном на получение теоретических знаний или же наоборот, слишком большое увлечение так называемым компетентностным подходом, понимаемым только как процесс формирования умений и навыков. Управленческие компетенции и профессиональные стандарты зачастую не связаны с реальными функциями руководителей и тенденциями изменений управленческой практики, задачами ее совершенствования. Большинство преподавательского состава в системе управленческой подготовки руководителей имеет абстрактные и книжные представления о современных западных управленческих технологиях и оторваны от реальной практики управления. Учебники и учебные пособия, рекомендуемые студентам в системе высшего образования, быстро устаревают и отстают от реальной практики на несколько шагов. Высшие учебные заведения по управленческим направлениям подготовки бакалавров и магистрантов ориентированы, в основном, на американские стандарты менеджмента обучения прошлого века и дают управленческие знания

обучающимся «впрок», в отрыве от стратегии социально-экономического развития страны и организаций без учета их своеобразия и особенностей, что приводит к снижению качества управленческого корпуса и эффективности осуществления управленческой практики. На сегодняшний день в России отсутствуют глубокие и фундаментальные исследования в области теории управления, преобладают механический перенос чужого опыта и слепое копирование западных управленческих технологий и концепций. В целом в российской управленческой практике преобладают все еще признаки классической управленческой парадигмы с некоторыми элементами неоклассической, а система подготовки менеджеров больше ориентирована на овладение продвинутыми западными управленческими технологиями без учета особенностей переходного этапа, что в конечном счете оборачивается снижением качества и эффективности управленческого образования. В то же время некоторые ведущие учебные российские центры подготовки управленцев, такие как РАНХиГС, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, МГУ им. М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет, Новосибирский государственный университет и др., которые задают определенный тон в системе управленческого образования, сегодня используют передовые стандарты не только в формах и методах обучения, но и в содержательном плане. Но, к сожалению, и они не полностью свободны от недостатков государственных образовательных стандартов. Примечательно то, что в последней редакции ФГОС по направлениям подготовки «Государственное и муниципальное управление» и «Менеджмент» разработку профессиональных компетенций для дисциплин вариативной части делегировали самим вузам. Правда, отсутствие соответствующих профстандартов создает ситуацию для их вольной и субъективной трактовки. Квалификационные требования, разработанные Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации, для замещения соответствующих должностей государственной гражданской службы достаточно абстрактны и размыты с точки зрения их связей с базовыми управленческими функциями и процессами принятия управленческих решений. А работодатели в этом вопросе недостаточно активны и привлекаются вузами чисто формально. Отсутствие содержательного заказа от организации на решение практических проблем приводит к ситуации, когда обучающиеся не могут ясно и четко определить свои потребности в управленческом образовании, даже если они и имеют определенный управленческий опыт. Получение управленческих знаний в таком режиме снижает не только мотивацию обучаемых, но и их способности к овладению методами и приемами совершенствования своей управленческой практики. Таким образом, овладение управленческими знаниями, умениями и навыками в отрыве от решения практических задач превращается в интеллектуальный формализм, а целью образования становится только получение заветной корочки. Производственные практики обучаемых могли бы определенным образом сократить разрыв между теорией и практикой управления в случае их эффективной организации. Однако организации, где проходят управленческую практику обучаемые, практически не имеют интереса к формированию и развитию управленческих навыков практикантов. Многие вузы слишком консервативны в своих взглядах, упорно защищают свои структуры и образовательные программы, не готовы к кардинальным изменениям.

В этих условиях в современной России необходимо провести кардинальный анализ и полномасштабную ревизию всей системы подготовки управленцев с учетом передового зарубежного опыта и отечественной практики управления. На государственном уровне необходимо принять решение о закрытии или сокращении бакалаврских программ подготовки управленцев, особенно в очной форме обучения после школьной скамьи. В условиях роста динамичности внешней среды требуется большее внимание уделять развитию системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки управленцев на основе формирования заказа со стороны государства и других организаций. Желательно установить более жесткие требования к компетенциям профессорско-преподавательского состава в системе управленческого образования, обратив особое внимание на наличие управленческого опыта и постоянной консалтинговой практики в области управления. В этом отношении был бы полезен опыт Китая по обучению топ-менеджеров, перспективной молодежи и научно-педагогических кадров в передовых

зарубежных центрах по подготовке менеджеров за счет государственного бюджета. В содержательном плане образовательные программы необходимо переориентировать так, чтобы обучающиеся овладевали творческими и проектными компетенциями, не игнорируя при этом фундаментальную подготовку. Образно говоря, вместо «рыбы» надо вооружать будущих управленцев «удочкой». Необходимо в образовательном процессе переориентироваться с «hard skills» (формирования традиционных производственных и профессиональных навыков) к «soft skills» (развитие коммуникационных, организационных навыков, умений решать проблемы и т.п.). В образовательный процесс необходимо больше внедрять современные активные формы обучения, позволяющие пробуждать творческий потенциал управленцев, более эффективно формировать и развивать управленческие умения и навыки. В Москве и в регионах России необходимо создавать научно-исследовательские институты, творческие лаборатории по исследованию проблем управления и адаптации передовых управленческих практик.

Таким образом, не осуществив модернизацию системы подготовки управленцев в современной России и не сформировав новый корпус руководителей, мыслящих инновационно и стратегически, владеющих передовыми управленческими технологиями, сложно рассчитывать на прорыв страны во всех направлениях развития.

Литература

1. Друкер П.Ф. Эпоха разрыва: ориентиры для нашего изменяющегося общества. М.: ООО «И.Д. Вильямс», 2007. 336 с.
2. Минцберг Г. Требуются управленцы, а не выпускники МВА. Жесткий взгляд на мягкую практику управления и систему подготовки менеджеров. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2010. 544 с.
3. Питер Л. Новый взгляд на управленческое образование: задачи руководителей. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2004. 400 с.
4. Рысаев И.Ш. Компетентностный подход в подготовке современных руководителей: проблемы и перспективы // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2018. № 6. С. 76–81.
5. Салмон Р. Будущее менеджмента. СПб.: Питер, 2004. 298 с.

Модель оценки интеллектуального потенциала вуза

Model for Assessing the Intellectual Potential of a University

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.7)

С. НАЗЮТА

Назюта Сергей Викторович, первый проректор – проректор по экономической деятельности Российского университета дружбы народов. E-mail: nazyuta-sv@rudn.ru

В условиях динамично развивающейся экономики знаний особое внимание уделяется научному сектору, представленному университетской и академической наукой (вузами), а также прикладными разработками научно-производственных организаций. Проведенный анализ доходов ведущих мировых вузов позволяет сделать вывод, что большая часть доходов приходится на проводимые исследования, что обосновывает необходимость разработки модели оценки интеллектуального потенциала вузов.

Ключевые слова: научно-технологическое развитие страны, повышение экономической устойчивости, прикладные исследования.

In the context of a dynamically developing knowledge economy, special attention is paid to the scientific sector, represented by university and academic science (universities), as well as applied developments of scientific and industrial organizations. The analysis of the income of the world's leading universities allows us to conclude

that most of the income comes from ongoing research, which justifies the need to develop a model for assessing the intellectual potential of universities.

Key words: *scientific and technological development of the country, increasing economic stability, applied research.*

В современных условиях экономического развития большинства стран мира на первый план в деятельности хозяйствующих субъектов выходит научная составляющая, создающая потенциал для научно-технологического развития страны, повышения экономической устойчивости ее отраслей и отдельных предприятий, разработки и создания продукции, которая могла бы занять нишу на мировых рынках. Динамично развивающаяся экономика знаний требует качественного пересмотра приоритетов при выборе стимулов инновационного развития, способного обеспечить экономике устойчивость.

В данном случае особое внимание уделяется научному сектору, представленному университетской и академической наукой, с одной стороны, и прикладными разработками научно-производственных организаций, с другой. При этом, если говорить о ведущих зарубежных странах, особая роль в реализации научных разработок отводится вузовской науке.

Если проанализировать структуру доходов ведущих мировых вузов, можно отметить, что большая часть приходится на доходы от проводимых исследований – в среднем от 25 до 50 % (только 10–15 % – это доходы от образовательной деятельности). Для примера приведены данные по некоторым ведущим зарубежным вузам (табл. 1).

Таблица 1

Структура доходов ведущих зарубежных университетов, %

№ п/п	Наименование вуза	Доля доходов от научной деятельности	Доля доходов от образовательной деятельности	Прочие доходы (в т.ч. спонсорские)
1	University of Cambridge	57	14,5	28,5
2	Massachusetts institute of technology	47	10	43
3	University of Oxford	35	15	50
4	Stanford University	24	15	61

Составлено автором на основе официальных данных университетов.

Такие показатели достигаются за счет реализации вузами прикладных исследований и разработок в интересах реального сектора экономики. При этом исследования не просто носят прикладной характер, а решают важнейшие общемировые проблемы.

Например, американский университет города Оберн – один из немногих вузов, который получил гранты одновременно на исследование суши, морских просторов и космоса. В настоящее время этот университет и NASA выполняют уже не первое заключенное соглашение, используя ресурсы друг друга для изучения и дальнейшего продвижения беспроводных технологий. Эти технологии будут применены при тестировании новой космической ракеты-носителя NASA или SLS (Система космических запусков).

Еще один пример – британский The Newcastle University, химическая школа которого занимается разработкой передового и функционального сырья. Большая часть их работ посвящена производству экологически безопасных материалов и поиску эффективных решений в переработке продуктов. Среди многочисленных прикладных исследований и проектов, которые проводит химический департамент – наноалмазы с уникальными оптическими свойствами; системы улавливания и хранения углерода; методы повторного использования сложных полимерных материалов; новые биоматериалы для ортопедии и сенсоров и др.

Важно отметить, что изначально вузовская наука за рубежом всегда была и остается ориентированной на построение тесных взаимоотношений на коммерческой основе с крупными бизнес-структурами, что позволило зарубежным вузам на основе инвестиций этих бизнес-структур создать мощнейшие научные лаборатории мирового уровня, которые в настоящее время работают на потребности бизнеса.

Например, компания Facebook также создала при Вашингтонском университете инновационную Лабораторию виртуальной реальности, на базе которой проходит подготовка нового поколения исследователей и практиков в области искусственного интеллекта и виртуальной реальности, а также реализуются научные проекты в рамках данного направления.

Компания Apple славится обширным партнерством с учебными заведениями не только в США, но и во многих других странах. Уникальная инициатива Digital Flagship University была создана в партнерстве между Apple и Государственным университетом Огайо. Этот инновационный центр цифрового образования, который включает в себя лабораторию дизайна iOS, развивает высокотехнологичный подход к обучению, предлагает разработанные Apple программы в области ИТ и кодирования; в рамках этого подхода также развивается вузовская наука¹.

Если говорить о российской практике, то здесь сложилась несколько другая ситуация, когда большую часть своих доходов университеты получают исключительно от реализации образовательной функции (например, согласно официальной статистике, более 60 % доходов МГИМО приходится на образовательные услуги; РУДН – более 50 %; Новосибирского национального исследовательского государственного университета – 52 %), а выполняемые научные исследования, особенно если речь идет о грантах научных фондов, носят больше теоретический характер.

Однако созданная в СССР платформа для развития науки может стать и основой для накопления и развития научных направлений в вузах и академиях наук. Ранее научная сфера имела некий симбиоз трех направлений: академическая наука – вузовская наука – отраслевые научные институты. При этом создаваемые в вузах и Академии наук научные разработки трансформировались силами отраслевых институтов и адаптировались для практического применения на предприятиях. Такие отраслевые институты были практически ликвидированы, но некоторые сохранились, например, АО «Организация «Агат» (в структуре Госкорпорации «Роскосмос»). Однако механизмы трансфера научных знаний из академической и вузовской науки в прикладные направления деятельности утрачены.

В этой связи одной из важных задач государственного значения становится создание условий для разработки новых механизмов трансфера теоретических научных знаний и компетенций в практические технологические и технические решения, формирующие имидж России на мировой арене как страны с высокими темпами научно-технологического развития.

Данное направление является весьма актуальным для России, и на повестке дня стоят многие вопросы, касающиеся повышения темпов научно-технологического и инновационного развития с целью перехода от ресурсно-экспортноориентированной модели экономики к модели создания конкурентоспособной продукции с высокой добавленной стоимостью. Эти стратегические цели просматриваются во многих государственных документах, в том числе в Стратегии научно-технологического развития России, Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г., национальных проектах.

Исходя из целевых показателей, установленных в национальных проектах «Наука», «Образование», «Цифровая экономика» и некоторых других, можно заключить, что появляются новые требования к вузовской науке и организации научных исследований в университетах.

Вполне закономерным является тот факт, что российские вузы должны стремиться к коммерциализации своих разработок и привлечению отраслевых заказчиков, заключающих с вузами

¹ Stefanovich M. Зарубежные университеты, которые сотрудничают с Apple, Google и другими компаниями [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hotcourses.ru/study-abroad-info/choosing-a-university/foreign-universities-partnering-with-famous-companies/>

договоры на выполнение научно-исследовательских разработок. Вместе с тем, на первый план выходит репутация вуза и его компетентность в рамках решения задач, представляющих практический интерес для заказчика. В этом случае ведущим становится такое понятие, как интеллектуальный потенциал вуза, который необходимо создавать и постоянно накапливать, наращивать с учетом тенденций развития в области мировой науки, техники и технологий.

Под интеллектуальным потенциалом будем понимать совокупность теоретических научных знаний, практического опыта, компетенций и индивидуальных навыков сотрудников, осуществляющих научную деятельность и создающих результаты интеллектуальной деятельности (в том числе патентоспособные) в вузе.

Исходя из проведенных исследований, можно выделить следующие составляющие (обобщенные показатели оценки интеллектуального потенциала вуза):

- кадровый потенциал;
- компетентностный потенциал;
- научно-технический потенциал (характеризующий, в том числе, степень обнародования результатов исследований);
- ресурсный потенциал;
- управленческий потенциал;
- маркетинговый потенциал.

Каждая составляющая интеллектуального потенциала опирается на определенный набор знаний, которые трансформируются в компетенции организации и ее коллективов. На практике одни составляющие интеллектуального потенциала могут достигать высокого уровня, а другие – находиться на более низком уровне. Те направления, в которых научно-технологического потенциал не является достаточным, требуют формирования и развития новых компетенций.

Для оценки интеллектуального потенциала вуза предлагается система показателей, представленная в табл. 2.

Таблица 2

Система показателей оценки интеллектуального потенциала организации

№ п/п	Частный показатель	Определение значения частного показателя	
Кадровый потенциал			
1	Коэффициент персонала, занятого в НИР и ОКР	$y_1 = P_n / Ч_p$	P_n – число занятых в сфере НИР и ОКР, чел.; $Ч_p$ – средняя численность работников организации, чел.
2	Доля сотрудников с ученой степенью	$y_2 = P_{ст} / Ч_p$	$P_{ст}$ – количество сотрудников с ученой степенью кандидата или доктора наук, чел.; $Ч_p$ – средняя численность работников организации, чел.
3	Доля сотрудников, прошедших курсы повышения квалификации за год	$y_3 = P_{кв} / Ч_p$	$P_{кв}$ – количество сотрудников, прошедших курсы повышения квалификации, чел.; $Ч_p$ – средняя численность работников организации, чел.
Компетентностный потенциал			
4	Доля сотрудников, имеющих компетенции для решения задач проекта	$y_4 = P_k / Ч_p$	P_k – количество сотрудников, имеющих компетенции для решения задач проекта, чел.; $Ч_p$ – средняя численность работников организации, чел.
5	Коэффициент обеспеченности интеллектуальной собственностью	$y_5 = C_{ин} / A_{ин}$	$C_{ин}$ – средства ОИС всего; $A_{ин}$ – прочие внеоборотные активы
Научно-технический потенциал			
6	Количество патентов, полученных за год	y_6	-

7	Доля публикаций Scopus / WoS	$y_7 = Pub_{S/WoS} / Pub$	$Pub_{S/WoS}$ – публикаций Scopus / WoS, шт.; Pub – общее число публикаций организации, шт.
8	Количество используемых баз данных	y_8	-
Ресурсный потенциал			
9	Затраты на проведение НИОКР	$y_9 = N_{AKD} / N$	N_{AKD} – затраты на оплату труда персонала, занятого в НИОКР, тыс. руб.; N – затраты на оплату труда персонала организации, тыс. руб.
		$y_{10} = N_{AKD1} / Q$	N_{AKD1} – затраты на НИОКР, тыс. руб.; Q – объем реализации результатов выполненных НИОКР
10	Коэффициент имущества, предназначенного для НИР и ОКР	$y_{11} = O_{оп} / O_{пн}$	$O_{оп}$ – стоимость оборудования опытно-приборного назначения, руб.; $O_{пн}$ – стоимость оборудования.
Управленческий потенциал			
11	Доля зарегистрированных объектов интеллектуальной собственности (ОИС)	$y_{12} = OIS_{рег} / OIS_{общ}$	$OIS_{рег}$ – количество зарегистрированных в организации ОИС, шт.; $OIS_{общ}$ – общее число ОИС в организации, шт.
12	Доля ОИС, доведенных до внедрения	$y_{13} = OIS_{вн} / OIS_{общ}$	$OIS_{вн}$ – число ОИС, доведенных до внедрения в производственно-технологический процесс, шт.; $OIS_{общ}$ – общее число ОИС в организации, шт.
13	Коэффициент управления затратами на создание ОИС	$y_{14} = \frac{\sum_{i=1}^N C_i + \sum_{j=1}^K C_j}{\sum_{r=1}^R C_r - \sum_{q=1}^Q C_q}$	N – число инновационных решений, разработанных без привлечения сторонних организаций; K – число приобретенных инновационных решений; $R = N + K$; Q – число инновационных решений, не внедренных в деятельность организации, но реализованных вне ее; C_i – финансовые затраты на самостоятельное создание i-го инновационного решения; C_j – затраты на приобретение j-го инновационного решения; C_r – затраты на разработку и приобретение общего количества инновационных решений; C_q – доход от реализации q-го инновационного решения.
14	Количество инновационных решений, принятых вузом в области науки и образования	y_{15}	-
Маркетинговый потенциал			
15	Доля договоров с промышленными организациями	$y_{16} = Con_{ind} / Con$	Con_{ind} – количество договоров с промышленными организациями, шт.; Con – общее количество коммерческих проектов, шт.
16	Количество лабораторий, коммерциализирующих РИД	y_{16}	-
17	Количество проданных лицензий	y_{17}	-

Составлено автором.

Интегральная оценка (индекс) интеллектуального потенциала представляет собой взвешенную сумму оценочных критериев:

$$IP = \sum_{i=1}^N w_i y_i, \quad \sum_{i=1}^N w_i = 1,$$

где N – количество рассматриваемых составляющих интеллектуального потенциала; w – коэффициент важности каждой из составляющих.

Управление каждой составляющей интеллектуального потенциала вуза связано с развитием соответствующих видов потенциалов за счет направленных на этот процесс ресурсных затрат. Вуз, стремящийся к обеспечению высоких научных рейтингов и своей репутации, должен запустить самовоспроизводящийся процесс наращивания компетенций в предметных областях, представляющий особый интерес для промышленности, и постоянно развивать свой интеллектуальный потенциал для увеличения числа заказчиков на выполнение коммерческих НИР и оказания научных и консультационных услуг.

Для постоянного развития интеллектуального потенциала в высших учебных заведениях необходимо осуществить следующие мероприятия:

1. Разработать системный проект и осуществить его реализацию с целью создания современной большой организационно-экономической системы по управлению интеллектуальным потенциалом и интеллектуальной собственностью вуза с учетом:

- необходимости перехода к интерактивному информационно-аналитическому управлению путем переноса процессов и процедур управления интеллектуальной собственностью и ее коммерциализацией в единую управленческую инфраструктуру высшего учебного заведения;
- приоритетного развития электронных операционных функций для эффективного управления процессами сбора, обработки и обновления информации об объектах интеллектуальной собственности высшего учебного заведения;
- совершенствования и развития скоординированности принимаемых решений относительно управления объектами интеллектуальной собственности.

2. Совершенствовать процесс взаимодействия обладателей прав на объекты интеллектуальной собственности (в нашем случае вузов) с потенциальными приобретателями прав (как правило, наукоемкими компаниями) с учетом их растущего интеллектуального потенциала и развивающихся компетенций.

3. Сформировать единые методические подходы по оценке технико-экономического эффекта от использования результатов интеллектуальной деятельности вузов при создании новой продукции на ее базе.

Подходы по оценке технико-экономического эффекта от использования интеллектуальной собственности при создании новой продукции должны строиться на основе методов математического моделирования и ставить своей целью отбор и ранжирование результатов интеллектуальной деятельности, способствующих повышению конкурентоспособности организаций. Кроме того, применяя методические подходы по оценке технико-экономического эффекта от использования результатов интеллектуальной деятельности (РИД), возможно ранжировать их по приоритетности.

Отбор и ранжирование РИД, способствующих повышению конкурентоспособности организаций и создаваемой ими продукции, можно организовать в виде экспертной системы с использованием баз данных и аналитических модулей внутри единой информационной системы управления процессами коммерциализации интеллектуальной собственности. Такая система может стать эффективным средством системы реализации интеллектуальной собственности и анализа технико-экономического эффекта от использования интеллектуальной собственности при создании новой продукции на ее базе.

4. Внедрить единые подходы по оценке стоимости созданных на основе вовлечения интеллектуального потенциала объектов интеллектуальной собственности.

Методические подходы по оценке стоимости созданных объектов интеллектуальной собственности целесообразно организовать в виде экспертной системы с использованием баз данных и аналитических модулей внутри единой информационной системы управления процессами коммерциализации интеллектуальной собственности. Методические подходы должны предусматривать возможность прогнозирования негативного изменения стоимости объектов интеллектуальной собственности во времени с учетом научно-технического прогресса, наращивания инновационного потенциала и развития компетенций.

5. Разработать алгоритм и методическое обеспечение трансфера результатов интеллектуальной деятельности высших учебных заведений в заинтересованные наукоемкие организации.

Разрабатываемое методическое обеспечение трансфера результатов интеллектуальной деятельности высших учебных заведений должно включать в себя инструменты по созданию условий для повышения инвестиционной привлекательности организаций, укрепления конкурентных преимуществ продукции, создаваемой на основе интеллектуальной собственности, а также подходы к автоматизированному управлению реализацией интеллектуальной собственности в виде модулей единой системы управления интеллектуальной собственностью вуза.

Реализация этих мероприятий позволит осуществлять эффективное управление интеллектуальным потенциалом вуза, обеспечивать его наращивание и повышать долю коммерциализируемых результатов интеллектуальной деятельности, которые практически применимы и полезны для российской промышленности. Для вуза это обеспечит рост доходов от научной деятельности, а для промышленности – рост конкурентоспособности производимой продукции и предприятия в целом за счет применения на практике перспективных разработок, подготовленных в сфере вузовской науки.

Литература

1. Власов В.А. Главный актив вуза – интеллектуальный потенциал // Аккредитация в образовании. 2015. № 2. С. 40–41.
2. Гарафиева Г.И. Интеллектуальный потенциал вуза: методика измерения // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2014. № 1. С. 353–358.
3. Стреналюк В.В., Грошева П.Ю., Каширин П.А. Анализ современного состояния исследований в области управления ключевыми компетенциями предприятий // Экономика и предпринимательство. 2018. № 6. С. 642–648.
4. Тюлин А.Е., Чурсин А.А. Управление конкурентоспособностью продукции: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям подготовки 38.04.02 «Менеджмент» и 38.04.01 «Экономика» (квалификация (степень) «магистр»). М., 2020.
5. Хальзова Н.А., Хрулев Н.А. Интеллектуальный потенциал вуза как фактор выбора образовательной организации // Ученые заметки ТОГУ. 2018. Т. 9. № 1. С. 176–180.
6. Stefanovich M. Зарубежные университеты, которые сотрудничают с Apple, Google и другими компаниями [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hotcourses.ru/study-abroad-info/choosing-a-university/foreign-universities-partnering-with-famous-companies/>
7. Tyulin A.E., Chursin A.A., Yudin A.V. Model and dynamical assessment of innovative potential in the face of the rapid emergence of competing innovative solutions and the expansion of the global information space // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. International Science and Technology Conference "FarEastCon 2019". 2020. P. 022091.

Особые экономические зоны: теоретические и практические аспекты формирования и функционирования (на примере особой экономической зоны «Алга»)

Special Economic Zones: Theoretical and Practical Aspects of Formation and Functioning (on the Example of the Special Economic Zone «Alga»)

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.8)

Р. АХУНОВ, Р. РАМАЗАНОВ, А. БИКМЕТОВ

Ахунов Рустем Ринатович, д-р экон. наук, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан, заведующий лабораторией современных проблем региональной экономики Центра стратегических и междисциплинарных исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ЦСМИ УФИЦ РАН). E-mail: priemnaya.akhunov@mail.ru

Рамазанов Руслан Раисович, младший научный сотрудник лаборатории современных проблем региональной экономики ЦСМИ УФИЦ РАН. E-mail: ruslan4729@mail.ru

Бикметов Айдар Ринатович, канд. физ.-мат. наук, старший научный сотрудник лаборатории современных проблем региональной экономики ЦСМИ УФИЦ РАН. E-mail: bikmetovar@yandex.ru

Настоящая работа посвящена анализу условий формирования особой экономической зоны Башкортостана «Алга». Обсуждается проблема соответствия целей создания особой экономической зоны «Алга» приоритетам комплексного территориального развития республики. В основной части приводятся результаты анализа проектно-заявочных параметров развития «Алги» до 2023 года, ее подтвержденных и потенциальных резидентов.

Ключевые слова: ОЭЗ, особая экономическая зона, льготный режим, налоговые каникулы, Башкортостан, «Алга», экономическое развитие.

This work is devoted to the analysis of the conditions for the formation of the special economic zone of Bashkortostan "Alga". The problem of compliance of the goals of creating a special economic zone "Alga" with the priorities of the integrated territorial development of the Republic is discussed. The main part contains the results of the analysis of the design and application parameters for the development of "Alga" until 2023, its confirmed and potential residents.

Keywords: SEZ, special economic zone, preferential treatment, tax holidays, Bashkortostan, «Alga», economic development.

Введение

Российская экономика постпереходного периода, находясь в критической зависимости от конъюнктуры рынка энергоносителей, остро нуждалась в инструментах диверсификации. Одним из направлений решения данной проблемы стала инициатива российского правительства от 2005 года по созданию на территории страны особых экономических зон (ОЭЗ)¹. В рамках федерального законодательства ОЭЗ диффундируется как «часть территории, на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны». Декларируемой целью создания ОЭЗ стало «развитие обрабатывающих и высокотехнологичных отраслей экономики, туризма, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной инфраструктуры, разработки технологий и коммерциализации их результатов и производства новых видов продукции» [1], в том числе за счет создания льготного налогового режима.

Россия далеко не первая страна, предпринявшая попытку акселерации экономического роста за счет создания особых экономических зон. Такие зоны начали создаваться в США во времена

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР УФИЦ РАН по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ.

¹ Федеральный закон «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» от 22.07.2005 № 116-ФЗ.

Великой депрессии и затем широко распространились по всему миру, включая Китай, Индию, страны Африки и Азиатско-Тихоокеанского региона. Многочисленные исследования опыта ОЭЗ подтверждают положительную связь между фискальными преференциями и притоком прямых иностранных инвестиций. Подробнее см. в [2–4].

В России ОЭЗ реализуются с использованием нескольких организационно-правовых форм: особые экономические зоны, территории опережающего социально-экономического развития, зоны территориального развития и свободные экономические зоны на территории Крыма и Севастополя. Внутри этих укрупненных категорий также осуществляется классификация. Так, ОЭЗ делятся на промышленно-производственные, технико-внедренческие, туристско-рекреационные и портовые. Каждому типу особых территорий предъявляется свой набор требований с точки зрения площади ОЭЗ, типа резидентов, «входных» инвестиций и др.

В нынешнем 2020 году в Башкортостане была создана ОЭЗ промышленного типа «Алга» [1]. Цель настоящей работы – представить анализ условий формирования такой зоны, а также отдельные показатели и параметры проекта ОЭЗ «Алга».

Особая экономическая зона «Алга» и ее место в стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации², на территориях Ишимбайского и Стерлитамакского районов республики была создана особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Алга». Постановление обязует республику до 2025 года осуществить строительство инженерной, транспортной, социальной и иной инфраструктуры особой экономической зоны за счет средств регионального бюджета в размере не менее 6,3 млрд. рублей. Обозначенная сумма представляется весьма существенной, учитывая, что, например, на пятилетнюю программу развития промышленности³ Правительством Башкортостана было выделено только 0,6 млрд. руб.

Декларируемой целью создания особой экономической зоны является привлечение инвестиций в развитие высокотехнологичных отраслей экономики, разработка и производство новых видов продукции за счет предложения готовой инфраструктуры и особого льготного режима налогообложения для резидентов.

Решение о создании особой экономической зоны принимается правительством страны по инициативе субъекта на основе ряда критериев⁴, которые требуют наличия естественных преимуществ территории локализации ОЭЗ, в том числе для обеспечения резидентов инфраструктурными и кадровыми ресурсами. В этом отношении территория ОЭЗ «Алга» обладает значительным ресурсным, кадровым и инфраструктурным потенциалом.

В ОЭЗ «Алга» предприятия будут размещаться по кластерному типу. Кластерный подход к локализации смежно-типовых предприятий теоретически должен создавать положительные внешние эффекты для резидентов ОЭЗ, а также позволить эффективнее использовать ее инфраструктуру. Это создает для проекта «Алга» весьма солидные естественные преимущества, заключающиеся в доступе к комплементарным производствам, ресурсам и кадровой базе.

Другим важным критерием создания особых экономических зон является наличие договоренностей руководства субъекта с инвесторами о готовности финансировать строительство инфраструктуры ОЭЗ в объеме, превышающем государственные вливания. Управляющей компанией проекта ОЭЗ «Алга» станет Корпорация развития Республики Башкортостан⁵.

² Постановление Правительства РФ от 27 мая 2020 г. № 764 «О создании на территориях муниципальных районов Ишимбайский район и Стерлитамакский район Республики Башкортостан особой экономической зоны промышленно-производственного типа».

³ Постановление Правительства РБ от 12.03.2018 № 98 «Об утверждении государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности в Республике Башкортостан».

⁴ Постановление Правительства РФ от 26.04.2012 № 398 (ред. от 10.05.2017) «Об утверждении критериев создания особой экономической зоны».

⁵ Корпорация развития Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: <https://kr-rb.ru/oez/>

Проект ОЭЗ «Алга» тесно увязывается с другими республиканскими стратегическими программами и документами, в том числе Стратегией социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года⁶, программой «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности в Республике Башкортостан»⁷ и др.

Анализ стратегических документов социально-экономического развития Республики Башкортостан показал, что создание на территории региона особой экономической зоны промышленно-производственного типа способствует достижению многих ключевых целей и индикаторов. С другой стороны, нельзя не отметить того, что проблема некоторых целей и задач, указанных в рассмотренных документах, заключается не столько в фундаментальной несогласованности, сколько в их недостижимости в рамках экономики региона с преобладанием нефтегазового сектора.

Анализ показателей проектно-заявочной документации ОЭЗ «Алга»

Индикаторы результативности в проектно-заявочной документации обещают, что к концу 2020 года в ОЭЗ «Алга» будет зарегистрировано 5 резидентов; в 2021-м к ним присоединится еще 2; в 2022-м – еще 3.

За три года на территории особой зоны планируется создать 1291 рабочее место, из которых 1272 должно быть создано резидентами (578 – субъектами малого и среднего бизнеса); 18 – управляющей компанией. Для сравнения – за 2018 год в среднем по ОЭЗ промышленно-производственного типа создавалось 318 рабочих мест. Отметим также, что фактические показатели ОЭЗ в этом аспекте, как правило, превосходят плановые. В этом отношении создание 430 рабочих мест в год (1291/3) в ОЭЗ «Алга» выглядит вполне реализуемой задачей.

Инфраструктурные и капитальные затраты на развитие особой зоны за три года должны составить в общей сложности порядка 25,4 млрд. руб., из которых на долю республиканского и местных бюджетов должно прийти только около 20 % (5,1 млрд. руб.); на долю резидентов – основная сумма в 80 % (20,3 млрд.).

Согласно планам Правительства Башкортостана, уже через три года суммарный объем налоговых доходов, сгенерированных на территории «Алги», составит 5,2 млрд. руб. и превзойдет все совокупные республиканские вложения за три года, выведя проект особой зоны на самоокупаемость.

Проектные данные об инфраструктурном и ресурсном потенциале ОЭЗ «Алга» ставят ее в один ряд с лидирующей в России и Европе татарстанской особой зоной «Алабуга»⁸, в том числе по резервам водоснабжения «Алга» превосходит «Алабугу» на 45 %; по резервам водоотведения – на 56%; по газоснабжению – почти в три раза. Заметим, однако, что преимущества «Алги» по некоторым позициям носят все же условный характер.

Резиденты ОЭЗ «Алга»

В настоящий момент подтвержденными резидентами ОЭЗ «Алга» являются общества с ограниченной ответственностью «М Синтез» и «ПО Аркада». Объем их капитальных вложений на территории ОЭЗ за три года должен составить порядка 5,2 млрд. рублей; за все время – около 6,2 млрд. Основным инвестором (с долей в 90%) является «М-Синтез», отраслевую направленность которого определяет нефтехимическое производство. Проектом предполагается создание 101 рабочего места; швейным предприятием «Аркада» – не менее 800 рабочих мест [0].

По данным Минэкономразвития Республики Башкортостан в пул потенциальных резидентов Алги входят еще 6 компаний. Особого внимания здесь заслуживает ООО «Смарт Глобал», одним из учредителей которого является директор подтвержденного резидента и ключевого инвестора ООО «М Синтез»⁹. В настоящий момент компания зарегистрирована в Санкт-Петербурге. Складывающаяся

⁶ Постановление Правительства РБ от 20.12.2018 № 624 «О Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан на период до 2030 года»

⁷ Постановление Правительства РБ от 12.03.2018 № 98 «Об утверждении государственной программы «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности в Республике Башкортостан»»

⁸ Паспорт ОЭЗ ППТ «Алабуга»: http://www.russez.ru/userfiles/File/palabuga_04022020.pdf, паспорт ОЭЗ ППТ «Алга»: http://www.russez.ru/userfiles/File/pass_02102020alga.pdf

⁹ Бесплатный сервис проверки контрагентов «АПФОКС» [Электронный ресурс]. URL: <https://upfox.ru/>

ситуация является типичным примером реализации внутреннего оффшоринга и конкуренции регионов за налоговых резидентов с отрицательной суммой выигрыша. Очевидно, что в результате перерегистрации компании совокупный выигрыш республики и резидента окажется ниже экономических потерь территории ее предыдущей «прописки», прежде всего, за счет выпадающих доходов.

Через своих учредителей компания «Смарт глобал» связана также с рядом других действующих на территории республики компаний, в числе которых «Асима», ООО «Капекс инжиниринг» и МОО СК «Казсикан». Анализ связей большинства других потенциальных резидентов ОЭЗ «Алга» также показывает их аффилированность с действующим республиканским бизнесом. Данный факт говорит о том, что потенциальные резиденты будут начинать свою деятельность не в «безвоздушном деловом пространстве» – наличие деловых связей и неформальных договоренностей с местным деловым сообществом, безусловно, должно способствовать успеху реализации стартапов «Алги».

Заключение

Особая экономическая зона «Алга» обладает естественными экономико-географическими преимуществами, достаточной ресурсной, кадровой и инфраструктурной базой для реализации заявленных инвестиционных проектов. Отраслевая направленность органично вписывает ее в экономику республики. Подтвержденные и потенциальные резиденты «Алги» тесно связаны с местным бизнесом, что вместе с налоговыми льготами должно составить основу экономической состоятельности новых предприятий. Успех долгосрочного развития ОЭЗ «Алга» должна гарантировать финансовая и административная поддержка правительства республики. Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют прогнозировать успешное развитие ОЭЗ «Алга» в части соответствия результатов показателям проектно-заявочной документации. И тем не менее, вопрос о долгосрочной эффективности ОЭЗ как инструмента интенсификации социально-экономического развития республики остается открытым.

Критика подхода по созданию ОЭЗ концентрируется на негативных эффектах получения отдельными субъектами неконкурентных преимуществ, обладание которыми в долгосрочной перспективе может позволить им добиться вытеснения с рынка компаний, функционирующих в обычных экономических условиях. Очевидный риск здесь связан с перекрытием положительных эффектов от выполнения целевой функции ОЭЗ по инкубации новых производств, отрицательными эффектами от затягивания капитала существующих предприятий (возможно, в других формах и под другими юридическими именами), производственные мощности которых локализованы на территории других экономических зон, не предлагающих своим резидентам налоговые льготы.

Отметим также, что особые экономические зоны формируют предпосылки для монополизации отдельных отраслей экономики и ликвидации действующих налогоплательщиков, которые могут не выдержать конкуренции с субъектами, пользующимися налоговыми льготами. В результате свою актуализацию получает пресловутая проблема выпадающих бюджетных доходов. Кроме того, нельзя не отметить, что сама по себе возможность получения налоговых преференций создает почву для коррупционных трансакций между административно-организационными структурами, управляющими доступом к ОЭЗ и заинтересованными в резидентстве экономическими субъектами, что, очевидно, является вторым направлением экономических потерь для общества.

Литература

1. «АЛГА» особая экономическая зона промышленно–производственного типа. [Электронный ресурс]. URL: <https://oezalga.ru/rezidenty/>
2. Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. // Пер. с англ. Анна Разинцева. «Новое издательство», 2016. 386 с.
3. Кузнецова Е.Г. Свободная экономическая зона Шеннон: опыт создания и путь к успеху // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 11. С. 57–60.
4. Шмонов Н.Н. Историческое исследование проблем развития особых экономических зон. Казань: КГУКИ, 2010. 158 с.

Институциональные и экономические препятствия развитию глубокой переработки природных ресурсов в Башкортостане

Institutional and Economic Obstacles to the Development of Deep Processing of Natural Resources in Bashkortostan (DOI: 10.34773/EU.2020.6.9)

С. ЕМЕЛИН, Е. ТАВХИТОВА

Емелин Сергей Михайлович, д-р юрид. наук, старший научный сотрудник Центра стратегических и междисциплинарных исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (ЦСМИ УФИЦ РАН). E-mail: emelin_sm@mail.ru

Тавхитова Елена Рустемовна, младший научный сотрудник ЦСМИ УФИЦ РАН. E-mail: tlinuk@mail.ru

В статье проводится анализ причин торможения развития глубокой переработки природных ресурсов в Башкортостане, и, шире – препятствий технологическому развитию на примере добычи известняка и производства соды, а также лесозаготовки и лесопереработки. Предложены экономические меры и институты приведения их в действие, обеспечивающие ускорение технологического развития экономики Башкортостана.

Ключевые слова: глубокая переработка природных ресурсов, лесные ресурсы, природная рента, институты.

The article analyzes the reasons for the inhibition of the development of deep processing of natural resources, and more broadly - obstacles to technological development on the example of limestone mining and soda production, as well as logging and wood processing. The economic measures and institutions for bringing them into action are proposed, ensuring the acceleration of the technological development of the economy of the Republic of Bashkortostan.

Key words: deep processing of natural resources, forest resources, natural rent, institutions.

В 2020 году внимание не только башкортостанской, но и российской общественности привлекли события, связанные с деятельностью АО «Башкирская содовая компания» [3]. Эта компания с 1940-х гг. вела разработку известняка, являющегося сырьем для изготовления кальцинированной соды, в районе городов Ишимбая и Стерлитамака. Советские проектировщики предприятия, исходя из существовавших на тот момент технологий, определили источником сырья Башкирские шиханы (также их называют Стерлитамакские шиханы). За десятилетия, прошедшие с начала разработки сырья, предприятие полностью уничтожило одну из гор – шихан Шахтау, входящий в группу четырех шиханов и стало строить планы по разработке одной из оставшихся трех гор: Юрактау, Куштау и Тратау, что вызвало сопротивление общественности по двум причинам. Во-первых, эти горы являются культурно-историческим достоянием башкирского народа, а во-вторых, что также немаловажно, – точки зрения ученых эти горы представляют собой уникальные геологические и геоморфологические памятники природы [1], на которых произрастают редкие виды флоры [2].

Итак, налицо конфликт общественных интересов и интересов конкретной частной компании. Подобные конфликты интересов общества и частных интересов предпринимателей в экономической теории и практике государственного управления разрешаются как институциональными, так и экономическими методами. На сегодняшний день государство рассматривает институциональные пути решения этой проблемы. Среди них – придание статуса «особо охраняемой природной территории» горе Куштау [10] и приобретение Башкортостаном контрольного пакета акций Башкирской содовой компании [3].

Исследование проведено в рамках выполнения НИР по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ.

В данной статье мы предложим экономический механизм гармонизации интересов бизнеса и общества в обсуждаемом выше кейсе, при этом будем опираться на анализ подобной ситуации, уже в течение длительного времени имеющей место в лесной отрасли Башкортостана [4; 5; 6; 7; 12].

Попытки развития глубокой переработки лесных ресурсов, внедрения новых технологий в лесную отрасль за счет привлечения частной инициативы предпринимались в Башкортостане с начала XXI века. Первым шагом в этом направлении была передача государственной лесозаготовительной компании «Башлеспром» (находившейся в республиканской собственности) в доверительное управление частной фирме «Нарат», которая принадлежала предпринимателям из Саратовской области. По условиям договора, для лесозаготовки предоставлялись в аренду большие площади леса. Однако основанием для таких действий государства, как сообщали СМИ, было устное заявление (не закрепленное юридическим договором) руководителя «Нарат» Аблязова о намерении развивать глубокую переработку лесных ресурсов в регионе, а именно, построить в Республике Башкортостан два комбината по производству МДФ-плит и один целлюлозно-бумажный комбинат [2]. Еще раз отметим, что эти обещания не были закреплены документально, а три комбината глубокой переработки лесных ресурсов (по существу, химических предприятия) так и не были построены.

Вторая попытка государства развить глубокую переработку лесных ресурсов в Башкортостане заключалась в передаче больших участков леса, опять-таки для целей лесозаготовки с последующей глубокой переработкой, частной компании «Селена». Руководители «Селены» обещали построить один химический комбинат по производству МДФ-плит [2], причем это обещание являлось основой приоритетного инвестиционного проекта, одобренного на федеральном уровне, который и дал возможность получить доступ к лучшим лесам Башкортостана. Это обещание «Селена», как и компания «Нарат», приватизировавшая «Башлеспром», так и не выполнила, занимаясь только лесозаготовкой, т.е. добычей и продажей природных ресурсов [11].

В результате возникла ситуация, схожая с вышеописанным конфликтом общественных и частных интересов в вопросе производства соды в Башкортостане. Общественные интересы и там и здесь заключаются в необходимости развития технологий, углубления переработки природных ресурсов, а частные интересы, как это ни странно – в отказе от внедрения новых технологий, ориентации на добычу и продажу сырья (в случае лесных ресурсов) или в использовании старых технологий (в случае производства соды на основе известняков шиханов, обладающих особо высоким качеством и не требующих дополнительных затрат на очистку, в отличие от известняков, из которых состоят все Уральские горы).

Сам по себе факт того, что указанные частные компании не стремятся развивать технологии и переходить к более глубокой переработке ресурсов, вызывает удивление, т.к. согласно экономической теории, именно частные компании, за счет механизма конкуренции в рыночных отношениях, заинтересованы, в отличие от государственных компаний, в развитии технологий – с целью получения большего объема добавленной стоимости и, соответственно, доходов, а в конечном счете, прибыли. Поскольку фактическое положение дел расходится с теорией, мы приходим к выводу, что в отношениях государства с частными предпринимателями не были выполнены условия организации эффективного производства, которые предполагает экономическая теория. Одно из условий здесь лежит на поверхности: и «Нарат», и «Селена» получили эксклюзивные права на самые лучшие участки башкирского леса, минуя механизм аукционных продаж. Таким образом, здесь был нарушен принцип конкуренции и свободного вхождения на рынок.

Другое препятствие развитию глубокой переработке раскрыто в работах по экономике лесной отрасли д-ра экон. наук Зулькарная И.У. и его школы [4; 5; 6; 7; 12]. Как показано в этих работах, проблема заключается в недооценке государством регулирующей роли земельной ренты в лесной отрасли (фактически, в непонимании ее роли государственными чиновниками). Логика рассуждений ученых следующая. Лесное хозяйство является отраслью сельского хозяйства, а экономические отношения в сельском хозяйстве невозможно регулировать без понятия

ренды. Само понятие сельскохозяйственной ренты было разработано Давидом Рикардо, который дал ей следующее определение: «это цена, которую земледелец платит землевладельцу за пользование плодородящей силой земли» [8].

Различают абсолютную земельную ренту, дифференциальную ренту I и дифференциальную ренту II. Проиллюстрируем абсолютную ренту и дифференциальную ренту I на примере производства пшеницы. Допустим, собственником земли является государство и арендную плату получает урожай. Частный предприниматель берет в аренду два участка земли. Один из двух участков более плодородный. На одном участке земли с одного гектара земли, при одних и тех же усилиях и затратах предприниматель получает 20 ц. урожая с гектара, а с другого – 30 ц. Государство на наименее плодородном участке устанавливает, исходя из рыночных цен на аренду земли, плату 5 центнеров с гектара – это и будет абсолютная рента, которую получает собственник земли. При урожайности 20 центнеров с гектара на этом участке, предпринимательский доход, являющийся результатом труда предпринимателя, составит 15 ц. На втором участке, где урожайность выше – 30 центнеров с гектара, очевидно, что предприниматель приложил тот же самый труд и понес в том же объеме другие затраты (на горючее и т.д.). Тем самым, его предпринимательский доход должен составить те же 15 центнеров с гектара. А остальные 10 ц/га (= урожай 30 ц/га – абсолютная рента 5 ц/га – предпринимательский доход 15 ц/га) не являются результатом его предпринимательских усилий, и должны принадлежать собственнику земли (в данном случае государству) – они и составляют дифференциальную ренту I. Дифференциальная рента II связана с плодородностью земли, являющейся результатом дополнительных вложений собственника в это плодородие, и не имеют отношения к нашему анализу лесных и других природных ресурсов.

Все это полностью относится и к лесному хозяйству, так как дерево – это тоже растение. Только разница в том, что производство пшеницы осуществляется в течение одного календарного года, а урожай леса созревает в течение 80-100 лет. Как и в примере с урожаем пшеницы, в лесной отрасли существует природная рента, в данном случае лесная рента.

Совершенно аналогично с земельной рентой на земли, передаваемые в аренду под выращивание зерновых, на самые дальние и худшие для выращивания леса земли, государство, как собственник земель, должно установить минимальную плату, которая будет абсолютной рентой. На более близкие к дорогам и удобные для выращивания леса участки земли арендная плата должна быть выше, и она будет составлять как раз дифференциальную ренту I. Но все это верно, если частное предприятие решит арендовать у государства землю под выращивание леса, что трудно представить ввиду того, что урожай придется ждать примерно век!

Частные предприятия, такие как «Нарат» и «Селена», занимаются заготовкой леса, который уже вырос за 100 лет до стадии зрелости. То есть они не сажали этот лес, не выращивали его, как делают частные собственники лесных участков, например, в Финляндии. А следовательно, арендные отношения в случае лесозаготовки, как показал Зулькарнай И.У., неуместны [4, 5, 6]. В случае лесозаготовки экономически обоснована только продажа леса (как готового товара) на корню, что государство должно делать на конкурсной основе, т.е. на аукционах, и здесь появляются также конкурентный рынок.

В случае других природных ресурсов – как, например, известняк для изготовления соды, как раз пригодна теория ренты. Государство должно установить наименьший размер налога на добычу известняка (фактически, абсолютную ренту) на самое неудобное (дальнее, с сырьем наихудшего качества) месторождение природного сырья. На все, что ближе к месту расположения предприятия, а также где качество сырья лучше, должна быть установлена дифференциальная рента I, взимаемая в виде повышения налога на добычу известняка. Результирующий размер налога на разные месторождения сырья должен быть разным, конкретный для каждого месторождения – такой, чтобы для производителя соды было одинаково выгодно добывать известняк и в горах Южного Урала, и из гор гряды Стерлитамакских шихан. С учетом дополнительной, а именно культурно-исторической и геоморфологической ценности этих шихан, на добычу сырья из них должен быть установлен дополнительный налог. В результате, для любого

потребителя известняка в районе города Стерлитамака, а не только для «Башкирской содовой компании», будет просто экономически невыгодно добывать сырье из шихан Тратау и Куштау, и они будут добывать сырье в других местах, где добыча вместе с доставкой им обойдется дешевле. Конкретные расчеты размера такого налога для разных месторождений являются предметом дальнейших исследований. Это будет также обоснованием для соответствующих изменений в институциональном регулировании – в налоговом законодательстве РФ, в частности, в переносе центра администрирования налога на добычу полезных ископаемых на региональный уровень.

Литература

1. Ахметшин Р.Р. Стерлитамакские шиханы: уникальное природное наследие или сырье? [Электронный ресурс]. URL: http://ig.ufaras.ru/File/3Yconf2015/26_mk2015.pdf
2. Бондарук А. «Селена» работает по-белому и планирует инвестировать в башкирскую лесопереработку 1,5 млрд. рублей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bashinform.ru/news/325241-anatoliy-bondaruk-selena-rabotaet-po-belomu-i-planiruet-investirovat-v-bashkirskuyu-lesopererabotku-1-5-mlrd-rublei>
3. Генпрокуратура проверит законность приватизации акций Башкирской содовой компании. Предприятие могут вернуть государству [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fontanka.ru/2020/08/26/69443632/>
4. Зулькарнай И.У. Вопросы частного лесовладения в Финляндии // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2016. № 1. С. 60–63.
5. Зулькарнай И.У. Причины отсутствия глубокой переработки леса в Республике Башкортостан // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2012. № 2. С. 64–73.
6. Зулькарнай И.У. Институциональные аспекты арендных отношений в лесной отрасли: анализ российского законодательства // Евразийский юридический журнал. 2016. № 10. С. 297–299.
7. Маричев С.Г. Факторы, дестимулирующие развитие глубокой переработки леса в Республике Башкортостан // Вестник экономики и менеджмента. 2019. № 2. С. 4–8.
8. Майбурд Е.М. Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров. М: Дело, Вита-Пресс. 1996.
9. Мулдашев А.А., Мартыненко В.Б. К характеристике флоры и растительности шиханов Тратау и Юрактау // Известия Уфимского научного центра РАН. 2014. № 2. С. 68–74.
10. Постановление Правительства Республики Башкортостан от 2 сентября 2020 года № 529 «О создании особо охраняемой природной территории республиканского значения в муниципальных районах Ишимбайский и Стерлитамакский районы Республики Башкортостан» [Электронный ресурс]. URL: <https://npa.bashkortostan.ru/29010/>
11. Файзрахманов Р. Уехать в Германию // Вечерняя Уфа. 2004. 15 дек., № 240.
12. Южаков В.А. Лесной комплекс России: Институциональные аспекты проблемы глубокой переработки древесины // Вестник УГНТУ. Наука, образование, Экономика. Серия: Экономика. 2017. № 4. С. 70–84.

Регион с преимущественным развитием нефтехимического комплекса: теоретический аспект

Region with Promotional Development of the Petrochemical Complex: Theoretical Aspect (DOI: 10.34773/EU.2020.6.10)

Г. ИСЛАКАЕВА

Ислакаева Гузель Разимовна, канд. экон. наук, старший научный сотрудник Лаборатории современных проблем региональной экономики УФИЦ РАН. E-mail: islakaeva@list.ru

В статье исследован вопрос о терминологическом аппарате категории «регион с преимущественным развитием нефтехимического комплекса». Предложен авторский подход к определению факта «преимущественности» отрасли в регионе, предусматривающий взаимосвязь волатильности отрасли от мировых цен – волатильности экспорта, доходов от экспорта продукции той или иной отрасли от мировых цен на продукцию отрасли.

Ключевые слова: регион, нефтехимический комплекс, отрасль, экономика региона, волатильность.

The article examines the question of the terminological apparatus of the category "region with the predominant development of the petrochemical complex". The author's approach to determining the fact of the "predominance" of the industry in the region is proposed, which provides for the relationship between industry volatility and world prices - export volatility, income from export of products of a particular industry from world prices for industry products.

Key words: region, petrochemical complex, industry, regional economy, volatility.

Как известно, в экономике России нефтегазовый сектор играет большую роль, на его долю приходится порядка 60 % доходов от всего российского экспорта товаров за рубеж [9]. Получаемые экспортные доходы от нефтегазовых ресурсов обеспечивают пополнение доходной части государственного бюджета на протяжении многих лет. Среди научной общественности существуют две точки зрения в отношении развития нефтяной отрасли, принципиально отличающиеся друг от друга. Одни говорят о необходимости сокращения значимости этой отрасли в пользу диверсификации российской экономики [5; 6; 14]. Сторонники другой точки зрения считают, что раз сложился нефтяной комплекс, то его следует сохранить и продолжать развивать, в том числе увеличивать добычу нефти и газа, концентрируясь на повышении эффективности отрасли [3].

Вместе с тем, Правительство Российской Федерации (РФ) достаточно давно занимается решением задачи по сокращению зависимости российской экономики от нефтегазовой отрасли. Одним из инструментов политики государства по снижению зависимости экономики и бюджетной системы от нефтегазовых доходов является сбережение определенной части нефтегазовых доходов в Резервном фонде и Фонде национального благосостояния, и формирования для этого нормативно-правовой базы. Как отметил А.Л. Кудрин (министр финансов РФ в 2000–2011 гг.), принимаемые Правительством РФ и Центральным банком РФ меры, в конечном итоге, должны были привести к диверсификации экономики [5]. Однако по истечению времени стало ясно, что используемые меры оказались недостаточными для снижения зависимости российской экономики от нефтегазовых доходов.

Очевидно, степень диверсификации экономики России в значительной степени определяется степенью диверсификации экономик ее регионов. Соответственно, для обеспечения диверсификации российской экономики необходимо диверсифицировать структуру экономики

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР УФИЦ РАН по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ.

прежде всего сырьевых регионов. В этой связи целесообразно проводить на федеральном уровне региональную политику, стимулирующую регионы к структурной перестройке своих экономик.

В настоящее время пространственное развитие России определено в Стратегии пространственного развития РФ до 2025 года, утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 года № 207-р. Как показывает анализ данной Стратегии, в ней не предусмотрены задачи стимулирующего характера для проведения сырьевыми регионами структурной перестройки экономики (с целью диверсификации).

В документах, регламентирующих направления развития минерально-сырьевого комплекса РФ (План развития нефтегазохимического комплекса до 2025 года, Стратегия развития минерально-сырьевой базы России до 2035 года), также не предусматриваются задачи, стимулирующие структурную перестройку в сырьевых регионах, в частности, в нефтеориентированных регионах.

Отсутствие федеральной политики по диверсификации экономики регионов только подчеркивает актуальность ее разработки. Представляется, что прежде всего необходимо определить регионы, в отношении которых требуется проведение региональной политики на федеральном уровне.

Корректное решение этой задачи зависит от правильного использования и, в конечном случае, от упорядочивания понятийного аппарата, описывающего эту область. Дело в том, что как практики, так и теоретики достаточно вольно обращаются с терминами – это вообще характерно для России. В литературе встречается терминология, одновременно связывающая по смыслу нефтяную отрасль и экономику региона или страны: к примеру, «нефтеориентированные регионы», «региональный нефтяной комплекс», «химический и нефтехимический комплекс региона», «территориально-производственный нефтяной комплекс», «нефтехимический комплекс в России», «нефтегазохимический комплекс» [1; 2; 4; 11–13]. Анализ работ, в которых применяется эта и подобная ей терминология, показывает, что основная часть авторов не уделяют внимание раскрытию содержания этих терминов.

Из числа рассмотренных работ лишь в одной уделено внимание раскрытию экономического содержания сущности категории. Так, Дубовик И.А., исследуя вопрос повышения эффективности развития территориально-производственного нефтяного комплекса (ТПНК), предложила под ТПНК понимать: «Территориально-производственный нефтяной комплекс – система, состоящая из трех крупных взаимодополняющих региональных подсистем минерально-сырьевой базы, промышленного нефтяного сектора и рынка нефтепродуктов, что ориентирует на раскрытие целостности и особенностей данного объекта, выявление рациональных связей в нем» [4, 12].

Другие авторы, применяя такие термины, как правило, уделяют внимание не раскрытию сущности, а определению качественных и количественных характеристик комплекса, например, устойчивости, эффективности, совершенствованию управления, истории их формирования в России. К примеру, Хорохорин А.Е. в работе [13] исследовал развитие нефтехимического комплекса в России, и на базе мирового опыта предложил модель перехода к высокотехнологичным нефтехимическим комплексам. Дубовик И.А. исследовала вопрос повышения эффективности развития территориально-производственного нефтяного комплекса. На основе типологии нефтеориентированных регионов в проведенном Соловьевым М.М. исследовании [11] показана степень зависимости региона от функционирования нефтяного комплекса, установлены особенности развития подобных регионов.

Соловьев М.М. в своей работе предлагает относить к нефтеориентированным регионам те «субъекты РФ, которые вследствие своего экономико-географического положения, структуры экономики и сырьевой специализации обладают высокой зависимостью от нефтяной отрасли, где экономическая активность, в том числе в смежных отраслях, величина доходов бюджета и населения, масштаба инвестиций и качества инфраструктуры подчинены динамике развития нефтяного комплекса» [11, 7].

В связи с этой дискуссией и обозначенными выше целями необходимой региональной политики федерального центра по диверсификации экономик регионов представляется целесообразным при отраслевой характеристике региона использовать вместо прилагательного «ориентированный» словосочетание «с преимущественным развитием». То есть вместо термина «нефтеориентированный регион» использовать термины «регион с преимущественным развитием нефтедобычи», «регион с преимущественным развитием нефтепереработки», «регион с преимущественным развитием нефтехимического комплекса». Это позволит также точнее охарактеризовать регион по глубине переработки ресурсов, так как термин «нефтеориентированный регион» не позволяет понять, ограничивается ли регион нефтедобычей, или же продвинулся по глубине переработки: нефтепереработки, нефтехимии.

Степень «преимущественности», конечно, лучше всего определять на основе количественных критериев. Для этого могут быть использованы различные показатели. Применительно к региону говорить с точки зрения преимущественного развития той или иной отрасли возможно на основе такого показателя, как доля отрасли в валовом региональном продукте (ВРП) региона.

Однако в предоставляемой Росстатом информации о развитии отраслевой структуры по регионам выделение нефтехимической промышленности не предусматривается. Согласно методологии Росстата в части сбора и обработки статистической информации, вся промышленность подразделяется на три раздела: добыча полезных ископаемых, обрабатывающая промышленность, производство и распределение электроэнергии, газа и воды. При этом в составе обрабатывающей промышленности не выделяется нефтехимическая промышленность как отдельный вид экономической деятельности, что затрудняет выделение регионов с «преимущественным развитием нефтехимического комплекса».

Тем не менее, вклад нефтехимической промышленности в экономику региона возможно определить косвенным путем. Так, в структуре объема отгруженной продукции работ (услуг) по направлению экономической деятельности «обрабатывающие производства» предусматривается такое направление, как «производство кокса и нефтепродуктов, химическое производство, производство резиновых и пластмассовых изделий», и на такое направление в 2018 г. в Республике Башкортостан (РБ) приходилось 46,3 % всей обрабатывающей промышленности [8, 674].

Кроме того, в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости (ВДС) РБ на долю обрабатывающей промышленности в 2017 г. приходилось 28,3 % [8, 488], и эта доля является наибольшей в сравнении с другими видами экономической деятельности, представленными в структуре НДС РБ. Учитывая, что в самой структуре «обрабатывающего производства», как было отмечено выше, 46 % приходится на нефтехимию, то можно заключить, что РБ относится к региону с преимущественным развитием нефтехимического комплекса.

Другим подходом к определению степени «преимущественности» развития нефтяной отрасли в регионе может быть оценка зависимости валового регионального продукта региона (или доходов бюджета) от волатильности мировых цен на сырую нефть. Аналогично можно определять степень «преимущественности» развития любой отрасли в регионе через оценку волатильности ВРП от мировых цен на экспортируемую продукцию этой отрасли, например, на продукцию нефтехимии.

Бесспорно, в условиях глобализации практически все существующие виды экономической деятельности связаны с мировыми рынками, соответственно, и ценами. Вопрос в том, насколько волатильность отрасли влияет на бюджет страны, региона. Для ответа на данный вопрос представляется целесообразным определить некий количественный предел, который определяет допустимый уровень волатильности отрасли от мировых цен (экспортоориентированной и доходобразующей для бюджета страны/региона). Речь идет о пороговом уровне волатильности (коридор волатильности для отрасли), представляющем границу между существенной и несущественной волатильностью. В случае, если наблюдаемый уровень волатильности отрасли «выходит» за определенный допустимый коридор волатильности, то можно судить о «преимущественности» отрасли для страны или региона.

Как известно, для российской экономики высокая волатильность проявляется в нефтяной отрасли. К примеру, если от мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. ВВП некоторых стран упал на 3–5 % (к примеру, у Германии на 5 % в 2009 г. по отношению к 2008 г. [7]), то у России – на 8 %. В тот период цена за баррель нефти упала со 147 долл. в 2007 г. до ниже 40 долл. в 2008 г. (падение цен составило 75 %) [10], и, как следствие, это привело к существенным проблемам в экономике России.

Таким образом, предлагаемый нами подход в определении «преимущества» отрасли для страны или региона заключается в анализе волатильности отрасли страны или региона от мировых цен через сопоставление фактической волатильности с определенным пороговым уровнем волатильности (допустимым уровнем волатильности). В случае, если доходность значимой отрасли страны или региона во многом зависит от мировых цен, то можно полагать, что эта отрасль определяет «преимущество» отрасли в регионе.

Говоря о нефтехимии, важно отметить, что это химия, развивающаяся на базе нефти. Следует ли из этого, что нефтехимическая промышленность в том или ином регионе может развиваться только в нефтедобывающих регионах?

В отношении этого можно встретить разные точки зрения. Прежде всего отметим, исходя из развития в том или ином регионе нефтяной промышленности на той или иной стадии развития (добыча, переработка, транспортировка), регионы можно разделить на: нефтедобывающие и нефтеперерабатывающие. Также можно выделить регионы, где развита одновременно нефтедобыча и нефтепереработка, а также нефтехимия.

Теоретически нефтехимическая промышленность может быть в регионах, не занимающихся нефтедобычей. Так, в России еще в советское время нефтехимия получила развитие в нефтедобывающих регионах, прежде всего, в республиках Башкортостан и Татарстан. Однако со временем Башкортостан столкнулся с проблемой недозагрузки нефтехимических заводов, в силу объективных причин – сокращения запасов нефти и, соответственно, объемов нефтедобычи на территории РБ. Решением проблемы стало импортирование нефти из других регионов – из Западной Сибири. В связи с недозагрузкой нефтехимических заводов башкирская нефтяная компания «Башнефть» для сохранения нефтепереработки и нефтехимии в РБ переориентировалась на нефтедобычу в других регионах страны (а именно, на разработку нефтяных месторождений в Ханты-Мансийском автономном округе, в Республике Татарстан и Республике Удмуртия) [12]. Тем самым, в России формируются регионы с преимущественным развитием нефтехимии без значимой роли нефтедобычи.

В этой связи региональная политика федерального центра должна иметь 3 отдельные стратегии диверсификации, направленные на 3 категории регионов, выделенные в соответствии с обсужденными в этой статье подходами: а) регионы с преимущественным развитием нефтедобычи; б) регионы с преимущественным развитием нефтепереработки; в) регионы с преимущественным развитием комплекса нефтедобычи и нефтепереработки.

Что же касается нефтехимии, то из-за слабой ее зависимости от волатильности мировых цен на нефть ввиду создания основной части добавленной стоимости за счет не связанных с нефтью составляющих производственного процесса, регионы с преимущественным развитием нефтехимического комплекса не нуждаются в политике диверсификации экономики.

Литература

1. Абзалилова Л.Р. Устойчивость химического и нефтехимического комплекса региона: содержание, состояние и перспективы (на примере Республики Татарстан): автореф. ... дис. канд. экон. наук: 08.00.05. Казань, 2005. 24 с.
2. Алешин А.Н. Нефтяной комплекс – новое состояние нефтяного сектора экономики России // Вестник ОГУ. 2005. № 2. С. 70–72.
3. Ахунов Р.Р., Трофимчук Т.С. Вклад добычи и первичной переработки нефти в развитие экономики регионов (на примере республик Башкортостан и Татарстан) // Вестник УГНТУ. Наука. Образование. Экономика. Серия «Экономика». № 3. 2019. С. 7–16.

4. Дубовик И.А. Территориально-производственный нефтяной комплекс: автореф. ... дис. кан. экон. наук: 08.00.05. Ставрополь, 2007. 27 с.
5. Кудрин А.Л. Влияние доходов от экспорта нефтегазовых ресурсов на денежно-кредитную политику России // Вопросы экономики. 2011. № 3. С. 4–19.
6. Медведев Д.А. Нам нужно слезать с нефтяной иглы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2630067/>
7. Падение ВВП Германии в 2009 году составило 5 % [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1724879/>
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. / Росстат. М., 2019. 1204 с.
9. Сергеев М. Российская экономика стагнирует независимо от цены барреля [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/economics/2019-03-14/4_7530_finance.html
10. Смирнова А.В. В чем причина волатильности цен на нефть [Электронный ресурс]. URL: <https://research-journal.org/economical/v-chem-prichina-volatilnosti-cen-na-neft/>
11. Соловьев М.М. Методы и практика учета экономической специализации регионов в государственном регулировании пространственной экономики России (на примере регионов с нефтеориентированной экономикой): дис. ... кан. экон. наук: 08.00.05. Москва, 2018. 187 с.
12. Тавхитов Р.Р. Анализ предприятий региона нефтедобывающего и нефтеперерабатывающего комплекса // Вестник РУДН, сер. Инженерные исследования. 2006. № 1 (12). С. 70–78.
13. Хорохорин А.Е. Стратегия развития современных нефтехимических комплексов, мировой опыт и возможности для России: дис. ... кан. экон. наук: 08.00.14. Москва, 2014. 195 с.
14. Чубайс призвал радикально сократить долю нефтегазовой отрасли в ВВП [Электронный ресурс]. URL: <https://dailystorm.ru/news/chubays-zayavil-chto-rossii-nado-rezko-sokratit-dolyu-neftegazovoy-otrasli-v-vvp/>

Сравнительный анализ развития ОЭЗ и ТОСЭР в России

Comparative Analysis of the Development of the SEZ and TASED in Russia

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.11)

М. НЕУЧЕВА, О. ШАЛИНА

Неучева Милана Юрьевна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и социально-экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: neucheva@mail.ru

Шалина Ольга Игоревна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории Уфимского государственного авиационного технического университета. E-mail: olenkash@bk.ru

В статье рассматривается развитие и современное состояние преференциальных территорий в России. Сопоставлены цели учреждения особых экономических зон (ОЭЗ) и территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), а также требования к резидентам. Проведен сравнительный анализ результатов функционирования таких территорий по численности резидентов, объему привлечённых инвестиций и др.

Ключевые слова: особые экономические зоны, территории опережающего социально-экономического развития, Россия, резиденты, инвестиции, результаты.

The article deals with the development and current state of preferential territories in Russia. The goals of establishing special economic zones (SEZ) and territories of advanced socio-economic development (TASED), as well as requirements for residents, are compared. A comparative analysis of the results of the functioning of such territories in terms of the number of residents, the volume of attracted investments is conducted.

Key words: special economic zones, territories of advanced socio-economic development, Russia, residents, investments, result.

Неотъемлемой частью отечественной экономики и налоговой системы являются определенные территории (зоны), в пределах которых действует специальный режим ведения бизнеса и налогообложения. Этот режим по ряду элементов, как правило, отличается от общеустановленного, действующего на всей территории России. Льготы, предоставляемые резидентам таких зон, носят характер налоговых, таможенных, визовых преференций, которые стимулируют предпринимательскую и инвестиционную активность юридических и физических лиц, ослабляют административное давление на бизнес. Целью данного исследования является проведение сравнительного анализа результатов функционирования преференциальных территорий нашей страны.

Характеризуя российские территории преференциального режима, к которым относятся ОЭЗ и ТОСЭР, следует отметить, что цели их создания и механизмы функционирования существенно различаются.

Результаты функционирования преференциальных зон в России

Преференциальная территория	Минимальная сумма инвестиций, млн руб.	Минимальная численность созданных рабочих мест, ед.	Количество преференциальных территорий, ед.	Численность резидентов, ед.	Фактический объем привлеченных инвестиций, млрд. руб.	Фактическое количество созданных рабочих мест, тыс.
ОЭЗ, в том числе			33	778	450,29	38
ОЭЗ ППТ	120	-	15	254	273,1	18
ОЭЗ ТВТ	120	-	7	454	169,7	18,8
ОЭЗ ТРТ	-	-	10	37	4,63	0,985
ПОЭЗ	400 (при строительстве); 120 (при реконструкции)	-	1	33	2,86	0,575
ТОСЭР, в том числе			110	1118	780,5	53
ТОСЭР на Дальнем Востоке	0,5	-	23	479	711,5	26
ТОСЭР в моногородах	2,5	10	87	639	69	27

Источник: составлено авторами по данным Минэкономразвития РФ, Министерства РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики.

Функционирование ОЭЗ регламентируется Федеральным законом от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (далее – Закон об ОЭЗ), где приведено следующее их определение: «Особая экономическая зона – часть территории Российской Федерации, которая определяется Правительством Российской Федерации и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны» [6]. Решение о создании ОЭЗ принимается Правительством РФ на основе заявки, подготовленной властями субъекта Российской Федерации. ОЭЗ создаются на длительный срок (49 лет).

В России законодательно разрешены и функционируют четыре типа особых экономических зон:

1) промышленно-производственные особые экономические зоны (ОЭЗ ППТ). Создаются для производства товаров и их последующей реализации. На сегодняшний момент ОЭЗ ППТ располагаются в регионах страны с наиболее развитой экономикой. В таких регионах размещаются предприятия промышленного кластера, а также имеются квалифицированные трудовые и

богатые природные ресурсы, разветвленная транспортная инфраструктура. К резидентам ОЭЗ ППТ предъявляются требования о минимальной сумме инвестиций – не менее чем 120 млн рублей (из них не менее 40 млн рублей должны быть инвестированы в течение 3 лет со дня заключения соглашения). По состоянию на начало 2020 года резидентами ОЭЗ ППТ в России числились 254 компании, а общее число таких зон составило 15.

За период функционирования ОЭЗ ППТ резидентами вложено инвестиций в размере 273,112 млрд. рублей, создано около 18 тыс. рабочих мест. Объем выручки резидентов нарастающим итогом составил 576,56 млрд. рублей, а налоговые платежи и отчисления в государственные внебюджетные фонды – 62,1 млрд. рублей.

2) технико-внедренческие особые экономические зоны (ОЭЗ ТВТ). Создаются в целях стимулирования развития инновационной деятельности: создания и реализации научно-технической продукции, доведения ее до промышленного применения, включая изготовление, испытание и реализацию опытных партий, а также создание и внедрения программных продуктов. По состоянию на 1 января 2020 года в России функционировало 7 зон такого типа с общим числом резидентов 454 компании.

Резидентами данных зон создано 18,8 тыс. рабочих мест, осуществлено капиталовложений на сумму 169,679 млрд. рублей. Выручка резидентов составила 256,48 млрд. рублей, налоговые, таможенные платежи и отчисления в государственные внебюджетные фонды – 45,7 млрд. рублей [4].

3) туристско-рекреационные особые экономические зоны (ОЭЗ ТРТ). Создаются в целях развития туризма на определенной территории, а именно осуществления «деятельности по строительству, реконструкции, эксплуатации объектов туристской индустрии, объектов, предназначенных для санаторно-курортного лечения, медицинской реабилитации и отдыха граждан, а также туристской деятельности и деятельности по разработке месторождений минеральных вод и других природных лечебных ресурсов, в том числе деятельности по санаторно-курортному лечению и профилактике заболеваний, медицинской реабилитации, организации отдыха граждан, промышленному розливу минеральных вод» [4]. В отличие от ОЭЗ других типов, в ОЭЗ ТРТ разрешено размещение объектов жилищного фонда, однако не допускается применение процедуры свободной таможенной зоны. Данные зоны располагаются в самых привлекательных для путешествий и отдыха регионах России; предлагают обеспечение благоприятных условий для организации туристического, рекреационного, спортивного и других видов бизнеса. По состоянию на 1 января 2020 года в России функционировало 10 таких зон с 37 компаниями-резидентами.

В данных зонах нарастающим итогом создано 985 рабочих мест, осуществлено финансовых вливаний резидентами на сумму 4,625 млрд. рублей. Объем выручки резидентов составил 1,133 млрд. рублей, а сумма налоговых и социальных отчислений – 1,909 млрд. рублей.

4) портовые особые экономические зоны (ПОЭЗ). Учреждаются в целях создания «организации судостроительной и судоремонтной деятельности, предоставления логистических услуг, а также базы для новых маршрутов, находящейся в непосредственной близости от основных транспортных путей» [4]. К резидентам ПОЭЗ предъявляются требования по минимальной сумме инвестиций: при строительстве объектов инфраструктуры – 400 млн рублей; при реконструкции объектов инфраструктуры – 120 млн рублей (из них не менее 40 млн руб. в течение первых 3 лет). В России существует одна такая зона – ПОЭЗ «Ульяновск», резидентами которой являются 33 компании.

В ПОЭЗ создано 575 рабочих мест, осуществлено инвестиций на сумму 2,862 млрд. рублей. Объем выручки резидентов превысил 2,314 млрд. рублей, объем налоговых и таможенных отчислений 0,312 млрд. руб.

Таким образом, в нашей стране по состоянию на 2020 год в общей сложности функционируют 33 ОЭЗ с численностью резидентов 778 компаний, из них 144 – с привлечением иностранного капитала. За 15 лет существования общий объем фактически вложенных инвестиций

составил около 450,29 млрд. рублей. Резидентами было создано около 38 тысяч рабочих мест, уплачено более 100 млрд. рублей налоговых, социальных и таможенных отчислений.

ТОСЭР функционируют в России на основании Федерального закона от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» (далее – Закон о ТОСЭР) и Постановления Правительства РФ от 22.06.2015 № 614 «Об особенностях создания территорий опережающего социально-экономического развития на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» (далее – Постановление о ТОСЭР в моногородах) [5; 7].

Территория опережающего социально-экономического развития – «часть территории субъекта Российской Федерации, включая закрытое административно-территориальное образование, и (или) акватории водных объектов, на которых в соответствии с решением Правительства Российской Федерации установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности» [7]. Целями учреждения ТОСЭР, заявленными в Законе о ТОСЭР, являются «формирование благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечение ускоренного социально-экономического развития и создание комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения» [7]. Изначально (с 2015 года) ТОСЭР появились на территории Дальнего Востока (ТОСЭР ДВ) в целях привлечения инвестиций и выпуска продукции, конкурентоспособной на территории Азиатско-Тихоокеанского региона [2]. Сейчас их число составляет 23. На их территории запланировано к созданию 75 тыс. рабочих мест, из которых уже функционирует порядка 26 тыс., из общего объема заявленных инвестиций в 2,9 трлн. руб. вложены 711,5 млрд. рублей [1]. К резидентам предъявляются требования по минимальному объему привлеченных инвестиций в размере 500 тыс. руб.

С 2016 года, в связи с большим количеством монопрофильных городов с неблагоприятными социально-экономическими условиями, ТОСЭР стало возможно учреждать в моногородах. В свою очередь целями учреждения ТОСЭР в моногородах является выравнивание уровня социально-экономического развития. По состоянию на начало 2020 года было создано 87 территорий такого рода, в которых работает 639 резидентов. ТОСЭР в моногородах привлекли более 69 млрд. рублей инвестиций и создали около 27 тыс. рабочих мест. Общая выручка резидентов составила более 149 млрд. рублей.

На сегодняшний момент в общей сложности в России насчитывается 110 ТОСЭР с 1.118 резидентами. Данными территориями привлечено 780,5 млрд. рублей инвестиций, создано 53 тыс. рабочих мест.

Количественные результаты работы ТОСЭР за 5 лет являются более оптимистичными, нежели итоги деятельности ОЭЗ за время их 15-летнего существования. Однако нельзя не отметить, что на сегодняшний момент мониторинг эффективности ОЭЗ проходит ежегодно, регулярно выявляется и закрывается некоторое число убыточных зон. В то же время методика оценки эффективности функционирования ТОСЭР разработана лишь в 2019 году, и результатов мониторинга еще нет. На сегодняшний момент трудно дать общую оценку эффективности работы преференциальных территорий: несмотря на определенные достигнутые количественные успехи, социальная, экологическая и экономическая ситуация на рассмотренных площадках остается неоднозначной [2, 23; 3, 117]. Косвенные признаки, такие как убыль населения моногородов, ТОР и ОЭЗ Дальнего Востока, снижение продолжительности жизни населения, хищническое отношение к ресурсам, наряду с огромными государственными вливаниями финансовых средств на строительство инфраструктуры и существенным объемом выпадающих налоговых доходов бюджетов всех уровней, требуют постоянного мониторинга и своевременной коррекции управления преференциальными территориями. Остаются спорными вопросы, касающиеся привлечения на работу иностранной рабочей силы: с одной стороны, обеспечивается механический прирост трудоспособного населения, с другой стороны, мигранты создают угрозу национальной безопасности страны. Иностранный капитал, привлеченный на преференциальные территории, в основном вкладывается в перерабатывающие производства, нежели приводит с собой современные «высокие» технологии.

Литература

1. Дальневосточные предприниматели выбирают ТОР. Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики [Электронный ресурс]. URL: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/24590/>
2. Дегтярева И.В., Токарева Г.Ф., Шалина О.И., Неучева М.Ю. Особенности и проблемы территорий опережающего социально-экономического развития в России // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2018. № 3. С. 15–23.
3. Особые экономические зоны. Зарубежный и отечественный опыт // Под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 287 с.
4. Особые экономические зоны. Министерство экономического развития РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/osoby_economicheskije_zony/
5. Постановление Правительства РФ от 22.06.2015 № 614 (ред. от 26.04.2017) «Об особенностях создания ТОСЭР на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181759/
6. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599/
7. Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/

Промышленный туризм как перспективное направление развития регионального туризма в Республике Башкортостан

Industrial Tourism as a Promising Direction for the Development of Regional Tourism in the Republic of Bashkortostan

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.12)

**М. САЗЫКИНА, Э. МАМЛЕЕВА,
Н. ТРОФИМОВА, Г. ШИРЯЕВА**

Сазыкина Марина Юрьевна, канд. экон. наук, старший научный сотрудник Центра исследования территориального развития региона Института стратегических исследований Республики Башкортостан (ИСИ РБ). E-mail: sazykinamyu@isi-rb.ru

Мамлеева Эльвира Рашидовна, канд. экон. наук, старший научный сотрудник Центра исследования территориального развития региона ИСИРБ. E-mail: mamleevaer@isi-rb.ru

Трофимова Наталья Владимировна, канд. экон. наук, старший научный сотрудник Центра исследования территориального развития региона ИСИ РБ. E-mail: trofimovanv@isi-rb.ru

Ширяева Гульнара Филарисовна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики Академии ВЭГУ (Восточной экономико-юридической гуманитарной академии). E-mail: shiryaevag@mail.ru

В статье анализируются возможности развития промышленного туризма в Республике Башкортостан. Показана значимость промышленного сектора региона и перспективы использования объектов промышленности для профессиональной ориентации школьников. В качестве стартовой площадки развития индустриального туризма предложены промышленные предприятия Стерлитамакско-Ишимбайского узла.

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Республики Башкортостан молодым ученым № 19 ГР от 03.04.2020 г.

Ключевые слова: промышленный туризм, профессиональная ориентация, внутренний туризм, Республика Башкортостан.

The article analyzes the possibilities for the development of industrial tourism in the Republic of Bashkortostan. The importance of the industrial sector of the region and the prospects for the use of industrial facilities for vocational guidance of schoolchildren are shown. The industrial enterprises of the Sterlitamak-Ishimbai junction were proposed as a starting platform for the development of industrial tourism.

Key words: industrial tourism, professional orientation, domestic tourism, Republic of Bashkortostan.

Промышленный туризм представляет собой важное направление развития внутреннего туризма. Для поддержки и развития данного направления в России с 2020 года функционирует «Совет по развитию промышленного туризма в Российской Федерации», основной целью которого является координация действий всех заинтересованных сторон (промышленных предприятий, представителей федеральных и региональных органов власти).

В российской электронной библиотеке научных публикаций Elibrary аккумулировано более 600 работ, посвященных развитию промышленного туризма в таких регионах, как Санкт-Петербург, Алтайский край, Ярославская область, Приморский край, Ростовская область, Брянская область, Иркутская область, Оренбургская область, Воронежская область, Тульская область, Республика Татарстан.

Среди 370 научных работ, анализирующих развитие туризма в Республике Башкортостан, имеется лишь одна опубликованная статья, касающаяся промышленного туризма «Маршрут промышленного туризма на примере НПФ «Пакер» г. Октябрьского» (2015, авторы Карипова А.А., Данилова О.В.). При этом республика располагает промышленными объектами, которые могут быть интересны туристам.

Промышленный сектор в республике достаточно развит, согласно официальным статистическим данным, доля промышленности в общем объеме ВРП занимает до 30 % (см. рис.).

*Структура валового регионального продукта по отраслям экономики в 2017 г.
(в текущих ценах)*

Однако первые шаги в развитии промышленного туризма были предприняты только в 2020 году. В рамках российского промышленного форума состоялось подписание соглашения о сотрудничестве между Администрацией Уфы, технопарками и предприятиями города по

развитию промышленного туризма, а также между Агентством бизнес-туризма ООО «Майс Маркет» и ООО «Многопрофильный информационно-туристический центр «Уфа» [4].

Несмотря на положительный зарубежный опыт в сфере промышленного туризма, в большинстве российских регионах он не получил должного развития. К факторам, сдерживающим расширение географии промышленного туризма в России, относят:

- неприспособленность промышленных предприятий к массовому показу и сложность с обеспечением безопасности туристов;
- нехватка специалистов для организации экскурсий промышленной тематики;
- незаинтересованность местных и региональных органов власти в развитии данного направления туризма;
- необходимость соблюдения государственной тайны предприятий с особым режимом [1].

В Башкортостане ключевой площадкой для развития промышленного туризма могут стать промышленные предприятия Стерлитамакско-Ишимбайского узла. Предпосылками к этому служит следующее:

1) города Стерлитамак, Салават, Ишимбай являются промышленными площадками для сотен промышленных предприятий Республики Башкортостан, ведущими из которых являются предприятия республиканского машиностроительного комплекса, а также нефтехимические предприятия;

2) в 2020 году на территории Стерлитамакского, Ишимбайского районов, г. Стерлитамак и г. Салават была создана особая экономическая зона промышленно-производственного типа «Алга». К 2029 году на площадке ОЭЗ разместятся 17 резидентов со своими производствами. С десятью якорными инвесторами подписаны соглашения о намерениях по реализации проектов в сфере химической, пищевой промышленности и приборостроения.

Столь высокий потенциал предприятий Южно-Башкортостанской агломерации может привлечь и сформировать туристический поток двух основных групп:

- группы организованных школьников, для которых промышленный туризм выступит как метод обучения и воспитания по ранней профориентации и закреплению в регионе;
- группы организованных туристов, прибывших в геопарк «Торатау».

По первому направлению отметим, что численность обучающихся в государственных и муниципальных дневных общеобразовательных организациях в Республике Башкортостан растет. Если в 2010/2011 учебном году численность обучающихся составила 427998 чел., то в 2018/2019 учебном году численность выросла до 466303 чел. (на 8,9 % к 2010/2011 учебному году) [5; 6].

Важно отметить, что одним из видов миграции, в результате которой происходит значительный отток молодежи из региона, является образовательная миграция. С обучением связаны более 10 % всех выездов из республики [2].

Для лиц моложе трудоспособного возраста характерен наиболее высокий показатель миграционной убыли в регионе – 54,5 % [8].

Для преодоления сформировавшейся тенденции и нивелирования негативных последствий в будущем для экономики региона необходима заблаговременная профориентационная работа со школьниками. Раннее профессиональное ориентирование приобретает в условиях оттока населения с целью получения образования за пределы региона особое значение.

В целях профориентации на объекты промышленного туризма потенциально могут быть привлечены до 70 % школьников 5-11 классов, что составит 177563 чел. ежегодно (см. табл.).

Второе направление – привлечение на экскурсии на промышленные объекты туристов, посещающих геопарк «Торатау», который расположен на территории 4 районов: Ишимбайского, Стерлитамакского, Гафурийского, Мелеузовского. По оценкам экспертов, ожидается приток в геопарк «Торатау» более 500 000 туристов в год, которые могут посетить в том числе объекты промышленного туризма как в Южно-Башкортостанской агломерации, так и за ее пределами. Это позволит, с одной стороны, разнообразить времяпрепровождение гостей, а с другой

стороны – создать новые рабочие места в сфере туризма и обеспечить дополнительные поступления в региональный бюджет.

Численность обучающихся в государственных и муниципальных дневных общеобразовательных организациях по группам классов (на начало учебного года; человек) [5; 6]

Годы	Численность обучающихся	в том числе в классах		
		1–4	5–9	10–11
2010/11	427998	166550	209049	52399
2015/16	432092	187108	206757	38227
2016/17	444817	197276	209260	38281
2017/18	456550	208264	211021	37265
2018/19	466303	212641	216399	37263

Следует более активно изучить опыт других субъектов РФ. Так, например, в Нижегородской области активно развивается посещение действующих предприятий (Выксунский металлургический завод). Промышленные площадки Тульской области будут включены в федеральную промышленную туристическую карту [3]. Республика Татарстан, развивая промышленный туризм, рассчитывает на то, что данное направление поможет повысить узнаваемость республики и популяризировать продукцию местных производителей («КамАЗ», «Белый Кремль»).

В Челябинской области в сфере индустриального туризма акцент делается на горнозаводскую сферу. На примере Челябинского трубопрокатного завода туристам показывают, как работает «белая металлургия». В городе Сатка градообразующее предприятие «Магnezит» привлекает туристов современным музеем.

Правительство Кузбасса и Агентство стратегических инициатив приняли решение о сотрудничестве в сфере развития промышленного туризма в Кемеровской области. На территории области работают угольные, энергетические, химические компании. В Кузбассе уже есть положительный опыт сотрудничества с крупными предприятиями по организации туристической деятельности. Так, например, акционерное общество «Угольная компания «Кузбассразрезуголь» предоставило возможность посещения разреза Кедровский в рамках брендового тура Кузбасса по знаковым местам региона. На разрезе туристы познакомятся с современной технологией угледобычи и опытом предприятия по биологической рекультивации земель. Посещение Прокопьевской кондитерской фабрики также является обязательной экскурсионной точкой для туристических компаний Кузбасса. Кондитерское производство использует эти экскурсии в качестве инструмента маркетинга: экскурсоводы делают акцент на использование натуральных компонентов, раскрывают некоторые секреты профессии [7].

Очевидно, что индустриальный туризм обладает высоким потенциалом развития и необходимы меры его поддержки со стороны региональных властей.

Так, создание единой карты промышленного туризма Республики Башкортостан позволит систематизировать потенциальный информационный массив, включающий в себя объекты показа, описание туристских маршрутов, а также находящиеся рядом с объектами показа средства размещения.

Следует развивать такую модель промышленного туризма, которая будет включать в себя промышленные предприятия, туристические организации, туристов, школы, ссузы, вузы.

Для развития промышленного туризма важен поиск инновационных подходов к расширению сегментов рынка, и в общем к развитию данного вида туризма.

Необходима разработка маркетинговой стратегии развития промышленного туризма. Продвижение промышленных экскурсий на предприятиях может стать одним из механизмов укрепления промышленного бренда территории региона, повышения его инвестиционной привлекательности.

На наш взгляд, стартовой площадкой и местом реализации уникального сплава промышленного и туристического потенциалов региона может стать территория Южно-

Башкортостанской агломерации, перспективность которой обусловлена не только наличием геопарка «Торатау», но также концентрацией промышленных объектов, которые могут вызвать интерес у туристов.

Литература

1. Богомолова К.О., Танкиева Т.А., Пономарева М.В. Развитие промышленного туризма в Тульской области // Сервис в России и за рубежом. 2018. Т. 12. № 3 (81). С. 63–78.
2. Итоги обследования населения по рабочей силе в Республике Башкортостан: статистический бюллетень. Уфа: Башкортостанстат, 2018. 40 с.
3. Лебедева Т.Е., Лазутина А.Л., Сорокина А.А. Экономическое значение промышленного туризма для региона // Актуальные вопросы современной экономики. 2019. № 4. С. 1229–1237.
4. На Российском промышленном форуме презентовали проект развития промышленного туризма в Уфе [Электронный ресурс]. URL: <https://ufacity.info/press/news/352373.html>
5. Образование и культура в Республике Башкортостан: статистический сборник. Уфа: Башкортостанстат, 2013. 96 с.
6. Образование и культура в Республике Башкортостан: Статистический сборник, Башкортостанстат. Уфа, 2020. 136 с.
7. Правительство Кузбасса и АСИ договорились развивать промышленный туризм в регионе [Электронный ресурс]. URL: <https://asi.ru/news/154657/>
8. Трофимова Н.В., Мамлеева Э.Р., Сазыкина М.Ю. Образовательная миграция как угроза для устойчивого развития территории // Вектор науки ТГУ. Серия: Экономика и управление. 2019. № 3 (38).

Оценка характера инновационного развития Республики Башкортостан

Assessment of the Nature of Innovative Development of the Republic of Bashkortostan (DOI: 10.34773/EU.2020.6.13)

А. МИЛИЦКАЯ, Н. КУЗЬМИНЫХ

Милицкая Анастасия Олеговна, магистрант кафедры инновационной экономики Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: anastasya0027@mail.ru

Кузьминых Наталья Александровна, канд. экон. наук, доцент кафедры инновационной экономики ИНЭФБ БашГУ. E-mail: kashatan@inbox.ru

Данное исследование представляет собой обобщение различных подходов к оценке уровня инновационного развития. В результате выполненного анализа была предложена авторская методика определения характера инновационного развития и представлена апробация на примере Республики Башкортостан.

Ключевые слова: инновационное развитие, инвестиции, инновационная инфраструктура, интенсивность, экстенсивность.

This research is a synthesis of different approaches to assessing the level of innovative development. As a result of the analysis, the author's methodology for determining the nature of innovative development was proposed and testing was presented on the example of the Republic of Bashkortostan.

Key words: innovative development, investment, innovative infrastructure, intensity, extensiveness.

Снижение уровня инновационного развития в последние пару лет в России говорит не только о незаинтересованности в таком развитии, но и в возникновении проблем, обусловленных препятствиями, мешающими создавать и внедрять инновации, и усугубленных коронакризисом.

Это является одной из причин низкого уровня социально-экономического развития государства в целом по сравнению с достижениями ведущих стран в сфере инноваций. Но именно за этим небольшим количеством вполне серьезных проблем скрывается большое количество мелких трудностей, оказывающих влияние как на развитие организаций, так и на развитие региона, не позволяющих реализовать имеющийся потенциал.

Основными проблемами в инновационном развитии для Республики Башкортостан является недостаток инвестиционных ресурсов, несистемность инфраструктурного обеспечения для реализации и развития инновационного потенциала республики.

Несмотря на то, что Республика Башкортостан имеет неплохой потенциал развития как для инноваций, так и для привлечения инвестиций, с каждым годом объем поступающих средств снижается. Эта проблема касается не только инноваций, она касается в принципе всего того, что необходимо самому предприятию или региону для производства инноваций (либо формирования условий для их создания). Чтобы повысить уровень развития региона, необходимо повысить уровень инновационной активности предприятий, поэтому проблема недостатка инвестиций говорит о том, что у предприятий не хватает денег на простое внедрение новой технологии или хотя бы на замену оборудования. Поэтому в основном все предприятия имеют изношенные основные фонды, либо дешевую технику, что сказывается на качестве продукции, а также снижает спрос на технику или иные вещи, необходимые для производства инноваций, у российских компаний, которые постоянно конкурируют с дешевой импортной поставкой. С таким положением дел никакой речи о создании инноваций не может быть: они не могут быть созданы без применения новых технологий, без проведения исследований и изысканий – ключевых факторов, влияющих на успех продвижения новых технологий на рынок.

При этом Национальное Рейтинговое агентство [8] оценивает инвестиционную привлекательность Республики Башкортостан как IC3 («высокая инвестиционная привлекательность»). Башкортостан обладает средним потенциалом, при этом минимальным риском, республика занимает первое место среди регионов с минимальными экономическими рисками, что говорит о ее привлекательности в данной сфере.

Но в республике на протяжении нескольких лет в условиях сложной экономической ситуации – как в стране, так и в регионе – происходит отток инвестиционных ресурсов (см. рис. 1), что влечет за собой большое количество проблем, в том числе и недостаток вложений в науку и промышленность.

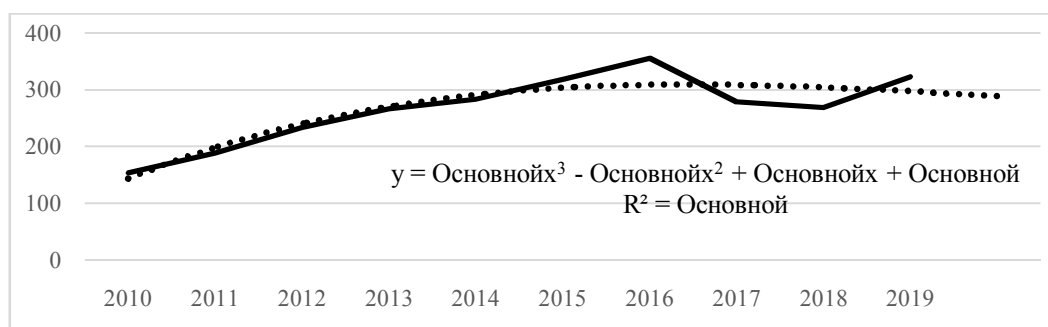

Рис. 1. Динамика инвестиций в основной капитал в Республике Башкортостан (млрд. руб.) [10]

При этом в 2019 году произошел сильный скачок инвестиций в основной капитал республики. Данный скачок был обусловлен тем, что стал реализовываться план по улучшению позиций республики в Национальном рейтинге состояния инвестиционного климата.

Для дальнейшего определения инновационного развития также необходимо рассмотреть динамику затрат на технологические инновации в Республике Башкортостан, что отражено на графике (см. рис. 2).

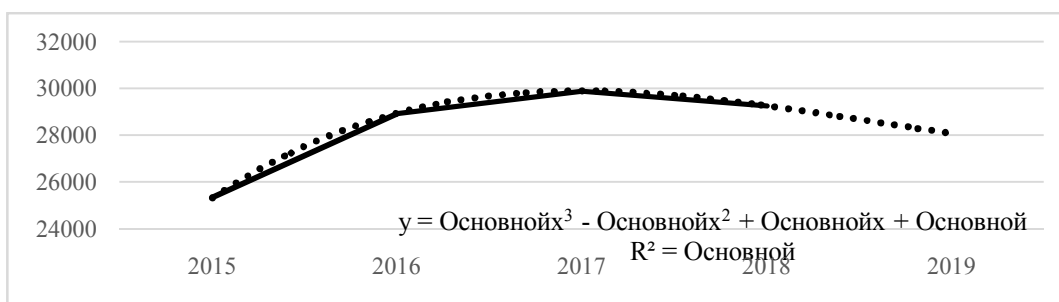

Рис. 2. Динамика затрат на технологические инновации в Республике Башкортостан (млн. руб.) [10]

Затраты на технологические инновации – фактические расходы, связанные с осуществлением различных видов инновационной деятельности, выполняемой в масштабе организации (отрасли, региона, страны).

Стоит отметить, что динамика имеет тенденцию к снижению, что опять говорит о сокращении затрат на производство инноваций.

Исходя из вышеприведенных показателей по инвестиционным ресурсам можно сказать, что в Республике Башкортостан, несмотря на рост объемов инвестиций в 2019 году, ожидается их сильный спад по причине нестабильной экономической ситуации в связи с короновирусной инфекцией. Которая, в свою очередь, сильно ослабила экономики стран, которые больше всего инвестировали в регион, например, Китай. Также стоит учесть, что республика не делает акцент на распределение инвестиций в развитие инновационных или научных предприятий – в основном средства направляются на развитие промышленности.

Анализируя инвестиционную обеспеченность инноваций, стоит сказать, что отсутствует правильное распределение ресурсов между областями науки и грамотное управление инвестиционными ресурсами на предприятиях. Это говорит о неэффективности использования данных финансовых средств, результатом же становится снижение потенциала республики, ухудшение инновационного климата и инновационной инфраструктуры.

Проблема качества инфраструктуры для развития инноваций в Республике Башкортостан также играет значительную роль. Наличие такой инфраструктуры обеспечивает комфорт как для создателей инноваций и предпринимателей, так и для потребителей этих инноваций на рынке. Следовательно, правительство или государство должно быть заинтересовано в том, чтобы создавать качественные, комфортные условия для повышения уровня инновационного развития. Если рассматривать реализацию многих проектов, которые создаются и государством, и региональным правительством, то можно сделать вывод, что реализуется далеко не все задуманное. Это означает, что у людей либо нет заинтересованности, либо не выполняются необходимые условия. Но при этом любая инновация может найти своего «хозяина», так как нет инноваций, которые не могут быть приспособлены к жизни общества. Стоит понимать, что создатель инноваций имеет определенную нужду (или видит определенную нужду общества / группы людей), соответственно, новая технология должна удовлетворять эти нужды. Государство же, видя эти нужды, должно понимать, что необходимо создать условия для их реализации.

Согласно Путеводителю инвестора по Республике Башкортостан [2], в 2019 году поменялся состав индустриальных парков: Башкирия ушла от двух специализаций – в сфере химической промышленности, а также связанных с землей и производством цемента, и пришла к агропромышленному сектору. По состоянию на конец 2019 года в РБ функционировало одиннадцать индустриальных парков. Что касается технопарков, их состав не изменился: на 2020 год их семь и основным местом сосредоточения является город Уфа. Башкортостан также не изменил состав кластеров: нефтехимия, радиоэлектроника, биотехнологии.

Несмотря на то, что технопарки не получают заметного развития, в 2019 году технопаркам Башкирии было позволено не платить налог на имущество. Это должно было повысить эффективность предприятий, которые функционируют на их территории, а также привлечь большее

количество рабочих. В настоящее время перед Министерством промышленности и энергетики РБ поставлена задача обеспечить создание 50 технопарков и промышленных парков в течение пяти лет.

По состоянию на начало 2019 года в республике было лишь два города со статусом ТО-СЭР, к концу года их стало пять, что говорит о стремительном росте. На территории республики функционирует особая экономическая зона «Алга», расположенная в Ишимбайском и Стерлитамакском районах. В данной зоне разрешено ведение промышленно-производственной и логистической деятельности. При этом на данных территориях пересмотрены условия по налоговым льготам в лучшую сторону, что должно привлечь большее количество инвестиций.

Другим немаловажным компонентом производственной составляющей являются центры коллективного пользования научным оборудованием. На 2020 год, согласно источнику [3], в Республике Башкортостан имеется 16 таких центров, из них 12 принадлежат УФИЦ РАН, и по одному центру – ведущим вузам республики.

В связи с указанными проблемами как президентом РФ [4], так и главой республики [5] было инициировано создание Евразийского научно-образовательного центра (НОЦ) Республики Башкортостан в рамках реализации национального проекта «Наука». Данный центр объединит организации высшего образования региона – БашГУ, УГАТУ, УГНТУ, УФИЦ РАН и Академию наук РБ. Также в состав НОЦ будут входить лидирующие компании республики по всем приоритетным отраслям: инжиниринг, биомедицина, генетика, энергетика, цифровые сети, цифровая «зеленая» химия. Созданная профессиональная группа должна получить от федерального бюджета 11,429 млрд. руб. [7].

Но это пока не решает существующие проблемы в регионе. В финансовой инфраструктуре есть недостаток инвестиций, в информационной – отсутствует единая сеть передачи данных, которая необходима в XXI веке, а сбытовая функция не реализована на внешнем уровне, в кадровой – отток молодых талантливых специалистов. Также существует конфликт интересов в имеющейся инфраструктуре за счет неквалифицированного персонала, который тянет за собой вниз все остальные виды инфраструктуры.

Все вышеуказанные проблемы порождают одну глобальную – низкий уровень инновационного развития региона. Но прежде чем предлагать какие-либо меры поддержки, целесообразно проанализировать характер инновационного развития Республики Башкортостан. Это позволит решать в первую очередь действительно важные проблемы – что в дальнейшем станет условием исправления не столь важных, но тем не менее серьезных недостатков.

Сегодня имеется широкий спектр методик оценки результатов инновационного развития и эффективности инновационной деятельности, а результаты этих оценок пользуются все большим спросом. Составляются рейтинги, индексы, барометры. Можно выделить больше десятка различных оценочных методик, связанных с инновационным развитием. При этом большинству оценок присущ научный подход, то есть имеющиеся индексы, рейтинги, барометры могут быть субъективными и отличаться между собой. У каждого инструмента по оценке развития есть свои особенности при расчетах. Приведем несколько примеров.

Так, Глобальному инновационному индексу, который составляется консорциумом Корнельского университета (США), Школы бизнеса INSEAD (Франция) и Всемирной организации интеллектуальной собственности, присуща высокая сложность расчетов.

Bloomberg Innovation Index, который в XXI веке пользуется большим спросом, напротив, является самым простым в расчетах. Согласно его методике, индекс учитывает расходы на исследования и разработки, показатели обрабатывающей промышленности, долю национальных высокотехнологичных компаний, долю работников с высшим образованием и долю людей, поступающих в вузы, исследовательский персонал, патенты.

Глобальный рейтинг университетов THE имеет более узкую направленность – показывается взаимосвязь университетов с промышленным сектором. Этот индекс также связан с U-Multirank [11].

Если рассматривать Российский инновационный индекс ВШЭ (Высшей школы экономики) [9], то можно обратить внимание на то, что в его методику входит определение интегрального индекса по различным блокам всех сфер экономики XXI века.

Другой методикой, созданной в России, является Рейтинг инновационных регионов России АИРР (Ассоциации инновационных регионов России) [6]. Данная ассоциация в своей оценке основывается лишь на количественных показателях, что говорит о более объективном характере получаемых данных. При этом сам рейтинг и его полный анализ могут использоваться как инструмент управления главами регионов, что значительно упрощает стоящую перед ними задачу.

Все имеющиеся индексы имеют как достоинства, так и недостатки. Одним из важнейших недостатков является недоработанность большинства методик: несмотря на то, что они постоянно совершенствуются, ни одна из них не дает полностью объективного результата. Поскольку большинство индексов основаны на научном подходе, это может говорить о субъективизме, что также не позволяет отразить точного результата в исследованиях. Другой важной проблемой является сама отчетность. Большинство документов, подаваемых, к примеру, в Росстат, имеют ошибки в расчетах, или показатели, характеризующие повседневную деятельность как инновационную в связи с недопониманием сути инноваций. Кроме того, организации не подают или скрывают ту или иную информацию, что приводит к занижению (или завышению) положения в рейтинге. При этом данная проблема практически не решается, так как ни одно крупное государство не может позволить себе полноценный контроль за каждой организацией.

Чтобы оценить характер инновационного развития Республики Башкортостан, следует провести анализ по показателям и охарактеризовать их.

В предлагаемой методике оцениваются интенсивность и экстенсивность инновационного развития на основе анализа по таким показателям, как коэффициент роста удельного веса инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг и коэффициент роста инновационной активности.

Интенсивность отражает качество реализуемых управленческих решений по инновационному развитию региона. Исходя из доступности статических данных и принципа минимальной существенной достаточности, предлагается интенсивность инновационного развития региона оценивать по показателю коэффициента роста удельного веса инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг [1].

Экстенсивность отражает масштаб инновационного развития региона. Исходя из доступности статистических данных и принципа минимальной существенной достаточности, предлагается экстенсивность инновационного развития региона оценивать коэффициентом роста инновационной активности.

При этом следует отметить, что коэффициенты роста определяются к базовому году, являющемуся отправной точкой оценки изменения тенденции.

На основе оценки показателей определяется характер инновационного развития с помощью предлагаемой матрицы (см. таблицу).

Определение характера инновационного развития позволяет определить стратегические направления повышения уровня инновационного развития.

На основе предлагаемого подхода проводится оценка характера инновационного развития РБ. Для Республики Башкортостан за базовый год принимается 2015 год, в котором завершилась программа развития инновационной деятельности, после чего рост показателей сменился их сокращением.

Учитывая это, произведен расчет показателей, который представлен в рисунке 3. В целом наблюдается тенденция к снижению показателей, что будет усугубляться и в дальнейшем согласно построенным прогнозным моделям.

Определение характера инновационного развития региона

	Коэффициент роста инновационной активности > 1	Коэффициент роста инновационной активности ≤ 1
Коэффициент роста удельного веса инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг > 1	Интенсивно-экстенсивный характер ИР (если коэффициент роста удельного веса инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг $>$ коэффициент роста инновационной активности). Экстенсивно-интенсивный характер ИР (коэффициент роста инновационной активности $>$ коэффициент роста удельного веса инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг)	Интенсивный характер ИР
Коэффициент роста удельного веса инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг ≤ 1	Экстенсивный характер ИР	Нейтральный характер ИР

Источник: предложено авторами

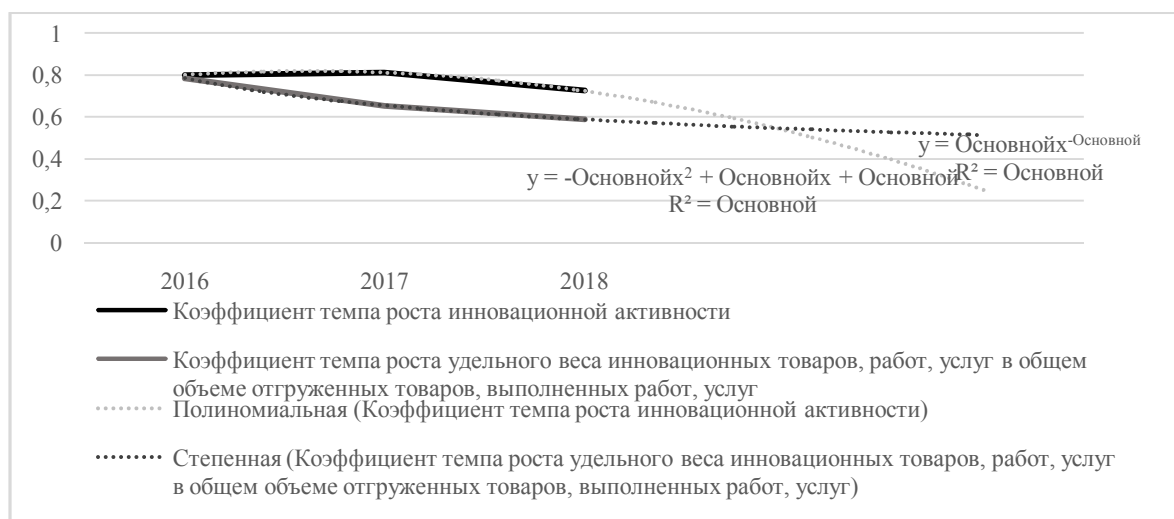

Рис. 3. Тенденция изменения показателей, отражающих характер инновационного развития РБ [10]

Исходя из таблицы, можно сделать вывод о том, что за анализируемый период Республика Башкортостан имела нейтральный характер инновационного развития, что говорит о бездействии в сфере инноваций как со стороны предприятий, так и со стороны государства. Для изменения ситуации необходимо активизировать инновационную деятельность в регионе, чтобы обеспечить его конкурентоспособность.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что Республика Башкортостан – перспективный регион с большими возможностями, которому не дают шанса на развитие как инфраструктуры, так и, в последующем, инноваций. Несмотря на довольно слабую инновационную деятельность предприятий, регион имеет уже готовый фундамент: разработанное законодательство, государственную поддержку, прирост инвестиций как в регион, так и в такую рисковую сферу, как инновации. Но нейтральный характер инновационного развития пока что не позволяет региону развиваться на полную мощь. Поэтому если решить указанные проблемы, то регион

может преобразиться – например, эффективность ОЭЗ «Алга» возрастет до уровня, демонстрируемого ОЭЗ «Алабуга», повысится эффективность работы технопарков, промышленных парков и научных центров. А это, в свою очередь, поможет привлечь как дополнительные иностранные инвестиции, так и – если республика, применив данную модель оценки характера инновационного развития, сможет повысить свой рейтинг среди регионов РФ – государственные средства.

Литература

1. Кузьминых Н.А. Интенсивность и экстенсивность инновационного развития // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2014. № 3. С. 51–56.
2. Министерство экономического развития Республики Башкортостан. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://economy.bashkortostan.ru>
3. Научно-технологическая инфраструктура Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ckp-rf.ru>
4. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
5. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Распоряжение Главы Республики Башкортостан от 19.07.2019 № 748-р [Электронный ресурс]. URL: <https://npa.bashkortostan.ru>
6. Официальный сайт Ассоциации инновационных регионов России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.i-regions.org>
7. Официальный сайт НОЦ Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: <https://nocrb.ru>
8. Рейтинг НРА инвестиционной привлекательности субъектов РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ra-national.ru/ru/ratings/provinces?type=rating>
9. Российский инновационный индекс ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2014/25368/3966.pdf>
10. Федеральная служба государственной статистики Республики Башкортостан. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://bashstat.gks.ru>
11. U-Multirank [Электронный ресурс]. URL: <http://pre.umultirank.org>

Влияние межбюджетных трансфертов на налоговый потенциал Республики Башкортостан

Impact of Inter-budget Transfers on the Tax Potential of the Republic of Bashkortostan (DOI: 10.34773/EU.2020.6.14)

Т. ИШМУХАМЕТОВ, Л. БАЙГУЗИНА

Ишмухаметов Тахир Рифатович, студент Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: zalrel@mail.ru

Байгузина Люза Закиевна, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов и налогообложения ИНЭФБ БашГУ. E-mail: lyuzab@mail.ru

В статье рассматривается влияние межбюджетных трансфертов на налоговый потенциал Республики Башкортостан, а также предложены пути улучшения финансового положения региона.

Ключевые слова: межбюджетные трансферты, налоговый потенциал, уровень бюджетной обеспеченности, бюджетный федерализм.

The article discusses the impact of inter-budget transfers on the tax potential of the Republic of Bashkortostan, and also suggests ways to improve the financial situation of the subject of the Russian Federation.

Key words: inter-budget transfers, tax potential, level of budget security, fiscal federalism.

Введение

Выбор темы обусловлен тем, что местные финансы и органы местного самоуправления являются важными компонентами бюджетной политики субъектов Российской Федерации и государства в целом. Практическая реализация положений нормативно-правовых актов осуществляется в форме распределения финансовой помощи бюджетным учреждениям, организациям. Данные межбюджетные отношения позволяют вышестоящим органам иметь представление о положении дел определенной территории и выстраивать грамотную бюджетную политику всего государства, учитывая интересы каждого субъекта и органа местного самоуправления.

Экономическое пространство Российской Федерации характеризуется крайней неоднородностью и сильной дифференциацией с точки зрения климатических, инфраструктурных, этнических, транспортных, экономических и других условий. Однако эти территориальные диспропорции можно смягчить. Ключевым инструментом, который используется для решения этой задачи, является система межбюджетных отношений. Особое значение этот инструмент приобретает в силу того, что большинство субъектов Российской Федерации и муниципальных образований являются субсидируемыми: из-за особенностей территории и численности населения не имеют возможности полностью самостоятельно обеспечить себя источниками финансирования, и вынуждены прибегать к дотациям, субсидиям и субвенциям [2].

Актуальные проблемы межбюджетных отношений

Актуальность изучения темы межбюджетных отношений определяется, прежде всего, проблемой регулирования межбюджетных отношений в российской экономике, которая все еще находится на стадии развития и становления.

Межбюджетные трансферты – это финансовые средства, перечисляемые от одного уровня бюджета бюджетной системы РФ другому уровню бюджета в этой же системе. Несомненно, межбюджетные отношения имеют большое значение для обеспечения устойчивости и, в конечном счете, развития экономики региона. В таблице 1 приведены состав и структура межбюджетных трансфертов.

Согласно данным таблицы 1, за рассматриваемый период объем межбюджетных трансфертов увеличился с 1578,1 млрд. рублей до 2085,2 млрд. рублей, то есть на 506,9 млрд. руб. Наибольшую долю в общем объеме межбюджетных трансфертов на протяжении всего

исследуемого периода составляли дотации. Их объем в 2019 году был равен 1035,5 млрд. руб. (с увеличением по отношению к 2017 году на 379,3 млрд. рублей или 58%), из которых 78,5% (644,5 млрд. руб.) дотаций было направлено на выравнивание бюджетной обеспеченности, а 16,3% (168,6 млрд. руб.) на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов. Из таблицы 1 видно, что около 45 % выделенных денежных средств было направлено десяти самым нуждающимся регионам России (из 72 регионов-получателей), то есть почти половина суммы была распределена между всего лишь десятью регионами. Объем субсидий в 2019 году составил 384,4 млрд. руб. (с увеличением по отношению к 2017 году на 26,1 млрд. рублей или на 7%), объем субвенций – 331,7 млрд. руб. (со снижением по отношению к 2017 г. на 2,6 млрд. рублей или 1%), объем иных межбюджетных трансфертов – 333,6 млрд. руб. (с увеличением по отношению к 2017 году на 104,4 млрд. рублей или 46%).

Таблица 1

Состав и структура межбюджетных трансфертов, предоставленных бюджетам субъектов Российской Федерации в 2017–2019 гг.*

Показатель	2017		2018		2019	
	в млрд. руб.	в % к итогу	в млрд. руб.	в % к итогу	в млрд. руб.	в % к итогу
Общий объем межбюджетных трансфертов, предоставленных федеральным бюджетом бюджетам субъектов РФ и муниципальных образований, в том числе:	1578,1	100	1703,0	100	2085,2	100
Дотации	656,2	41,6	759,0	44,6	1035,5	49,7
Субсидии	358,3	22,7	421,4	24,7	384,4	18,4
Субвенции	334,3	21,2	326,1	19,1	331,7	15,9
Иные межбюджетные трансферты	229,2	14,5	196,4	11,5	333,6	16,0

Выполнено по [4].

Метод исследования. С помощью статистического и аналитического метода исследования проанализируем объем межбюджетных трансфертов в Республике Башкортостан за 2020 год и на плановый период 2021–2022 годов, по данным закона [1].

Таблица 2

Межбюджетный трансферты Республики Башкортостан на период 2020–2022 годов

Показатели	2020 г.		2021 г.		2022 г.		Прирост показателей 2022 г. относительно 2020 г.
	сумма, тыс. руб.	доля, %	сумма, тыс. руб.	доля, %	сумма, тыс. руб.	доля, %	
Дотации	8 804 478,3	12,2	8 680 758,5	12,1	8 784 415,3	11,7	-0,2
Субсидии	18 296 443,3	25,3	16 593 458,8	23,2	17 608 428,1	23,4	-3,8
Субвенции	39 924 069,6	55,1	42 442 749,9	59,3	45 177 040,9	59,9	13,2
Иные межбюджетные трансферты	5 425 927,5	7,4	3 875 660,1	5,4	3 843 892,4	5	- 29,2
Всего	72 450 918,7	100	71 592 627,4	100	75 413 776,8	100	4,1

Составлено авторами по [1].

Исходя из анализа таблицы 2, объем межбюджетных трансфертов в Республике Башкортостан за 2020–2022 годов с каждым годом будет возрастать. Это связано с повышением роли государственной программы «Развитие образования в Республике Башкортостан». По сравнению с 2020 г., в 2022 г. финансирование по данной программе увеличится более чем на 5 млрд. рублей.

Эффективное использование межбюджетных трансфертов становится одной из главных задач в межбюджетных отношениях. Бюджетный Кодекс Российской Федерации основан на ряде принципов построения, один из которых является, на наш взгляд, наиболее важным – это принцип эффективности расходов бюджетов. Эффективность определяется, например, как достижение обозначенного результата при наименьших затратах, или как достижение наибольшего результата при установленном уровне затрат. Среди межбюджетных трансфертов, которые получают субъекты Российской Федерации, дотации составляют около 50%. Почему так происходит? Во-первых, это даёт большую самостоятельность органам государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления, но при этом позволяет обеспечивать такие показатели эффективности, которые будут стимулировать нижестоящие уровни управления. Во-вторых, регионы сами должны быть заинтересованы в улучшении качества жизни. Рассмотрим уровень дотаций по следующим показателям: индекс налогового потенциала; индекс бюджетных расходов и уровень бюджетной обеспеченности до распределения дотаций.

Индекс налогового потенциала – относительная (по сравнению со средним по Российской Федерации уровнем) оценка налоговых доходов консолидированного бюджета субъекта Российской Федерации, определяемая с учетом уровня развития и структуры налоговой базы субъекта РФ.

Индекс налогового потенциала применяется для сопоставления уровней расчетной бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации, и не является прогнозируемой оценкой налоговых доходов субъектов РФ в расчете на душу населения или в абсолютном размере (табл.3).

Таблица 3

**Расчет налогового потенциала и индекс налогового потенциала
Республики Башкортостан за 2020–2022 годы**

годы	Налоговый потенциал по видам налогов							Налого- вый по- тенциал по нало- гам, всего	Индекс налого- вого по- тенциала
	налог на при- быль	налог на до- ходы физи- ческих лиц	акцизы на ал- коголь- ную продук- цию, спирт этило- вый, вина и пиво	налог на имуще- ство ор- ганизаций	налог на до- бычу полез- ных иско- паемых	акцизы на нефтепро- дукты, за- числяемые по норма- тивам	прочие налоги		
	1	2	3	4	5	6	7	8=сумм (1:7)	9=(8/1) (РФ10/Р Ф1)
2020	59 463 901	64 036 574	10 679 520	9 778 831	793 097	13 759 792	23 215 912	181 727 625	0,649
2021	63 718 728	68 342 953	10 792 787	10 664 830	808 556	14 605 841	23 066 616	192 000 311	0,652
2022	67 497 572	73 410 891	11 957 390	11 743 310	830 545	17 822 242	24 321 362	207 583 312	0,648

Составлено авторами по [5].

По приведенным в таблице 3 данным видно, что значительную часть налогового потенциала составляют налог на прибыль и налог на доходы физических лиц. В 2020 году в общей

сумме налогового потенциала РБ налог на прибыль составил 32,7 %, а НДФЛ – 35,2 %. Далее по степени уменьшения идут прочие налоги, акцизы на нефтепродукты, налог на имущество организаций, акцизы на алкогольную продукцию, спирт и др., налог на добычу полезных ископаемых.

Рассмотрим показатели уровня бюджетной обеспеченности Башкортостана до распределения дотаций (табл. 4).

Таблица 4

**Показатели уровня бюджетной обеспеченности Башкортостана
до распределения дотаций за 2020–2022 годы**

Показатели	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Индекс налогового потенциала	0,649	0,652	0,648
Индекс бюджетных расходов	0,957	0,957	0,957
Уровень бюджетной обеспеченности до распределения дотаций	0,678	0,682	0,677

Составлено авторами по [5]

Индекс налогового потенциала Республики Башкортостан в среднем держится на уровне 0,650. Для примера рассмотрим индекс налогового потенциала Республики Татарстан, которая показывает хорошие результаты, и Республики Ингушетии. Если в Башкирии индекс налогового потенциала составляет примерно 0,645–0,655, то в Татарстане данный индекс находится в районе 1,060, то есть превышает уровень Башкирии более чем в полтора раза. В свою очередь, в Ингушетии данный индекс находится на уровне 0,180–0,190 – в 3,5 раза меньше, чем в Башкирии.

Проанализировав индекс налогового потенциала Башкортостана, можно сделать вывод, что налоговый потенциал республики не покрывает ее расходов, соответственно, регион нуждается в дотациях (уровень бюджетной обеспеченности <1).

Рассмотрим показатели УБО (уровня бюджетной обеспеченности) Республики Башкортостан в предыдущие годы. Это позволит нам проследить изменение индекса налогового потенциала (ИНП). Так, Минфином РФ для Республики Башкортостан были установлены следующие уровни (коэффициенты):

Таблица 5

Уровни (коэффициенты) для Республики Башкортостан

2006	2007	2008	2009	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
1,067	0,9106	0,8454	0,890	0,840	0,30	0,773	0,685	0,679	0,672	0,665	0,652	0,784	0,649	0,652	0,648

Таким образом, представленные в таблице 5 данные показывают, что УБО республики падал, что говорит об уменьшении ИНП региона. Нужно отметить, что в 2006 г. коэффициент УБО Башкортостана превышал единицу. Сейчас УБО субъекта находится примерно на том же уровне, что и в 2018 году.

Из 85 субъектов РФ по индексу налогового потенциала в 2019 году Башкирия занимала 44 позицию, находясь примерно в середине списка. Так как индекс налогового потенциала связан с налогами, не очень высокий показатель ИНП Башкортостана можно связать с неполной собираемостью налогов, а также с уклонением от налогов физических и юридических лиц. Кроме того, важно обеспечить эффективное расходование бюджетных средств.

Таким образом, межбюджетные трансферты оказывают значимую поддержку для регионов и играют огромную роль в их социально-экономическом развитии. Трансферты выравнивают бюджетную обеспеченность территорий, компенсируют нижестоящим бюджетам затраты на финансирование мероприятий общенационального значения, снижают социальную напряженность в регионе и так далее. Но важно не только получить трансферты, но и эффективно их использовать, преумножать полученные средства.

По нашему мнению, одним из эффективных способов повышения эффективности бюджетно-налоговой системы является увеличение степени ее децентрализации. Достичь этого можно за счет реализации следующих мероприятий. Расширить полномочия субфедеральных властей в сфере налогового администрирования в сочетании с некоторыми шагами по перераспределению ряда источников дохода между бюджетами разных уровней. Нарастить налоговую базу путем увеличения поступлений в региональный бюджет за счет налога на добавленную стоимость, акцизов и налога на имущество организаций. Осуществлять активную поддержку инвестиционной и инновационной деятельности преимущественно в форме налоговых преференций, налоговых каникул, субсидирования процентных ставок и развития лизинга. Данные мероприятия позволят увеличить долю обновления основных фондов, одновременно увеличатся объемы производства, прибыль, заработная плата, соответственно, возрастут налоговые отчисления.

Неэффективная финансовая деятельность регионов обесценивает значимость межбюджетных трансфертов. Как следствие, политика «горизонтального выравнивания» бюджетов регионов в такой ситуации не стимулирует рост и развитие субъекта, а наоборот, порождает иждивенческое поведение. Сегодня это действительно является проблемой, и ее нужно решать.

Литература

1. Закон Республики Башкортостан от 19 декабря 2019 года № 181-з «О бюджете Республики Башкортостан на 2020 год и на плановый период 2021 и 2022 годов» (в ред. от 10.04.2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.bashkortostan.ru/documents/active/283400/>
2. Вахрин П.И. Бюджетная система Российской Федерации. М.: Издательско-торговая корпорация Дашков и К', 2017. 446 с.
3. Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/
4. Распределение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации на 2020–2022 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2020/01/main/FFPR_2020_-2022.pdf
5. Bayguzina L.Z., Galimova G.A., Nurdavlyatova E.F., Ponomareva L.N. Globalization of financial system and its synergetic effect at regional level // European proceedings of social and behavioural sciences. 2019. T. 58. Pp. 209–216 [Electronic resource]. URL: <https://www.futureacademy.org.uk/files/images/upload/SCTCMG2018FA025.pdf>

Перспективы стратегического планирования деятельности нефтесервисных предприятий

Prospects for Strategic Planning of Oilfield Service Enterprises

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.15)

И. БУРЕНИНА, Т. ГАЙНУЛЛИН

Буренина Ирина Валерьевна, д-р экон. наук, профессор, директор Уфимской высшей школы экономики и управления Уфимского государственного нефтяного технического университета (УВШЭУ УГНТУ). E-mail: iushkova@yandex.ru

Гайнуллин Тимур Робертович, аспирант УВШЭУ УГНТУ. E-mail: timur-gainullin@mail.ru

В статье анализируются современные подходы к процессу управления стратегическим развитием и стратегического планирования на предприятиях нефтесервисной отрасли Российской Федерации. Рассмотрены основные подходы к процессу стратегического планирования с учетом специфики отечественной нефтесервисной отрасли и современной экономической ситуации на рынке углеводородного сырья, дана оценка текущего состояния нефтесервисной отрасли РФ, проведен PEST-анализ отрасли, предложен подход по улучшению текущего процесса стратегического планирования.

Ключевые слова: стратегическое управление, стратегическое планирование, нефтесервисная отрасль, развития, менеджмент.

The article analyzes modern approaches to the process of strategic development management and strategic planning in the oilfield services industry of the Russian Federation. The main approaches to the strategic planning process are considered, taking into account the specifics of the domestic oilfield services industry and the current economic situation on the hydrocarbon market, the current state of the Russian oilfield services industry is assessed, a PEST analysis of the industry is conducted, and an approach to improving the current strategic planning process is proposed.

Key words: strategic management, strategic planning, oilfield services industry, development, management.

Отечественная нефтесервисная отрасль имеет прямую зависимость от конъюнктуры рынка углеводородного сырья. Прежде всего, это обусловлено сильной зависимостью от заказчика, высокой локализованностью рынка и отсутствием международного бизнеса у подавляющего большинства отечественных нефтесервисных предприятий.

На данный момент текущие методы прогнозирования рынка и стратегического планирования достаточно полно освещены в исследованиях российской научной школы, при этом наблюдается высокая проработка комплексного подхода к процессу, без четкой привязки к отраслям промышленности [6; 7]. Однако существенные отличия в процессном управлении ресурсами предприятий различных отраслей экономики, значительно влияющие на представления менеджмента о специфике отраслей и взаимозависимости факторов для развития, делают вопрос адаптации подходов под специфику деятельности предприятий актуальным.

Отдельно стоит отметить, что, несмотря на широкий спектр инструментов стратегического планирования, общепризнанная методика, комплексно охватывающая все направления деятельности нефтесервисных предприятий и решающая конкретные проблемы, стоящие перед конкретной отраслью, отсутствует [4; 9; 10].

Важными для развития бизнеса являются вопросы корпоративной стратегии, определяющие не только сохранение текущих позиций на рынке, но и выступающие базисом для развития и усиления позиции предприятия среди других игроков на рынке [8; 12]. Основной целью хорошей стратегии является улучшение показателей бизнеса за счет достижения синергического эффекта от совокупности действий.

Предоставление услуг в области добычи нефти и природного газа является жизнеопределяющей отраслью экономической деятельности и условием успешного осуществления деятельности нефтегазовых компаний Российской Федерации. На данный момент на российском рынке

нефтесервисных услуг работают около 210 предприятий, которые условно можно поделить на три большие группы: прямо-зависимые (аффилированные) с крупными нефтегазодобывающими предприятиями, независимые, а также средние и мелкие предприятия, осуществляющие мелкий ремонт или производящие оборудование.

Особенности регулирования рынка добычи углеводородного сырья и вызовы, с которыми сталкивается отрасль – краткосрочные (пандемия и закрытие мировых экономик, падение цен на энергоносители, регуляторная политика ОПЕК+) и долгосрочные (системный кризис технологий, усиливающийся тренд на снижения спроса на нефть и природный газ, развитие альтернативной энергетики), – формируют нестабильную экономическую ситуацию для нефтегазодобывающих предприятий и, как следствие, нефтесервисных организаций, определяя производственные и управленческие проблемы отрасли на системном уровне.

Изменения рынка и глобальные вызовы позволяют делать прогнозы относительно банкротства нефтесервисных предприятий; этот глобальный тренд определит существенные изменения в подходах к планированию организационной, процессной и стратегической деятельности предприятий.

Падение цен на нефть в 2020 году зафиксировало уникальную для мировой практики ситуацию: в отдельные дни апреля стоимость одного барреля нефти марки Urals достигала отрицательного значения, теряя за сутки более 112 % (с 16 долл. США за баррель 20 апреля до – 2 долл. США за баррель 21 апреля). Подобная волатильность на рынке углеводородного сырья сформировала высокий уровень стресса и вынудила нефтегазовые компании сокращать издержки, а также пересматривать финансовые и производственные планы. Цепная реакция обусловила снижение объемов работ, выполняемых нефтесервисными предприятиями, прежде всего, пострадали игроки бурового рынка – исторически более капиталоемкого.

В таблице 1 приведены основные показатели рынка нефтесервисных услуг Российской Федерации. Наблюдается прямая корреляция мировых «нефтяных» кризисов с показателями деятельности в годовой перспективе.

Анализируя показатели деятельности, можно вывести тренд неравномерного процесса развития предприятий отрасли, имеющих прямую зависимость от заказчиков (нефтегазодобывающих предприятий) и от мировой рыночной ситуации на рынке углеводородного сырья. При этом перспективы развития имеют прямую корреляцию с огромным количеством факторов, составляя уравнение, где основными переменными являются ценовые факторы, последствия пандемии и действия регуляторных органов, что, в свою очередь, обуславливает значительное количество сценариев и прогнозов развития рынка.

Основным инструментом развития любого предприятия является продуманная и сбалансированная инвестиционная программа, позволяющая развивать бизнес, усиливать свою конкурентную позицию и, как следствие, развивать рынок в целом. Однако в 2020 году наблюдается значительный пересмотр инвестиционных программ с негативным трендом. Так, например, компания «Новомет», основной деятельностью которой является производство нефтесервисного оборудования, вынуждена была пересмотреть объем инвестиций в развитие бизнеса на 15-20 % в сторону сокращения, а крупнейший поставщик геологических услуг, «Росгеология» в связи с кризисом сократил инвестиции в развитие новых технологий в три раза.

Подобная тенденция диктует пересмотр текущей политики стратегического планирования, формируя новые специфические особенности, сформулированные ниже:

- Высокая адаптивность и гибкость подходов к стратегическому планированию – стратегическое планирование должно стать постоянным непрерывным процессом, аккумулирующим данные и вносящим коррективы в связи с текущей рыночной ситуацией;
- Анализ «больших данных», выстраивание системы сбора, обработки и систематизации всех групп данных: рыночных, производственных, технологических, политических и пр.;
- Минимальный коридор ошибок топ-менеджмента предприятий;
- Синергия практик и подходов стратегического планирования (как российской, так и зарубежной научных школ);

– Кооперация с крупными игроками, заказчиками и поставщиками услуг с целью выработки общего видения развития отрасли.

Таблица 1

**Основные показатели нефтесервисного рынка Российской Федерации
(2009–2019 гг.)**

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Объем нефтесервисного рынка, млрд. долл.	19,38	22,66	28,76	31,34	34,12	31,70	23,26	23,28	26,19	31,01
Объем бурения на нефть и газ в РФ (млн м)	16,2	19,2	20,3	22,1	23,7	23	25,8	28,6	33,1	36,7
Бурение, средние глубины и эффективность на тысячу метров проходки, тыс. тонн	2,4	2,2	2,1	1,7	1,7	1,5	1,8	2,2	2,5	2,8
на тыс. м проходки	2,7	2,9	2,9	3,1	3,2	3,2	3,2	3,6	3,9	4,2
Количество ремонтов, тыс. операций:										
ТРС	98	96	93	92	95	102	103	105	107	111
КРС	35	39	40	42	45	49	51	52	54	57
Покрытие скважин операциями ТКРС, %	93	94	92	90	93	99	98	99	100	105
Количество бригад ТРС и КРС, ед.:										
ТРС	907	864	853	808	842	947	958	985	989	994
КРС	1390	1487	1537	1581	1708	1856	1895	1930	1936	1941
Сейсморазведка в РФ:										
3D в тыс. кв. км	19	29	33	38	39	48	50	59	65	71
2D в тыс. линейных км	63	68	61	81	94	108	98	97	100	99

Источник: составлено авторами.

Для определения перспектив стратегического планирования деятельности нефтесервисных предприятий необходимо ввести основные факторы, прямо или косвенно влияющие на формирование сценариев развития:

- Производственные показатели (в ретроспективе 10 лет), позволяющие сформировать тренды развития и обеспечить глубокий анализ процессов, приносящих прибыль организациям;
- Финансовые факторы, определяющие CAPEX (капитальные затраты) и OPEX (операционные расходы) как нефтесервисных, так и нефтедобывающих предприятий;
- Технологические факторы, обуславливаемые качеством услуг и эффективностью технологического процесса, прямо влияющие как на развитие предприятия, так и на развитие отрасли;
- Инвестиционные факторы, прямо влияющие на развитие предприятия [5]. Разделяются на инвестиции в новые технологии и в развитие операционной деятельности;
- Государственные факторы, определяющие политику регулирующих органов исполнительной власти, и направленные на поддержку отрасли.

Все перечисленные факторы позволяют построить модели развития предприятия в трех основных концептуальных прогнозах:

- Оптимальный: ориентированный на оптимистичный сценарий развития рынка, позволяющий предприятию формировать стратегию развития с опережающими темпами;
- Усредненный: ориентированный на текущие рыночные показатели, позволяющий предприятию сохранять текущую позицию;
- Негативный: ориентированный на выживание бизнеса при негативном рыночном сценарии, готовность к внедрению антикризисных мер.

При этом важно понимать, что российский рынок имеет ряд специфических особенностей, влияющих на текущую деятельность и развитие нефтесервисных предприятий. В таблице 2 представлен PEST-анализ отрасли, позволяющий сформировать представление о текущем состоянии нефтесервисных предприятий.

Таблица 2

PEST-анализ нефтесервисной отрасли Российской Федерации

Политические факторы: - единые «правила игры» в энергетике для всех компаний; - высокий риск увеличения налоговой нагрузки; - толерантная политика государства	Экономические факторы: - высокая зависимость от ситуации на сырьевом рынке; - инфляция; - динамика курса валют; - высокие ставки по кредитам.
Социальные факторы: - зависимость спроса на нефтесервисные услуги от социокультурных факторов минимальна; - дефицит квалифицированных кадров; - защита окружающей среды, охрана труда	Технологические факторы: - долгосрочным трендом ближайших десятилетий является снижение потребности в нефтепродуктах; - усложнение технологической среды нефтесервиса.

Источник: составлено авторами.

Таким образом, перед предприятиями, оказывающими услуги в области нефтесервиса, сформирован ряд вызовов – технологических, экономических, управленческих и кадровых, которые требуют пересмотра процесса стратегического планирования и внедрения новых подходов в управлении бизнесом.

Литература

1. Анализ основных мотивов слияний и поглощений // Менеджмент в России и за рубежом. 2011. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cfin.ru/press/management/2001-5/04.shtml>
2. Аналитическая компания Deloitte: отчет о состоянии и перспективах развития нефтесервисного рынка России 2014 // Нефтегазовая Вертикаль. 2014. № 22. С. 67–72.
3. Акофф Р. Планирование будущего корпорации. М.: Прогресс, 1985. 327 с.
4. Буренина И.В., Захарова И.М. Стратегическое и текущее планирование на предприятиях нефтяной и газовой промышленности: учебное пособие. Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2009.
5. Макулова А.О., Тасмуханова А.Е. Рискобразующие факторы нефтесервисных компаний // В сб. «Актуальные вопросы экономики и управления в нефтегазовом бизнесе». Материалы I Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 101–104.
6. Мусина Д.Р. Применение SPACE-метода для оценки стратегии нефтегазовой компании // Вестник ВЭГУ. 2013. № 1. С. 49–55.
7. Мусина Д.Р., Кашеварова Ю.А. Апробация методики оценки стратегии развития вертикально-интегрированной нефтяной компании на примере ОАО «АНК «Башнефть» // Электронный научный журнал «Нефтегазовое дело». 2013. № 1. С. 418–427.
8. Низамова Г.З., Мусина Д.Р. Стратегическое планирование инновационного развития компании методом Форсайт // Интернет-журнал «Науковедение». 2016. Т. 8. № 5. С. 48.
9. Тасмуханова А.Е. Стратегический анализ нефтесервисной отрасли // Вестник экономики и менеджмента. 2019. № 1. С. 13–19.

10. Хасанова Г.Ф., Буренина И.В. Совершенствование процесса стратегического управления посредством достижения стратегического единства компании // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2012. № 6. С. 4–8.

11. Энергетическая стратегия России до 2030 года: [утверждена распоряжением Правительства РФ от 13.11. 2009 г. № 1715-п]. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94054/f50e5f99cb9b0fedce1e1e3378abc0dcba942948/

12. Gaifullina M.M., Musina D.R., Nizamova G.Z., Alexandrova O.A. Formation of strategy of effective management of fixed production assets of oil company. Advances in Economics Business and Management Research. Proceedings of the International Conference on Trends of Technologies and Innovations in Economic and Social Studies. 2017. С. 185–190.

Развитие корпоративного контроля в условиях цифровой трансформации бизнеса

Development of Corporate Control in the Context of Digital Business Transformation (DOI: 10.34773/EU.2020.6.16)

Л. ВАНЧУХИНА, О. БАДРЕЕВА

Ванчухина Любовь Ильинична, д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой «Корпоративные финансы и учётные технологии» Уфимского государственного нефтяного технического университета (УГНТУ). E-mail: bu1996@yandex.ru

Бадреева Ольга Альфировна, экономист отдела финансирования и экономического планирования УГНТУ. E-mail: obadreeva@mail.ru

В статье рассматриваются изменения структурных элементов корпоративного контроля в условиях цифровой трансформации бизнеса. Анализ системы корпоративного контроля в аспекте подхода COSO¹ позволил определить новую роль корпоративного контроля в достижении эффективности деятельности компаний. Раскрыты результаты использования цифровых технологий третьей платформы в осуществлении функций корпоративного контроля, основные проблемы, обусловленные их внедрением в контрольную среду и процедуры контроля.

Ключевые слова: корпоративный контроль, концепция COSO, цифровая трансформация, цифровые технологии, информационные риски.

The article discusses changes in the structural elements of corporate control in the context of digital business transformation. The analysis of the corporate control system in the aspect of the COSO approach allowed us to determine the new role of corporate control in achieving the efficiency of companies. The main problems caused by the introduction of digital technologies of the third platform in the control environment and control procedures, the manifestation of which is associated with information risks, are revealed. The main results of using digital technologies in the implementation of corporate control functions are defined.

Key words: corporate control, COSO concept, digital transformation, digital technologies, information risks.

Признавая корпоративный контроль неотъемлемым компонентом системы корпоративного управления, которая в настоящее время проходит первоначальный период цифровизации управленческих процессов, необходимо, на наш взгляд, провести анализ сложившейся практики корпоративного контроля и представить будущие изменения в его механизме в условиях цифровой трансформации бизнеса.

Определение сущности корпоративного контроля рассмотрим с позиций авторов, представленных в табл.1. [2].

¹ The Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission (англ.) – Комитет организаций-спонсоров Комиссии Тредвея.

Таблица 1

Авторские понятия корпоративного контроля

Автор определения	Определение корпоративного контроля
Кукукина И.Г.	Результат решений субъектов корпоративных отношений
Искужин И.Р.	Под корпоративным контролем следует понимать возможность оказывать влияние на процесс принятия управленческих решений, принимаемых органами корпорации
Кирилловых А.А.	Корпоративный контроль как возможность субъектов формулировать, принимать решения, связанные со стратегией, или влиять на их принятие
Шиткина И.С.	Определение решений субъектами корпораций как результат распределения власти. Возможность определения стратегии, целей корпорации – одна из функций корпоративного контроля

Анализ определений раскрывает цель корпоративного контроля – отслеживание эффективности деятельности при принятии управленческих решений как самой корпорации, так и отдельных её структур; выявление недочётов и нарушений в деятельности; проведение работы по снижению рисков, свойственных деятельности корпорации, что позволяет быть уверенным в достаточном уровне финансовой безопасности для развития в долгосрочном периоде.

Корпоративный контроль обеспечивает обратную связь субъектам управления, реализуемую через получение и анализ информации о состоянии субъекта для оценки уровня воздействия на него контролируемого управленческого решения. Результатом такой связи являются корректировки управленческих решений или принятие новых.

На практике реализация корпоративного контроля усложняется с учётом сложной структуры корпоративного управления, территориальной удалённости бизнес-единиц, различных целей и задач корпорации. Поэтому становятся актуальными аспекты эффективности корпоративного контроля.

На наш взгляд, необходимо раскрыть понятие системы, поскольку корпоративный контроль рассматривается как система взаимосвязанных элементов (табл. 2.) [6].

Таблица 2

Понятие системы и ее основные свойства в интерпретации различных авторов

Автор определения	Определение системы
Шорина В.Г.	Множество объектов с набором связей между ними и между их свойствами, т.е. все, состоящее из связанных друг с другом частей
Берталанфи Л.	Комплекс элементов, находящихся во взаимодействии и единстве
Топоров В.Н.	Совокупность элементов, организованных таким образом, что изменения, исключения или введение нового элемента закономерно отражаются на остальных элементах
Никешин С.Н.	Совокупность взаимосвязанных элементов, образующих определённое единство и целесообразность

Системный подход позволяет комплексно подойти к задачам исследуемого объекта, установить связь и влияние элементов системы на её состояние в целом.

В целях повышения эффективности управления корпоративным контролем и уменьшения рисков систему корпоративного контроля требуется рассматривать в аспекте подхода COSO (концептуальные основы управления рисками организации).

Процесс организации риск-ориентированного подхода корпоративного контроля охватывает следующие взаимосвязанные элементы системы, представленные на рис. 1.

Рис. 1. Основные элементы корпоративного контроля согласно подходу COSO

По нашему мнению, мы наблюдаем характерное изменение не только информационной среды корпоративного контроля, но и изменение подхода в организации контроля на основе интеграции и внедрения ИТ-технологий.

В связи с этим стоит выделить следующие элементы, которые могут подвергнуться значительным изменениям. Под управлением и культурой (контрольной средой) корпорации стоит понимать не только осуществление надзорных функций Советом директоров, что часто отмечается в российской практике, но и разработку и внедрение подходов по эффективности управления рисками. Информация и коммуникация – один из значимых элементов системы, поскольку именно он отвечает за внедрение информационных технологий в процесс формирования данных и их использование при принятии эффективных управленческих решений. Выделенные элементы системы контроля позволяют определить и сформулировать основные направления системы корпоративного контроля.

В цифровой среде корпоративный контроль отвечает за риски финансовой безопасности, обусловленные электронными технологиями, в частности, за информационные. Виды информационных рисков включает в себя: риски ошибок программного обеспечения, приводящие к моментальному повторению информации во множестве показателей, риски мошенничества в IT-сфере, риск недостоверности информации, который связан с низкой адаптацией хозяйствующих субъектов к цифровизации [3; 4].

Если в информационной среде прошлое отражено неверно, то и настоящее будет искажаться, а значит, препятствовать в будущем достижению целей корпорации. Поэтому возрастает роль субъекта контроля в обеспечении высокого уровня достоверности информационных потоков (табл. 3) [9].

В качестве субъектов корпоративного контроля стоит понимать лиц корпорации, ответственных за результат деятельности, а также за эффективность системы.

Характеристика функционала субъектов системы корпоративного контроля

Субъект системы корпоративного контроля	Основные функции, влияющие на качество информационного обеспечения контрольных процедур
Совет Директоров	Определение стратегии корпорации Обеспечение эффективности функционирования корпоративного управления и контроля через институт ответственности
Комитет совета директоров по аудиту	Разработка политики в области корпоративного контроля и риск-менеджмента
Руководитель компании	Обеспечение эффективности на достаточном уровне функционирования системы контроля через институт ответственности
Менеджер риска	Отвечает за идентификацию, анализ и организацию мероприятий по управлению рисками

Каждый из представленных субъектов обладает определенным функционалом, который отвечает за осуществление корпоративного контроля. В частности, в функциональные обязанности Совета Директоров включаются действия по обеспечению эффективности функционирования системы контроля. В функции такого субъекта, как, например, менеджер риска или финансовый директор, входят анализ и оценка рисков, которые относятся к определённой бизнес-структуре.

Цифровая трансформация бизнеса предусматривает изменение бизнес-модели и наличие информационной среды управления с новым уровнем прозрачности и транспарентности. Кроме того, использование в обеспечении эффективности функционирования бизнеса технологий так называемой третьей платформы (промышленный «Интернет вещей», блокчейн, искусственный интеллект, «большие данные»), создают среду, где реализуется интеграция и взаимодействие участников экономических отношений, возникающих в деятельности корпорации [7]. Эта же информационная среда позволяет перейти к формированию интегрированной отчетности, которую можно рассматривать как начальное условие формирования цифровой среды, отвечающей целям деятельности корпорации [8].

С развитием современных технологий информационные системы трансформировались в важнейший компонент системы управления корпорацией, представляя собой необходимое условие обеспечения конкурентоспособности. На практике системы управления и контроля в российских компаниях разобщены. Поэтому актуально такое направление совершенствования управления как разработка управляющей системы информационного обеспечения с целью формирования единого информационного пространства управления и контроля. Создание такой единой системы невозможно представить без использования потенциала облачных систем, главная задача которых – хранение и обработка большого массива данных. Они позволят обеспечить эффективность корпоративного контроля через такие составляющие, как оперативность и сокращение временных затрат. У облачных систем есть и другие преимущества. Во-первых, это доступ к данным в режиме реального времени, что позволяет сократить время на поиск необходимой информации. Во-вторых, запрос по необходимым данным с любого устройства и места, что делает доступ к данным постоянно открытым. В-третьих, обеспечение информационной безопасности, поскольку в обычных системах она, как правило, на уровень ниже, чем в облачных системах.

Также повышение эффективности корпоративного контроля возможно достичь за счёт использования блокчейн-технологии, популярность которой для проведения учётных операций и контроля возрастает. Блокчейн, являясь базой данных в виде системы блоков, построен на уникальном для целей контроля принципе «каждый последующий блок содержит информацию о предыдущих». Внесение исправлений в информационный массив возможно только при их

подтверждении всеми участниками цепочки формирования информации. Кроме того, преимуществами использования блокчейна являются возможность проверки данных участниками цепочки формирования информации и дифференцированные уровни доступа к ней [1].

В такой информационной среде весь информационный поток от разных структурных подразделений, бизнес-единиц будет поступать в различные информационные системы (системы электронного документооборота, цифровые двойники процессов, специализированные информационные модули, учётные системы). После обработки данных в этих системах вся информация будет храниться на облачном сервере, а применение блокчейн-технологии позволит использовать информацию в режиме, близком к реальному времени.

В таблице 4 раскрыто, как решаются проблемы корпоративного контроля за счёт преимуществ цифровых технологий.

Таблица 4

Результат использования цифровых технологий в системе корпоративного контроля

Проблемы корпоративного контроля	Вид цифровой технологии для решения проблемы	Результат использования цифровых технологий
Разобщённые информационные системы	Применение облачных систем для сбора всей информации в один информационный блок	Информация будет храниться в одной облачной системе, позволит получать информацию в режиме реального времени, позволит уменьшить временные затраты на поиск информации
Возможность скрыть информацию	Технология блокчейн	Данная технология позволит получать прозрачную информацию, уменьшение риска коррупционных действий
Некомпетентность работников, отсутствие навыков работы с программными продуктами	Переподготовка кадров в условиях цифровизации бизнеса	Позволит сформировать достаточные цифровые компетенции с учётом новой информационной среды

Как видим, внедрение корпорацией цифровых технологий для целей корпоративного контроля предполагает:

- 1) формирование новых компетенций работников корпорации, поскольку в условиях изменения среды возникнет необходимость использования новых программных продуктов;
- 2) обеспечение высокого уровня информационной среды корпорации;
- 3) разработку систему безопасности, которая позволит сохранить конфиденциальные данные компании.

Подчеркнем, что при переходе на цифровые технологии возникают новые проблемы, такие как:

- 1) ограниченность доступа к сети Интернет на отдельных территориях ведения деятельности;
- 2) изменение влияния человеческого фактора на результаты контроля, так как использование информационных технологий в процедурах контрольных мероприятий может приводить к значительным размерам негативных последствий из-за низкого уровня цифровых компетенций персонала по использованию программного модуля;
- 3) возникновение новых видов угроз деятельности: цифровая трансформация позволяет каждому заинтересованному лицу легко и доступно использовать большие объёмы информации, при этом даже неумышленное ее искажение (копирование), или несанкционированная передача влекут за собой материальный ущерб компании.

Программное обеспечение в аспекте информационных рисков можно характеризовать, как одну из значительных угроз уровню финансового состояния, поскольку ошибки, возникающие в процессе его разработки, приводят к таким рискованным событиям, как остановки производственного процесса или нарушение технологических режимов эксплуатации оборудования.

Защита информации от утечек требует от компании значительных расходов, увеличение которых наблюдается ежегодно. Обеспечение информационной безопасности также является одним из приоритетных направлений программы «Цифровая экономика РФ», на которое в периоде 2018-2020 гг. предусматривалось выделение более 22 млрд. руб. и оценка вклада бизнеса исчислялась 11,7 млрд. руб.[4].

В заключение отметим, что при цифровой трансформации бизнеса в системе управления учет и контроль рассматриваются не как процессы, формирующие информацию о состоянии и изменении всех видов капиталов и используемых ресурсов, а признаются условием создания среды взаимодействия лиц, принимающих управленческие решения на основе интеграционного подхода.

Рассмотренные изменения системы корпоративного контроля позволяют сделать вывод как об изменении места контроля в системе управления корпорации, так и о признании типа предварительного контроля как приоритетного в условиях цифровизации управленческих процессов, что является отличием от действующей практики, в которой, как правило, контроль является последующим.

Литература

1. Баев А.А., Левина В.С., Реут А.В., Свидлер А.А., Харитонов И.А., Григорьев В.В. Блокчейн-технология в бухгалтерском учёте и аудите // Учёт. Анализ. Аудит. 2020. № 7. С. 69–79.
2. Баишева А.Т. Совершенствование системы корпоративного контроля в холдингах (Российская Федерация) // Российский экономический интернет-журнал. 2017. № 4.
3. Гимранов Р.Д. Группировка угроз и рисков экономической безопасности цифрового предприятия нефтегазовой отрасли: ситуационный подход // Креативная экономика. 2020. № 7. С. 1291–1310.
4. Коротеева М.А. Влияние цифровой экономики на финансовую безопасность // Научные записки молодых исследователей. 2018. № 3. С. 56–61.
5. Литвинова И.С. Реализация «Умного бухгалтерского учёта» с помощью облачных технологий // Аудит и финансовый анализ. 2019. № 5. С. 18–22.
6. Мисхожев Э.Р., Магомедов М.Н. Теоретические аспекты организации системы внутреннего аудита на экономическом субъекте // Аудит и финансовый анализ. 2019. № 3. С. 71–76.
7. Мусина Д.Р., Янгиров А.В., Насырова С.И. Региональный аспект цифровизации экономики // Евразийский юридический журнал. 2019. № 10. С. 395–397.
8. Сафина Р.Р., Асаева К.А. Применение информационных технологий в практике внутреннего аудита // Экономика и управление. 2020. № 3. С. 57–62.
9. Musina D.R., Biryukova V.V., Gareeva Z.A., Yangirov A.V., Nasyrova S.I. Improving the risk management system in oil production // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. International Science and Technology Conference «EarthScience». 2020. Pp. 62–70.

Организационное проектирование в условиях трансформации структуры факторов производства

Organizational Design at the Production Factors' Structure Transformation

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.17)

К. КАЧАЛКИНА, Д. КОТОВ

Качалкина Кристина Геннадиевна, соискатель степени канд. экон. наук Уфимского государственного нефтяного технического университета (УГНТУ). E-mail: kkachalkina@gmail.com

Котов Дмитрий Валерьевич, д-р экон. наук, профессор Института нефтегазового бизнеса УГНТУ. E-mail: koroltay@mail.ru

В статье рассмотрены вопросы совершенствования организационных процессов современных фирм во взаимосвязи с изменениями важности отдельных факторов производства. Показано, что усиление личных факторов производства принципиально трансформирует не только тип организационной структуры управления (ОСУ), но и саму сущность организационных процессов. Показано, что важнейшим для повышения эффективности фирм становится вопрос о рациональном учете человека в организационном проектировании. В итоге авторами предложены принципы построения ОСУ для современных фирм экономики знаний и обозначены направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: организационные процессы, организационные отношения, организационная структура управления, вещественные факторы производства, личные факторы производства, поведенческие особенности, эффективность управления, принципы построения организационных структур управления.

The article discusses the issues of improving the modern firms' organizational processes in relation to changes in personal production factors. It is shown that the strengthening of personal production factors fundamentally transforms not only the type of management organizational structure, but also the very essence of organizational processes. It is shown that the most important issue for improving the efficiency of firms is the question of rational accounting of a person in organizational design. As a result, the authors proposed the principles of constructing the management organizational structure for modern firms in the knowledge economy and indicated the directions for further research.

Key words: organizational processes, organizational relations, management organizational structure, material production factors, personal production factors, behavioral characteristics, management efficiency, principles of management organizational structures design.

Введение

Организационные процессы упорядочивают отношения, возникающие при распределении и выполнении частных производственных и управленческих задач. Они выполняют связующую роль, являются неотъемлемой частью совместной деятельности сотрудников и руководителей фирмы. При всей многогранности организационных процессов и принимаемых организационных решений в своей совокупности они отвечают на вопрос о том, как соединить и упорядочить использование факторов производства для достижения желаемых экономических результатов. Организационные решения с учетом всех ограничений технико-технологического характера, стоимостных параметров, социальных процессов и т. п. позволяют определить порядок использования факторов и во многом предопределяют эффективность их использования в фирме. Организационные решения определяют дизайн организационной структуры управления (ОСУ), подчиненность производственных звеньев, полномочий и регламентов принятых решений.

Принято говорить о том, что выстроенная организационная структура управления становится опорной частью для реализации функций в системе управления фирмой. На наш взгляд, это понимание достаточно однобоко или упрощенно. Организационную структуру можно рассмотреть, как некий всеобщий связующий элемент фирмы или организационную среду фирмы. При таком взгляде организационная структура управления формирует среду, в которой и

происходит использование факторов производства, превращение ресурсов в продукты и услуги для рынков. Соответственно, именно организационная структура, от рациональности которой зависит скорость принятия решений и их результативность, должна стать объектом теоретического анализа и результатом практического проектирования для фирмы. Адекватная факторам производства и рынкам организационная среда позволяет наиболее полно использовать ресурсы в экономических целях. Другие процессы фирмы – производство, маркетинг, планирование и т. п., протекающие в организационной среде, соединяются в ней и могут как ускоряться, так и тормозиться. В современных динамичных условиях опережающее развитие ОСУ фирмы позволит получить новые конкурентные преимущества за счет формирования условий эффективной реализации процессов по созданию ценности для клиентов.

1. Изменения в составе и структуре факторов производства в современной экономике

Не вызывает сомнения тот факт, что, управляя факторами производства, можно повышать эффективность фирмы. Традиционными факторами производства считаются труд, земля и капитал. Позднее к ним добавили факторы предпринимательских способностей и информации [2]. В настоящее время во многих научных работах выделяют новый фактор производства – знания [13; 21]. Последние три фактора производства – это предмет обсуждений. Дискутируют по вопросам: «можно ли отделять их от фактора труда? Чем различаются между собой знания и информация как средство производства? Как определить справедливую стоимость этих факторов?». При этом можно говорить о разделении факторов по группам в зависимости от владельца. Труд, предпринимательство и знания отнесем к группе «личных» факторов производства (ЛФП), которые неотделимы от носителя – человека. Тогда земля и капитал останутся в группе «вещественных» факторов производства (ВФП). Информация как фактор производства остается в отдельной группе, имея признаки и личных, и вещественных факторов. Отнести ее к личным не позволяет тот факт, что информация может накапливаться, храниться и отчуждаться от человека. Но, с другой стороны, владение информацией, собранной или накопленной кем-либо, не может принести ценности без соответствующих знаний. Эту специфику, практическое использование информации, требуется детально анализировать в процессах проектирования процессов управления.

Существенное влияние на соотношение и структуру факторов производства оказывает научно-технический прогресс (НТП), так как он изменяет производственные процессы. Меняются и рынки и, как следствие, начинает главенствовать другой фактор производства. В теоретических исследованиях достаточно подробно описана взаимосвязь между главенством того или иного фактора производства и типом социально-экономической системы [1; 3]. Большинство исследователей сходятся во мнении, что изменение соотношения личных и вещественных факторов и определяет смену типа социально-экономической системы [1].

Модели роста в экономике учитывают все большее влияние личных факторов производства на экономический рост. Эволюция моделей показывает, что с течением времени исследователи стали придавать большее значение человеку не столько как трудовому ресурсу, но как носителю талантов, знаний (таблица 1). Здесь явно выделяется зависимость компетенций работников и экономических результатов. Инновации, как результат творчества человека, опять же стимулируют НТП и меняют социально-экономические системы [4; 6; 8; 11; 14].

Роль личных факторов производства для конкурентоспособности фирмы возрастает с ходом НТП и развитием социальных отношений в обществе. Так, согласно исследованию Ю.А. Корчагина, структура совокупного капитала в странах Запада и Японии изменилась кардинально: в 1800 г. доля физического капитала составляла 78–80 %, человеческого капитала – 20–22 %, а в начале XXI в. уже доля человеческого капитала составляла 80 % против 20 % физического [7]. По данным Всемирного банка, в 2011 г. структура национального богатства мира составляла: 16 % – физический капитал, 17 % – природный, 66 % – человеческий (в первую очередь в виде созданных инноваций) [2]. Справедливости ради стоит отметить, что здесь присутствует некоторая терминологическая неточность. И кроме этого, хотя модели роста в теории и включают в себя знания и предпринимательство как отдельные факторы, расчеты на практике

носят спорный характер и не доказывают взрывного роста ВВП или производительности труда от их стимулирования [15; 17; 18; 19; 20].

Таблица 1

Эволюция моделей роста в экономике

Модель роста	Экзогенная модель	Эндогенные модели	Новые эндогенные модели
Авторы	Кобб-Дуглас, Солоу	Эрроу, Ромер, Лукас, Мэнкью, Вэйл	Гроссман и Хелпман, Агйон и Хоувитт
Период	1920-1950-е гг.	1960-1990-е гг.	1991-2000-е гг.
Производственная функция*	$Q=F(A,L,K)$	$Q=A(R)F(R,K,L)$ (Ромер) $Q=A(H)F(K,L)$ (Лукас)	$Q=F(A',L')$
Описание	Основные факторы – труд и капитал, НТП – следствие развития капитала (Кобб-Дуглас) или капитала и труда вместе (Солоу)	Развитие физического капитала из-за НТП требует развития работников, т.е. освоения ими новых знаний. Понятие человеческого капитала как фактора производства и стимула НТП	НТП связан с инновациями, появляются модели рынка с исследовательским сектором. Знания / информация – фактор производства
* Q – объем производства, A – технологический коэффициент, L – труд, K – капитал, R – результаты НИОКР частной компании, H – общий уровень человеческого капитала в экономике, A' – знания исследовательского сектора, L' – трудовые ресурсы, состоят из исследователей и рабочих			

Опираясь на труды российских и иностранных ученых, можно предположить, что в настоящее время ключевую ценность для большинства фирм составляют именно ЛФП как совокупность труда, знаний, предпринимательства, то есть как человеческий капитал. И эта ценность будет только расти. Поэтому эффективное управление носителем ЛФП становится все более актуальным. Мы предполагаем, что организационные отношения, возникающие по поводу использования факторов производства и отражающиеся в организационных структурах управления, должны совершенствоваться в первую очередь за счет эффективного включения самого человека в организационные процессы. Для этого нужно описать роль человека в современных процессах производства.

2. Тенденции по усилению влияния человека на результаты деятельности фирмы

Человек всегда занимал и занимает особое место в социально-экономических системах и в производстве как составной части таких систем. Во-первых, он является «носителем» ЛФП, которые от него неотделимы. Во-вторых, он также может быть владельцем ВФП. И, в-третьих, человек выступает потребителем продуктов и услуг, формируя таким образом рынки и социальную среду вокруг себя.

Традиционно собственник земли или капитала нанимал рабочего – человека, которому нечего было предложить, кроме своего труда (рисунок, а). С ходом НТП и изменением характера труда возросла роль других ЛФП, и характер взаимоотношений владельца вещественных и носителя личных факторов начал меняться и усложняться (рисунок, б). Все чаще конкурентоспособность фирмы стала зависеть теперь не столько от качества и количества земли или капитала, сколько от квалификации, опыта и компетенции рабочего. Не вдаваясь подробно в характеристику изменения трудовых отношений, отметим, что забота о человеческом капитале и лозунг «сотрудники – наше главное богатство» весьма характерны для постиндустриального общества.

Ключевая производственная функция человека сейчас – создание, распространение, изменение знаний, а знание – самостоятельный и наиболее производительный фактор [10]. Можно сказать, что капитал конкурирует за получение доступа к компетенциям и знаниям. Преимущества в договорных отношениях смещены к владельцам ЛФП, а в сложных производственных средах возникает множественность отношений. Характер этих отношений меняется, часто строится на сотрудничестве, договоренностях. В договорных отношениях еще более активно проявляются поведенческие особенности (ПО) человека в отличие от условий найма. Их влияние на

экономическое поведение успешно доказывается в настоящее время, и должно быть учтено в организационных процессах [12] (см. рисунок).

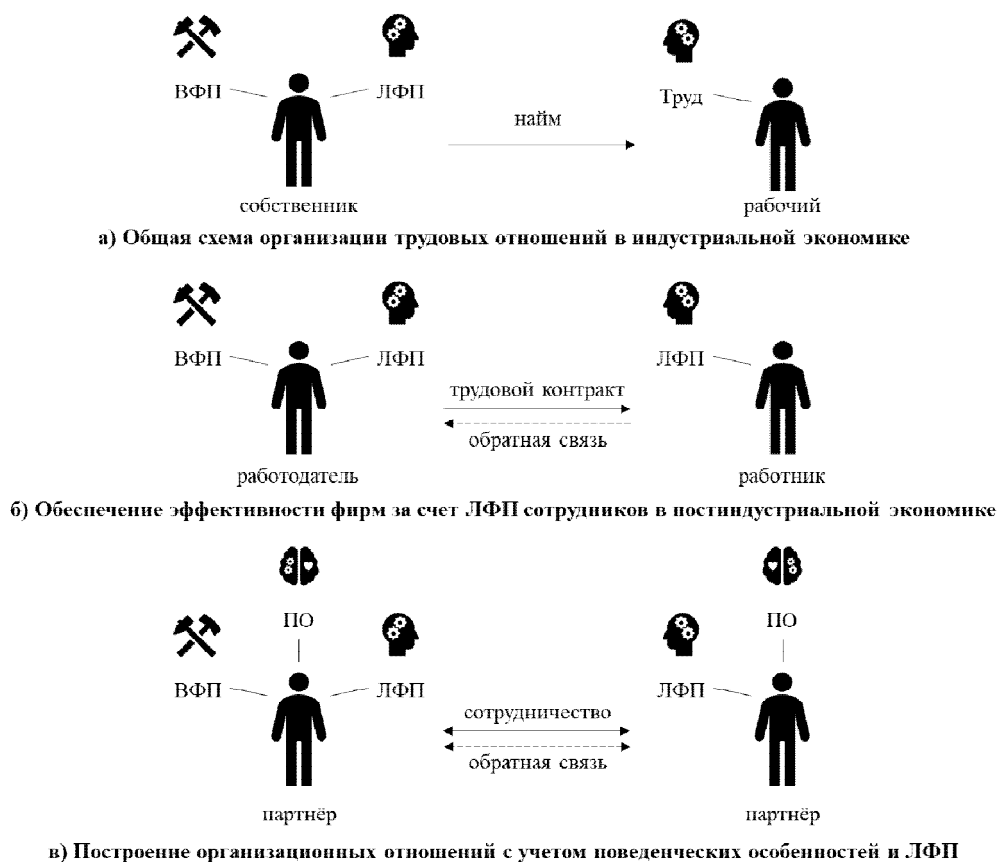

Рис. Изменение внимания к личным факторам производства в организационных процессах

В итоге, рост значимости ЛФП и социальное личностное влияние индивидуумов на организационные процессы трансформируют взаимодействие в отношении факторов производства, происходит «гуманизация» производственных отношений. Меняется роль человека и как владельца факторов производства, и как участника производственного процесса. Это находит отражение в изменении способов организации и использования факторов производства, в производственном процессе и участии в нем человека – то есть в подходе к построению организационных отношений.

3. Отражение структурных сдвигов в организационных процессах

Продолжим опираться на тезис о том, что отношения по управлению факторами производства фиксируются в форме ОСУ. Понимая, что ОСУ отражают и изменения взаимоотношений людей, рассмотрим, как люди организуются для использования факторов производства в фирмах, функционирующих в разных типах социально-экономических систем, как меняется при этом роль человека (таблица 2).

В доиндустриальном обществе ОСУ в современном понимании этого слова не существовало. В индустриальном обществе возникли первые механистические ОСУ: с четким подчинением, научным обоснованием форм кооперации и специализации труда, что вполне соответствовало типу социально-экономической системы, где главенствовал капитал. Собственник капитала – единоличный руководитель, часто владелец, пирамида обезличенных подчиненных с рабочими внизу. Классический пример – заводы Г. Форда с конвейерным массовым производством, линейно-функциональной организационной структурой управления и стремлением Форда к увеличению капитала [9].

Таблица 2

**Соответствие типов социально-экономических систем (СЭС),
факторов производства (ФП), роли человека и ОСУ**

Тип СЭС	Доиндустриальная	Индустриальная	Постиндустриальная	Инновационная*
Период	III тыс. до н.э.	XVIII – к. XIX в.	к. XIX – к. XX в.	к. XX в. – н. вр.
Главный ФП	Земля Труд	Капитал	Информация, предпри- нимательство	Информация, знания
Тип произ- водства	Добыча природных ресурсов	Обработка / произ- водство	Услуги / сервис	
Роль челове- ка	Взаимодействие с природой Активный участник физического труда Высокие требования к мастерству владения орудием труда Простая кооперация отдельных людей в рамках производст- венного процесса	Взаимодействие с измененной природой Второстепенный уча- стник физического труда – машина вы- полняет операции, которые ранее совер- шал работник Низкие требования к мастерству Усложнение произ- водственного процес- са и кооперации	Взаимодействие между людьми Контролер выполнения труда Высокие требования к мастерству Трансформация произ- водственного процесса и кооперации	Взаимодействие между людьми Активный участник умственного труда и ключевой фактор производства Постоянное изме- нение требований – пожизненное обу- чение Трансформация производственного процесса и коопе- рации
Тип ОСУ	Цех	Механистические	Органические	Новые **
*включает в себя концепции информационной и цифровой экономики, экономики знаний ** сетевые, виртуальные, многомерные, предпринимательские, партисипативные, адхократические, интеллекту- альные, обучающиеся, с «внутренними» рынками и др.				

В постиндустриальном обществе возросла роль предпринимательства и инноваций. Сфера услуг выходит на первый план, а материальное производство стало тесно связано с научным творчеством. Физический капитал заменяется на человеческий, и возникают органические ОСУ как ответ на потребность в гибкой, творческой проектной работе. Эти ОСУ благоприятствовали использованию и наращиванию ЛФП.

Инновационная экономика продолжает развивать эти тенденции, появляются все более гибкие и разнообразные ОСУ, нацеленные на создание благоприятных условий для раскрытия ЛФП в полной мере, теперь уже с учетом того, что человек – не просто главная производственная сила, но и личность с поведенческими особенностями. Человек привносит в систему производственных отношений свой социальный опыт. При этом общий рост благосостояния в развитых и развивающихся странах, свобода выбора, трансформация целевых ориентиров молодежи и др. приводят к тому, что человек может не отказываться от своих поведенческих особенностей при построении договорных отношений.

Несомненно то, что со сменой главных факторов производства трансформируются и ОСУ. Глобальные макроэкономические тренды находят отражение в микроэкономике – фирмы регулярно пересматривают ОСУ. Следовательно, и в современных условиях, когда сильны тренды на изменение типа социально-экономических систем, должны меняться и подходы к реализации организационных процессов.

4. Влияние организационной структуры управления на эффективность фирмы

Вопрос об эффективности организационных отношений, пожалуй, один из самых актуальных в менеджменте. В настоящее время однозначный способ для измерения эффективности не найден, а существование множества новых типов ОСУ подтверждает, что при росте значимости человека и ЛФП важно перестроить организационные отношения. В фирмах обычно определяют тип ОСУ, конструируют способ реализации организационных процессов, а потом включают в полученное «уравнение» человека. Такая схема становится все менее результативной, проявляются организационные патологии. Это происходит по нескольким причинам. Рассмотрим их.

Во-первых, в классической экономической теории подразумевается, что факторы производства обладают взаимозаменяемостью, и комбинаций факторов – значительное множество. Поэтому фирма выбирает такую технологию производства, при которой дефицитный/дорогой фактор используется в меньшей мере. Но работает ли это правило в инновационной экономике, где знания – ключевой фактор производства? Можем ли мы действительно представить множество комбинаций людей, обладающих необходимыми и порой уникальными знаниями, которых можно было бы встроить в производственный процесс? И можем ли мы заменить их на более дешевый фактор капитала? В современных фирмах в наукоемких отраслях – нет. В отраслях, возникших при прошлых типах социально-экономических систем – возможно. Следовательно, управлять эффективностью фирмы по принципу взаимозаменяемости, когда речь идет об управлении личными факторами производства и человеком как их носителем, нельзя.

Во-вторых, поскольку на первое место выходит человек, нельзя понимать эффективность чисто в экономической проекции. Важно то, какой ценой получен результат, реализованы ли личные потребности человека как сотрудника, как руководителя, как потребителя, как гражданина, наконец. Важно учитывать и социальный эффект, который находит выражение не только в достижении общественных целей, но и в том влиянии, которое эти достижения оказывают на производственные результаты [5].

В-третьих, следует упомянуть и о приоритете личности в современном обществе, где такие категории, как саморазвитие, самореализация, комфорт, радость, чувство значимости имеют большой вес и не могут игнорироваться в организационных отношениях.

Таким образом, эффективность управления современной фирмой требует не просто поиска новых типов ОСУ, но пересмотра подхода к проектированию ОСУ, пересмотра критериев эффективности с позиции учета ЛФП и поведенческих особенностей. Но проводить научный поиск в указанном направлении можно, опираясь на теоретически достоверный базис. Следовательно, требуется пересмотр принципов и ограничений организационного дизайна. Как показывает практика, современная теория организационного проектирования не позволяет в полной мере учесть все обозначенные тренды и влияния факторов.

5. Трансформация принципов организационного проектирования

Принципы организационного дизайна во многом сформировались на основе принципов управления, разработанных еще Ф. Тейлором, затем развивавшихся А. Файолем и М. Вебером в конце XIX – начале XX вв. До сих пор на эти принципы опираются в решении управленческих задач. При этом указанные принципы: (1) не учитывают особенности поведения человека и вообще человека как личность; (2) часто определяют фирму как «черный ящик» или неразделимый механизм; (3) требуют стабильности, неизменности ОСУ. Эти недостатки не позволяют опираться на такие принципы при построении ОСУ в фирмах, где преобладают ЛФП для создания ценности для клиентов. Возникают дополнения, исключения в теории.

Роль и место человека в организационных отношениях трансформирует приемы и модели организационного дизайна. Эти трансформации хорошо описаны в работе [16].

Часто пытаются учесть поведенческие факторы. Интересным и важным можно считать тезис Т.П. Хохловой о том, что «организационная структура представляет собой поведенческую систему, в которой люди и образуемые ими группы постоянно вступают в различные взаимоотношения для решения общих задач» [16].

В итоге стройный научный базис из принципов управления, сформированный для фирм начала XX века, уже не описывает современность с достаточной точностью.

Учитывая традиционные принципы, трансформации моделей организационного дизайна и поведенческие аспекты, нами составлена карта трансформации принципов построения ОСУ (таблица 3).

Таблица 3

Карта трансформации принципов построения ОСУ

Традиционные принципы	Действие	Принципы нового времени	Действие	Предлагаемые принципы
Следование целям организации	Т	Следование нескольким целям	С	Следование нескольким целям
Баланс специализации и координации труда	С	-//-	С	Баланс специализации и координации труда
Четкий контроль и иерархичность управления	Т	Динамическая гибкость ОСУ в зависимости от задач	О	–
Выделение управленческих функций, сочетание централизации и децентрализации	С	-//-	Т	Самоорганизация и саморегуляция
Баланс между функциями, полномочий и ответственности	С	-//-	Т	Самоорганизация и саморегуляция
Снижение управленческих издержек	С	-//-	Т	Обеспечение транзакционных издержек для сотрудников ниже среднерыночных
–	В	Готовности меняться с учетом внешней среды	Т	Самоорганизация и саморегуляция
–	В	Учет мнения сотрудников	Т	Самоорганизация и саморегуляция
			В	Обеспечение условий самобразования и развития компетенций сотрудников

Т – трансформируется, В – вводится вновь, О – отказ, С – сохраняется

Традиционные принципы – базовые принципы, введенные в классическом менеджменте. Принципы нового времени – результат исследования работ современных авторов, предлагающих модификацию традиционных принципов с учетом трансформации организационного дизайна. Предлагаемые принципы – это принципы построения ОСУ, благоприятствующей человеку как главному фактору производства (таблица 4).

Предлагаемый комплекс принципов не следует масштабировать на все фирмы. Многоукладность современной экономики позволяет предположить наличие лишь некоторого периметра фирм, разработка организационного дизайна для которых на их основе станет целесообразным.

Во-первых, они не подойдут для фирм, действующих в традиционных отраслях с установившимся производственным процессом. Для фирм отраслей постиндустриальной эпохи (научно-исследовательские лаборатории, высокотехнологическая промышленность) могут подойти как новые предлагаемые принципы, так и принципы нового времени.

Во-вторых, предлагаемые принципы рекомендуется применять в малых и средних предприятиях или в обособленных подразделениях. Необходимость учета тысячи целей отдельных сотрудников не позволит использовать подходы на основе договоренностей в крупных фирмах.

Предлагаемые принципы характеризуют такой организационный процесс, в котором установились добровольные взаимодействия людей, нацеленные на достижение одной или разных целей и основанные на разделении труда – кооперации.

Характеристика предлагаемых принципов построения ОСУ

Принципы	Характеристика
1. Следование нескольким целям	Следование нескольким целям логично учитывает, что в фирме существуют (и часто конкурируют) цели разного рода и уровня. ОСУ должна позволять достигать цели организации и отдельных сотрудников или групп сотрудников. Цели могут быть и экономические, и иные
2. Баланс специализации и координации труда	Специализация и координация вводится для реализации технологии и обеспечения работоспособности техники, используемой в производственном процессе. Этот принцип требует вводить ограничения полностью свободного проектирования
3. Самоорганизация и саморегуляция	При изменениях (возмущениях) вне и внутри фирмы ОСУ должна воспринять изменения и перестроиться без ожидания какой-либо команды от кого-либо
4. Обеспечение транзакционных издержек для сотрудников ниже среднерыночных	Деятельность в созданной ОСУ должна обеспечить экономический и иной комфорт сотруднику так, чтобы выход из фирмы в рынок был более затратный, а суммарно ОСУ позволяла достигать всех целей с оптимальными издержками
5. Обеспечение условий самообразования и развития компетенций сотрудников	Вход в фирму и перечень взятых сотрудником на себя задач должен меняться в зависимости от признания компетенции и желаний сотрудников

На наш взгляд, переосмысление кооперации во всех сферах и во всех аспектах ее проявления для фирмы позволит найти подходы для перевода организационных процессов и поведенческих особенностей в одну управляемую плоскость. Здесь важно изменить подход существующей формальной кооперации, где «сверху» задают ОСУ, обоснованную производственным процессом, на неформальную кооперацию, где сотрудники будут напрямую вовлечены в построение ОСУ.

Выводы и направления дальнейших исследований

ОСУ выступает результатом организационного проектирования, создает условия для включения факторов производства в процессы достижения целей, предопределяет эффективность использования факторов производства. В итоге она и определяет эффективность фирмы. Следовательно, эффективная ОСУ создает наилучшие условия для использования самого ценного фактора производства. В современных условиях ОСУ должна раскрывать потенциал человека и как владельца факторов производства, и как участника производственного процесса, и как личности в целом. Последнее вводит в сферу управления поведенческие особенности человека. Все это крайне усложняет организационные процессы и требует пересмотра подхода к организационному проектированию.

Полученные научные результаты и теоретические выводы открывают новые возможности для дальнейших исследований.

Во-первых, необходимо спроектировать методическое обеспечение учета влияния поведенческих особенностей на принятие экономических решений сотрудниками и владельцами фирм. Рациональность и ее ограниченность, мотивация, настроение, психосоциальные особенности – как они влияют на принятие решений, выполнение обязанностей в фирме, работу в фирме/коллективе?

Во-вторых, понятие эффективности деятельности фирмы требует трансформации. Достаточно ли добавить социальные эффекты в расчет эффективности? Нужно ли учитывать такую категорию как «радость», введенную рядом экономистов как отражение удовлетворения и мотивации работника к выполнению своих обязанностей?

И в-третьих, необходимо глубже изучить роль и место кооперации в организационных процессах, понять ее современную сущность. Может ли кооперация стать основой подхода к организационному проектированию? Будет ли она выступать инструментом согласования коллективных действий, разнородных целей, объединения факторов производства или она станет самым результатом создания эффективной ОСУ? Как управлять кооперацией, но при этом

оставлять место для самоорганизации и саморегуляции? Может ли кооперация заменить систему формальных отношений, выстроенных в фирме?

Литература

1. Батракова Л.Г. Эволюция социально-экономических систем // Ярославский педагогический вестник. 2013. Вып. 1. № 2. С. 66–69.
2. Богатырева В. В. Финансовое управление воспроизводством человеческого капитала в инновационной экономике: теория, методология, моделирование. Новополюк: ПГУ, 2013. 400 с.
3. Еремян В.С. Эволюция концепций факторов производства в экономической теории и их роль в развитии института предпринимательства // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. № 6. С. 234–239.
4. Иваненко Л. В. Сравнительный анализ некоторых подходов к моделированию влияния человеческого капитала на добавленную стоимость в экономике // Стратегия и механизмы регулирования промышленного развития. 2016. № 8. С. 123–137.
5. Исаева Л.А. Экономическая и социальная ответственность в воспроизводственном процессе // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и Управление. 2012. № 1. С. 18–22.
6. Канева М.А, Унтура Г.А. Эволюция теорий и эмпирических моделей взаимосвязи экономического роста, науки и инноваций (часть 1) // Мир экономики и управления. 2017. Вып. 17, № 4. С. 5–21.
7. Корчагин Ю.А. Человеческий капитал – интенсивный социально-экономический фактор развития личности, экономики, общества и государственности. Научный семинар «Человеческий капитал как междисциплинарная область исследований», Высшая Школа Экономики, 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lerc.ru/?part=articles&art=3&page=35>
8. Лиман А.И, Карагулян Е.А, Наumenко Е.Е. Новые эндогенные теории экономического роста // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 12. С. 67–98.
9. Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации / Пер. с англ. под ред. Ю.Н. Каптуревского. СПб.: Питер, 2004. 512 с.
10. Михайлов А.М. Эволюция и взаимодействие факторов производства в процессе смены технологических способов производства // Экономические науки. 2016. № 135. С. 19–22.
11. Наумова Е. Модели экономического роста и теоретические основания инновационного развития // Мировое и национальное хозяйство. 2017. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/models-of-economic-growth-and-theoretical-basis-of-innovation-growth.pdf>
12. Поведенческая экономика: современная парадигма экономического развития: монография / под ред. Г.П. Журавлевой, Н.В. Манохиной, В.В. Смагиной. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. 340 с.
13. Тихомирова Н.В, Мальченко С.Н., Якимихо А.П. Знания как фактор производства // Статистика и экономика. 2015. № 1. С. 111–116.
14. Фролов И.Э., Чаплыгина И.Г. Современные проблемы построения моделей научно-технической сферы экономики // Экономическая наука современной России. 2009. № 1. С. 7–25.
15. Ханушек Э., Вессман Л. Роль качества образования в экономическом росте (продолжение, часть 2, пер. с англ. Е. Покатович) // Вопросы образования. 2007. № 3. С. 115–185.
16. Хохлова Т.П. Эволюция методологии организационного проектирования: динамическое горизонтальное структурирование // Менеджмент в России и за рубежом. 2006. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mevriz.ru/articles/2006/4/4540.html>
17. Audretsch D.B., Keilbach M. Entrepreneurship capital and economic performance // Regional Studies. 2004. № 38. P. 949–959.
18. Descy P., Tessaring M. Evaluation and impact of education and training: the value of learning. Third report on vocational training research in Europe: synthesis report. Luxembourg: Office for

Official Publications of the European Communities (Cedefop Reference series) [Электронный ресурс]. URL: https://www.cedefop.europa.eu/files/BgR3_Wilson.pdf

19. Ehrlich I., Li D., Liu Z. The Role of Entrepreneurial Human Capital as a Driver of Endogenous Economic Growth. Discussion paper series №11048, IZA Institute of Labor Economics, 2017. 50 p.

20. Pelinescu E. The Impact of Human Capital on Economic Growth // Procedia Economics and Finance. 2015. № 22. Pp. 184–190.

21. Stehr N. Knowledge and Economic Conduct: The Social Foundations of the Modern Economy, University of Toronto Press, 2002. ProQuest Ebook Central. URL: https://www.researchgate.net/publication/337923738_Knowledge_as_a_Productive_Factor/

Внедрение профессиональных стандартов как фактор профессионального развития персонала

Features of the Status of the Implementation of Professional Standards and their Influence on the Professional Growth of Employees

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.18)

А. ГАЛИНА, А. ИВАНОВА

Галина Альбина Эдуардовна, канд. соц. наук, доцент кафедры социологии труда и экономики предпринимательства Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: galinaae@mail.ru

Иванова Анастасия Александровна, магистрант кафедры социологии труда и экономики предпринимательства ИНЭФБ БашГУ. E-mail: nus47kudr@yandex.ru

Профессиональные стандарты призваны стать в России основой формирования национальной системы квалификации. В статье рассмотрены предпосылки появления профессиональных стандартов, организационные и нормативно-правовые основы, обозначены преимущества и недостатки внедрения профессиональных стандартов как для работников, так и для работодателей. Представлены официальные статистические данные об утвержденных профессиональных стандартах в России и масштабах их внедрения в организациях государственного сектора экономики Республики Башкортостан. Рассмотрены деятельность центров оценки квалификаций и развитие системы дополнительного профессионального образования в регионе.

Ключевые слова: профессиональный стандарт, квалификация, дополнительное профессиональное образование.

Professional standards are meant to become the principle of national qualification system's development in Russia. In the article there considered the background of professional standards, organizational and legal and regulatory basis, there pointed out advantages and disadvantages of their implementation both for employees and employers. There presented official statistic data of approved professional standards in Russia and the level of their implementation in the institutions of public sector of the economy of the Republic of Bashkortostan. There viewed the activity of qualification assessment centers and the development of the system of continuing professional education in the region.

Key words: professional standard, qualifications, additional professional education.

С 1 июля 2016 года новой реальностью для HR-сообщества России стало внедрение профессиональных стандартов, хотя данный термин появился в трудовом законодательстве России еще в 2012 году. И если общая логика внедрения и применения профессиональных стандартов на сегодняшний день для работников и работодателей уже более или менее ясна, то на практике по этому поводу еще возникает и будет возникать множество проблем и вопросов, поскольку опыт применения профессиональных стандартов в России пока незначителен. Огромный пласт профессий и видов трудовой деятельности до сих пор не представлен в реестре профстандартов

Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, при этом некоторые из стандартов уже подвергаются серьезной доработке. Кроме того, до сих пор отсутствуют официальные разъяснения о перспективах применения профессиональных стандартов на государственной и муниципальной службе, что, соответственно, вызывает широкий общественный и профессиональный интерес.

Итак, в соответствии со ст. 195.1 Трудового кодекса РФ, «профессиональный стандарт – это характеристика квалификации, необходимой работнику для осуществления определенного вида профессиональной деятельности, в том числе выполнения определенной трудовой функции». Профессиональный стандарт – это документ, который устанавливает требования к профессиональной подготовке, знаниям, навыкам, опыту, необходимым для выполнения той или иной трудовой функции.

По данным опроса, проведенного в марте 2019 г. Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации на тему «Национальная система квалификаций в России», 89 % государственных организаций ведут работу по внедрению профессиональных стандартов; 39 % организаций осуществляют в связи с этим дополнительную профессиональную переподготовку работников и 33 % планируют это сделать. Что касается использования профессиональных стандартов в кадровой работе, то 21 % опрошенных организаций уже используют профессиональные стандарты для найма и подбора персонала и 23 % – для аттестации сотрудников, 24 % работодателей с помощью профессиональных стандартов обучают своих работников, 11 % осуществляют тарификацию работ и 9 % используют профстандарты для текущей оценки работников [7].

Для всех участников рынка труда внедрение профессиональных стандартов сопряжено как с явными сложностями, так и со вполне очевидными преимуществами:

1. Службам по управлению персоналом организаций предстоит провести большую внеплановую нормативно-техническую работу, которая требует финансовых, организационных и временных затрат.

2. В сфере профессионального образования разрабатываются и внедряются новые федеральные государственные образовательные стандарты, которые предполагают строгое соответствие образовательных программ требованиям профстандартов, что должно в конечном счете улучшить ситуацию на рынке труда.

3. Внедрение профессиональных стандартов дает возможность персоналу совершенствовать свои знания, умения и навыки, проходя необходимые курсы переобучения, профессиональной переподготовки или повышения квалификации, что способствует повышению конкурентоспособности работников и организации в целом.

Первоначально система организации и внедрения профессиональных стандартов создавалась для совершенствования системы профессионального образования в стране [1, 207]. Основной целью было приведение системы профессионального обучения в соответствие с реальной ситуацией на рынке труда, систематизация требований к сотрудникам и разработка востребованных образовательных программ [1, 207]. Исходя из ст. 195.1 ТК РФ, профессиональный стандарт определяет необходимый уровень квалификации работника, требуемый для конкретного вида профессиональной деятельности или должности. Под квалификацией работника понимается «уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы», формирование которых происходит в сфере среднего и высшего профессионального образования.

Однако сегодня область применения профессиональных стандартов значительно расширилась. Внедрение профессиональных стандартов может рассматриваться также как один из эффективных инструментов кадровой политики организации и управления профессиональным развитием персонала. Не случайно, раздел IX ТК РФ, посвященный профессиональным стандартам, содержит в том числе статьи, касающиеся вопросов подготовки и дополнительного профессионального образования работников. Профессиональные стандарты применяются работодателями при формировании кадровой политики, используются при составлении должностных инструкций, установке тарифных разрядов и оплаты труда и др.

На сегодняшний день профессиональные стандарты обязательны к применению во всех организациях. Согласно письму Минтруда России от 4 апреля 2016 г. № 14-0/10/13-2253, обязательность применения требований профессиональных стандартов не зависит от формы собственности организации или статуса работодателя.

Процесс разработки и внедрения профессиональных стандартов регламентируется следующими нормативно-правовыми актами:

- Постановление Правительства РФ от 22.01.2013 № 23 (ред. от 29.11.2018) «О правилах разработки и утверждения профессиональных стандартов»;

- Приказ Минтруда России от 12.04.2013 № 147н (ред. от 29.09.2014) «Об утверждении Макета профессионального стандарта» (зарегистрировано в Минюсте России 24.05.2013 № 28489);

- Приказ Минтруда России от 29.04.2013 № 170н «Об утверждении методических рекомендаций по разработке профессионального стандарта»;

- Постановление Правительства РФ от 05.08.2013 № 661 (ред. от 08.01.2018) «Об утверждении Правил разработки, утверждения федеральных государственных образовательных стандартов и внесения в них изменений» и др.

По состоянию на 15 октября 2020 г. в России утверждено 1336 профессиональных стандартов в 40 областях профессиональной деятельности [9]. Для сравнения, в 2014 году в России было утверждено всего 129 стандартов, а в 2013 году – только 3. В 2020 году за счет средств федерального бюджета планировалось разработать 22 профессиональных стандарта в различных областях и актуализировать 89 профессиональных стандартов [4]. Реестр утвержденных профессиональных стандартов размещен на специально созданном портале (<https://profstandart.rosmintrud.ru>) [4].

По состоянию на 15 октября 2020 г. наибольшее количество утвержденных профессиональных стандартов приходится на сквозные виды профессиональной деятельности (201), к которым относят универсальные профессии рабочих и специалистов, которые есть во многих отраслях и видах экономической деятельности, а также в строительстве и ЖКХ (147), металлургическом производстве (107) и транспорте (103) [4]. Наибольшее количество принятых стандартов в данных областях связано с письмом Минтруда России от 05.04.2016 № 14-2/В-299 «О применении профессиональных стандартов». К сквозным видам профессиональной деятельности также относится наибольшее количество производств, работ, профессий, должностей, которые дают возможность получения право на льготы (сварщик, специалист по техническому контролю качества продукции, фрезеровщик, машинист крана и др.), для которых применение профессиональных стандартов обязательно.

На сегодняшний день применять профессиональные стандарты обязаны, в первую очередь, государственные и бюджетные организации.

Процесс внедрения профессиональных стандартов в государственном секторе экономики Республики Башкортостан проходит достаточно динамично. Учет и анализ внедрения профессиональных стандартов в государственном секторе ведется региональным Министерством семьи, труда и социальной защиты населения с 2017 года (табл. 1).

Общее количество государственных организаций, занимающихся внедрением профессиональных стандартов, в 2020 г. увеличилось по сравнению с 2017 г. на 13%. Менее всего организаций, занимающихся внедрением профессиональных стандартов, подведомственны Агентству по печати и СМИ Республики Башкортостан (51,3%), Государственному комитету Республики Башкортостан по торговле и защите прав потребителей (54%), Государственному комитету Республики Башкортостан по строительству и архитектуре (73%), Управлению ветеринарии Республики Башкортостан (83%) [4]. Данная ситуация в большинстве случаев связана с несоответствием уровня и профиля образования сотрудников требованиям профессионального стандарта. Также для полноценного применения профессиональных стандартов многим государственным организациям требуются разработка и утверждение межотраслевых и общепрофессиональных стандартов.

Таблица 1

Количество организаций в государственном секторе экономики Республики Башкортостан, занимающихся внедрением профстандартов в 2017–2020 гг. [4]

Наименование показателя	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.*	Абсолютное изменение +/-			Темп роста, %		
					2018 г.	2019 г.	2020 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Государственные организации	507	574	578	572	67	4	-6	113	101	99
Организации, подведомственные органам местного самоуправления РБ	2809	3299	3376	3386	590	-23	10	121	99	100,3

*по состоянию на 18 октября 2020 г.

Охват работников государственного сектора экономики профессиональными стандартами представлен в таблице 2.

Таблица 2

Количество работников государственного сектора экономики в Республике Башкортостан, которые переведены на профессиональные стандарты в 2017–2020 гг. [4]

Наименование показателя	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.*	Абсолютное изменение, +/-			Темп роста, %		
					2018 г.	2019 г.	2020 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Численность работников, переведенных на профстандарты, чел.	25819	32579	68246	100609	6760	35667	32363	126,2	209,5	147,4

*по состоянию на 18 октября 2020 г.

В целом общее количество работников, которые ежегодно переводились на профессиональные стандарты, за 2017–2020 гг. увеличилось почти в 4 раза.

В связи с внедрением профессиональных стандартов и необходимостью приведения кадрового состава работников организаций в соответствие с их требованиями актуализируются такие бизнес-процессы, как аттестация персонала и профессиональное обучение. Аттестация персонала и профессиональное обучение регламентируются ст. 196 и ст. 336.1 ТК РФ. В связи с этим востребованными на рынке становятся в том числе услуги центров оценки квалификаций (ЦОК) и организаций дополнительного профессионального образования (ДПО).

Для подтверждения своей квалификации работники могут обратиться в специальные независимые центры, деятельность которых регламентируется Федеральным законом от 03.07.2016 г. № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации» [2, 567].

Количество зарегистрированных центров оценки квалификации в России и в регионах с каждым годом увеличивается. Так, на 27 октября 2020 г. в России зарегистрировано 493 центра оценки квалификации, из них 15 центров функционируют в Республике Башкортостан. Центры оценки квалификации в Республике Башкортостан функционируют для таких отраслей экономики и видов профессиональной деятельности, как сварка, nanoиндустрия, жилищно-коммунальное хозяйство, строительство, лифтовая область, машиностроение, управление персоналом, документационное и административно-хозяйственное обеспечение деятельности организации, индустрия красоты, агропромышленный комплекс. На сегодняшний день в России

выдано 69354 свидетельства о прохождении процедуры независимой оценки квалификации [8].

Что касается рынка дополнительного профессионального образования в Республике Башкортостан, то в последние годы можно наблюдать его поступательное развитие как по числу участников, так и по спектру предлагаемых образовательных продуктов. Объемы спроса и предложения программ ДПО сегодня напрямую зависят от следующих факторов:

- внедрение профессиональных стандартов в организациях региона;
- обязательное закрепленное законодательством повышение квалификации для ряда профессий;
- развитие дистанционных образовательных технологий.

Существенным фактором, оказавшим влияние на развитие рынка дополнительного профессионального образования уже в 2020 году, явилась сложная эпидемиологическая ситуация, связанная с распространением коронавирусной инфекции, когда в условиях ухудшения ситуации на рынке труда у людей возникает потребность и появляется возможность для расширения своих профессиональных компетенций.

Проанализируем динамику числа организаций, предоставляющих все виды образовательных услуг в Республике Башкортостан (за исключением услуг дошкольного образования), в том числе услуги дополнительного профессионального образования.

Таблица 3

Количество организаций, предоставляющих образовательные услуги в Республике Башкортостан, в 2016–2019 гг. [9]

Наименование показателя	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Всего организаций, предоставляющих образовательные услуги	1768	1774	1778	1798
Организации, реализующие образовательные программы дополнительного профессионального образования	290	330	350	371

В развитии системы образования в республике за последние 4 года заметна тенденция роста числа именно организаций дополнительного профессионального образования (на 28%), что связано также с выполнением государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» № 1642 от 26 декабря 2017 г., одной из главных задач которой является развитие дополнительного образования, подготовка и переподготовка кадров, непрерывное образование и др. [6].

При этом следует иметь в виду, что подготовка и дополнительное профессиональное образование необходимы не только в связи с внедрением профессиональных стандартов, но также потому, что предоставляют работнику возможность расширять и совершенствовать свои навыки и компетенции, повышать уровень квалификации и, как следствие, эффективность труда, качество своей жизни и конкурентоспособность на рынке труда.

Таблица 4

Контингент слушателей, обученных по программам дополнительного профессионального образования в России в 2016–2019 гг. [5]

№	Образовательные программы	Слушатели, обученные по программам			
		2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
1	Повышение квалификации	4749551	5331943	5340627	5603661
2	Профессиональная переподготовка	537578	632236	684166	734772

Контингент слушателей, обученных по программам дополнительного профессионального образования в России, в общем, имел тенденцию к увеличению. Повышение квалификации традиционно проходило большее количество слушателей, чем профессиональную переподготовку.

Согласно ст. 196 ТК РФ, «необходимость подготовки работников (профессиональное образование и профессиональное обучение) и дополнительного профессионального образования ... для собственных нужд определяет работодатель». Однако реалии таковы, что многие работники при этом поставлены в условия, когда сами вынуждены оплачивать курсы профессиональной переподготовки или повышения квалификации.

Средняя стоимость курсов повышения квалификации в Республике Башкортостан по состоянию на 1 ноября 2020 г. составляет 10952,7 руб., профессиональной переподготовки – 18186,9 руб. и подготовки – 8163,4 руб. [3]. Дороже других обходятся программы профессиональной переподготовки – в силу того, что могут длиться от полугода до двух лет и включать от 500 до 1000 академических часов. Также данные программы ДПО позволяют освоить совершенно новые виды профессиональной деятельности.

Если работник обучается за свои денежные средства, то он имеет право на социальный налоговый вычет (п. 2 ст. 219 Налогового кодекса РФ). Также социальный налоговый вычет предоставляется работнику в случае прохождения независимой оценки квалификации (пп. 6 п. 1 ст. 219 НК РФ).

Таким образом, можно утверждать, что важнейшим фактором развития сферы дополнительного профессионального образования является ситуация на рынке труда. С другой стороны, для рынка труда система дополнительного профессионального образования является индикатором его эффективности. Преимуществом системы дополнительного профессионального образования пока является официальное документальное подтверждение квалификации сотрудника и его права осуществлять тот или иной вид деятельности или занимать ту или иную должность.

Литература

1. Галина А.Э., Иванова А.А., Профессиональные стандарты как основа формирования рамки квалификации // Столица науки: научно-практический журнал. 2020. № 4. С. 206–211.
2. Галина А.Э., Кудрявцева А.А., Проблемы развития центров оценки квалификации // Аллея науки: научно-практический журнал. 2018. № 4 (20). С. 567–571.
3. Информационный портал занятости населения Министерства семьи и труда РБ. Реестр организаций дополнительного профессионального образования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bashzan.ru/posts/102229/>
4. Министерство семьи, труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: https://mintrud.bashkortostan.ru/activity/16041/?filter_p_type=current&nav-projects=page-1
5. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://profstandart.rosmintrud.ru/>
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие образования”» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/556183093>
7. Парламентская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/v-mintrude-rasskazali-skolko-gosuchrezhdeniyvnedryayut-profstandarty.html>
8. Реестр сведений о проведении независимой оценки квалификации [Электронный ресурс]. URL: <https://nok-nark.ru/>
9. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан [Электронный ресурс]. URL: <https://bashstat.gks.ru/folder/25595>

Метод игрового моделирования в теории и практике государственного управления

Game Modeling Method in the Theory and Practice of Public Administration
(DOI: 10.34773/EU.2020.6.19)

М. ДЖАМАЛУДИНОВА, К. АСРИЯНЦ

Джамалудинова Мадина Юнускадиевна, канд. экон. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Дагестанского государственного университета. E-mail: madina0880@mail.ru

Асриянц Каринэ Геннадьевна, канд. экон. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Дагестанского государственного университета. E-mail: divikas@mail.ru

В статье рассматриваются особенности применения игровых методов в теории и практике государственного менеджмента. Необходимость обращения к данному вопросу вызвана актуальностью увеличения эффективности государственного управления и повышения результативности формируемых прогнозов как социально-экономического развития страны в целом, так и исполнения отдельных инвестиционных проектов. Использование игровых методов позволит снизить риски в сфере государственного менеджмента.

Ключевые слова: *государственный менеджмент, игровые методы, принятие решений, инфраструктурные проекты, взаимодействие с инвесторами, инвестиционная политика, социально-экономическое развитие.*

The paper discusses the features of the use of game methods in the theory and practice of public management. The need to address this issue is caused by the relevance of increasing the efficiency of public administration and improving the effectiveness of the generated forecasts of both the socio-economic development of the country as a whole and the implementation of individual investment projects. The use of gaming methods will reduce the risks in the field of public management.

Key words: *government management, gaming methods, decision-making, infrastructure projects, investor relations, investment policy, socio-economic development.*

Актуальность темы исследования связана с тем, что в настоящее время присутствие государства в российской экономике остается неоправданно большим, но малоэффективным из-за наличия избыточных функций, которые оно берет на себя, тем самым отвлекая значительные ресурсы от действительно необходимой деятельности. Чрезмерное вмешательство государства увеличивает состояние непредсказуемости и неустойчивости в предпринимательской среде, порождает недоверие бизнеса к государству, ставит под сомнение его способность формировать прозрачные, стабильные и предсказуемые правила поведения.

Кроме того, существует необходимость расширения практики применения игровых методов в области государственного управления с целью увеличения экономической выгоды и снижения материальных потерь при решении кризисных ситуаций в экономическом регулировании. Проблема заключается в том, что теория игр является сравнительно молодой наукой и ее использование ограничено рядом областей.

Цель данной работы заключается в изучении возможностей применения игровых методов в теории и практике государственного менеджмента.

Теория игр является разделом прикладной математики, который стал, как считает Клименко И.С., неотъемлемой частью экономической теории и изучает решение конфликтов между различными игроками для оптимальности стратегий действий [4, 289]. При этом, как утверждает Диева А.А., «сама ситуация рассматривается в рамках математической модели с учетом ряда

характеристик, в частности, наличия нескольких участников, неопределенности поведения участников, различия интересов каждого участника в зависимости от вариантов стратегии, наличия правил поведения, которые известны всем участникам» [3, 242].

Для государства важна стабильная экономическая ситуация. Выгода от применения в данной сфере игровых методов доказана многолетним опытом. Как отмечает Владимирова Т.В., «теория игр является частью экономической теории. Использование в планировании государственного бюджета является частным случаем использования игровых методов в государственном менеджменте» [2, 48].

Игровой подход в решении задачи выбора, как полагает Амхадова Х.М., важен с точки зрения «повышения эффективности государственного управления на этапе организационного обеспечения государственной системы» [1, 15]. Игровые методы и алгоритмы довольно часто применяются при выборе инвестора. Однако, как считает Сынькова Т.В., «игровые методы связаны с применением качественной информации, учетом неопределенности и проведением векторной оценки характеристик инвесторов, что является достаточно сложным и долгим процессом регулирования инвестиционного процесса со стороны государства» [6, 356].

Использование игровых методов на практике дает возможность определить возможные результаты исхода игры до ее фактического начала и по результатам принять решение о целесообразности того или иного решения в области государственного управления. Иными словами, применение теории игр позволяет выстраивать математический прогноз конфликта.

Как считает Филатов С.К., значение игровых методов в области государственного менеджмента не было своевременно оценено, в силу чего подобные методы не очень популярны в государственном управлении, и это кажется незаслуженным [8, 38]. Кроме того, необходимо понимать, как считает Кулжабай Н.М., что накопление знаний, которые связаны с теорией игр, будет полезным для различных групп населения в практической деятельности [5, 302].

Государство является большой и сложной системой, функционирование которой рассматривается множеством общественных наук. Основная задача государственного менеджмента заключается в обеспечении процветания страны. Использование игровых методов позволяет извлекать из подобного опыта определенную выгоду, так как благодаря им возможно получить достаточно точные и лаконичные расчеты, и тем самым располагать довольно точными прогнозами. В этом случае гораздо проще сделать выбор. Относительно государственного менеджмента это означает, что для всех участников могут быть найдены наиболее эффективные решения, то есть оптимальные действия, которые позволяют максимально полно решать поставленные задачи.

Особенно актуально использование игровых методов при управлении крупными стратегически важными объектами, к примеру, в ходе развития инфраструктуры. Крупные инфраструктурные проекты для Севера и Дальнего Востока предполагают, прежде всего, создание транспортных объектов. Пограничное положение этих регионов, их удаленность от центральных и западных районов страны определяют перспективность строительства и развития автомобильных дорог и железнодорожных магистралей. В северных районах транспортная доступность имеет сезонный характер, вследствие чего требуется оптимизация развития транспортной инфраструктуры в плане поиска альтернативных видов транспорта кроме как наземного.

Важный шаг в осуществлении управления крупными инфраструктурными объектами – это оценка степени их влияния на стратегические цели развития регионов, например, в плане активного социально-экономического развития, обеспечения роста экономического потенциала территории путем применения инновационных технологий. Особое значение в этом процессе занимает влияние игрока, крупной компании и региональных властей в плане обеспечения реализации масштабного инвестиционного проекта.

В дальнейшем определяется приоритет в государственной политике и формируется вектор решения потребностей, проблем и интересов каждого игрока. Здесь особое значение имеют потребности и возможности региона, которые позволяют реализовать обозначенный проект.

В рамках применения игровых методов в государственном менеджменте идет активное взаимодействие с региональными властями, крупными компаниями, общественными организациями в обсуждении тех или иных проблем при определении стратегических целей развития регионов, что позволяет в дальнейшем формировать соответствующие поправки в федеральном законодательстве Российской Федерации и выносить их на обсуждение в Государственную Думу [9, 38].

Стратегия взаимодействия выстраивается на основе использования матрицы работы, суть которой заключается в определении степени вовлеченности игрока в инвестиционный проект. Действия, активность и заинтересованность игрока определяют его место в инвестиционном проекте, соответственно, его позиция оказывает влияние на реализацию не только инвестиционного проекта, но и, по возможности, региональной политики в области обеспечения активного экономического развития регионов Севера и Дальнего Востока. Здесь также стоит отметить и перспективы формирования особых экономических зон как фактора, стимулирующего социально-экономическое развитие [7, 139].

Таким образом, в зависимости от задач государственной политики выбираются определенные методы управления: в частности, это партнёрский метод, который позволяет прийти к компромиссу касательно приоритетов в региональной политике, а также особые методы управления относительно внутренних и внешних игроков.

Традиционными игровыми методами управления являются защитный и партнерский, которые используются в деятельности государственных органов. Управление внутренними игроками как конкурентными ресурсами представляет важное значение для достижения эффективности реализации крупных инфраструктурных проектов в выполнении стратегических целей социально-экономического развития страны [8, 41].

Кроме того, часто используется селективный подход в отношении регионов, в значительной степени ограничивающий возможности регулирования отношений игроков в реализации инфраструктурных проектов. Развитие экспортно-сырьевых магистралей является лишь частью обеспечения социально-экономического развития страны.

Решение проблем управления игроками в крупных инфраструктурных проектах возможно за счет использования стратегической синергии, которая дает возможность интегрировать ресурсы для реализации крупных проектов, а также за счет использования института государственно-частного партнерства, который может стать существенной точкой роста социально-экономического развития. Применение стратегической синергии позволит повысить финансовую эффективность инфраструктурных проектов [6, 359].

Таким образом, использование игровых методов в теории и практике государственного менеджмента позволит достичь положительных результатов, которые во многих случаях не могут быть гарантированы другими направлениями научной деятельности. Тем не менее, использование теории игр связано с ограниченным кругом критериев, по которым можно представить и рассмотреть ситуацию. Наилучшие результаты использования игровых методов можно заметить в экономической области, внешней политике, а также в целом в сфере регулирования социально-экономического развития страны.

За счет использования игровых методов в практике государственного менеджмента становится возможным устанавливать критерии эффективности, которые определяют преимущества того или иного варианта действия. В результате можно сформировать матрицу действий и решить тем самым игру. Кроме того, положительный результат заключается во внедрении данного инструмента в области регулирования экономических отношений в процессе формирования прогноза социально-экономического развития. Использование знаний теории игр в существенной степени упрощает работу экономистам. Правда, использовать подобные знания необходимо с осторожностью.

Литература

1. Амхадова Х.М. Анализ разработки методов использования игровых технологий в системах управления // Развитие науки и техники: механизм выбора и реализации приоритетов. Сборник статей Международной научно-практической конференции, 2019. С. 13–15.
2. Владимирова Т.В. Игровые практики как новые практики в функционировании современного общества // Коммуникативные стратегии информационного общества. Труды IX Международной научно-теоретической конференции, 2020. С. 48–50.
3. Джамалудинова М.Ю. «Анализ государственного регулирования инновационной деятельностью в современных условиях» // Российский экономический интернет-журнал, 2016. № 2. С. 17.
4. Диева А.А. Игротехника как метод трансформационного воздействия // Теории и проблемы политических исследований, 2019. Т. 7. № 1А. С. 241–249.
5. Клименко И.С. Алгоритм игрового моделирования на базе инновационных технологий // Математические методы и модели в исследовании актуальных проблем экономики России. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Р.Р. Ахунов. 2016. С. 289–294.
6. Кулжабай Н.М. Метод игрового моделирования в задачах государственного управления // Логистика – евразийский мост. Материалы XI международной научно-практической конференции, 2019. С. 302–306.
7. Сынкova Т.В. Основные типы экономико-математических моделей // Достижения, проблемы и перспективы развития нефтегазовой отрасли. Материалы Международной научно-практической конференции. Альметьевский государственный нефтяной институт, 2018. С. 356–360.
8. Усов А.Б. Модель согласования частных и общественных интересов при внедрении инноваций // Инженерный вестник Дона, 2018. № 4. С. 139.
9. Филатов С.К. Управление социальными системами // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2020. Т. 7. № 4. С. 37–44.
10. Askerov P.F., Medvedeva A.M., Rabadanov A.R., Bogdanova I.M., Zvezdichev G.Y. Digital economy as a priority direction for the development of modern innovative entrepreneurship in Russia Espacios, 2018. Т. 39. № 41. P. 30.

Развитие персонала региональных гипермаркетов как условие их конкурентоспособности

Staff Development of Regional Hypermarkets as a Condition
for their Competitiveness (DOI: 10.34773/EU.2020.6.20)

В. ПАРШИНА

Паршина Валентина Сергеевна, д-р экон. наук, профессор кафедры управления в социальных и экономических системах Уральского государственного университета путей сообщения. E-mail: vparshina@usurt.ru

Статья посвящена исследованию проблем развития кадров на примере региональных строительных гипермаркетов. Показана роль подсистемы развития персонала в повышении конкурентоспособности организаций. Приведены статистические данные, отражающие место гипермаркетов в общем объеме торговли строительными материалами. Результаты проведенных опросов позволили сосредоточиться на выработке конкретных решений по формированию резерва персонала и организации наставничества. Предложена схема формирования резерва на замещение должностей и основные этапы подготовки наставников.

Ключевые слова: конкурентоспособность, текучесть, развитие персонала, этапы формирования резерва, наставники.

The article is devoted to the study of the problems of personnel development on the example of regional construction hypermarkets. The role of the personnel development subsystem in increasing the competitiveness of organizations is shown. The statistical data reflecting the place of hypermarkets in the total volume of trade in construction materials are presented. The results of the conducted surveys allowed us to focus on developing specific solutions for the formation of a personnel reserve and the organization of mentoring. A scheme for the formation of a reserve for filling positions and the main stages of training for mentors are proposed.

Key words: competitiveness, turnover, personnel development, stages of reserve formation, mentors.

Актуальность сохранения имеющегося квалифицированного персонала и привлечения новых работников вызывает необходимость применения методов управления развитием кадров, адаптированных к условиям в организации [6]. Далее приведены результаты исследований развития персонала региональной сети строительных гипермаркетов как условия их эффективной деятельности.

По итогам 2019 г. совокупная выручка TOP-50 крупнейших торговых сетей строительных материалов России составила 688 млрд руб., увеличившись в 2019 на 8,5 % (в 2018 году на 14 %). Общий оборот торговли строительными материалами за последние 15 лет возрос в 3,8 раза и составил более 1,6 трлн. руб. [7]. При этом первые три строчки рейтинга занимают международные сети. Положительным фактом является рост доли крупнейших торговых сетей DIY («сделай сам») России в TOP-10, которая достигла 45 %. Среди причин отставания отечественных торговых строительных организаций называют высокую конкуренцию и применение менее выигрышной бизнес-модели.

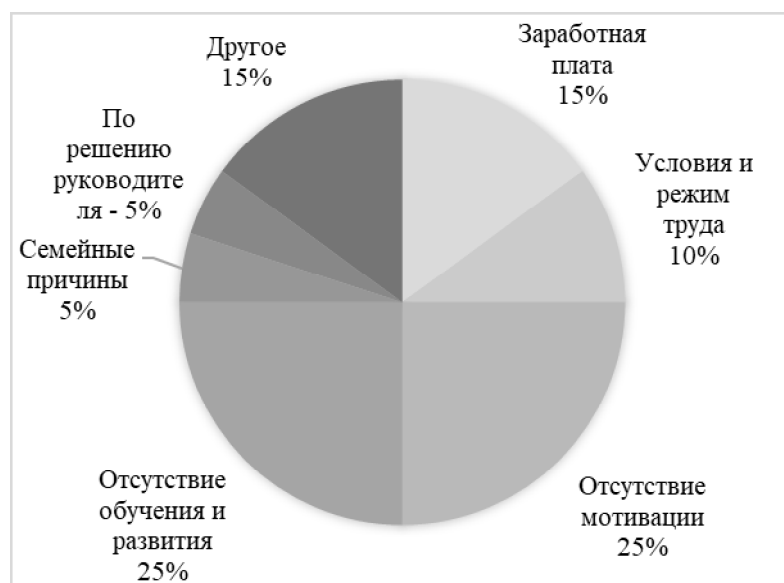
Исследование существующих взглядов [1; 2; 5] на развитие кадров позволило выявить зачастую однозначное толкование этого понятия. Придерживаемся данного нами ранее широкого определения развития персонала, включающего и процессы, и характеристики [3]: 1) процессы и механизм воздействия организации на качества работников для создания дополнительных качественных характеристик, обеспечивающих развитие организации; 2) качественное изменение работников, связанное с возникновением нового, которое происходит в результате управляющего воздействия и (или) по инициативе самих работников, для обеспечения их соответствия условиям деятельности и самореализации; 3) качественное состояние работника

в определенный момент времени, которое может быть измерено. На основе приведенного определения сформированы направления исследований развития персонала.

Функционирование региональной торговой сети в условиях конкуренции с международными и национальными торговыми организациями требует взвешенных управленческих решений. Данное условие может быть реализовано при наличии эффективных и перспективных работников, обладающих необходимыми компетенциями. На современном этапе развития российского предпринимательства качественные человеческие ресурсы рассматриваются как ведущий фактор развития.

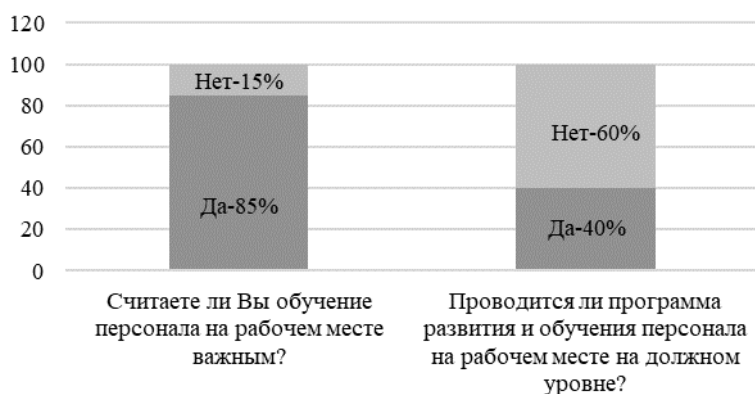
Имея в виду фактически сложившуюся отрицательную динамику текучести кадров в исследуемой организации, представим результаты проведенного опроса относительно причин увольнения (рис. 1).

Существующая система развития персонала в исследуемой сети включает работу по двум направлениям: обучение персонала и построение карьеры. На рисунке 2 представлены результаты ответов респондентов относительно состояния обучения и развития.

Согласно опросу, по 25 % всех причин увольнения приходится на отсутствие мотивации и развития работников. Что касается уровня мотивации, то показатели дополнительного вознаграждения (до 60 % от основного) связаны с объемом продаж. И если последний не высок, то и заработная плата не отвечает ожиданиям и потребностям.

Рис. 1. Причины увольнения сотрудников

Результаты опроса показывают, что 85 % респондентов считают обучение персонала на рабочем месте важным; 60 % указали, что существующая программа по развитию персонала не на должном уровне.

Рис. 2. Важность развития и обучения персонала

В результате анализа содержания существующих программ обучения выявлено, что не все сотрудники получают необходимый для работы комплекс знаний, например, менеджеры сервисного отдела (правовые вопросы при возврате товаров), продавцы (ознакомление с номенклатурой товаров) и др.

Выявлены существенные недостатки организации карьеры работников, которые в большей степени носят характер информационного сопровождения:

1) неструктурированность организации работы с кадровым резервом: информация о сотрудниках, готовых к переводу на другую должность, передается устно; оценка степени готовности сотрудников не проводится; при этом сотрудников зачастую не оповещают о планируемой карьере;

2) встречающееся нежелание сотрудников, имеющих достаточный уровень профессиональной и поведенческой компетентности, выполнять обязанности руководителя из-за отсутствия нужной подготовки;

3) несбалансированность системы материальной мотивации сотрудников, когда зарплата продавцов, заведующих отделами, в «горячий сезон» может быть выше, чем у руководителей, что приводит к незаинтересованности линейного персонала в переходе на вышестоящую должность.

Проведенный опрос позволил выявить мнение относительно возникающих трудностей в процессе организации карьеры непосредственно работников, заинтересованных в карьерном росте (рис. 3).

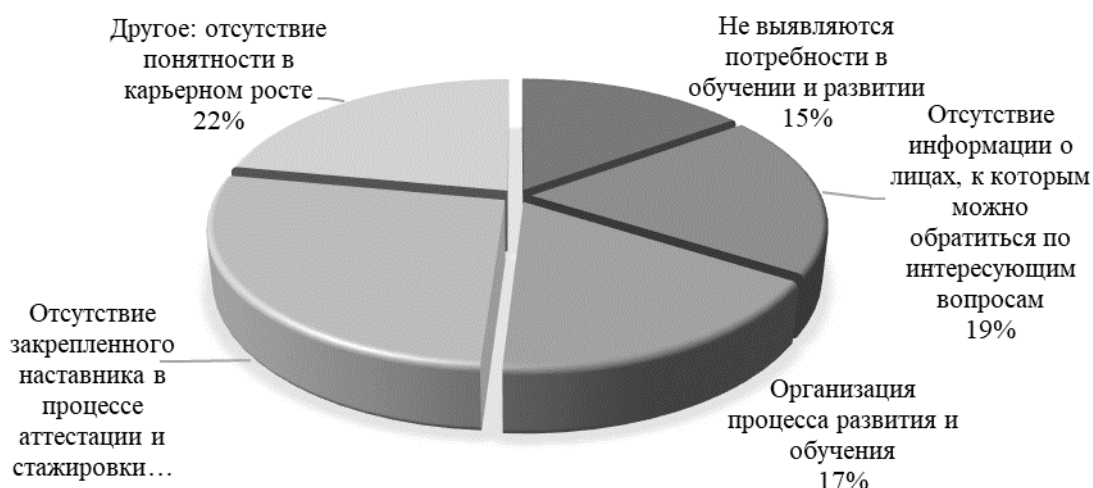

Рис. 3. Основные трудности в процессе развития

Данные опроса показали следующие проблемы: 27 % респондентов отметили отсутствие наставника; 22 % обратили внимание на недостаточную информированность о карьере; 19 % отметили отсутствие информации об официальных лицах, к которым можно обратиться по интересующим вопросам и др.

На основе проведенного анализа сформированы следующие первоочередные направления реорганизации процессов развития кадров: создание действенного кадрового резерва и системы наставничества. Управление карьерой персонала приносит социально-экономический эффект и для работников, и для организации.

Рассмотрим особенности работы администрации по включению работников в резерв на различных этапах карьеры (рис. 4).

Сущность этапов состоит в следующем.

Первый этап начинается с момента найма работника. Нового сотрудника знакомят с традициями организации, определяют перспективы его развития, возможности карьерного роста.

Их деятельность осуществляется в рамках общего задания под наблюдением более опытных работников. От работников требуется четкость выполнения указаний с учетом планируемых сроков.

Второй этап включает работу в должности, в течение которой происходит сопоставление накопленных компетенции сотрудника с теми требованиями, которые предъявляются к нему особенностями рабочего места. В это время работники более углубленно осваивают какие-либо области работы и несут ответственность за определенные участки. Они учатся самостоятельно решать проблемы, у них растет уверенность в своих силах, приобретается репутация и доверие.

Третий этап включает реализацию плана развития карьеры, подразумевающую ротацию по должностям руководителя и (или) специалиста, различные стажировки. Для этого осуществляется комплексная оценка работника, результатов его работы, собеседование с ним. На этой стадии работники несут ответственность за самостоятельное решение отдельных задач. Их профессиональная квалификация значительно расширяется и растет сфера применения опыта, четкость выполнения указаний с учетом планируемых сроков.

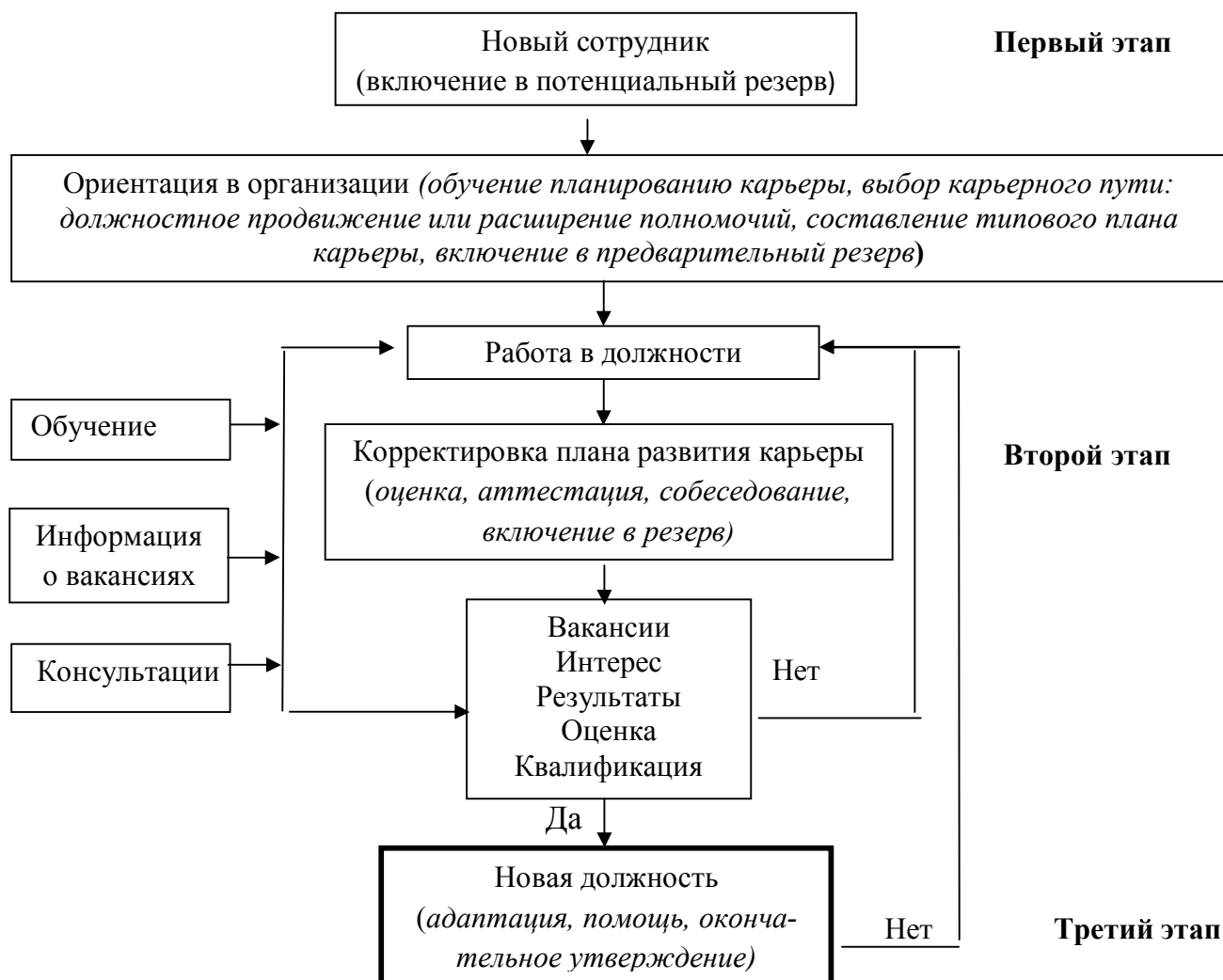

Рис. 4. Этапы развития карьеры

Предлагаемая периодичность работы с резервом: потенциальный отбор – по мере зачисления на работу, предварительный отбор – один раз в год, окончательный отбор – по мере появления вакансии, решение о назначении – по мере появления вакансии.

Получение положительного результата при формировании резерва и управлении карьерой в целом во многом зависит от организации наставничества, подробнее в [4]. Основные этапы формирования системы наставничества:

- кандидат в наставники проходит собеседование с руководителем отдела и знакомится с условиями его работы как наставника; в случае согласия работника он включается в список с указанием специальности подготовки;

- служба управления персоналом составляет общий список кандидатов в наставники, которых далее информируют относительно основных компетенций, соответствующих определенным рабочим местам, которые должны освоить обучаемые в ходе общения с наставниками и т.п.

- присуждение статуса «наставник» успешно прошедшим обучение.

Успешное внедрение системы наставничества обеспечивается четкостью разработанных процедур и информационных связей.

Рассмотренные в статье проблемы и пути развития кадров входят в состав подсистемы управления персоналом, являющейся на современном этапе определяющим фактором достижения эффективности деятельности. Адаптированная к внешним и внутренним условиям ее реорганизация оказывает положительное влияние на текучесть кадров, мотивацию и лояльность персонала, качественное состояние работников, что создает условия для повышения конкурентоспособности бизнеса.

Литература

1. Дедул В.А. Обучение и развитие персонала: актуальные тенденции // Автоматизация и управление в технических системах. 2016. № 2. С. 75–76.
2. Майорова И.Д. Управление карьерой персонала организации // Материалы Ивановских чтений. 2017. № 4 (16). С. 64–70.
3. Паршина В.С. Управление развитием персонала корпораций: автореф. дисс.... д-ра экон. наук. Ижевск: Удмурт. гос. ун-т. 2007. 38 с.
4. Паршина В.С., Якушева А.Н. Управление наставничеством как средством эффективного использования работников старшего возраста // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2017. № 1. С. 86–91.
5. Самородская Н.Г. Критерии оценки эффективности развития сотрудников // Управление развитием персонала. 2015. № 4. С. 28–31.
6. Технологии управления развитием персонала: учебник // Е. А. Белкова и др. Москва: Проспект, 2016. 402 с.
7. Федеральная служба государственной статистики. Торговля в России – 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b19_58/Main.htm

Внешекономическая деятельность малых и средних предприятий России и Китая в условиях пандемии

Foreign Economic Activity of Small and Medium-sized Enterprises in Russia and China under Pandemic (DOI: 10.34773/EU.2020.6.21)

Н. ИВАНОВА, А. ДЕМЕНТЬЕВА

Иванова Наталья Игоревна, канд. экон. наук, доцент кафедры мировой экономики Института национальной и мировой экономики Самарского государственного экономического университета. E-mail: cleotasha@rambler.ru

Дементьева Алёна Сергеевна, студентка Института национальной и мировой экономики Самарского государственного экономического университета. E-mail: alenadementieva@icloud.com

В статье исследовано влияние пандемии на внешнеэкономическую деятельность малых и средних предприятий России и Китая, представлен обзор мер государственной поддержки, а также предложены мероприятия по поддержке субъектов малого и среднего бизнеса России. Определено, что со стороны государственных органов обеих стран с первых дней введения ограничений был разработан комплекс мер для поддержки организаций, в том числе малых и средних, осуществляющих внешнеэкономическую деятельность.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, пандемия, коронавирус, внешнеэкономическая деятельность, государственная поддержка.

The article examines the impact of the pandemic on foreign economic activity of small and medium-sized enterprises in Russia and China. It provides an outline of government support measures and proposes supporting measures for small and medium-sized enterprises in Russia. The article concludes that from the first days of restrictions the public authorities of both countries developed a set of measures to support organizations, including small and medium-sized, involved in foreign economic activity.

Key words: small and medium-sized enterprises, pandemic, coronavirus, foreign economic activity, government support.

Современный мир в 2019–2020 гг. столкнулся с эпидемиологической нестабильностью, вызванной распространением коронавирусной инфекции COVID-19. В условиях мирового распространения COVID-19 и введения режима глобальной самоизоляции многие государства закрыли свои границы и ввели ограничения на экспорт. Малые и средние предприятия (далее – МСП), осуществляющие внешнеэкономическую деятельность (далее – ВЭД), больше подвержены рискам, связанным с пандемией, чем крупные. Закрытие границ многих государств, существенное сокращение транспортного сообщения между государствами, закрытие целых бизнес-сфер повлекли за собой уменьшение темпов развития предприятий, падение инвестиционной активности организаций, снижение уровня доходов населения и покупательной способности, рост уровня безработицы [3, 448].

Исследование мер государственной поддержки МСП, осуществляющих ВЭД, проведено на примере России и Китая.

Методологической базой исследования выступают общенаучные принципы познания, метод описательной статистики, метод обобщения.

Около 80 % занятых в городах Китая в 2019 г. трудились на МСП. До 90 % новых рабочих мест создается МСП. Они в значительной мере способствуют повышению уровня жизни домохозяйств. В КНР в результате введения ограничительных мер из-за распространения COVID-19 пострадали более 91 % субъектов МСП [5, 37]. В связи с этим была разработана следующая система государственных мер, призванных сохранить потенциал МСП:

- 1) снижение сборов административного характера;
- 2) снижение арендной платы;

3) налоговые льготы, которые нацелены на производство, транспортировку и импорт средств для профилактики коронавирусной инфекции и контроля за распространением эпидемии;

4) государственные субсидии, которые нацелены на стимулирование движения денежных средств МСП, обеспечение возобновления и дальнейшего функционирования производства;

5) финансово-кредитная политика – предоставление кредитов банковскими структурами под более низкие проценты;

6) целевая поддержка работы организаций, которые заняты в обеспечении профилактики коронавирусной инфекции и контроле за ее распространением;

7) прочие меры поддержки МСП для возобновления полноценной производственной деятельности – снижение текущих затрат МСП, организация возвращения на работу сотрудников, проживающих в других провинциях, активная информационная поддержка и т.д. [5, 37].

Итак, Китаем предприняты меры по поддержанию деятельности субъектов МСП, которые наиболее сильно пострадали от эпидемии, включая снижение нормы обязательных резервов банков, а также предоставление предпринимателям заемных средств на общую сумму 2,85 трлн. юаней (400 млрд. долл.) [4, 28]. Это позволило практически всем предприятиям Китая (в том числе и МСП) возобновить полноценную работу уже в феврале 2020 года. Эффективность данных мер можно будет рассчитать на основе показателей деятельности МСП по результатам 2019 года.

В России и КНР наблюдается схожая ситуация по развитию и влиянию пандемии COVID-19 на деятельность МСП. Однако у России была возможность подготовиться к карантинным и ограничительным мерам и на примере ситуации в КНР рассмотреть и внедрить наиболее действенные методы поддержки предприятий.

В Российской Федерации действуют более 6 млн таких предприятий, на которых занято 15,421 млн человек. Примерно 1/5 валового продукта создается именно МСП [2, 67]. Карантинные меры в связи с распространением коронавирусной инфекции отразились на деятельности 67 % предпринимателей, субъектов МСП и крупных предприятий в России (4,17 млн из 6,05 млн организаций). За период с января по май 2020 года более 30% российских компаний получили убыток в общей сумме 1,65 трлн. рублей [2, 66]. Правительство Российской Федерации в начале апреля 2020 года приняло Постановление № 434, утвердившее список сфер деятельности, которые несут существенные убытки из-за пандемии (перевозки, туризм, гостиничный бизнес, спорт и т.д.) [4].

Эксперты Торгово-промышленной палаты РФ (далее – ТПП РФ) определили, что ключевой риск для импортеров сводится к нарушению сроков поставки авансированных товаров.

При невозврате авансового платежа российский импортер попадает под штрафные санкции согласно валютному законодательству России. У компаний-экспортеров существует риск неполучения выручки, что также приводит к возникновению штрафов и пени [1]. На сайте Минфина России опубликовано письмо, содержащее информацию для субъектов ВЭД с инструкцией по действиям резидентов при неисполнении зарубежными партнерами сроков поставки или оплаты продукции по договорам внешнеторгового характера [1]. Министерство финансов и Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации признали пандемию COVID-19 форс-мажором 19 марта 2020 г. При осуществлении ВЭД доказать наступление форс-мажорных обстоятельств можно, получив бесплатный (с 26.03.2020 г.) сертификат, подтверждающий обстоятельства непреодолимой силы для предъявления компании-партнеру с целью недопущения одностороннего расторжения контракта или начисления пени, штрафов, либо в качестве доказательства в судебных инстанциях [1].

Правительством Российской Федерации было выделено 2 трлн. руб. для поддержки бизнеса, а также озвучены и реализовываются следующие меры поддержки МСП, в том числе осуществляющих ВЭД:

1) предоставлены отсрочки по кредитным обязательствам из резервного фонда в размере 5 млрд. руб., сформированы рекомендации по реструктуризации кредитов, а также до

30.09.2020 г. дано указание не повышать резервы на возможные потери по ссудам МСП, которые понесли убытки из-за пандемии;

2) определен порядок предоставления субсидий в регионы России на оказание поддержки МСП в связи с пандемией;

3) в пострадавших от пандемии отраслях МСП могут получить льготные кредитные средства на выплату заработной платы сотрудникам;

4) наложен мораторий на банкротство по инициативе кредиторов;

5) предоставлена отсрочка на уплату арендных платежей государству и муниципальным образованиям;

6) сформулированы требования к тому, на каких условиях и на какой срок может быть предоставлена отсрочка платы по договорам аренды недвижимости [2, 67].

В условиях сложившейся эпидемиологической ситуации представляется необходимым также оказать следующие государственные меры поддержки российским субъектам МСП:

1) провести организацию образовательных онлайн-программ, нацеленных на предоставление данных МСП о мерах предотвращения негативных последствий пандемии, учитывая удачный опыт предприятий;

2) провести организацию онлайн-программ для МСП по обучению их новым рабочим процессам, связанным с дистанционной работой, и принципам поиска новых рынков для продажи товаров или услуг с участием предприятий, успешно внедривших опыт изменения рабочих процессов;

3) «Корпорации МСП» необходимо сформировать на своем официальном интернет-сайте перечень мер государственной поддержки МСП с подробной инструкцией для получения поддержки.

Таким образом, в связи с закрытием границ во время пандемии коронавируса одним из самых рискованных направлений деятельности стало осуществление ВЭД. В Китае, который первым из государств столкнулся с коронавирусной инфекцией, система мероприятий по поддержке МСП включает в себя снижение административных сборов, уменьшение арендной платы, налоговые льготы, государственные субсидии, финансово-кредитные меры, целевую поддержку и другие мероприятия. При сравнении мер государственной поддержки МСП в КНР и в России отметим, что опыт КНР в значительной мере учтен при создании системы инструментов и мер по поддержке российских предприятий (отсрочки по кредитам, льготные условия кредитования, субсидии, освобождение от налогов, снижение налоговой нагрузки и т.д.).

Рассмотренные меры государственной поддержки в России могут оказать временное положительное влияние на рынок в целом. В сложившейся ситуации возможен как пессимистичный сценарий развития событий (МСП не смогут осуществлять деятельность в полном объеме и будут вынуждены сменить направление деятельности или закрыться), так и оптимистичный (деятельность субъектов МСП будет связана с определенными трудностями, которые они смогут решить). Помочь МСП решить проблемы, возникшие в условиях пандемии, может, во-первых, информационное сотрудничество как с госструктурами, так и успешными предприятиями, а во-вторых, создание штаба наблюдателей для таких предприятий. Считаем это особенно актуальным для сферы услуг (торговли, общественного питания, туризма), наиболее пострадавшей от пандемии.

Литература

1. Изменения, связанные с регулированием ВЭД в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 [Электронный ресурс]. URL: <https://pravorf.ru/blog/izmeneniya-svyazannye-s-regulirovaniem-ved-v-usloviyah-pandemii-koronavirusnoy-infektsii-covid-19-vnosimye-v-tamozhennoe-zakonoda-telstvo/>

2. Леващенко А.Д., Коваль А.А. Меры финансовой и нефинансовой поддержки МСП в условиях ситуации с COVID-19 // Экономическое развитие России. 2020. № 5. С. 66–70.

3. Лобанова Д.И., Петелина Е.А., Багреева Е.Г. Адаптация предпринимателя в период пандемии // Образование и право. 2020. № 4. С. 448–453.

4. Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 434 (ред. от 26.06.2020) «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» // СЗ РФ. 2020. № 15. ст. 2288.

5. Симэн Е., Шерешева М.Ю. Государственная поддержка КНР в отношении китайских малых и средних предприятий в условиях пандемии COVID-19 // Государственное управление. 2020. № 4. С. 25–50.

Особенности трансформации системы оплаты труда в условиях кризисной экономики Features of the Transformation of the Remuneration System in a Crisis Economy (DOI: 10.34773/EU.2020.6.22)

А. ГАЛИМОВА, Е. ШАДРИНА

Галимова Айгуль Шарифовна, канд. экон. наук, доцент кафедры социологии труда и экономики предпринимательства Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: aigul_galimova@mail.ru

Шадрина Елена Александровна, магистрант ИНЭФБ БашГУ. E-mail: personal.shea@mail.ru

В статье анализируются особенности трансформации системы оплаты труда в условиях нестабильной экономики. Рассмотрены этапы процесса трансформации системы оплаты труда в Торгово-промышленной палате (ТПП) Республики Башкортостан. Авторами предлагается алгоритм разработки системы KPI для ТПП Республики Башкортостан, который поддается масштабированию.

Ключевые слова: оплата труда, системы оплаты труда, трансформация системы оплаты труда, ключевые показатели эффективности.

The article analyzes the features of the transformation of the remuneration system in an unstable economy. The stages of the process of transformation of the wage system in the Chamber of Commerce and Industry (CCI) of the Republic of Bashkortostan are considered. The authors propose an algorithm for developing a KPI system for the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Bashkortostan, which is scaled up.

Key words: labor remuneration, labor remuneration systems, transformation of the labor remuneration system, key performance indicators.

Перемены в экономике, связанные с введением карантинных мер противодействия COVID-19 и приведшие к падению экономической активности работников, отмене публичных мероприятий, приостановке многих направлений деятельности в экономике, снижению уровня эффективности предприятий, обусловили повышение интереса к вопросам организации и регулирования оплаты труда работников, ориентированного на эффективный труд на основе зависимости размеров личного дохода от фактического вклада в трудовой процесс и конечного результата работы всей организации. «Ни одна система управления не может благополучно существовать, если не будет содержать в себе результативную систему мотивации труда, которая побуждала бы работника плодотворно и качественно работать для достижения определенной цели» [3, 163]. «В практике управления организацией одним из стратегических направлений является создание эффективной оплаты труда, основанной на учете вклада работника в общий результат деятельности, так как справедливая заработная плата, ее объективность влияет на отношение сотрудников к работе и на успех компании в целом» [9, 137].

Торгово-промышленные палаты являются давно проверенными в мировой практике инструментами взаимодействия правительственных органов и предпринимателей. Торгово-

промышленная палата Российской Федерации (ТПП РФ) является членом многих международных организаций и обладает обширными, исторически наработанными контактами по всему миру. ТПП РФ объединяет более 52.000 «организаций, более 300 объединений предпринимателей и коммерческих организаций на федеральном уровне, около 500 бизнес-ассоциаций на региональном» [7], 180 торгово-промышленных палат в субъектах Российской Федерации.

Региональные Торгово-промышленные палаты в России в современных условиях являются интеллектуальными центрами российского бизнеса и одной из форм взаимодействия между государством и предпринимательством, а также взаимообмена предприятий различных форм опытом мотивации и стимулирования персонала к трудовой деятельности [4]. Поэтому так актуален интерес торгово-промышленных палат к вопросам трансформации системы оплаты труда, чтобы она отвечала рыночным условиям, способствовала активизации трудового потенциала путем индивидуализации оплаты труда, и как следствие, выходу из кризиса в экономике, вызванного негативными последствиями COVID-19.

Повременно-премиальная система оплаты труда на базе Key Performance Indicator (KPI) достаточно известна и используется как в мире, так и в России, но в условиях пандемии и массового перевода сотрудников на дистанционный формат работы приобрела особую актуальность. KPI представляют собой ключевые показатели деятельности организации, помогающие ей достичь стратегических и текущих целей. Использование ключевых показателей эффективности позволяет компании оценить свое актуальное экономическое положение и спрогнозировать оценку реализации стратегии. Система ориентирована на цели компании, на оценку вклада каждого работника в общий результат, а также на стимулирование достижения высоких индивидуальных результатов [6, 34].

Премирование на базе KPI предусматривает разработку шкалы премирования, устанавливающей размер премиальной выплаты на основании формулы KPI, при достижении работниками каждого показателя KPI и требований к исполнителю по его достижению.

Для Торгово-промышленной палаты Республики Башкортостан нами был разработан алгоритм разработки и внедрения системы KPI, состоящий из нескольких этапов.

Этап 1. Разработка целей и KPI компании, в соответствии с принципами SMART и стратегией компании на ближайший год.

Миссия Союза «Торгово-промышленная палата Республики Башкортостан» определена как «В интересах бизнеса, во благо Башкортостана». ТПП РБ ставит перед собой следующие цели организации: расширение направлений деятельности; увеличение объема услуг; рост прибыли.

Этап 2. Разработка целей и KPI подразделений.

На данном этапе определяется доля фонда оплаты труда, которая будет направлена на выплаты премий. Для того, чтобы система вознаграждения работников по результатам на основе KPI была эффективной, необходимо после разработки целей компании провести их декомпозицию или «каскадирование» с верхнего уровня на нижний. Цели, привязанные к системе вознаграждения, должны быть направлены на достижение стратегических целей и реализацию стратегии предприятия. Например, для Департамента экспертизы и сертификации ТПП Республики Башкортостан была разработана следующая декомпозиция (каскадирование) целей (рисунок 1).

Этап 3. Разработка таблиц целей и KPI для вознаграждения.

Оценка выполнения KPI работниками производится в специальных таблицах – «Матрицах KPI», в которых осуществляется анализ и сопоставление полученных данных (веса и диапазона значений). На практике принято выделять от трех до пяти KPI, каждый из которых имеет свой вес, измеряемый в процентах, в зависимости от градации целей по важности. Исходя из этого, все веса KPI расставляют по степени важности, начиная с самых важных показателей. Суммарная величина всех весов KPI (к одной цели) должна равняться 100% или 1. Веса KPI придают гибкость всей мотивационной системе предприятия и позволяют оперативно принимать управленческие решения, не затрагивая при этом всю систему.

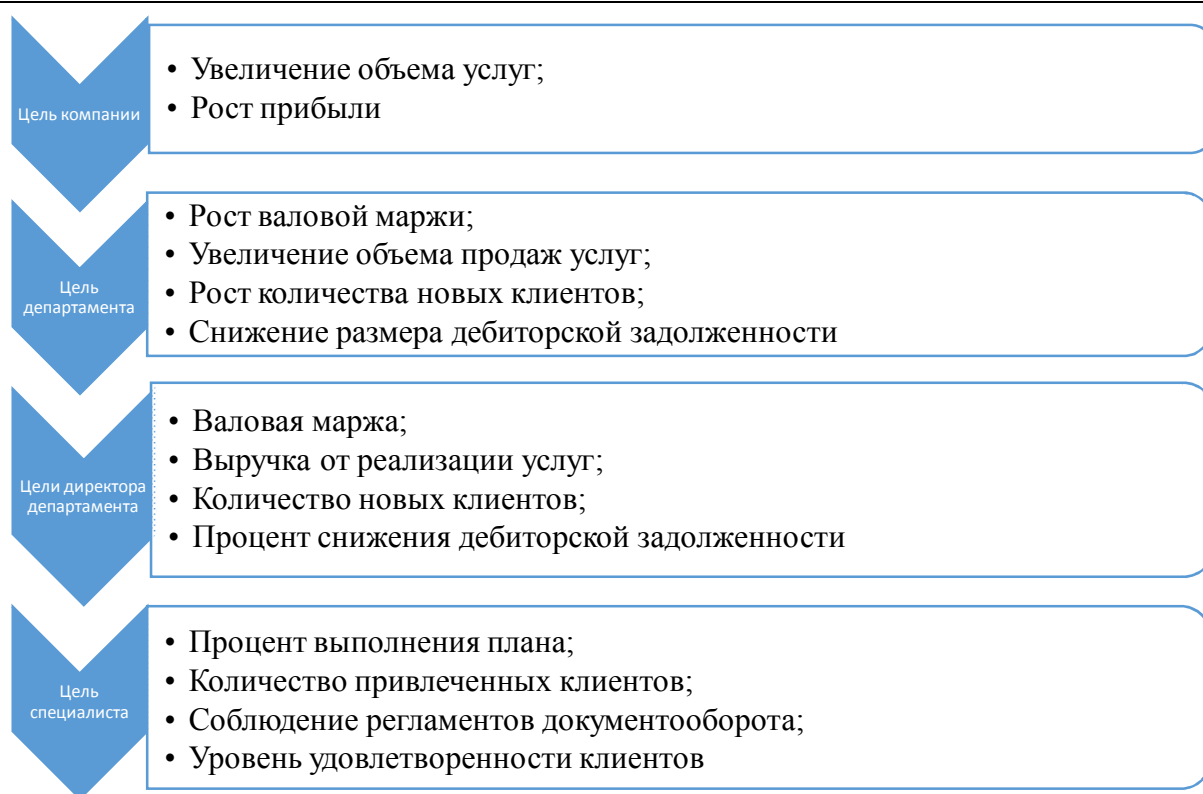

Рис. 1. Декомпозиция целей для Департамента экспертизы и сертификации

В таблице 1 представлено рассчитанное нами в качестве примера взвешивание KPI для директора Департамента экспертизы и сертификации ТПП Республики Башкортостан.

Таблица 1

Взвешивание KPI для директора департамента экспертизы и сертификации

№KPI	Название KPI	Вес KPI, %
KPI 1	Валовая маржа	35
KPI 2	Выручка от реализации услуг	30
KPI 3	Количество новых клиентов	20
KPI 4	Процент снижения дебиторской задолженности	15
Итого		100

Этап 4. Определение плановых значений показателей.

На данном этапе происходит сбор статистики и анализ динамики показателей организации за предыдущие годы. Если расчетные показатели по каким-то причинам отсутствуют, то в этом случае сначала аккумулируют статистическую информацию и только потом разрабатывают реальные плановые показатели.

Этап 5. Расчет результативности работника.

Организация занимается разработкой формул и расчетом параметров плановых показателей. Критерии, представленные в таблице 2, используют для определения времени работ [2, 66].

Таблица 2

Критерии расчета сроков выполнения

Срок выполнения	% выполнения или невыполнения задачи
Один рабочий день просрочки выполнения задания	-2 % выполнения
На один день раньше установленного срока	+1 % выполнения

Затем определяется процент результативности деятельности сотрудников. Пример такого расчета представлен нами в таблице 3.

Таблица 3

Расчет результативности директора департамента экспертизы и сертификации

№	Некоторые важные цели	KPI	Вес KPI, %	План	Факт	Результат, %
1	Рост объема услуг по новым клиентам	Объем продаж по новым клиентам, руб.	30	50 000	45 000	27
2	Увеличение объема услуг	Выручка от реализации, руб.	30	500000	500 000	30
3	Рост валовой маржи	Валовая маржа, руб.	40	200 000	180 000	36
Итого R						93

Этап 6. Разработка таблиц вознаграждения, в зависимости от результативности работника.

Пример шкалы переменной части заработной платы работников ТПП РБ, в зависимости от результативности [2] представлен в таблице 4.

Таблица 4

Зависимость переменной части заработной платы от результативности работника в ТПП Республики Башкортостан

Процент результативности, R _i	Вознаграждение, % от оклада
Менее 80	0
80-84	20
85-89	40
90-94	60
95-99	80
100-109	100
110-119	110
120 и более	120

Этап 7. Расчет размера вознаграждения работника.

Этап 8. Внедрение на предприятии новой системы оплаты труда, с учетом KPI.

«Мотивация сотрудников является ключевым фактором социально-экономического развития современной организации» [10], поэтому при трансформации существующей системы оплаты труда, либо внедрении новой необходимо обеспечить доверие сотрудников к процессу изменения порядка оплаты труда, путем предоставления работникам подробной информации о вводимых изменениях, методах измерения результатов труда и разъяснения особенностей применения новых механизмов оплаты труда [1, 7].

Так как размер и сроки оплаты труда, согласно российскому законодательству, являются существенными условиями трудового договора, то при любых трансформациях и изменениях в системе вознаграждения сотрудников надо руководствоваться Трудовым кодексом РФ [8]. Согласно ст. 72 ТК РФ, такие изменения определенных сторонами условий трудового договора могут производиться только по взаимному соглашению сторон социально-трудовых отношений. Также в обязательном порядке необходимо оформить допсоглашения к трудовым договорам. Изложенной позиции также придерживаются контролирующие и судебные органы.

Проект трансформации системы оплаты труда может быть реализован при проведении следующих мероприятий:

1. Издание приказа о предстоящей трансформации системы оплаты труда в организации. В приказе рекомендуется указать причины, которые подтолкнули руководство к таким изменениям существенных условий трудового договора.

2. Не позднее, чем за два месяца до введения изменений в письменной форме уведомить работников о предстоящих изменениях. Данная процедура определена ч. 2 ст. 74 ТК РФ.

3. Если работника устраивает новая система оплаты труда, то с работником заключают допсоглашение к трудовому договору.

При отказе работника от работы в условиях новой мотивационной системы работодатель обязан в письменной форме предложить ему все имеющиеся в организации свободные вакансии. И если таких вакансий нет или свободные вакансии работника не устраивают, то работник будет уволен на основании п.7 ч.1 ст. 77 ТК РФ. Согласно ст. 178 ТК РФ, при увольнении по данному основанию работникам выплачиваются все причитающиеся выплаты, компенсация за неиспользованный отпуск, выходное пособие в размере двухнедельной средней зарплаты.

Подводя итоги анализа эффективности предлагаемой трансформации действующей в ТПП РБ системы оплаты труда на повременно-премиальную с использованием ключевых показателей эффективности (Key Performance Indicators – KPI) можно сделать вывод, что предлагаемый нами проект требует определенных управленческих усилий и финансовых затрат, но при этом будет являться окупаемым.

Литература

1. Акмаева Р.И., Епифанова Н.Ш. Компенсационный менеджмент. Управление вознаграждением работников: учебное пособие [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=594213&p=1>
2. Ветлужских Е. Как разработать эффективную систему оплаты труда: примеры и практики российских компаний / Е. Ветлужских, А. Ларина, Т. Петренко, А. Романова. М.: Альпина Паблишер, 2016. 201 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://iknigi.net/avtor-elena-vetluzhskih/116770-kak-razrabotat-effektivnuyu-sistemu-oplaty-truda-primery-iz-praktiki-rossijskih-kompaniy-elena-vetluzhskih/read/page-1.html>
3. Галимова А.Ш., Галимова Л.Ф., Тимербулатова А.Р. Заработная плата как фактор мотивации к труду // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2015. № 1. С. 163–169.
4. Закон Российской Федерации от 7 июля 1993 г. № 5340-1 «О торгово-промышленных палатах в Российской Федерации» (с изм. на 27.10.2020) // Ведомости съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. 19 августа 1993 г. № 33. Ст. 1309 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9004434>
5. Казакова С. Смена систем оплаты труда и споры сторон в суде // Трудовое право. 2018. № 3. С. 6.
6. Ключков А.К. KPI и мотивация персонала. Полный сборник практических инструментов. М.: Эксмо, 2009. 103 с.
7. Официальный сайт Торгово-промышленной палаты Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://tpprf.ru/ru/>
8. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) (с изм. и доп., вступившими в силу 13.08.2020) // Российская газета. 31 декабря 2001. № 256.
9. Шадрин Е.А. Сложности внедрения системы грейдинга на предприятии / В сборнике материалов III Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 110-летию ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет» «People-management в условиях цифровой трансформации экономики». Уфа: Изд-во БашГУ, 2019. С. 137–141.
10. Nazarova U.A., Galimova A.Sh., Latypova R.R., Sayapova E.M. Employee motivation as a key factor for socio-economic development of modern organization // Экономика и управление: проблемы, решения. 2017. Т. 5. № 12. С. 189–192.

Пути повышения эффективности трудового потенциала предприятия

Ways to Improve the Efficiency of the Company's Labor Potential

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.23)

Э. МАГОМАЕВА, Г. МУРАДОВ

Магомаева Эльмира Руслановна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Экономика труда и управление персоналом» Дагестанского государственного университета

Мурадов Гумет Магомедович, магистрант кафедры «Экономика труда и управление персоналом» Дагестанского государственного университета. E-mail: mr.gumet@mail.ru

На современном этапе развития экономических отношений актуальной является проблема повышения эффективности использования трудового потенциала предприятия. Анализ использования трудового потенциала имеет большое значение для повышения конкурентоспособности предприятия.

Ключевые слова: трудовой потенциал, трудовые ресурсы, условия труда.

At the present stage of development of economic relations, the problem of increasing the efficiency of the use of labor potential of the enterprise is urgent. Analysis of the use of labor potential is of great importance for improving the competitiveness of the enterprise.

Keywords: labor potential, labor resources, working conditions.

Управление любым предприятием, как известно, включает два основных направления развития. Первое направление – установление целей и задач фирмы и, соответственно, следование им с контролируемым результатом. Второе направление – это труд управленцев в отношении предприятия и трудового потенциала персонала. Что касается последних – удовлетворение потребностей персонала является одной из приоритетных целей руководства, залогом эффективной работы коллектива, а также обеспечение эффективного функционирования предприятия [7, 257].

Успешное решение проблемы формирования и эффективного использования трудового потенциала является одним из основных факторов экономического роста предприятия, увеличения доходов местных бюджетов, а также повышения уровня жизни населения.

По мнению таких авторов как Ефремова А.А. [1], Каталенец А.И., Матукова Г.И. [2], Кибанов А.Я., Митрофанова Е.А., Эсаулова И.А. [3], Михайлова В.Е. [4], повышение эффективности использования трудового потенциала – необходимое условие успешного развития экономики.

Понятие трудового потенциала не сводится к трудоспособному населению, или трудовым ресурсам, так как последние не учитывают качественных характеристик работника.

Максимально продуктивное использование трудовых ресурсов является основным инструментом повышения эффективности деятельности и конкурентоспособности предприятия.

В каждой организации существует свой собственный и неповторимый трудовой потенциал, но для стабильного существования и развития организации его необходимо постоянно обновлять и совершенствовать. Сейчас многие организации пренебрегают этим: данная большая ошибка может привести к «умиранию» предприятия. То, что руководство многих организаций не считает нужным развивать трудовой потенциал, однако желает, чтобы их организация достигла успеха и приносила прибыль, является в настоящее время чрезвычайно важной и острой проблемой. Для ее решения необходимо предавать огласке трудности, которые могут возникнуть вследствие бездействия и безразличия руководства организации к имеющемуся трудовому потенциалу, а также реализовывать мероприятия, мотивирующие к его развитию.

С целью определения собственного конкурентного цикла развития предприятие должно расширяться стремительнее, чем повышается трудовой потенциал конкурентов. Это достигается за счет наращивания производственных и трудовых возможностей, а также всех их основных элементов.

Структура трудового потенциала имеет следующие компоненты [6, 115]:

1. Кадровая составляющая: квалификация работника (знания, умения, навыки), образование;
2. Профессиональная структура. Под профессиональной структурой понимается сам коллектив с его внутренними взаимосвязями, на которые могут влиять различные внешние и внутренние факторы, такие как НТР, оплата труда и другое;
3. Квалификационная структура. Это квалификация каждого работника, который непосредственно участвует в «жизни» организации;
4. Организационная составляющая. В нее можно включить условия труда, культуру труда, удовлетворенность работника условиями труда и тому подобное.

Отсюда следует, что трудовой потенциал является системообразующим всего предприятия, а значит, каждое предприятие должно следить за тем, чтобы условия труда соответствовали требованиям, работники были удовлетворены работой, могли спокойно и продуктивно выполнять свои обязанности.

Трудовой потенциал каждого работающего человека имеет свойство изменяться, как в направлении развития, так и в обратном направлении. Чтобы организация процветала, необходимо создавать условия, в которых работник сможет развивать свой трудовой потенциал: организовывать курсы повышения квалификации, предоставлять оздоровительные путевки, минимизировать вредные условия труда и так далее. Особого внимания требует создание условий для повышения квалификации и обновления знаний: работник должен быть в курсе всех новшеств, связанных с его профессиональной деятельностью.

Каждый работник должен повышать свою квалификацию примерно 1 раз в 3-5 лет. Доказано, что знания «живут» в среднем 5 лет, а значит, для каждого работника будет полезным (а иногда и необходимым) пройти обучение и восстановить в памяти те знания, которые забылись и получить новые. Повышение трудового потенциала каждого работника благоприятно скажется и на организации в целом. Работник, вооруженный актуальными знаниями и знакомый со всеми новациями в сфере своей деятельности будет трудиться продуктивнее, в том числе сможет предлагать действенные варианты решения проблем, имеющихся в организации.

Одним из широко практикуемых решений, направленных на повышение эффективности использования трудового потенциала, считается сокращение штата. Одной из причин этого является неспособность руководства при найме персонала видеть различия в людях [5, 44].

Решение прекратить подбор новых сотрудников в период упадка является неправильным, так как в период стабилизации экономической ситуации следует применять все без исключения существующие методы для конкурентной борьбы.

Таким образом, можно сделать вывод: люди – действительно главная составляющая организации, основа ее развития. Улучшение условий труда, создание обстановки, комфортной для работы, повышение квалификации и актуализация знаний членов коллектива принесет пользу всему предприятию.

Литература

1. Ефремова А. А. Управление потенциалом фирмы: эволюция формирования и реализации: монография / А.А. Ефремова. Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2015. 181 с.
2. Каталенец А. И., Матукова Г. И. Управление потенциалом предприятия. Кривой Рог: «Издательский дом», 2011. 324 с.
3. Кибанов А. Я., Митрофанова Е. А., Эсаулова И. А. Управление трудовыми ресурсами. М.: ИНФРА-М, 2013. 250 с.
4. Михайлова В. Е. Управление потенциалом предприятия. Симферополь: КЭИ, 2014. 156 с.
5. Никулин Д.В. Механизмы повышения эффективности персонала в коммерческих организациях // Интернет-журнал «Мир науки». 2015. № 2.
6. Складенко В.К. Экономика предприятия: учебник // В.К. Складенко, В.М. Прудников. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2014.
7. Фоменко В. А. Кадровая структура и эффективность трудового потенциала управленцев на предприятиях туристической индустрии // Сборник материалов национальной научно-практической конференции / Под ред. В.Н. Ходыревой. Курск, 2019.

Динамическая оптимизационная модель регулирования ресурсных потоков на уровне субъекта федерации

Dynamic Optimization Model for Regulating Financial Flows at the Level of a Federal Subject (DOI: 10.34773/EU.2020.6.24)

Г. АГАРКОВ

Агарков Гавриил Александрович, д-р экон. наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией по проблемам университетского развития Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. E-mail: g.a.agarkov@urfu.ru

В статье представлена разработанная автором динамическая оптимизационная модель регулирования ресурсных потоков на уровне субъекта федерации. Модель обеспечивает поддержку принятия решений по управлению ресурсными потоками на основе различных критериев оптимальности и может применяться для сценарного анализа планируемых управленческих решений.

Ключевые слова: развитие экономики региона, экономико-математическое моделирование, сценарный анализ.

The article presents a dynamic optimization model developed by the author for regulating resource flows at the level of a Federal subject. The model provides support for decision-making on resource flow management based on various optimality criteria, which is applicable for scenario analysis of planned management decisions.

Key words: development of the regional economy, economic-mathematical modeling, scenario analysis.

Современная социально-экономическая ситуация – экономический кризис, пандемия, необходимость обеспечения перехода к устойчивому экономическому росту – ставит сложнейшие задачи перед федеральными и региональными органами исполнительной власти [10]. Для их решения необходим комплекс мер [4], охватывающих важные стороны жизни общества: денежно-кредитную систему, налоговую политику, ценовую политику, институциональные преобразования в экономике [2; 11], инвестиционную политику, и, конечно, промышленную политику [6; 9]. В настоящее время на государственном уровне признано, что преобразования в российской экономике должны быть направлены не только на активизацию рыночных механизмов, но и на развитие отечественной промышленности. Перспективными направлениями поддержки промышленности является организация эффективного спроса путем формирования регионального государственного заказа. Существенные возможности для повышения эффективности решения этих задач открывает применение информационных технологий [5]. Их разработка должна осуществляться на основе экономико-математических моделей [12]. Рассмотрим динамическую модель регулирования ресурсных потоков региона. Очевидно, что решение ряда изложенных выше проблем по управлению ресурсными потоками сводится к управлению потоками между бюджетом субъекта федерации, налогоплательщиками, первичными бюджетополучателями и учреждениями, финансируемыми из областного бюджета.

Проводя анализ информации о расчетах хозяйствующих субъектов региона между собой и с предприятиями, расположенными за пределами региона, можно выявить определенные закономерности в платежах предприятий [3; 7; 8]. Кроме того, имеет смысл использовать известные процентные соотношения между платежами, например, соотношения между выплачиваемой сотрудникам заработной платой и производимыми при этом обязательными платежами. Полученную информацию можно формализовать, введя коэффициенты взаимных расчетов между предприятиями. Эти коэффициенты имеют значение доли от единицы финансовых ресурсов предприятия, которую оно должно перевести другому субъекту расчетов.

Составим из коэффициентов взаимных расчетов n предприятий матрицу E . Элементы матрицы $e_{i,j} \geq 0$, $i \in \overline{1,n}$, $j \in \overline{1,n}$ при $i \neq j$ имеют значение доли от единицы финансовых ресурсов предприятия i , которую оно должно перевести предприятию j .

В математической модели необходимо отразить возможность вложения средств в различные предприятия, ценные бумаги или размещение денег на депозите. Также в случае долгосрочного планирования необходимо смоделировать параметры определенных бизнес-планов. Чтобы отразить эти моменты в математической модели, введем коэффициенты эффективности вложения денежных средств в определенный i -й субъект экономической деятельности. Эти коэффициенты обозначим $e_{i,i}$ и расположим по диагонали матрицы E .

В матрице E представлена информация о взаимных расчетах следующих предприятий. Первые l участников расчетов – бюджетные учреждения и органы исполнительной власти региона, для которых решается задача оптимизации ресурсных потоков, начиная с $l+1$ по m – предприятия, от которых поступают финансовые средства, а с $m+1$ по n – предприятия, которым должны заплатить бюджетные учреждения. Матрица $E = e_{i,j}$ сама по себе несет достаточно много информации о сложившейся структуре экономических связей. Подробнее вопрос о значении и выборе ее элементов обсуждается далее.

В описываемой экономико-математической модели необходимо отразить сведения о суммах, входящих в структуру платежей. Такая информация присутствует в базах данных казначейств, расчетных центров региона и должна быть использована при анализе и прогнозе финансовой деятельности. В базах данных также имеются сведения и о планируемых обязательных платежах, например, для администрации региона это платежи по защищенным статьям бюджета. С целью моделирования входящих финансовых потоков введем переменные $C_i \geq 0$

$i \in \overline{l+1,m}$, обозначающие суммы денежных средств, поступающие от i -го предприятия в областной бюджет. Чтобы отразить в математической модели исходящие финансовые потоки, введем переменные $D_j \geq 0$, $j \in \overline{m+1,n}$, имеющие значение сумм, которые бюджет субъекта федерации должен выплатить предприятию j . Математически необходимость выполнить обязательные платежи хозяйствующему субъекту j сформулируем как ограничение

$$\sum_{i=1}^l e_{ij} x_i = D_j, \quad j \in \overline{m+1,n}.$$

В данной математической модели не рассматривается

вариант, при котором предприятие может одновременно быть должником бюджета субъекта федерации и в то же время являться кредитором учреждений, финансируемых из бюджета. Подробнее погашение взаимных задолженностей в рамках экономики региона рассмотрено в следующем параграфе диссертационного исследования.

Излагаемая математическая модель должна отражать тот факт, что органы управления имеют возможность оперировать ограниченной суммой финансовых ресурсов. Обозначим эту сумму S . Таким образом, перед лицами, принимающими решение, стоит задача распределить некоторую сумму финансовых ресурсов S между субъектами структуры, то есть найти вектор $x = (x_1, x_2, \dots, x_l)$ распределения ресурсов. Причем необходимо выполнить ограничение

$$\sum_{i=1}^l x_i \leq S$$

на сумму распределяемых ресурсов.

Рассмотрим вопрос: какая сумма финансовых ресурсов будет в распоряжении органов управления экономикой региона после проведения расчетов. Очевидно, что эта сумма будет складываться из двух слагаемых.

Во-первых, это платежи, поступившие одним участникам структуры от других. Очевидно, что после проведения расчетов каждое предприятие структуры получит от других финансовые

ресурсы на сумму $\sum_{i=1}^l e_{ij} x_i$. Таким образом, все участники структуры, для которой произво-

дится оптимизация финансовых потоков, получают сумму $\sum_{j=1}^l \sum_{i=1}^l e_{ij} x_i$.

Во-вторых, денежные средства, поступающие от сторонних организаций предприятиям структуры. Предприятие j получит после проведения расчетов от сторонних организаций сум-

му $\sum_{i=l+1}^m e_{ij} C_i$. Следовательно, в целом от сторонних организаций поступят финансовые ре-

сурсы в сумме $\sum_{j=1}^l \sum_{i=l+1}^m e_{ij} C_i$.

Таким образом, сумма поступивших в структуру после проведения расчетов финансовых ресурсов, обозначенная нами S^1 , будет равна:

$$S^1 = \sum_{j=1}^l \sum_{i=1}^l e_{ij} x_i + \sum_{j=1}^l \sum_{i=l+1}^m e_{ij} C_i = \sum_{j=1}^l \left(\sum_{i=1}^l e_{ij} x_i + \sum_{i=l+1}^m e_{ij} C_i \right)$$

Это выражение можно использовать в качестве целевой функции. То есть средства распределяются с целью увеличения финансовых ресурсов, находящихся в распоряжении органов управления экономикой региона, после проведения расчетов.

Программное обеспечение информационно-аналитического расчетного центра должно поддерживать принятие решений по осуществлению долгосрочных инвестиций и финансированию. Таким образом, необходимо учесть такой ресурс, как время. Очевидно, что элементы матрицы взаимных расчетов предприятий $E = e_{ij}$, суммы денежных средств, поступающих от сторонних организаций предприятиям структуры C_i , и суммы, которые необходимо выплатить сторонним организациям D_j , должны зависеть от времени. Рассмотрим далее динамическую экономико-математическую модель управления ресурсными потоками.

Элементы матрицы $E(t)$ коэффициентов взаимных расчетов, как и матрицы E , имеют значение доли от единицы финансовых ресурсов предприятия i , которую оно должно перевести предприятию j . В случае, когда $i = j$, $e(t)_{i,i}$ обозначают эффективность использования средств предприятием. Однако элементы матрицы $E(t)$ являются функциями времени.

Аналогично функциями времени являются переменные $C_i(t) \geq 0, i \in \overline{l+1, m}$ – суммы денежных средств, поступающих от i -го сторонней организации предприятиям структуры, и $D_j(t) \geq 0, j \in \overline{m+1, n}$ – суммы, которые необходимо выплатить предприятию j , не входящему в структуру.

Рассмотрим промежуток планирования, состоящий из T периодов (дней, недель, месяцев). В первый момент времени имеется некоторая начальная сумма финансовых ресурсов S^0 . Ее требуется распределить между предприятиями региона, для которых осуществляется оптимизация ресурсов, то есть найти вектор $x^0 = (x_1^0, x_2^0, \dots, x_l^0)$. Причем нельзя превышать ог-

раничение на имеющиеся в распоряжении ресурсы $\sum_{i=1}^l x_i^0 \leq S^0$. Также необходимо выполнять обязательные платежи, что математически можно записать как

$$\sum_{i=1}^l e_{ij}(1)x_i^1 = D_j(1) \quad j \in \overline{m+1, n} \quad (1).$$

После первого этапа расчетов органы управления экономикой региона получают возможность распоряжаться суммой S^1 , равной:

$$S^1 = \sum_{j=1}^l \left(\sum_{i=1}^l e_{ij}(1)x_i^1 + \sum_{i=l+1}^m e_{ij}(1)C_i(1) \right) \quad (2)$$

Полученные средства затем вновь используются в расчетах как начальные на следующий период и так далее с учетом ограничений на сумму вложений в каждом периоде и требований выполнить обязательные платежи. В последний момент рассматриваемого периода получим

вектор $x^T = (x_1^T, x_2^T, \dots, x_l^T)$. Выбор вектора распределения финансовых ресурсов x^{t+1} , которое возможно при наличии суммы S^t , не является однозначным. Поэтому последовательность $\{x^1, x^2, \dots, x^T\}$ является лишь одним из возможных распределений ресурсов. Можно по различным критериям оценивать целесообразность выбора той или иной после-

довательности. Рассмотрим, например, целевую функцию вида $\max(\sum_{i=1}^l x_i^T)$. Такая целе-

вая функция означает увеличение финансовых ресурсов, находящихся в распоряжении органов управления экономикой региона на конец определенного периода.

Таким образом, математическая формулировка изложенной модели будет иметь следующий вид:

$$\max(\sum_{i=1}^l x_i^T) \quad (3)$$

$$S^t = \sum_{j=1}^l \left(\sum_{i=1}^l e_{ij}(t)x_i^t + \sum_{i=l+1}^m e_{ij}(t)C_i(t) \right), t \in \overline{1, T} \quad (4)$$

$$\sum_{j=1}^l x_j^t \leq S^{t-1} \quad (5)$$

$$x^t \geq 0 \quad (6)$$

$$\sum_{i=1}^l e_{ij}(t)x_i^t = D_j(t), j \in \overline{m+1, n} \quad (7)$$

Очевидно, что в случае, если все необходимые для проведения расчетов значения $E(t)$; $C_i(t) \geq 0$, $i \in \overline{l+1, m}$; $D_j(t) \geq 0$, $j \in \overline{m+1, n}$ для всех рассматриваемых моментов времени $t \in \overline{1, T}$ заданы, представленная модель является задачей линейного программирования. При определенной адаптации представленная модель может использоваться и для оптимизации управления ресурсами крупных хозяйств. Очевидно, что при практической реализации предлагаемой модели в программном обеспечении для поддержки принятия решений важно наличие необходимой для расчетов информации.

Модель может применяться для сценарного анализа планируемых управленческих решений. Например, возможно моделирование варианта минимизации налоговой нагрузки с целью стимулирования развития предпринимательства, либо сценария максимально возможного стимулирования внутреннего спроса.

Информационные системы, созданные на базе разработанной модели, могут применяться для совершенствования системы формирования и исполнения государственного заказа на уровне субъекта федерации. Это позволит экономить средства бюджета и оказать позитивное влияние на товаропроизводителей созданием эффективного спроса.

Литература

1. Арзякова О.Н., Агарков Г.А., Кормышев В.М. Управление финансовыми ресурсами государственного вуза в рыночных условиях (информационное и математическое моделирование) // Университетское управление: практика и анализ. 1998. № 4. С.49–51.
2. Арсланбаева Р., Арсланбаев А. Меры государственной поддержки моногородов Республики Башкортостан // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. № 3.
3. Гареев Т.Р., Волошенко К.Ю. Особенности построения балансовой модели эксклавного региона // Экономика региона. 2015. № 2. С. 113–124.
4. Гизатуллин Х.Н., Гарипов Ф.Н., Гарипова З.Ф. Проблемы управления структурными преобразованиями региональной экономики // Экономика региона. 2018. Т. 14. № 1. С. 43–52.
5. Канторович Л.В. Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. М.: Изд. АН СССР, 1960. 175 с.
6. Клейнер Г.Б. Промышленные предприятия в процессе рыночной адаптации: возможности и границы государственного регулирования // Предпринимательство в России. 1996. № 3. С. 10–31.
7. Ковалева Г.А., Пешина Э.В. Применение социальных норм и финансовых нормативов в Свердловской области // Российский экономический журнал. 1999. № 7. С. 22–31.
8. Машунин Ю.К., Машунин И.А. Прогнозирование развития экономики региона с использованием таблиц «затраты – выпуск» // Экономика региона. 2014. № 2. С. 276–296.
9. Сандлер Д.Г., Кузнецов П.Д. Индустриальные парки в России: концептуальная проработка проектов // Экономика региона. 2015. № 1. С. 76–88.
10. Трофимова Н., Ишназарова З. Социально-экономическое развитие Республики Башкортостан в сложных эпидемиологических условиях // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. № 4. С. 26–30.
11. Тургель И., Божко Л., Ойхер А. Кластерная политика индустриального региона // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. № 1. С. 32–37.
12. Voronkova O.Y., Zadimidcenko A.M., Goloshchapova L.V. Economic and mathematical modeling of regional industrial processes // European Research Studies Journal. 2018. № 21 (4). Pp. 268–279.

Бюджетирование затрат на персонал как элемент менеджмента

Staff Cost Budgeting as an Element of Management

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.25)

А. ФРОЛОВА, И. КУЛЬКОВА

Фролова Алена Сергеевна, ст. преподаватель кафедры менеджмента и предпринимательства Уральского государственного экономического университета. E-mail: fro_as@mail.ru

Кулькова Инна Анатольевна, доктор экон. наук, профессор, профессор кафедры менеджмента и предпринимательства Уральского государственного экономического университета. E-mail: i.a.koulikova@mail.ru

Статья посвящена уточнению теоретических положений в области бюджетирования затрат на персонал, как нового направления науки об управлении человеческими ресурсами. В статье проведен критический анализ трактовок ряда понятий, связанных с бюджетированием затрат на персонал. На основе анализа выявлены серьезные разночтения в определении понятий «затраты на персонал», «бюджетирование затрат на персонал», а также их недостатки. Для совершенствования теоретических основ данной сферы науки авторами предлагаются собственные трактовки понятий, показаны их преимущества по сравнению с имеющимися.

Ключевые слова: затраты на персонал, бюджетирование затрат, HR-бюджет, затраты на содержание кадровой службы, концепции бюджетирования затрат на персонал.

The article is devoted to the theoretical concept clarification in the field of staff costs budgeting, as a new scientific trend in human resource management. The article provides a critical analysis of the interpretation of a number of concepts related to budgeting of personnel costs. Based on the analysis, serious discrepancies in the "staff costs" and "staff costs budgeting" definitions and their shortcomings were revealed. To improve this field of science theoretical foundations, the authors propose their own concepts' interpretations, and show their advantages over the existing ones.

Key words: staff costs, costs budgeting, HR budget, maintaining HR-service costs, the budgeting staff-costs concept.

В современной научной мысли и практике учета отсутствует единое понятие, описывающее затраты на персонал, в разных отраслях науки и учетных системах используются близкие по значению, но разные понятия. Так, в статистике выделяют показатель «затраты на рабочую силу», который содержит объем средств на оплату труда и выплаты социального характера; близкий по содержанию, но иной по звучанию термин используется в налоговых органах и учете, там он называется «расходы на оплату труда», и, по сравнению с предыдущим показателем, не включает некоторые виды выплат социального характера. В бухгалтерском учете и соответствующем разделе экономической науки оперируют термином «заработная плата», которая, в свою очередь, делится на основную и дополнительную [2, 337]. Если же за основу взять международные стандарты финансовой отчетности, то там используется термин, который традиционно переводят как «вознаграждение работникам» [5, 7]. Экономическая ситуация сегодня меняется, и такое узкое понятие затрат на персонал не удовлетворяет специалистов лидирующих компаний, оплачивающих не только заработную плату, обучение сотрудников, но и, например, подбор персонала кадровым агентством или проведение корпоративного мероприятия фирмой по организации праздников. До недавнего времени такие затраты относились к накладным расходам, но они по своей сути являются затратами на персонал, поэтому в последние годы содержание понятия «затраты на персонал» расширяется [7, 72].

В Постановлении Госкомстата от 27 ноября 1995 г. № 189 определено понятие «затраты на персонал», под которым в документе понимается сумма вознаграждений за выполненную работу (в денежной и натуральной формах), а также дополнительные расходы, понесенные организацией в пользу работника (выделено авторами) [10]. Исходя из такого определения,

к затратам на персонал нельзя отнести упомянутую выше оплату кадровому агентству за подбор работников, поскольку такая оплата сделана не в пользу какого-либо работника. Аналогично невозможно отнести оплату консультационной компании за проведения ассессмента персонала, или включить расходы на проведение социологического опроса персонала о его удовлетворенности, вовлеченности. Такие затраты компаниям хотелось бы отнести к затратам на персонал, поскольку они призваны решить проблемы фирмы по привлечению и удержанию работников в условиях дефицита квалифицированной рабочей силы на рынке труда. Схожей с определением, указанным в вышеназванном Постановлении, является дефиниция В.И. Еремина, Ю.Н. Шумакова и С.В. Жарикова, которые характеризуют затраты на персонал только как «плату за труд» [4].

Стремление к расширению трактовки понятия приводит к тому, что ряд авторов дают излишне широкое, не конкретизированное определение. Например, Ю.Н. Павлючук и А.А. Козлов определяют затраты на персонал как «часть вновь созданной в процессе общественного воспроизводства стоимости», но при этом все равно ограничиваются теми жизненными средствами, которые необходимы для воспроизводства рабочей силы, то есть фактически также ограничиваются выплатами в пользу работников, хотя и не одного конкретного [9]. Патриарх экономики труда Б.М. Генкин совместно с И.А. Никитиной определяют расходы на персонал как инвестиции в человеческий капитал, но опять не включают расходы компании на подбор сотрудников, оценку удовлетворенности и т. п. затраты, которые не увеличивают человеческий капитал, а, например, его оценивают [1].

В определении другого сооснователя науки управления персоналом в России Ю.Г. Одегова, приведенном в его работе с Т.В. Никоновой, затраты на персонал представлены как «интегральный показатель...» [8]. Такой подход представляется нам не совсем верным, поскольку показателем является лишь сумма затрат в планах и отчетах, в то время как сами затраты являются денежным выражением стоимости человеческих ресурсов компании, несут в себе элементы процесса, объекта управления в менеджменте – по аналогии с текучестью персонала, которая является процессом, в то время как коэффициент текучести выступает как показатель. Наибольший интерес представляет определение еще одного сооснователя науки об управлении персоналом в РФ, А.Я. Кибанова, который совместно с И.А. Баткаевой, Л.В. Ивановской и другими [11] также определил затраты на персонал как показатель – но если несколько трансформировать их определение, то можно получить достаточно точную дефиницию, определяющую затраты на персонал как совокупность расходов, связанных с привлечением, развитием, вознаграждением, стимулированием, оценкой, решением социальных проблем, организацией работы и улучшением условий труда персонала.

Одним из наиболее эффективных методов управления затратами на персонал является бюджетирование. Применительно ко всем затратам компании бюджетирование изучено достаточно подробно, однако бюджетирование затрат на персонал (а не просто оплата труда) характеризуется недостаточной проработкой в научной литературе. Так, год усиленного изучения литературы по данному разделу позволил найти лишь две дефиниции понятия «бюджетирование затрат на персонал». Первое определение было дано профессором А.Я. Кибановым, который охарактеризовал его как «процесс планирования и управления затратами на персонал при помощи системы показателей, определяющих вклад персонала и службы управления персоналом в достижение целей организации» [6, 175-176]. Именно это определение без ссылки на автора можно найти на множестве веб-сайтов для специалистов в сфере HR, иногда определение публикуется в сокращенном виде. Данным определением уважаемый профессор очень точно подчеркнул, что в бюджет по управлению персоналом включаются не только средства на оплату труда работников, но и вся профессиональная деятельность HR-службы, а также подчеркнул связь бюджетирования затрат на персонал с целями компании. При этом в определении указана задача бюджетирования, ограниченная лишь управлением системой показателей, хотя и сама система показателей точно не определена, и задача представляется нам не основной.

Второе определение было найдено нами в книге А.В. Денисовой, определяющей бюджетирование затрат на персонал как «целенаправленный процесс составления и исполнения бюджета по персоналу» [3, 157], который направлен на обеспечение воспроизводства рабочей силы и повышение эффективности и конкурентоспособности производства. Данное определение никак не связано с деятельностью кадровой службы: в данном случае бюджетирование может осуществляться без ее участия, что не соответствует принципам бюджетирования.

Нам представляется, что бюджетирование затрат на персонал с научной точки зрения относится к менеджменту, поэтому предлагаем уточнить определение бюджетирования затрат на персонал. По нашему мнению, бюджетирование является не отдельным процессом на производстве, а элементом менеджмента компании, и должно быть использовано не только в функциях планирования и управления затратами, но и в реализации всех управленческих функций. Бюджетирование также должно быть направлено, по нашему мнению, на реализацию стратегии фирмы. Кроме того, считаем, что в определении должен указываться центр финансовой ответственности, осуществляющий бюджетирование.

Таким образом, бюджетирование затрат на персонал – это элемент менеджмента, направленный на реализацию функций планирования, организации, учета, контроля и мотивации человеческих ресурсов компании для достижения стратегических целей организации, на основе выделения службы управления персоналом как центра финансовой ответственности и подготовки управленческих решений на базе сопоставления затрат и результатов, отражаемых в бюджете управления персоналом.

Роль бюджетирования затрат на персонал в компании определяется следующими соображениями:

- бюджетирование имеет своей целью увеличение эффективности компании путем своевременного обеспечения процесса производства качественной рабочей силой, оптимизации затрат на управление персоналом;
- бюджетирование дает возможность прогнозировать потребности в сфере управления персоналом на основе не только ретроспективного анализа затрат и результатов, но и изучения рынка труда, бенчмаркинга;
- деятельность по бюджетированию позволяет мотивировать руководителей разных уровней на достижение стратегических целей, на повышение вовлеченности персонала, а также дает возможность контролировать их работу.

Сложно не согласиться с тем, что бюджет затрат на персонал относится к бюджетам административных расходов, так как деятельность по управлению персоналом компании не приносит компании прямых доходов сама по себе (или это происходит крайне редко).

Сфера бюджетирования затрат на персонал, который включает не только средства на оплату труда, является новой в научном плане, поэтому ни в науке, ни на практике пока не сформирован единый теоретико-методологический подход к HR-бюджетированию. Нам представляется, что необходимо разделять понятия «бюджет затрат на персонал» и «бюджет на содержание службы управления персоналом», хотя на практике ряд компаний такого деления не осуществляют, что затрудняет процесс бюджетирования.

Мы предлагаем такой алгоритм, когда в бюджет затрат на персонал будут включаться все статьи расходов: не только на оплату труда персонала, которая является самой объемной статьей бюджета, но и на привлечение, развитие, мотивацию и иную деятельность различных служб, направленную на управление человеческими ресурсами; HR-служба будет выступать координатором данной деятельности. А бюджет на содержание службы управления персоналом будет включать расходы на данную службу, как одного из подразделений организации, а также расходы на затраты, решение по которым HR-служба принимает как центр финансовой ответственности.

Таким образом, бюджетирование затрат на управление персоналом является достаточно новым направлением изучения в науке о менеджменте, хотя раздел, связанный с бюджетированием оплаты труда, хорошо обеспечен методически. Развитие методического инструментария

формирования бюджета в сфере управления персоналом тормозится недостаточным теоретическим обоснованием данного направления науки. Понятно, что в сфере корпоративных финансов данное направление научно развиваться не может, поскольку финансисты рассматривают бюджет службы управления персоналом как одного из подразделений компании. В то же время функция управления человеческими ресурсами является сквозной и пронизывает все сферы управления компанией, поэтому дальнейшее развитие теоретических и методических вопросов бюджетирования затрат по управлению персоналом возможно только в менеджменте как науке.

Литература

1. Генкин Б.М., Никитина И.А. Управление человеческими ресурсами. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2013. 464 с.
2. Гладкова О.А. Затраты на персонал – необходимое условие стратегического управления персоналом // Российское предпринимательство. 2015. № 2. С. 335–346.
3. Денисова А.В. HR-бюджет. Пошаговое руководство к действию. М.: Издательство Проспект, 2015. 206 с.
4. Еремин В.И. Управление человеческими ресурсами // Еремин В.И., Шумаков Ю.Н., Жариков С.В.; Под ред. В.И. Еремина. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2016. 272 с.
5. Илюхина Н.А. Инновационные модели управленческого учета затрат в условиях адаптации к международным стандартам финансовой отчетности // HumanProgress. Т. 2, № 3, 2016. С. 7.
6. Кибанов А.Я., Митрофанова Е.А., Эсаулова И.А. Экономика управления персоналом. М.: ИНФРА-М, 2013. 427 с.
7. Маличенко И.П. Оптимизационное управление затратами на персонал в условиях экономической нестабильности // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 11. С. 72–75.
8. Одегов Ю.Г., Никонова Т.В. Аудит и контроллинг персонала. М.: Альфа-Пресс, 2006. 560 с.
9. Павлючук Ю.Н., Козлов А.А. Управление формированием и определением стоимости персонала в условиях перехода к рыночным отношениям // Менеджмент в России и за рубежом. 2008. № 5. С. 11–18.
10. Постановление Госкомстата России № 189 от 27 ноября 1995 г. «Об утверждении формы единовременного федерального государственного статистического наблюдения о составе затрат предприятия (организации) на рабочую силу и Инструкции по ее заполнению» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9015336>
11. Управление персоналом организации / Кибанов А.Я., Баткаева И.А., Ивановская Л.В. и др. М.: ИНФРА-М, 2013. 695 с.

Опыт Китая в формировании зон высоких технологий как главного института поддержки инновационной деятельности

China's Experience in the Formation of High-Tech Zones as the Main Institution for Supporting Innovation

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.26)

А. ШЕСТАКОВИЧ

Шестакович Анна Геннадьевна, канд. экон. наук, старший научный сотрудник лаборатории современных проблем региональной экономики Центра стратегических и междисциплинарных исследований Уфимского Федерального исследовательского центра Российской академии наук. E-mail: starodubovaag@mail.ru

В статье рассматривается опыт формирования и развития зон высоких технологий как одного из институтов, обеспечивающих трансфер научных результатов в реальное производство, для выявления потенциала применения китайского опыта в условиях России.

Ключевые слова: инновационное развитие, экономическое развитие, институциональные реформы, Китай, высокие технологии.

The article examines the experience of the formation and development of high-tech zones as one of the institutions that ensure the transfer of scientific results to real production, in order to identify the potential for the application of Chinese experience in the conditions of Russia.

Key words: innovative development, economic development, institutional reforms, China, high technologies.

Опыт Китая в развитии инновационной экономики вызывает особый интерес, так как за достаточно небольшой промежуток времени эта страна достигла значительного прогресса в данном направлении. Некоторые российские экономисты объясняют этот прогресс успешной трансформацией присущих китайскому обществу институтов, включающей как формирование новых институтов, так и заимствование уже существующих из передовых стран, используя при этом промежуточные институты [5]. Таким образом, Китай является страной, которая заимствует не только технологии, но и институты у развитых стран.

Согласно глобальному инновационному индексу – агрегированному показателю, отображающему уровень научно-технологического развития в стране, по уровню развития институциональной структуры Китай значительно опережает Россию, занимая 48 место в мире (индекс – 54,07) по показателю «Эффективность правительства»; для сравнения, Россия занимает 87 место (индекс – 39,81) в этом ранжировании. Уровень формирования и функционирования инновационных связей между университетами с реальным сектором экономики в Китае также довольно высок – 27 место в мире, чего нельзя сказать о России с ее 41-м местом. Высокие темпы инновационного развития Китая во многом обусловлены работой институтов и институциональных механизмов, обеспечивающих развитие конкурентоспособных высокотехнологичных отраслей экономики и высокого уровня экспорта. Одним из таких механизмов выступают зоны высоких технологий [6].

Зонам высоких технологий (ЗВТ) в Китае отводится важная роль в научно-технологическом развитии. Основной целью ЗВТ выступает коммерциализация научных результатов и технологическое обновление предприятий с помощью привлечения иностранного инвестиционного капитала в стартапы. Программа по развитию ЗВТ была принята в 1982 г., основным механизмом ее реализации выступали технопарки, в рамках которых работают предприятия, имеющие новые технологии и занимающие определенную рыночную нишу как на

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР УФИЦ РАН по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ.

внутреннем, так и на внешнем рынках. На территориях ЗВТ действует стандартный набор стимулирующих мер, среди которых государственные преференции, кредиты под низкий процент, налоговые льготы и т.д. [3].

В настоящий момент в Китае создано около 120 ЗВТ, в которых функционирует около 16,5 тыс. предприятий, нацеленных на разработку и внедрение научных результатов в производство. Также, как и в ЗВТ других стран, в Китае основная задача резидентов заключается в поиске и реализации инновационных проектов через создание высокотехнологичных предприятий.

Все ЗВТ в Китае можно разделить на несколько типов. Первый тип – зоны технико-экономического освоения (ЗТЭО). Они расположены в экономически развитых городах, обладающих высоким уровнем промышленной базы и инфраструктуры. В рамках подобных зон действуют упрощенные процедуры привлечения инвестиций, эффективно выстроена система работы посреднических организаций – институтов, обслуживающих резидентов ЗТЭО (банки, страховые компании, арбитражные суды и т. д.). ЗТЭО наделены правом самостоятельно устанавливать правила по вопросам регулирования бизнеса, основная цель данных территориальных технопарковых структур – развитие новейших технологий.

Второй тип – это зоны развития высокотехнологичных производств (ЗРВТП). В пределах ЗРВТП научно-технические достижения непосредственно трансформируются в производственные товары, основываясь на отечественных научно-технологических возможностях, но при этом одной из целей ЗРВТП выступает привлечение и использование передовых зарубежных технологий, капитала, методик менеджмента. ЗРВТП – это технопарки, территориально и организационно расположенные в свободных экономических зонах (СЭЗ). Такое территориальное размещение позволяет ученым тесно сотрудничать с иностранными компаниями, используя тем самым их научно-технологический опыт. В Китае также существуют технопарки, изолированные от иностранного присутствия, которые основываются при этом на серьезной государственной финансовой поддержке [1].

Важная особенность китайских ЗВТ является то, что они создаются на базе действующих научных центров. Например, на базе кампуса Пекинского университета в 1988 г. начал развиваться технополис Пекина, который расположен на 100 кв. км и имеет в своем составе 130 научно-исследовательских институтов, десятки высших учебных заведений. Технопарк Наньху, расположенный в г. Шеньяне, занимает 22 кв. км и включает 30 научно-исследовательских институтов, 12 высших учебных заведений, порядка 200 разнонаправленных лабораторий и 220 предприятий, в том числе 30 – учрежденных с участием иностранного капитала. ЗВТ Чжунгуаньцунь также образована на базе нескольких университетов и исследовательских центров Китайской академии наук. Данная зона тесно связана с Кремниевой (или Силиконовой, от англ. silicon – кремний) долиной (для взаимодействия с последней создано отдельное подразделение – отдел связи с Кремниевой долиной, задачей которого является привлечение ученых и специалистов из долины для работы в Китае). Основным постулатом ЗВТ Китая является интеграция науки и производства под эгидой государственной поддержки [4].

Финансирование ЗВТ в основном обеспечивается за счет государства и банков КНР. Бюджетно-финансовая политика Китая включает в себя, помимо налоговых льгот, также прямые дотации на финансирование научных исследований, консультационных услуг [2].

Органы местного самоуправления имеют право вводить дополнительные меры стимулирования для компаний, действующих на территории ЗВТ, что способствует привлечению капитала. Среди таких мер стоит отметить освобождение от уплаты налога на прибыль на какой-то промежуток времени, освобождение от таможенного налогообложения при импорте высокотехнологичного оборудования, которое не может быть произведено внутри страны. Однако чтобы стать резидентом, компания должна получить статус высокотехнологичного предприятия, который предоставляется на 5–7 лет в зависимости от периода освоения технологий.

Налог на прибыль на территории ЗВТ составляет 10 % (для сравнения, на территории СЭЗ – 15 %). Предусмотрено и полное освобождение от налогов в случае, если компания разработала

и произвела высокотехнологичную продукцию на сумму свыше 5 млн юаней. Существует и такое понятие, как «налоговые каникулы»: для китайских компаний они составляют 1 год, для совместных предприятий с участием иностранного капитала, созданных на срок свыше 10 лет – 2 года. Интересным инструментом государственного стимулирования инновационного развития является следующий механизм: при реинвестировании прибыли в производство наукоемкой продукции, ориентированной на экспорт, прибыль подлежит возмещению в полном объеме со стороны государства. Отличием ЗВТ от СЭЗ является и то, что у компаний-резидентов нет ограничений при реализации продукции на рынке КНР [5].

Все меры, которые применяются в ЗВТ для стимулирования высокотехнологичного производства, указывают на эффективно действующий институт государственной поддержки инноваций. Правительство КНР стремится сориентировать иностранный капитал на производство по новым технологиям, неизвестным для китайских производителей. Действия правительства, направленные на привлечение в страну известных высокотехнологичных транснациональных корпораций, позволили обеспечить технологическую модернизацию отечественным компаниям, относящимся к информационно-компьютерному кластеру.

Государственное регулирование технопарковых структур в основном сводится к определению направлений исследовательски-внедренческой деятельности и финансовой поддержки. На протяжении десятков лет основными приоритетными направлениями выступали микроэлектроника, биоинженерия, телекоммуникации. Организационно-правильно выстроенные зоны высоких технологий позволили Китаю занять лидирующие позиции в мире по производству микроэлектроники [0].

Практика работы ЗВТ в Китае показывает то, что по мере своего развития число функций данных технопарков увеличивается и они начинают сливаться с городами, где они образованы. Именно на территориях ЗВТ созданы все условия для разработки, внедрения и производства высокотехнологичной продукции. На эти территории привлечено большое количество высококвалифицированных специалистов в области управления, что принесло в Китай новый тип мышления – инновационно-ориентированный. Как правило, эти специалисты имеют высокий уровень зарубежного образования, и были готовы инвестировать в ЗВТ свои знания и капитал. ЗВТ способствовали не только развитию наукоемкого производства в Китае, но и интеграции китайского инновационного сектора с мировой экономикой.

Правительство КНР выработало единые приоритеты, эффективно распределило полномочия управления в рамках ЗВТ и устранило дублирование функций. Готовность инвесторов реализовывать проекты с долгосрочной перспективой во многом обусловлена высоким уровнем репутации государственной власти, которая подразумевает стабильную поддержку научно-технологического развития. Централизованное планирование и контроль на начальных этапах зарождения ЗВТ и постепенный отход в пользу рыночных законов на этапе зрелости ЗВТ, также способствовали налаживанию благоприятного инвестиционного климата на этих территориях. Бесспорно, иностранный капитал стал, наряду с высоким уровнем государственного управления, одним из главных факторов, обеспечивших продуктивность и результативность института ЗВТ в целом за счет интеллектуального и финансового капитала.

Таким образом, механизмы инновационно-ориентированного качества развития китайской экономики заключаются в следующем: 1) импорт западных институтов регулирования инновационной деятельности; 2) создание различных типов специальных зон развития высокотехнологичных производств на базе групп университетов и их кластеризации с производственными предприятиями; 3) развитие тесных связей этих зон с зарубежными, в частности с Кремниевой долиной в США; 4) поощрение прихода в Китай транснациональных компаний в целях трансфера культуры создания инновационных технологий в отечественные компании; 5) комплекс продуманных бюджетно-налоговых мер стимулирования инновационного развития.

Литература

1. Бредихин С.В., Гершман М.А., Кузнецова Т.Е. Управление технологическим развитием: зарубежные практики // Международная инновационная деятельность. 2015. № 6. С. 71–83
2. Зулькарнай И.У. Одноканальная бюджетная система в экономических реформах Китая 1979–1993 гг.: уроки для России // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 6. С. 101–106.
3. Ковалев М.М. Китай строит экономику знаний: моногр. // М.М. Ковалев, Ван Син. Минск: Изд. центр БГУ, 2015.
4. Пилясов А.Н. Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания. Смоленск: Ойкумена, 2012.
5. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. 2001. № 3. С. 24–50.
6. Шестакович А.Г. Институты государственного управления инновационной деятельностью в Китае // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 177–193.

Сберегательное поведение домашних хозяйств в условиях современной России

Savings Behavior of Households in Modern Russia

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.27)

М. МАЛЛАЕВА, Ф. НИНАЛАЛОВА

Маллаева Мадина Ибрагимовна, канд. экон. наук, доцент кафедры политической экономии Дагестанского государственного университета. E-mail: madimal@mail.ru

Ниналалова Фатима Ибрагимовна, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов и кредита Дагестанского государственного университета. E-mail: nifatima@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей и мотивов формирования сбережений российскими домохозяйствами. Приводится авторская трактовка категории «сбережения населения». Обобщены результаты различных социологических исследований в сфере доходов и сберегательного поведения домашних хозяйств в современной России. Даны рекомендации по совершенствованию государственной политики в области регулирования деятельности участников финансового рынка.

Ключевые слова: сбережения населения, домашние хозяйства, мотивы сбережений, финансовое поведение, склонность к сбережениям.

The article is devoted to the study of the characteristics and motives of the formation of savings in Russian households. The author's interpretation of the category of "population savings" is given. The results of various sociological studies in the field of household income and savings behavior in modern Russia are summarized. Recommendations are given for improving the state policy in the field of regulating the activities of financial market participants.

Key words: savings of the population, households, savings motives, financial behavior, propensity to save.

Как известно, домашние хозяйства являются одним из ведущих секторов рыночной экономики. Данная роль определяется комплексом выполняемых домохозяйствами функций:

- 1) формирование потребительского спроса;
- 2) формирование предложения экономических ресурсов.

Среди этих ресурсов существенное место занимают денежные ресурсы, принимающие форму сбережений.

К проблеме определения и формирования сбережений обращались еще классики экономической мысли: Дж. М. Кейнс, Ф. Модильяни и многие другие. Различные экономические школы неоднозначно толковали роль сбережений в развитии национальной экономики. В настоящее время в мировой экономической литературе сложилась четкая позиция в отношении определения категории «сбережения населения». Наиболее общий подход позволяет определить сбережения как накопленную часть денежных доходов населения, формируемую с целью обеспечения будущих потребностей в материальных благах и решения иных задач в сфере жизнеобеспечения домохозяйств.

Экономическое назначение сбережений можно трактовать гораздо шире, рассматривая их как денежный потенциал в масштабах национальной экономики, поскольку накопленный денежный ресурс может быть использован теми же домашними хозяйствами в целях получения дополнительного дохода, а также предприятиями в качестве инвестиционного ресурса. В частности, роль сбережений как источника финансовых ресурсов государства чрезвычайно велика в странах с развитой рыночной экономикой. По разным оценкам, доля сбережений в инвестиционном потенциале развитых стран колеблется в пределах 60 %, позволяя использовать сбережения в качестве важнейшего источника инвестиционных ресурсов. В России в последнее время также вырос интерес к сбережениям как источнику финансовых ресурсов, что объясняется существенным сокращением бюджетных возможностей государства и ограничением иных источников финансирования деятельности предприятий.

Сберегательное поведение домашних хозяйств определяется комплексом социально-экономических факторов:

1. Величиной располагаемого дохода домашних хозяйств.
2. Наличием и размером накопленного благосостояния (эффект богатства).
3. Жизненными целями домашних хозяйств.
4. Наличием и размерами задолженностей у домашних хозяйств.
5. Развитостью системы социального обеспечения – наличие достаточных социальных гарантий способствует сохранности значительной части денег.
6. Состоянием рынка труда – благоприятная ситуация с занятостью служит фактором уверенности в будущем и способствует уменьшению доли доходов, направляемых на сбережения.
7. Социально-демографическими факторами – соотношением молодежи и пожилого населения к трудоспособному [3, 2007].

Склонность к сбережениям является характерной чертой финансового поведения российских домохозяйств. Можно выделить несколько причин формирования сбережений:

- привычка откладывать некоторую сумму денег «на старость» или «на черный день»;
- обеспечение сохранности и пополнения денежных средств;
- «отложенный» спрос, диктующий необходимость накапливать часть текущих доходов;
- тотальный дефицит товаров, в начале реформ доставшийся «по наследству» от плановой экономики и обусловивший наличие сбережений приблизительно у 70 % граждан страны [1, 104].

Однако общая тенденция изменения величины сберегаемой части доходов неблагоприятная. Так, доля населения, сберегающего часть доходов, с 60 % на начало рыночных реформ снизилась до 5,4 % в 2008 году. По данным Росстата, доля денежных доходов, направленных на сбережения в 2018 году, составила 3,7 % – это минимальное значение за последние 20 лет, хуже было только в 1998 году, когда на сбережения уходило 2,5 % доходов [6]. По мнению большинства экспертов, главной причиной является падение реальных располагаемых доходов населения.

Рис. 1. Динамика доли населения РФ, сберегающего часть доходов, с 2007 по 2019 гг., %
(Составлено по данным Росстата)

По данным, полученным «Левада-Центром», две трети российских семей не имеют никаких сбережений, поскольку тратят все заработанные средства на текущее потребление и обязательные платежи, и это значение не изменяется с 2012 года [2]. Оставшаяся треть домохозяйств выбирает между тем, куда направлять временно свободные деньги – на отдых, образование, покупку товаров длительного пользования или на создание финансовой «подушки безопасности».

Удельный вес домохозяйств, сберегающих часть доходов, неоднороден в разрезе квинтильной структуры доходов. Так, среди самой высокодоходной части россиян сбережения имеют более 53 % семей, в то время как в самой низкодоходной части только около 20 % семей смогли сделать какие-то накопления. Интерес представляет размер накоплений, сделанных российскими гражданами. По оценкам «Левада-Центра», средний размер накопленных средств составил от 140 до 220 тыс. рублей. Данное значение также неоднородно среди семей с разным уровнем доходов: в среднем от 50 тыс. в самых бедных семьях до 500 тыс. в наиболее высокодоходных. Исследованием не охвачены самые богатые слои населения, как правило, не разглашающие подобные сведения. [5]

Что касается форм, в которых осуществляются сбережения, то наиболее предпочтительными являются рублевые и валютные сбережения в наличной форме, депозиты на краткосрочных счетах в коммерческих банках, ценные бумаги и недвижимость. При этом выбор форм сбережений зависит как от размера доходов и соответственно величины сберегаемой части последних, так и тех задач, которые ставит перед собой домохозяйство. Российские домохозяйства в основном сберегают на краткосрочные цели, предпочитая хранить деньги в наличной форме (почти две трети сберегателей), около 30 % хранят деньги в банках на краткосрочных депозитах.

Таким образом, проведенные многочисленные исследования выявляют в целом неблагоприятную ситуацию на рынке сбережений:

Во-первых, снижающийся и без того невысокий удельный вес сбережений в общей структуре располагаемых доходов населения. Это можно объяснить как абсолютными показателями изменения доходов населения (снижением общего уровня доходов), так и относительными (отставанием повышения последних от роста цен).

Во-вторых, хранение большей части сбережений в неорганизованных формах. Если обратиться к официальной статистике, то доля сбережений на руках у населения в 2018 году составила 2,5 % всех располагаемых доходов, в то время как удельный вес хранимых на счетах денег составил 1,8 % всех располагаемых доходов. Это приводит к тому, что фактический объем

сбережений меньше потенциального. Основными мотивами хранения свободных денег в домашних условиях являются низкая финансовая грамотность населения и отсутствие доверия к финансовым институтам.

В-третьих, при достаточном разнообразии форм осуществления сбережений, участники рынка на стороне спроса на заемные средства (банки, паевые инвестиционные фонды и др.) не готовы вести активную конкурентную борьбу за привлечение вкладов населения, предлагать вкладчикам гибкие формы и инструменты управления ресурсами.

В данной связи повышается значение государства в решении вопросов формирования и хранения сбережений населения, в функции которого должно войти создание необходимых институциональных условий для участников рынка сбережений. Пределы государственного участия достаточно широки и могут включать:

- принятие законодательных актов, направленных на создание необходимой правовой среды для участников рынка;
- регулирование процентных ставок по вкладам граждан, с корректировкой последних на уровень инфляции;
- регулярное лицензирование и контроль за деятельностью финансовых структур, занимающихся привлечением и размещением свободных денежных средств населения;
- регулирование денежных доходов населения, обеспечение возможностей для увеличения располагаемых доходов;
- развитие системы социальных гарантий и социального обеспечения, способствующих уменьшению расходов на социальные нужды и увеличению накопленной части доходов.

Литература

1. Боголюбова Н.П., Плещева В.В. Сбережения населения современной России: как преуспеть в борьбе за ресурсы домашних хозяйств? // Современная конкуренция. 2008. № 5. С. 103–125.
2. Большинство российских семей оказались вообще без сбережений. Экономика, 16 мая 2019 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/05/2019/5cdabe099a79479536f3c523/>
3. Малкина М.Ю., Храмова И.Ю. Факторы сбережений населения: страновой и региональный анализ // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16. № 11. С. 2004–2027.
4. Николаева Т.П. Формирование и использование сбережений населения для повышения инвестиционного потенциала страны // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. С. 66–81.
5. Сбережения россиян [Электронный ресурс] URL: <https://www.levada.ru/2019/05/16/sberezheniya-rossiyan/>
6. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] URL: <https://rosstat.gov.ru/>

Методические основы оценки деятельности университета в трансфере научных результатов

Methodological Basis for Evaluating the University's Activities in the Transfer of Scientific Results (DOI: 10.34773/EU.2020.6.28)

А. РАБЦЕВИЧ

Рабцевич Андрей Александрович, канд. экон. наук, старший научный сотрудник Центра стратегических и междисциплинарных исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. E-mail: cruiser333@yandex.ru

Статья посвящена процессу трансфера научных результатов, генерируемых структурными подразделениями университета, в реальный сектор экономики. Определяются концептуальные основы и этапы эволюции представлений о трансферном процессе в Российской Федерации 2000–2010-х гг. и роли вузов в нем, выявляются методические подходы и инструментарий политики в области трансфера знаний и технологий. Автор представляет систему индикаторов, комплексно характеризующих трансфер научных результатов в деятельности университета, а также совокупность мероприятий, направленных на усиление процесса перехода теоретического знания в коммерциализируемые проекты.

Ключевые слова: трансфер знаний и технологий, научно-исследовательская политика, программа развития университета, малые инновационные предприятия, результаты интеллектуальной деятельности.

The article is devoted to the process of transferring scientific results generated by the university's structural divisions to the real sector of the economy. The article defines the conceptual foundations and stages of the evolution of ideas about the transfer process in the Russian Federation in the 2000s–2010s and the role of universities in it. In addition, the role and tools of knowledge and technology transfer policy are identified. The author presents a system of indicators that characterize the transfer of scientific results within the university, describing the parameters of the process of transition of theoretical knowledge to commercialized projects.

Keywords: knowledge and technology transfer, research policy, university development program, small innovative enterprises, results of intellectual activity.

Вопрос трансфера научных результатов в реальный сектор экономики для нашей страны актуален еще с советского времени, когда на системной основе была создана обширная сеть конструкторских бюро, переводящих прикладные разработки вузов, отраслевых научно-исследовательских и проектных институтов в прототипы, опытные образцы и мелкосерийные партии готовых изделий. В современных условиях интегрированность системы высшего образования страны в ее народно-хозяйственный комплекс составляет основу обеспечения долгосрочной конкурентоспособности [3] и позиционирования вузов в мировом образовательном пространстве [4]. Между тем, изменившиеся экономические условия внесли существенные корректировки как в сам процесс трансфера, так и в понимание его сущности вообще. В научной литературе, специализирующейся на различных аспектах коммерциализации науки, до сих пор не принято единое определение термина «трансфер», а его производные – «технологический трансфер», «трансфер технологий», «трансфер знаний» и т.д. имеют у разных авторов зачастую несопоставимые определения.

Наиболее ёмкое, по нашему мнению, определение трансфера технологий, используется А.А. Шапошниковым: «последовательность действий, в ходе которых знания, опыт, промышленная собственность, полученная в результате фундаментальных и прикладных исследований в университетах и научно-исследовательских институтах, свободно распространяются, передаются посредством оказания научно-технических услуг, либо приобретаются предприятиями для внедрения в качестве продукта или процесса» [10, 10].

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР УФИЦ РАН по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ.

Все проблемы развития трансфера технологий в Российской Федерации, описываемые А.А. Шапошниковым для начала 2000-х, остаются актуальными и на текущий момент: низкий уровень государственного финансирования науки; недостаточность собственных средств вузов в структуре затрат на НИОКР; невостребованность результатов научной деятельности профильных учреждений со стороны промышленности и экономики в целом [10, 3].

Активизацию производителей научной продукции в привлечении новых заказов и коммерциализации выполненных исследований автор предлагает решать в трех вариантах: созданием специализированного подразделения – отдела трансфера технологий – в структуре вуза, сохраняющего весь объем генерируемого дохода, однако действующего с невысокой эффективностью; созданием специализированного хозрасчетного подразделения, учрежденного вузом на принципах самоокупаемости и не входящего в его структуру; передаче функций конечной реализации научно-технологического потенциала вуза сторонней независимой организации, однако не заинтересованной в системной работе по наращиванию этого потенциала, а также не способствующей выстраиванию трансферного процесса внутри самого вуза [10, 11]. Автор определяет первый вариант как наиболее оптимальный, выявляет необходимую совокупность полномочий создаваемого структурного подразделения, отвечающего за трансфер технологий в университете, а также выделяет его функции, которые можно выстроить в форме этапов трансфера: от анализа коммерческого потенциала научно-технологических разработок к доведению объектов трансфера и экспертиз по ним до готовности к коммерциализации.

А.А. Шапошниковым также предлагается ряд показателей, характеризующих результативность процесса трансфера технологий в вузе и эффективность затрат на науку в целом: доход от коммерциализации выполненных НИОКР; объем привлеченного финансирования из государственных, зарубежных и дополнительных источников; количество и объем выигранных грантов и проектов, получивших бюджетное финансирование; число предприятий и рабочих мест, созданных на основе разработанных технологий и бизнес-планов к ним; количество оказанных образовательных и консультационных услуг по профильным видам деятельности; число проданных лицензий, полученных патентов и заявок на них [10, 13–15].

В работе В.Ю. Тюриной создание специального подразделения в структуре университета также является ключевым этапом построения организационного механизма реализации трансферной политики [9, 5], причем с целью достижения функциональной адаптивности в предлагаемом «Центре трансфера технологий и коммерциализации объектов интеллектуальной собственности» выделяются собственные структурные подразделения (финансово-экономического сопровождения, правовой защиты, маркетинга информационного обеспечения), для каждого из которого установлена зона ответственности [9, 29–32].

По мнению Ю.А. Афанасова, именно университеты, посредством механизма трансферта, являются связующим звеном во взаимодействии ключевых агентов инновационной деятельности – государства, науки и бизнеса. Для эффективизации процессов трансфера вузовских технологий конца 2000-х характерны те же проблемы, что и ранее – правовые, кадровые, организационно-управленческие, инфраструктурные и финансовые – приводящие к неготовности этих технологий к промышленному применению, и, соответственно, отсутствию заинтересованности и спроса на инновации со стороны бизнеса [1, 23]. Несмотря на усиление финансирования научно-исследовательского сектора, более актуальной становится проблема повышения результативности его функционирования, то есть эффективности процесса коммерциализации интеллектуальной собственности [1, 3–4].

В круг субъектов трансферного процесса, помимо университетов и отраслевых институтов, в это время добавляются малые инновационные предприятия (МИП), технопарки, центры трансфера технологий, предпринимаются попытки адаптации к российским условиям венчурного механизма технологического трансфера, успешно реализованного в зарубежных университетах, и инициативы выстраивания т.н. «национальной инновационной системы». В целом, с конца 2000-х выстраивается новая инфраструктура передачи инновационных технологий, оттачиваются механизмы трансферного процесса [1, 11–12].

Технологический трансфер, согласно Ю.А. Афанасову, выступает в виде «доставки технологии (технического знания) на рынок, где она является объектом купли-продажи» [1, 13], воспринимается как цепь создания стоимости в рамках университета и осуществляется по четырем моделям: «личный» (на основе индивидуальной или коллективной самоорганизации), «внутренний» (сопровождающийся созданием структурного подразделения вуза, ответственного за трансфер), «спин-офф» (с созданием новой компании, организующей процесс трансфера), «предпринимательский университет» (поощряющий самоорганизацию исследователей и генерирующий поток спин-офф на системной основе). В отличие от предыдущей точки зрения, наиболее оптимальным вариантом наращивания результатов интеллектуальной деятельности Ю.А. Афанасовым признается последний вариант, что характеризует эволюцию представлений об организации процесса технологического трансфера в течение 2000-х годов.

Эффективность технологического трансфера Ю.А. Афанасов предлагает оценивать степенью достижения набора целей его существования в университете: экономических (концентрации ресурсов для научных исследований, обновления материальной базы учебного процесса), научно-технологических (развития инновационных технологий, бенчмаркинга и проведения фундаментальных исследований), образовательных (распространения и передачи знаний, навыков и инновационных технологий обучения, а также трудоустройства) и социально-политических (позиционирования университета как драйвера инновационного развития региона и поддержки с его стороны) [1, 15–16].

Для успешности процесса «спин-офф» через бизнес-инкубатор автором применяется используемый в инвестиционном проектировании метод оценки реальных опционов. Показателями успешности функционирования бизнес-инкубатора выступают объемы реализации продукции и услуг, приведенная стоимость денежных потоков от используемой технологии, чистая текущая приведенная стоимость инвестиционного проекта, издержки обслуживания в бизнес-инкубаторе, а также объем привлекаемых ресурсов и финансовое состояние «спин-офф» [1, 20–21].

Отечественный трансфер технологий конца 2000-х характеризуется, согласно Д.Б. Шульгину, выстраиванием двух его форм – внутрифирменного и внешнего, причем более проблематичным является внешний, осуществляемый между университетом, предприятием и инвестором в форме лицензирования, МИПов и стартапов [11, 23]. Эффективность трансферной политики Д.Б. Шульгин измеряет совокупностью показателей патентно-лицензионной деятельности, к которым относит: число заключенных лицензионных договоров, доходы от продажи лицензий, число разрешенных конфликтов в сфере интеллектуальной собственности, рыночную стоимость объектов интеллектуальной собственности и др. [11, 27–28].

Построение эффективной цепочки коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности от научного сектора до хозяйствующих субъектов на основе формирования инновационной инфраструктуры, как справедливо указывает С.Ж. Раднабазарова, в российских условиях конца 2000-х годов являлось прерогативой и зоной ответственности государства. Государство, как распорядитель бюджетных средств, выделяемых на науку, должно было озаботиться возвратностью затрат на патентование и поддержание патентов [6, 11], что актуально в наше время.

С.Ж. Раднабазаровой выделены этапы трансфера технологий (перенос фундаментальных и прикладных знаний в концепцию продукта и сопутствующие изобретения, опытно-конструкторские работы с созданием опытного образца и предварительными маркетинговыми исследованиями, подготовка продукта к коммерциализации и разработка технологии его производства, а также собственно производственная деятельность и выход на рынок), актуальные в российских условиях того периода, определена связь представленных этапов с процессом инвестирования. Кроме этого, установлены методические приемы передачи интеллектуальной собственности и экономического анализа эффективности трансферных цепочек [6, 11].

Уклон в сторону создания специализированных инфраструктурных объектов, вследствие продолжающегося ограниченного применения инноваций в хозяйственной деятельности субъектов экономики России, особенно обостряется в начале 2010-х, а университеты, согласно

М.А. Изотову, в данном случае выполняют «системную функцию трансфера результатов научно-технической деятельности» [5, 3]. Особую значимость для выстраивания системы трансфера в концепции автора занимают «инновационные инфраструктурные предприятия», возникающие в «ведущих» университетах [5, 10], а ее конечным результатом является развитие инновационного процесса в вузе, который автор формализует показателями: объем выполняемых на базе инновационной инфраструктуры вуза работ и услуг, млн руб.; количество рабочих мест в созданных инновационной инфраструктуре и хозяйственных обществах, шт.; объем привлеченных внебюджетных средств, млн руб.; объем НИОКР, выполняемых в вузе, млн руб.; количество подготовленных и повысивших квалификацию инновационно-ориентированных кадров для малого и среднего инновационного предпринимательства по программам, разработанным в вузе, чел.; объем высокотехнологичной продукции, созданной с использованием элементов инновационной инфраструктуры вуза, млн руб. и др. [5, 18].

Середина 2010-х характеризуется окончательным признанием несоответствия высокого инновационного потенциала российских университетов и сложившимся уровнем технологического трансфера, разорванности его цепочек, даже с учетом МИПов, отсутствием полноценной системы экономического обоснования инновационной политики и процесса поиска рыночных ниш, а кроме того, более осознанно ставится вопрос импортозамещения за счет собственных конкурентоспособных инновационных решений, формирующих ответ на современные большие вызовы [2, 3].

А.К. Дементьева использует понятие «коммерческий трансфер», который характеризует фактическое измерение коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности университета, является частью механизма коммерциализации и выступает в трех признаках: как элемент инновационного процесса, сопровождающий коммерциализацию; как коммерческая форма передачи результатов в практическое пользование, обеспечивающая их диффузию; как элемент системы трансфера генерируемых знаний и технологий – процесса передачи пользователям результатов на коммерческой основе.

Общие эффекты от трансформации технологии, созданной в университете и прошедшей трансферную цепочку среди субъектов инновационной деятельности, в конечные продукты и услуги, по А.К. Дементьевой, составляют: бюджетный (совокупная величина налоговых отчислений в бюджет, тыс. руб.), производственный (совокупный объем произведенной инновационной продукции, тыс. руб.), экономический (совокупная величина полученных доходов, тыс. руб.), социальный (количество созданных рабочих мест на всех уровнях трансфера РИД, чел.), инновационный (количество созданных инновационных продуктов, услуг, технологий), региональный (совокупная величина добавленной стоимости, созданной в трансфере и входящей в состав валового регионального продукта, тыс. руб.) [2, 13].

Методика экономической оценки реализации механизма коммерциализации результатов инновационной деятельности на уровне МИП, созданных при вузе, предлагаемая А.К. Дементьевой и позволяющая рассчитать соответствующий интегральный показатель, обладает достаточной детализацией и состоит из трех групп индикаторов:

- финансового состояния и экономических результатов (доля МИП с положительными оценкой в рейтинге финансового состояния и динамикой финансовых результатов, коэффициент капитализации стоимости ОИС вузов, находящихся на балансе предприятий);
- инновационной активности, направленной на внедрение на рынок (индекс интенсивности коммерциализации, доли предприятий, имеющих договоренности с предприятиями и организациями, а также внедривших и коммерциализировавших РИД);
- эффективности инновационной деятельности предприятий (продуктивность и эффективность использования бюджетных средств, коэффициент рентабельности инноваций) [2, 14–15].

Для конца 2010-х понимание приоритетности выстраивания системы трансфера научных разработок в реальный сектор экономики, в деле ее инновационного развития, над процессом их накопления в вузовской и академической среде, становится общепризнанным [7, 3]. Существовавшие ранее проблемы дополняются теперь острым дефицитом вузовских кадров,

необходимых для сохранения темпов научно-исследовательской деятельности, ее исходом из государственного сектора науки во внутренние исследования и разработки самих субъектов реального сектора экономики. Таким образом, несмотря на предпринятые государством воздействия, «качественного перелома динамики развития системы трансфера технологий» не произошло [7, 11–13]. Согласно К.И. Садыковой, в существующих российских условиях трансфер – скорее, «форма диффузии инноваций», реализуемая «совокупностью институтов организации коммуникационного процесса управляемой передачи технологического знания для коммерциализации» [7, 8].

Адаптированное к современным российским реалиям определение технологического трансфера, предложенное В.Г. Степченко, отличается использованием сложных категорий, применяемых в зарубежной практике, – это «экономический механизм, направленный на преодоление “долины смерти”, “инновационного разрыва”... между результатами исследований – разработками и внедрением их в производство» [8, 3]. Успешность формирования технологического трансфера В.Г. Степченко определяет через ряд показателей доходности осуществляющих его субъектов с выделением ключевых ее форм – выручки, рентабельности и общей стоимости контрактов [8, 13]. Кроме того, автором предлагается составлять экономический профиль субъекта технологического трансфера в процессе реализации стратегии его развития на основе ряда индикаторов: выручки от услуг менеджмента, количества инновационных проектов в портфеле, а также материальных и нематериальных активов [8, 16].

На основе исследования различных точек зрения на процесс трансфера научных разработок из университетской среды в реальный сектор экономики появляется возможность представить совокупность индикаторов, характеризующих трансфер научных результатов в деятельности университета, в виде системы с выделением мероприятий, воздействующих на значения этих показателей и характеризующих проводимую вузом трансферную политику (рис. 1).

Представленная на рисунке 1 упорядоченная совокупность мероприятий в системе индикаторов олицетворяет пять элементов процесса трансфера в деятельности университета: I (Систематизация и общая активизация политики в области трансфера технологий); II (Анализ возможностей фокусировки на ключевых тематических направлениях трансфера); III (Оценка коммерческого потенциала изобретения и доведение до опытного образца); IV (Доведение опытного образца до серийного производства); V (Организация мелкосерийного (малотоннажного) производства и переход на промышленный конвейер).

Таким образом, разработанный методический подход позволяет провести разностороннюю оценку деятельности университета в трансфере научных результатов, измерить текущее состояние трансферного процесса и реализовать необходимые управленческие воздействия для повышения уровня результативности проводимой трансферной политики.

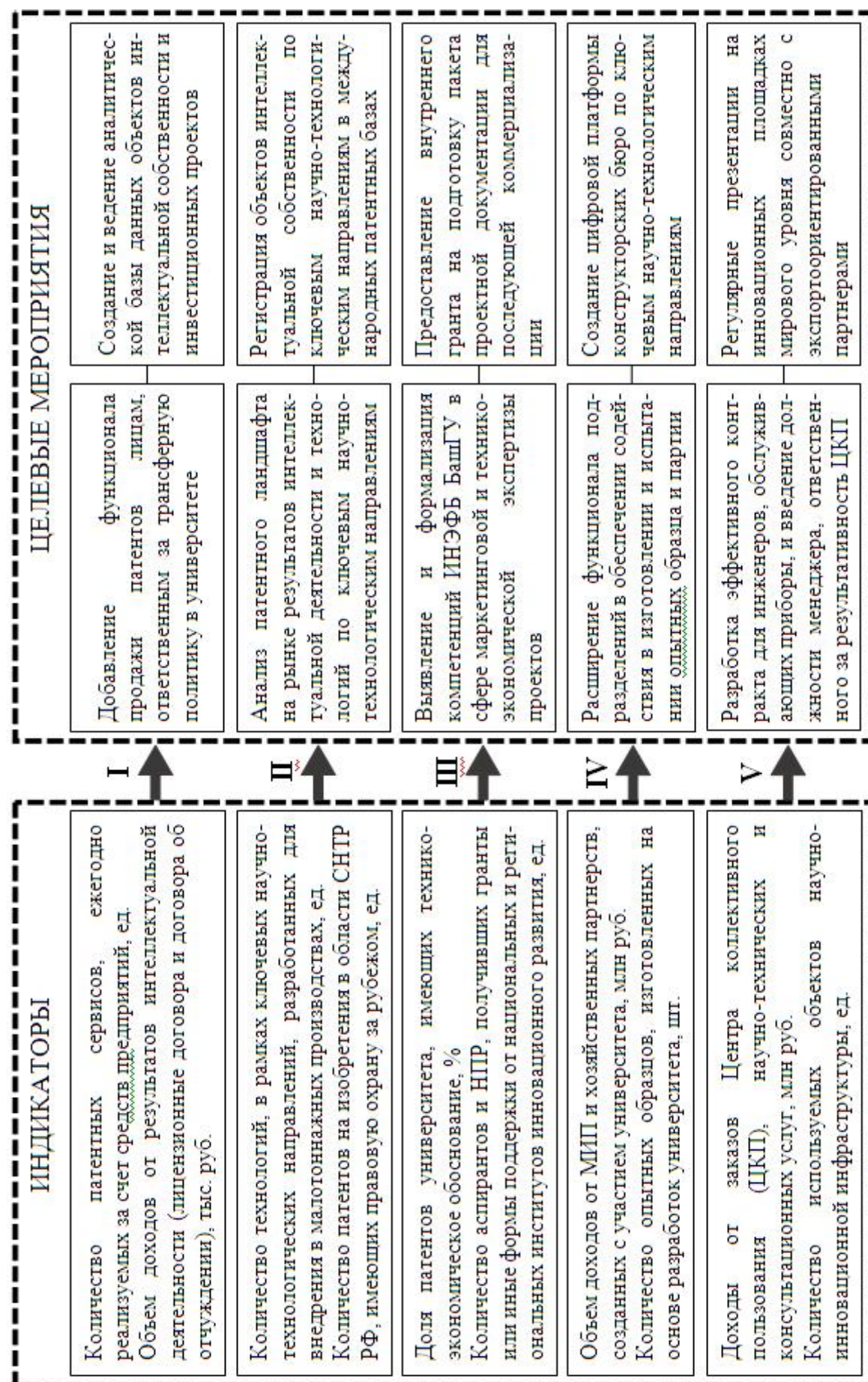

Рис.1. Система индикаторов, характеризующих трансфер научных результатов в деятельности университета

Литература

1. Афанасов Ю.А. Организационно-экономическое обеспечение процессов технологического трансфера в высших учебных заведениях: автореф. дисс.... канд. экон. наук: 08.00.05 / Афанасов Юрий Алексеевич. СПб, 2007. 29 с.
2. Дементьева А.К. Формирование и реализация механизма коммерциализации результатов инновационной деятельности вуза: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Дементьева Альбина Камилевна. Ульяновск, 2018. 24 с.
3. Зулькарнай И.У., Ислакаева Г.Р. Региональная политика в сфере высшего профессионального образования в условиях усиления международной конкуренции // Вестник УГУЭС. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2013. № 2. С. 67–73.
4. Зулькарнай И.У., Ислакаева Г.Р. Федеральные университеты и национальные исследовательские университеты в мировых рейтингах // Вестник Башкирского университета. 2015. № 2. С.502–506.
5. Изотов М.А. Проектирование системы менеджмента интегрированного университетского комплекса на основе совершенствования научно-образовательной инфраструктуры: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Изотов Михаил Александрович. Ростов-на-Дону, 2015. 24 с.
6. Раднабазарова С.Ж. Управление коммерциализацией объектов интеллектуальной собственности в процессе трансфера технологий: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Раднабазарова Санда Жамьяновна. СПб, 2010. 23 с.
7. Садыкова К.И. Организационный механизм функционирования системы трансфера технологий: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Садыкова Карина Ильгизовна. Уфа, 2020. 24 с.
8. Степченко В.Г. Совершенствование экономических механизмов технологического трансфера в инновационных процессах: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Степченко Варвара Геннадьевна. СПб, 2019. 19 с.
9. Тюрина В.Ю. Управление инновационными процессами и интеллектуальной собственностью университетских комплексов: автореф. дисс. ... докт. экон. наук: 08.00.05 / Тюрина Вера Юрьевна. Саратов, 2005. 40 с.
10. Шапошников А.А. Трансфер технологий в научно-образовательной сфере: автореф. дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Шапошников Алексей Анатольевич. Томск, 2004. 28 с.
11. Шульгин Д.Б. Теоретико-методологические основы управления интеллектуальной собственностью как стратегическим ресурсом инновационного развития системы «вуз-предприятие»: автореф. дисс. ... докт. экон. наук: 08.00.05 / Шульгин Дмитрий Борисович. СПб, 2010. 42 с.

Инвестиционное сотрудничество как фактор развития энергетического сектора

Investment Cooperation as a Factor of the Energy Sector Development
(DOI: 10.34773/EU.2020.6.29)

Б. МУЗАФФАРОВ, Ш. КАМАРОВ

Музаффаров Бадриддин Сангалиевич, канд. экон. наук, доцент кафедры экономического анализа Таджикского финансово-экономического университета. E-mail: badriddin77@list.ru

Камаров Шерафкан Махмадраджабович, аспирант кафедры мировой экономики и международной торговли Таджикского финансово-экономического университета. E-mail: sherroyo94@gmail.com

Целью данной статьи является обсуждение вопросов финансирования инвестиций в топливно-энергетический комплекс. Способ финансирования хозяйственной деятельности каждой компании зависит от решений, принимаемых правлением, которые должны учитывать эффективное стремление к оптимальному уровню капитальных затрат. Капитал, привлеченный компаниями из вышеупомянутого сектора, может быть в форме собственного или внешнего капитала. В этом исследовании показаны такие источники капитала, как банковские ссуды и корпоративные облигации, не считающиеся капиталом, а также выпуск акций, включенных в капитал. Рассматривая рентабельность инвестиций, следует подчеркнуть, что финансирование за счет внешнего капитала более выгодно, чем финансирование за счет собственного капитала.

Ключевые слова: модели ценообразования капитальных активов, развитие международного энергетического сотрудничества, энергетическая инфраструктура, энергетическая политика.

The purpose of this article is to discuss the issues of financing investments in the fuel and energy complex. The way in which each company's business is financed depends on decisions taken by the board, which must take into account the effective pursuit of optimal capital expenditures. Capital raised by companies from the above sector can be in the form of equity or external capital. This study shows sources of capital such as bank loans and corporate bonds that are not considered to be capital, and the issuance of shares included in equity. Considering the return on investment, it should be emphasized that financing from external capital is more profitable than financing from equity.

Key words: capital asset pricing models, development of international energy cooperation, energy infrastructure, energy policy.

Ведение хозяйственной деятельности в секторе компаний, работающих на рынке энергии и топлива, влечет за собой необходимость принятия как финансовых, так и инвестиционных решений. В рамках процесса принятия инвестиционных решений компания должна принять решение о распределении средств, которые ей удалось собрать. С другой стороны, финансовые решения требуют выбора подходящих источников финансирования планируемых инвестиций. Выбор правильных источников финансирования влияет как на стоимость реализованных инвестиций, так и на стоимость самой компании. Реальное влияние на выбор источника финансирования оказывают, среди прочего, такие факторы, как наличие капитала и его стоимость. При рассмотрении источника капитала в контексте эффективности инвестиций структура капитала, определяющая финансовое положение каждой компании, не является незначительной. Компании финансируют свою коммерческую деятельность либо за счет собственного капитала (обычно с ограниченным доступом), либо за счет капитала третьих лиц, который дешевле, чем их собственный капитал. Дополнительной выгодой, получаемой от финансирования инвестиционной деятельности за счет внешнего капитала, является тот факт, что проценты, уплачиваемые с полученного внешнего капитала, увеличивают операционные расходы на ведение бизнеса и, следовательно, позволяют компании платить более низкий налог на прибыль. Однако следует помнить, что постоянное накопление долгов в компании невыгодно, и может привести к увеличению стоимости привлеченного капитала или банкротству. Поэтому выбор подходящих

источников капитала для финансирования инвестиций в топливно-энергетический сектор является важным фактором, тем более что данный сектор характеризуется капиталоемкостью и длительным инвестиционным циклом. Деятельность компаний в данном секторе требует особой социальной ответственности. С одной стороны, они должны эффективно вести свой бизнес и достигать основных экономических показателей, но с другой – им необходимо помнить о принципе социальной ответственности [7, 11, 8]. Для эффективной реализации стратегии и поставленных целей управленческому персоналу необходимо инвестировать финансовые ресурсы в хозяйственную деятельность [3].

Структура финансирования

Акционерный капитал позволяет организациям вести свою коммерческую деятельность и развиваться, что способствует увеличению их деловой репутации и позволяет им достигать и поддерживать конкурентное преимущество на рынке. Собственный капитал – это капитал, внесенный владельцами на неопределенный период времени. С другой стороны, средства, выплаченные кредиторами, должны использоваться компанией в течение определенного периода времени (возмещение в конкретную дату). Деловая активность зависит, в том числе, от структуры источников финансирования, которая в настоящее время является одним из наиболее широко обсуждаемых вопросов в области финансов [5].

Структура капитала отражается в поддержании соответствующих пропорций между собственным и иностранным капиталом. В тематической литературе структура капитала не определяется однозначно. Некоторые авторы считают, что она включает в себя следующие компоненты [6, 12, 4, 2, 10, 1]:

- уровень общей задолженности: структура обязательств, составляющая структуру финансового бизнеса каждого предприятия;
- общая доля долгосрочных кредитов: срочные обязательства в капитале, структура ценных бумаг, выпущенных компанией (долговые ценные бумаги, собственные акции);
- как соотношение: собственный капитал/собственный капитал третьих лиц.

Несомненно, именно долгосрочный капитал играет ключевую роль в создании структуры капитала, которая, в свою очередь, влияет на средневзвешенную стоимость капитала компании. Авторы проанализировали структуру финансирования компаний топливно-энергетической отрасли, котирувавшихся на Варшавской фондовой бирже в 2017–2019 гг. Были учтены восемь компаний энергетического сектора и три – топливного сектора. В начале анализа предполагалось, что все источники капитала, принадлежащие данному предприятию, должны быть включены в капитал, в то время как все его обязательства составляли капитал третьей стороны.

Таблица 1

Доля внешнего капитала в финансировании компаний топливно-энергетического комплекса, %

Компании энергетического сектора	2017	2018	2019
ELEKTR. BĘDZIN S.A.	37,8	30,0	67,7
ENEA S.A.	29,8	33,7	50,7
ENERGA S.A.	53,0	53,0	52,5
ZESP. ELEKTR. WR. KOG. S.A.	38,2	40,1	39,4
POLENERGIA S.A.	45,8	51,2	56,3
PGE S.A.	28,9	32,4	34,2
TAURON S.A.	46,4	48,0	50,1
ZESP. ELEKTROW. P-A-K S.A.	41,5	44,4	62,1
Компании топливного сектора	2017	2018	2019
GRUPA LOTOS S.A.	54,7	56,4	59,8
PGNiG S.A.	41,2	38,3	38,3
PKN ORLEN S.A.	49,5	59,8	53,9

Источник: собственная разработка на основе данных [13]

Исходя из процентных долей в структуре финансирования (таблица 1), видно, что в анализируемом периоде доля внешнего капитала в общем финансовом капитале у компаний энергетического сектора колебалась от 28,9 % до 67,7 %. Две компании имели сопоставимую долю этого капитала (Energa S.A., Zespół Elektr. Wrocławskich Kogeneracja S.A.), у двух других (PGE S.A., Tauron Polska Energia S.A.) – было отмечено небольшое увеличение доли (прибл. 5 %), тогда как более значительный рост (прибл. 10 %) наблюдался только в одной компании (Polenergia S.A.). С другой стороны, у остальных трех компаний за анализируемые годы доля внешнего капитала существенно изменилась. Доля колебалась соответственно: в Elektrociepłownia Będzin S.A. с 37,8 % до 80,7 %, в Enea S.A. с 29,8 % до 50,7 % и в Zespół Elektrowni Pątnów-Adamów-Konin S.A. с 41,5 % до 62,1 %. Структура финансирования показывает, что, особенно в первые два периода анализа, уровень собственного капитала был выше, чем уровень долга (собственный капитал третьей стороны). В компаниях топливного сектора доля внешнего капитала сопоставима с уровнем большинства компаний энергетического сектора. В анализируемом периоде он сохраняется на аналогичном уровне. Увеличение доли анализируемого капитала было отмечено в случае двух компаний (Grupa Lotos SA с 54,7% до 59,8%, Polski Koncern Naftowy Orlen SA – с 49,5 % до 53,9 %), тогда как в случае одной листинговой компании – Polskie Górnictwo Naftowe i Gazownictwo SA – доля снизилась с 41,2 % до 38,3 %.

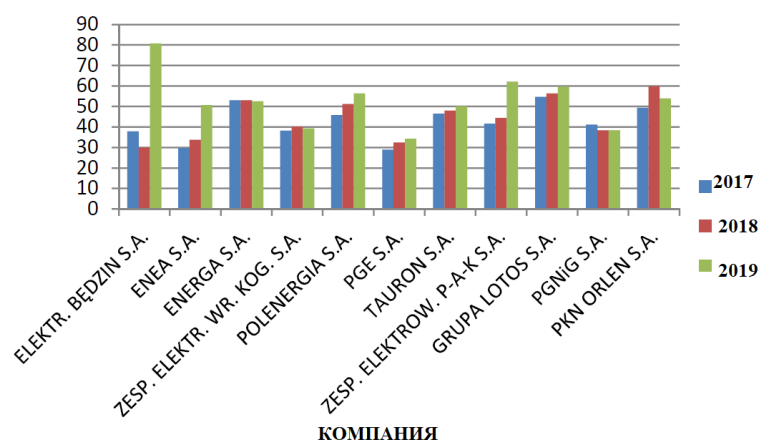

Рис. 1. Доля внешнего капитала в общем финансовом капитале компаний ТЭК, котирувавшихся на Варшавской фондовой бирже в 2017–2019 гг.

Энергетика менее стабильна, чем топливная отрасль. Уровень доли внешнего капитала в общем финансовом капитале у шести из восьми проанализированных компаний существенно вырос по сравнению с начальным периодом (2017 г.), превысив 50 %. В Elektrociepłownia Będzin S.A. уровень превышал 67 %. Компании топливного сектора формируют свою структуру финансирования более стабильно, таким образом, уровень доли в 2017–2019 годах не претерпел значительных колебаний.

Основные выводы

Компании энергетического сектора имеют меньший инвестиционный риск, чем компании топливного сектора. Это различие может быть связано с тем, что предприятия топливного сектора в процессе своей хозяйственной деятельности подвержены большему количеству факторов риска, чем компании энергетического сектора. Эти основные факторы, отличающие указанные два сектора с точки зрения риска, заключаются в чувствительности финансовых показателей (и, следовательно, дивидендов) к изменениям валютных курсов и цене сырьевых материалов (сырая нефть или природный газ). В случае компаний энергетического сектора нет таких угроз, как изменение цен на энергию, потому что в основном они регулируются. В статье также показана стоимость собственного капитала для компаний горнодобывающего сектора. Риск инвестирования в эти компании намного выше проанализированных в статье. Целью показать, что риск в

горнодобывающем секторе крайне высок, являются последние «планы» по слиянию горнодобывающих компаний с компаниями энергетического сектора. Конечно, финансирование инвестиций за счет иностранного капитала означает меньшую налоговую базу для каждой компании. Это приводит к тому, что на практике компании будут платить меньше подоходного налога. Рассматривая рентабельность инвестиций, следует подчеркнуть, что финансирование за счет внешнего капитала более выгодно, чем финансирование за счет собственного капитала.

Литература

1. Jakubczyk B., Lewandowska J. Teorie struktury kapitału w literaturze światowej, *Finanse i Prawo Finansowe*, JOFFL, Kwartalnik, I (4): p. 65–81, I, No. 4 (December 2014).
2. Kowal B., Kustra A. Reporting of sustainable development strategy in energy industry, *E3S Web of Conferences* 10, 00129 (2016).
3. Kowal B., Kowal D. The sustainable development management system of hard coal mining enterprises, *PJoES*, ISSN 1230-1485, 20, No. 4A, p. 145–150 (2011).
4. Helfert E.A. *Techniques of Financial Analysis. A Practical Guide to Managing and Measuring Business Performance*, Irwin, Burr Ridge (1994).
5. Downes J., Goodman J.E. *Dictionary of Finance and Investment Terms*. Barron's Educational Series, Inc., Hauppauge (1991).
6. Tudose M.B. Capital Structure and Firm Performance, *ETCognition*, 15, No. 2 (2012).
7. Jasiniak M., Pastusiak R., Starzyński W. Struktura kapitału a efektywność funkcjonowania przedsiębiorstw sektora energetyki w krajach Europy, W: *Finansowe i organizacyjne aspekty kooperacji nauki i lokalnej przedsiębiorczości*, ed. M. Wypych, P. Trippner, *Przedsiębiorczość i Zarządzanie*, Wydawnictwo SAN, Tom XV, Zeszyt 10, Część I, p. 53–63, Łódź-Garwolin (2014).
8. Brealey R.A., Myers S.C. *Principles of Corporate Finance*, McGraw Hill, New York (1991).
9. Ranoš R. Estimation of the cost of equity for mining companies using the P-LEFAC method, *ARCH MIN SCI*, 59, No 1, p. 257–269 (2014).
10. Ross S.A., Westerfield R.W., Jaffe J. *Corporate Finance*, Irwin, Chicago (1996).
11. Gabrusewicz W. *Podstawy analizy finansowej*, PWE, Warszawa (2007).
12. Sobczyk W. Sustainable development of rural areas, *PS*, 9, No. 1, p. 119-126 (2014).
13. Bankier. pl [Electronic resource]. URL: https://www.bankier.pl/?utm_expid=.r9sTdgoqQsW-NV6aFC06eQ.0&utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.bankier.pl%2F

Анализ методов формирования бюджета муниципальных образований

Analysis of Methods of Formation of the Budget of Municipal Entities

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.30)

И. ИСЛАМОВ, Р. ГАЙНУЛЛИНА

Исламов Ильшат Яхиевич, доцент кафедры цифровой экономики и коммуникаций Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: islamovbgu@gmail.com

Гайнуллина Рита Азаматовна, магистрант ИНЭФБ БашГУ. E-mail: gaikaa1997@mail.ru

В статье проведен финансовый анализ местного бюджета г. Ишимбай Республики Башкортостан. Данный анализ представляет собой систему коэффициентов, оценивающих основные параметры бюджета, его сбалансированность, бюджетную устойчивость и долговую зависимость муниципально-го образования.

Ключевые слова: бюджет, кластер, финансовый анализ, местный бюджет, расход.

The article provides a financial analysis of the local budget of the city of Ishimbay in the Republic of Bashkortostan. This analysis is a system of coefficients that assess the main parameters of the budget, its balance, budget stability and debt dependence of the municipality.

Key words: budget, cluster, financial analysis, local budget, expenditure.

Финансовый анализ местных бюджетов является актуальным вопросом, поскольку в настоящее время развитие местного самоуправления имеет ряд проблем, связанных с обеспечением финансовой независимости муниципалитетов.

Существующие методики финансового анализа местного бюджета, наряду с несомненными достоинствами, имеют и ряд недостатков.

Например, коэффициенты популярного и простого в использовании метода Г.Б. Поляка не сгруппированы по кластерам, отражающим отдельные разделы бюджета, что не позволяет делать выводы по показателям зависимости бюджета от недостаточности инструментов для его сбалансированности. Также автор данного метода применяет такие категории, как «закрепленные доходы» и «регулирующие доходы», которые в настоящее время отсутствуют в бюджетном законодательстве.

Методики В.М. Родионовой и Е.В. Кузнецовой, в свою очередь, оценивают только одно условие – сбалансированность, позволяя проводить расчет коэффициентов общей, базовой и собственной сбалансированности.

В данной работе проведен финансовый анализ местного бюджета города Ишимбай Республики Башкортостан на основе методологических подходов Н.Ю. Коротиной, содержащих четыре группы¹.

Финансовый анализ местного бюджета целесообразно начать с рассмотрения основных параметров бюджета, к которым относятся доходы, расходы и дефицит/профицит. По сравнению с 2017 годом, за 2018 год наблюдается значительный прирост объема доходов бюджета – на 563,24 млн руб. (+26,13 %), до 2718,52 млн руб. Данное увеличение произошло за счет роста налоговых доходов и безвозмездных поступлений. Рост налоговых доходов составил 59,1 % (436,32 млн руб.). Иные доходы выросли на 10,64 %. Отмечена динамика снижения неналоговых доходов. За анализируемый период неналоговые доходы снизились на 4,62 млн руб. (–2,56%).

¹ Коротина Н.Ю. Методика анализа финансового состояния бюджетов муниципальных образований. Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 20 (206). С. 36-47.

Рассмотрим структуру доходов г. Ишимбая на рисунке 1.

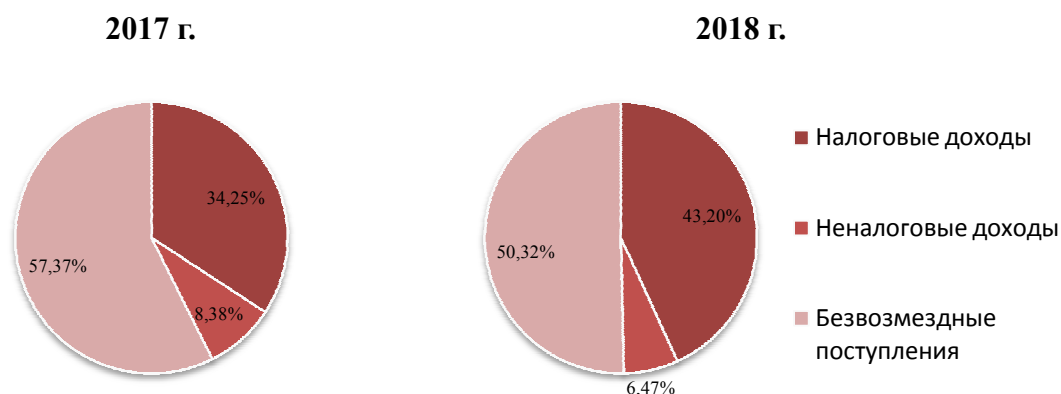

Рис. 1. Доходы г. Ишимбая

Изучение бюджета г. Ишимбая за анализируемый период показало, что большую роль в формировании доходов бюджета играют безвозмездные поступления. Однако в 2018 году доля безвозмездных поступлений снизилась с 57,37 % до 50,32 %. Наблюдается увеличение доли налоговых доходов (с 34,25 % до 43,20 %), что является положительным для города. Доля неналоговых доходов сократилась с 8,38 % до 6,47 %.

С ростом доходов наблюдается и рост расходов. Затраты выросли на 24,7 %. В большей степени увеличение расходов стало возможным благодаря росту безвозмездных поступлений.

И в 2017 году, и в 2018 году в бюджете наблюдается дефицит, однако, в 2018 году дефицит снизился на 19,53 млн руб. (–41,66 %), и в конечном итоге составил 27,35 млн руб.

Несмотря на то, что в бюджете наблюдаются положительные тенденции, нельзя сделать выводы о сбалансированности бюджета, его финансовой независимости, бюджетной устойчивости и долговой зависимости.

Показатель финансовой независимости свидетельствует, что источники доходов бюджета, зависящие от усилий администрации муниципального образования города Ишимбая по увеличению налоговых поступлений и поступлений от управления муниципальной собственностью, сформированы из налоговых и неналоговых доходов в 2017 году – на 43 %, а в 2018 году – на 50 %. Это свидетельствует о невысоком уровне межбюджетных трансфертов, а, следовательно, о незначительном регулировании финансовой независимости города. Данное увеличение связано с ростом собираемости налога на доходы физических лиц, а также земельного налога (за счет приватизации земельных участков).

При этом 34–43 % составляют налоговые доходы: значение второго показателя из таблицы 3 в 2017 году составило 0,34. В 2018 году коэффициент, наоборот, увеличился на 0,09 (26,47 %) и составил 0,43.

Региональные налоги формируют 14–20 % бюджета, о чем свидетельствует коэффициент чистой налоговой независимости, который в 2017 году составил 0,20. В 2018 году наблюдается снижение на 0,06 (30 %), до 0,14.

Рассчитанный коэффициент общей финансовой зависимости говорит о том, что около 50 % бюджета составляют безвозмездные поступления: в 2017 году коэффициент составил 0,57, то есть 57 % приходилось на безвозмездные поступления. В 2018 году коэффициент снизился с 0,57 до 0,50 (сокращение составило 0,07 или 12,28 %), что является положительным фактом, свидетельствующим о снижении степени финансовой зависимости от региональных органов власти.

Значения коэффициента общей финансовой устойчивости за 2017–2018 года оказались ниже нормы (>1), что свидетельствует о финансовой неустойчивости бюджета города Ишимбая. Однако, если в 2017 году коэффициент равен 0,42 (то есть налоговые и неналоговые

доходы покрывали расходы на 42 %), то в 2018 году коэффициент увеличился до 0,49, то есть данные доходы покрывали расходы уже на 49 %.

В анализируемый период бюджет города Ишимбая был исполнен с дефицитом. Покрытие расходов совокупными доходами в 2017 году составило 98 %, в 2018 году наблюдается незначительное увеличение коэффициента на 0,01 (1,02 %), таким образом, расходы были покрыты на 99 %.

Региональные налоги обеспечивают 6–7 % затрат города, о чем говорит коэффициент собственной налоговой устойчивости, равный 0,07 в 2017 году и сниженный на 0,01 (14,28%), до 0,06 в 2018 году.

Следующая группа содержит пять различных коэффициентов, расчеты которых представлены в таблице.

Показатели долговой зависимости бюджета² г. Ишимбая

Показатели	2017 г.	2018 г.
$K_{д.з.м.} = \frac{МД}{О}$, где МД – муниципальный долг, О – общий объем промышленного и сельскохозяйственного производства, розничной торговли и сферы услуг	–	–
$K_{д.е.} = \frac{МД}{Д - БВП - НД_{доп}}$	0,0089	0,0069
$K_{д.з.} = \frac{МД}{р}$	0,00139	0,0089
$K_{д.н.} = \frac{Р_{обс}}{р}$, где $Р_{обс}$ – расходы бюджета на обслуживание долга	0,00029	0,0099
$K_{обс} = \frac{Р_{обс}}{р - Р_{суб}}$, где $Р_{суб}$ – расходы бюджета, которые осуществляют за счет субвенций, млн руб.	35,289	28,41

Как видно из таблицы, соотношение муниципального долга и общей суммы расходов бюджета в 2018 году снизилось по сравнению с 2017 годом на 6,9 млн руб.

Литература

1. Сведения об исполнении консолидированного бюджета муниципального района Ишимбайский район Республики Башкортостан за 2017 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ishimbaimr.ru/ru/ekonomika-ru/69-2010-08-20-13-54-08/2010-09-01-06-44-46/40514-2017-god>
2. Сведения об исполнении консолидированного бюджета муниципального района Ишимбайский район Республики Башкортостан за 2018 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ishimbaimr.ru/ru/ekonomika-ru/68-2010-08-20-13-54-08/2010-09-01-06-44-31/57875-2018-god>

² Коротина Н.Ю. Методика анализа финансового состояния бюджетов муниципальных образований. Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2014. № 17. С. 17–27.

Последствия недостоверной информации в бухгалтерской финансовой отчетности

Consequences of False Information in the Financial Statements

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.31)

Л. КУРБАНАЕВА

Курбанаева Лилия Хамматовна, канд. экон. наук, доцент кафедры финансов и налогообложения Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: hammatovna@mail.ru

В статье рассматривается проблема искажений информации в бухгалтерской финансовой отчетности. При принятии решений о возможном сотрудничестве и оценке деятельности компании внешние пользователи опираются, в первую очередь, на данные публичной бухгалтерской финансовой отчетности. Поэтому она должна давать полное и правдивое представление о финансовом положении компании. Однако достичь максимально достоверного представления фактов хозяйственной деятельности предприятия не всегда удастся по ряду вполне объективных причин.

Ключевые слова: бухгалтерская финансовая отчетность, достоверность, искажения, халатность, мошенничество.

The article discusses the problem of information misstatements in accounting financial statements. When making decisions about possible cooperation and evaluating the company's activities, external users rely primarily on data from public accounting financial statements. Therefore, it should provide a complete and truthful picture of the company's financial position. However, it is not always easy to achieve the most reliable representation of the facts of an enterprise's economic activity for a number of quite objective reasons.

Key words: accounting financial statements, accuracy, misstatements, negligence, fraud.

Вне зависимости от того, к какой категории принадлежит компания – к малому или крупному бизнесу, наличие точных финансовых отчетов необходимо, чтобы избежать дорогостоящих ошибок и добиться успеха.

Есть несколько причин, по которым отчеты могут быть неточными: некомпетентность лица, обеспечивающего подготовку отчетов, недостаток информации, неверное толкование или искажение данных. Независимо от причины, эти ошибки могут быть очень дорогостоящими, а в некоторых случаях стоить бизнесу репутации и самого существования. Одним из наиболее очевидных последствий неточной отчетности является негативное влияние на заинтересованные стороны, которые полагаются на них, что, несомненно, повлияет и на степень доверия к компании. Кроме того, предприятия не могут принимать точные управленческие решения без надежной финансовой информации. И, наконец, существует множество потенциальных обязательств и штрафов, которые могут серьезно повредить финансовому положению бизнеса в долгосрочной перспективе. Таким образом, негативное влияние на заинтересованные стороны и на деловые решения, юридические санкции – это лишь некоторые из потенциальных последствий неточных бухгалтерских отчетов, которые необходимо учитывать.

Влияние на третьих лиц

Инвесторы и акционеры чрезвычайно значимы для крупных корпораций, что объясняет важность поддержания надежной репутации и отношений с ними, как с заинтересованными в объективности финансовой информации сторонами. Внутри компании в объективности финансовой информации заинтересованы менеджеры, сотрудники, совет директоров или такие органы, как совет (комитет) по управлению, а также выборные члены местного правительства и т. д. К числу внешних заинтересованных сторон могут быть отнесены клиенты, владельцы или акционеры, которые не участвуют в управлении, кредиторы, финансисты и гаранты, поставщики

товаров и услуг, государственные учреждения и местные сообщества. Наконец, заинтересованность в объективной финансовой информации проявляют конкуренты, группы давления, средства массовой информации и широкая общественность [8, 15]. Различные стороны заинтересованы в доступной им финансовой информации по разным причинам. Например, акционеры являются реальными владельцами компании, их интерес заключается в ее прибыльности и отдаче от их инвестиций в акции. Кредиторы являются поставщиками сырья и других предметов, необходимых компании, их интерес представляет ликвидная позиция компании и способность оплачивать счета. Банки и другие финансовые учреждения заинтересованы в краткосрочной и долгосрочной платежеспособности при утверждении займов для компании. Потенциальные инвесторы также хотят быть уверенными в том, что перспективы оптимистичны, а финансовая устойчивость компании гарантирована [10, 34]. Все эти и другие заинтересованные стороны опираются на финансовую информацию компании при принятии собственных деловых решений. Любое искажение этой важной информации может значительно повредить репутации компании и поставить под угрозу любые будущие инвестиции.

Принятие бизнес-решений

Точная учетная информация компании имеет решающее значение для эффективной работы и процесса принятия деловых решений. Например, бухгалтерский баланс – это сводка финансовых балансов, то есть активов, обязательств и капитала компании в любой момент времени. Он представляет картину деловой активности компании и оборачиваемости оборотного капитала. Балансы также могут определять другие тенденции, например, работу цикла дебиторской задолженности, использование чистой прибыли, частоту замены оборудования. Много информации относительно роста и эффективности компании могут предоставить балансовые показатели. Отчет о прибылях и убытках отражает доходы и расходы компании за определенный период времени. Цель отчета о прибылях и убытках – продемонстрировать результаты деятельности компании, перечислив объемы продаж и расходов, полученной прибыли или убытка. Эти отчеты показывают прибыльность компании, помогают менеджерам принимать обоснованные решения относительно операционных расходов и стоимости проданных товаров, поддерживать разумную норму прибыли. Отчет о движении денежных средств является одним из наиболее важных документов компании. Он содержит сведения о притоке и оттоке денежных средств в течение определенного периода времени и сообщает менеджерам, достаточно ли у компании денежных средств для оплаты краткосрочных счетов и выполнения повседневных операций [6, 28]. Наличие точной информации об объемах продаж, производственных затратах и накладных расходах имеет решающее значение для определения оптимальной цены на продукт и услугу, а финансовая отчетность, которая рассчитывает размер прибыли на единицу, помогает определить, какой стратегии продаж следует придерживаться.

Правовые последствия

Неправильная отчетность может быть результатом некомпетентности, человеческой ошибки или преднамеренного искажения данных (мошенничества). Предоставляя услуги, профессиональный бухгалтер почти всегда обязан заботиться о клиенте, но также имеет обязательства перед третьей стороной, которая полагается на отчеты бухгалтера. Если данные отчетов неточны, вследствие чего клиент или третье лицо понесли убытки, бухгалтеры могут быть привлечены к ответственности за халатность и отданы под суд [11, 83]. Иногда неточная отчетность является результатом преднамеренного искажения информации или мошенничества. Мошенничество – форма воровства. Некоторые из наиболее распространенных преднамеренных искажений включают манипулирование доходами, расходами, активами и обязательствами, неправильное использование резервов для смещения доходов и расходов между периодами. Один из самых простых способов манипуляции финансовой отчетностью – пропуск информации. Без необходимой информации финансовые отчеты легко могут быть неверно истолкованы [7, 156].

Наказания за мошеннические преступления могут включать уголовное наказание, административное наказание, или и то, и другое. Большинство преступлений, связанных с мошенничеством, считаются уголовными и караются тюремным заключением, штрафами, испытательным сроком или всем вышеперечисленным. Административные штрафы могут включать реституцию (материальное возмещение ущерба) или выплату значительных штрафов (направленных на наказание за поведение). Наказания за нарушение будут зависеть от характера, типа, масштаба и серьезности действия, а также от того, было ли оно совершено физическим или юридическим лицом [9, 74].

Важность точной бухгалтерской отчетности не следует недооценивать. Многие предприятия и организации зависят от точности финансовой отчетности, которую компании предоставляют для своих собственных бизнес-решений. Последствия неточной отчетности могут оказать широкое влияние на отдельных лиц и организации – от сотрудников и широкой общественности до различных агентств и самого бизнеса. Профессиональный бухгалтер обязан ответственно относиться ко всем сторонам, которые полагаются на его отчеты. Если отчеты являются неточными, бухгалтер может нести ответственность за халатность или мошенничество, и последствия могут варьироваться от административных наказаний до уголовных.

Литература

1. Звягин С.А. Вуалирование и фальсификация бухгалтерской отчетности // «Правовое регулирование». 2015. № 2. С. 6.
2. Карельская С. Н., Зуга Е.И. Достоверность и информационные границы финансовой отчетности // Реформирование отчетности. 2014. № 9.
3. Приказ Минфина РФ от 06.07.1999 № 43н (ред. от 08.11.2010, с изм. от 29.01.2018) «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету “Бухгалтерская отчетность организации” (ПБУ 4/99)» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
4. Приложение № 1 к Приказу Министерства финансов Российской Федерации от 25.11.2011 № 160н «Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 1 “Представление финансовой отчетности”» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
5. Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ (ред. от 18.07.2017) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
6. How do financial statements help decision making? 2016, August 29. [Electronic resource]. URL: <http://www.altimabusinesssolutions.com/index.php/2016/08/29/financial-statements-decision-making/>
7. Coenen T. The wide-reaching impact of financial statement fraud. 2018, July 6. [Electronic resource]. URL: <http://www.sequenceinc.com/fraudfiles/2016/07/the-wide-reaching-impact-of-financial-statement-fraud/>
8. Financial stakeholders (n.d.). [Electronic resource]. URL: <http://www.open.edu/openlearn/money-management/money/accounting-and-finance/stakeholders-marketing-and-finance/content-section-2.1>
9. Everything You Need to Know About Fraud Crimes and Fraud Law [Electronic resource]. URL: <https://criminal.findlaw.com/criminal-charges/fraud.html>
10. Interested parties of financial statements: Parties interested in financial statements [Electronic resource]. URL: <https://accountlearning.com/interested-parties-of-financial-statements/>
11. Professional liability of accountants and auditors. (2009, January). [Electronic resource]. URL: https://www.accaglobal.com/content/dam/acca/global/PDF-members/2012/2012p/Prof_liability.pdf

Развитие и регулирование финансовых рынков в РФ

Development and Regulation of Financial Markets in Russia

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.32)

М. ХАМУРАДОВ, Д. ХУПИЕВА

Хамурадов Мовсар Ахметпашович, канд. экон. наук, доцент кафедры «Финансы, кредит и антимонопольное регулирование» Института экономики и финансов Чеченского государственного университета. E-mail: urusmartan1@yandex.ru

Хупиева Дагмара Руслановна, магистрант Института экономики и финансов Чеченского государственного университета

В данной научной работе изучаются роль и значимость инструментов регулирования финансовых рынков, что является актуальным с учетом современных реалий, когда роль финансовых рынков продолжает возрастать. В статье дана оценка развитию финансовых рынков в РФ посредством проведенного анализа за последние годы. Изучены инструменты регулирования финансовых рынков в современных условиях, сущность рынка ценных бумаг. Также определена значимость финансовых рынков в развитии финансовой системы страны, проведена классификация финансовых инструментов и активов. На основе проведенного анализа сделаны выводы, предложены меры, направленные на повышение эффективности финансового рынка страны.

Ключевые слова: финансовый рынок, валютный рынок, рынок акций, финансовая система, фондовый рынок.

This research paper examines the role and significance of financial market regulation tools, which is relevant in view of modern realities, when the role of financial markets continues to increase. The article assesses the development of financial markets in the Russian Federation through the analysis conducted in recent years. Instruments of regulation of financial markets in modern conditions, the essence of the securities market are studied. The significance of financial markets in the development of the country's financial system is also determined, and the classification of financial instruments and assets is carried out. Conclusions are drawn based on the analysis and measures are proposed to improve the efficiency of the country's financial market.

Key words: financial market, currency market, stock market, financial system, stock market.

Фондовый рынок, активное развитие которого наблюдается в последние годы, является неотъемлемой частью финансовой системы и занимает в ней одно из центральных мест. Важность фондового рынка объясняется, прежде всего, функциями, которые он выполняет в современной экономике. Являясь механизмом обеспечения экономического роста необходимыми финансовыми ресурсами, фондовый рынок концентрирует источники внешних и внутренних инвестиций, и направляет их в наиболее перспективные отрасли экономики, обеспечивая тем самым их техническое перевооружение, модернизацию и инновационное развитие.

Кроме того, фондовый рынок, открывая инновационные компании, способствует укреплению их финансовой независимости, росту их капитализации, а значит, росту капитализации рынка в целом. Поэтому российские компании заинтересованы в его развитии.

Качественные изменения на фондовом рынке, прежде всего, связаны с глобализацией рынка ценных бумаг (РЦБ), т.е. становлением всемирного рынка, частями которого становятся все национальные рынки, преодолением национальных границ биржевых операций, одновременным обращением на национальном рынке ценных бумаг, номинированных в российской и иностранной валютах. Кроме того, качественное развитие фондового рынка происходит в условиях расширения различных форм деятельности институциональных инвесторов, повышения уровня их профессиональной деятельности.

Рынок ценных бумаг имеет отличительные черты, придающие ему уникальный характер по сравнению с другими рынками. При проведении анализа и принятии соответствующих

регулирующих мер данные особенности должны учитываться надзорными органами, осуществляющими контроль в этой сфере деятельности.

Одно из первых и наиболее существенных отличий касается объекта и объема рынка. По своим масштабам РЦБ может значительно превосходить рынок реальных товаров и услуг: какие-либо ограничения масштабов рынка практически отсутствуют. Это, впрочем, создает опасность появления так называемого «мыльного пузыря».

Еще один признак, отличающий РЦБ от рынка товаров и услуг – это способ его формирования. Если на обычных рынках товар производится, либо добывается посредством затрат человеческого труда, то товары на РЦБ эмитируются на первичный рынок без существенных затрат. Если ранее при выпуске в обращение ценных бумаг необходимо было хотя бы выпустить их в бумажной форме, то с развитием технологий многие ценные бумаги выпускаются и в бездокументарной форме, что требует лишь регистрации в специальном реестре.

Следующее отличие связано с процессом обращения. Если материальная продукция производится для конечного потребления, и процесс обращения используется как процесс доставки от производителя до потребителя, то с ценной бумагой все ровно наоборот. Ценная бумага может очень долго переходить из рук в руки, причем количество акций такого обращения не ограничено. Примечательно, что скорость, с которой ценная бумага может обращаться, является показателем качества этой ценной бумаги.

Отмеченные отличия обуславливают как положительные черты РЦБ, так и некоторые угрозы для экономического развития. Последние мировые кризисы так или иначе связаны с кризисами на фондовых рынках. Таким образом, перечисленные отличия накладывают определенный отпечаток на существование и регулирование РЦБ, что необходимо учитывать при регулировании этого рынка.

В условиях современной диверсификации всех финансовых рынков, качественных изменений в системе их функционирования, связанных с преодолением национальных границ биржевых операций, расширением различных форм деятельности институциональных инвесторов, выявление особенностей развития фондового рынка в России на нынешнем этапе приобретает особое значение.

Финансовые рынки включают в себя направления по всем финансовым операциям, начиная от кредитных, и заканчивая страховыми и инвестиционными.

Классификацию финансовых инструментов и их активов можно представить в следующем виде.

Таблица 1

Классификация финансовых инструментов и активов

Кредитный рынок	Рынок ценных бумаг	Валютный рынок	Страховой рынок	Инвестиционный рынок
Денежные активы; Депозитные и сберегательные сертификаты; Залоговые документы и т.д.	Акции, облигации и т.д.	Валюты; Драгметаллы; Платежные требования в валюте и т.д.	Страховые полисы; Договоры перестрахования и т.д.	Объекты приватизации; Земельные участки; Здания и сооружения и т.д.
Рынок производных финансовых инструментов				
Форвардные и фьючерсные контракты, опционы, свопы и др.				

Также показательно, что оценка уровня развития финансового рынка обычно не ограничивается лишь одним видом финансовых услуг или одной группой финансовых институтов. Таким образом, можно сказать, что финансовые рынки можно представить как систему отношений (как в масштабах страны, так и на международном уровне), касающихся перераспределения финансовых активов и осуществления деятельности, связанной со страховыми и инвестиционными услугами.

На российском финансовом рынке, несмотря на присутствие значительного количества некредитных финансовых организаций (НФО), по объему активов по-прежнему доминируют кредитные организации (КО): «по итогам 2018 года отношение их активов к ВВП превышает 90%, их объем увеличился на 6,9%» [2]. Количество данных участников финансового рынка на 01.01.2018 года составляло 614 организаций, на 01.01.2019 года – 537. Количество кредитных организаций за период с I квартала 2016 года по III квартал 2019 года сократилось с 357 до 308, количество некредитных организаций – профессиональных участников рынка ценных бумаг, с 475 до 250. Данное сокращение связано с аннулированием лицензий по причинам отзыва банковской лицензии, нарушений в осуществлении профессиональной деятельности и неосуществления деятельности в течение 18 месяцев.

Говоря об инструментариях регулирования финансовых рынков, необходимо отметить, что они включают в себя инструменты, методы и механизмы, которые направлены на реализацию поставленных целей [3]. На практике под инструментами регулирования финансовых рынков понимают комплексные меры, влияющие на финансовые институты. Рассматривая инструментарии регулирования финансовых рынков, следует отметить значительное расхождение саморегулируемых организаций и регулирующих органов, поскольку роль саморегулирования высока в периоды роста, а роль государственных регуляторов особенно важна в периоды кризиса. Хотя и принято считать, что на микроуровне функцию обеспечения финансовой устойчивости должны обеспечивать самостоятельные участники рынка, практика зачастую существенно расходится с теорией.

Под инструментами регулирования финансовых рынков следует рассматривать не только способы борьбы с нарушениями стандартов деятельности финансовых институтов, но и решения задач на макроуровне. При этом использование некоторых методов регулирования, по мнению ряда экспертов, может привести к снижению эффективности деятельности на финансовых рынках.

Если говорить о рисках на финансовых рынках, то их классификация весьма разнообразна. По мнению ряда зарубежных ученых, риски коммерческих организаций следует подразделять на финансовые и нефинансовые, при этом каждая категория, в свою очередь, включает довольно широкий спектр угроз. По мнению О.И. Лаврушина [1], чтобы определить риск, необходимо классифицировать, к какому типу он относится, каковы причины его возникновения, величина и возможности регулирования. Банк России выделяет следующий перечень рисков: кредитный, фондовый, валютный, процентный, стратегический, операционный, правовой и т.д. В научной терминологии существует понятие системного риска. Под системным риском понимают вероятность наступления значимого события, которое может привести к негативным изменениям деятельности ряда системообразующих финансовых посредников или рынков. На наш взгляд, следует отметить и такое понятие, как «риск регулирования» финансовых рынков, под которым следует понимать возможность отклонения фактических результатов регуляторных мер от изначально планируемых.

По мнению многих специалистов, финансовая система не может достичь стабильности без эффективной системы внутрикорпоративного контроля рисков в финансовых институтах, а также их государственного регулирования. Другими словами, необходимо эффективно налаживать риск-менеджмент, то есть инструмент самостоятельного регулирования финансовых рынков.

Риск-менеджмент способствует определению инструментов, которые необходимы для контроля различных типов рисков, к которым можно, помимо стандартных угроз, отнести риски, связанные с мониторингом показателей деятельности, диверсификация портфелей и т.д. Инструменты саморегулирования финансовых рынков представлены в таблице 2.

Основным признаком при определении регулирования финансовых рынков выделяют тип регулирующего института (самодисциплина и риск-менеджмент, СРО и государство). Роль регулирующего механизма усиливалась с ростом и развитием финансовых рынков. Во многих развитых странах саморегулирование относят к одному из эффективных методов регулирования внутри самого рынка. Одним из важных признаков и факторов результативности СРО

является широта передаваемых государством полномочий. Государство может передать СРО функцию контроля, уполномочив организацию применять меры, направленные на дисциплинарное воздействие к компаниям при обязательности членства в СРО.

Таблица 2

Основные инструменты регулирования финансовых рынков

Предмет	Инструменты финансово-кредитного института	Инструменты саморегулируемых организаций
Экономическая деятельность субъектов финансового рынка	Инструменты формирования капитала, левиреджа и ликвидности Модели регулирования и оценка риска (Риск-менеджмент)	Установление стандартов функционирования участников СРО, в том числе и налаживания механизма по мониторингу их соблюдения. Разработка системы ответственности, в том числе и материальной, за несоблюдение прав инвесторов, а также нарушение правил деловой этики
Деловая этика	Внутрикорпоративные кодексы Раскрытие информации клиентам Система оценки эффективности клиентов	Квалификационные требования к специалистам рынка ценных бумаг
Финансовые операции	Инструменты прозрачности ценообразования Хеджирование инвестиционного портфеля и т.д.	Стандартизация операций с ценными бумагами или порядка предоставления финансовых услуг

Многие западные специалисты считают, что риск-менеджмент в конечном итоге все равно остается за государством, поскольку государство можно отнести к риск-менеджеру в последней инстанции.

Чтобы иметь наиболее полное представление об инструментах регулирования финансовых рынков, необходимо раскрыть типы регуляторных инструментов. Если учитывать временной период, можно выделить следующие инструменты: регулярные, периодические, точечные; фазы цикла – стимулирующие, стабилизационные, контрциклические и т.д.

При рассмотрении основных инструментов необходимо отметить, что обеспечение устойчивости валюты относится к задаче монетарной, валютной и внешнеэкономической политики. При регулировании кредитного рынка применяются традиционные методы денежно-кредитной политики.

В целом, в выводах из данного краткого анализа можно сказать, что в инструментариях регулирования финансовых рынков существует большая вариативность. Инструменты саморегулирования и государственного регулирования требуют систематизации, которую можно сформулировать исходя из таких критериев, как политика регулирования финансовых рынков, степень и характер воздействия, рынок воздействия, институт и вид регулирования и т.д.

С точки зрения функционального подхода все инструменты можно подразделить на три уровня: инструменты денежно-кредитной политики, инструменты микропруденциальной политики, инструменты макропруденциальной политики, которые по своему назначению во многом схожи, различаясь лишь масштабами охвата.

Литература

1. Лаврушин О.И. Банковское дело М.: Кнорус. – 2012. С.11
2. Официальный сайт Центрального Банка России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbr.ru>
3. Федорова О.Ю. Формирование эффективной модели регулирования финансовых рынков: дисс. ... канд. экономических наук: 08.00.14. Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ. 2018. 219 с.

Влияние цифровой трансформации общества на содержание предпринимательской деятельности

Impact of Digital Transformation of Society on the Content of Entrepreneurial Activity (DOI: 10.34773/EU.2020.6.33)

Д. КРУГЛОВ, Е. АМЕЛЬЧЕНКО

Круглов Дмитрий Валерьевич, д-р экон. наук, профессор кафедры экономической теории и экономики предпринимательства Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. E-mail: kdvspb@list.ru

Амельченко Елена Николаевна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и экономики предпринимательства Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. E-mail: knaygna@yandex.ru

В статье анализируются процессы развития цифровых технологий и их влияние на общество в целом и предпринимательскую деятельность в частности. В своей деятельности предприниматель использует современные информационные технологии, создает условия для повышения производительности труда, ориентируется на новые тренды в менеджменте. Данные статистики показывают высокую степень цифровизации предпринимательских структур. Доказана необходимость формирования предпринимательской среды, как важнейшего сектора народного хозяйства.

Ключевые слова: народное хозяйство, цифровая среда, предпринимательство, предпринимательская среда, технологии, технологические тренды.

The article analyzes the processes of development of digital technologies and their impact on society in general and business in particular. In his activities, the entrepreneur uses modern information technologies, creates conditions for increasing labor productivity, focuses on new trends in management. Statistical data show a high degree of digitalization of business structures. The need for the formation of an entrepreneurial environment as the most important sector of the national economy has been proved.

Keywords: national economy, digital environment, entrepreneurship, entrepreneurial environment, technologies, technological trends.

Становление цифровой экономики находится в центре внимания как за рубежом, так и в нашей стране. Развитие цифровых технологий привело к появлению целых новых технологических отраслей и внедрению ИТ-платформ как в социальную сферу и государственное управление, так и в предпринимательство. В этой связи важно понять, как отечественная экономика трансформируется с учетом мировых технологических трендов и какие результаты есть сегодня и будут в ближайшей перспективе. В настоящее время доступ к Интернету имеют около 50 % жителей Земли. Количество пользователей Интернета среди отечественных домашних хозяйств составляет 76,9 % [4]. Также более 50 % пользователей государственных услуг выбрали цифровые технологии в режиме онлайн. Цифровые знания становятся необходимостью в современном социуме. По «Индексу сетевой готовности» Россия на декабрь 2019 г. достигла 48 места среди стран мира [1]. Эффект от внедрения информационных технологий может в дальнейшем значительно увеличить ВВП страны. Четвертая промышленная революция дает возможность нашей экономике занять достойное место среди народных хозяйств развитых государств. Уже к 2025 году объем экономики России в цифровых реалиях может достигнуть 9,6 трлн. рублей [5].

Трансформация среды влечет за собой как социальные, так и экономические блага. Среди социальных благ можно выделить следующие: снижение уровня бедности среди населения, повышение уровня медицинских услуг и их качества, а также доступности образования для широких масс населения, снижение уровня загрязнения окружающей среды, повышение уровня доступности финансовых сервисов и снижение уровня преступности. Экономические блага в условиях цифровизации будут следующие: ускорение темпов роста предпринимательских структур,

увеличение производительности труда, рост численности рабочих мест в отдельных отраслях, значительный вклад в рост ВВП [3].

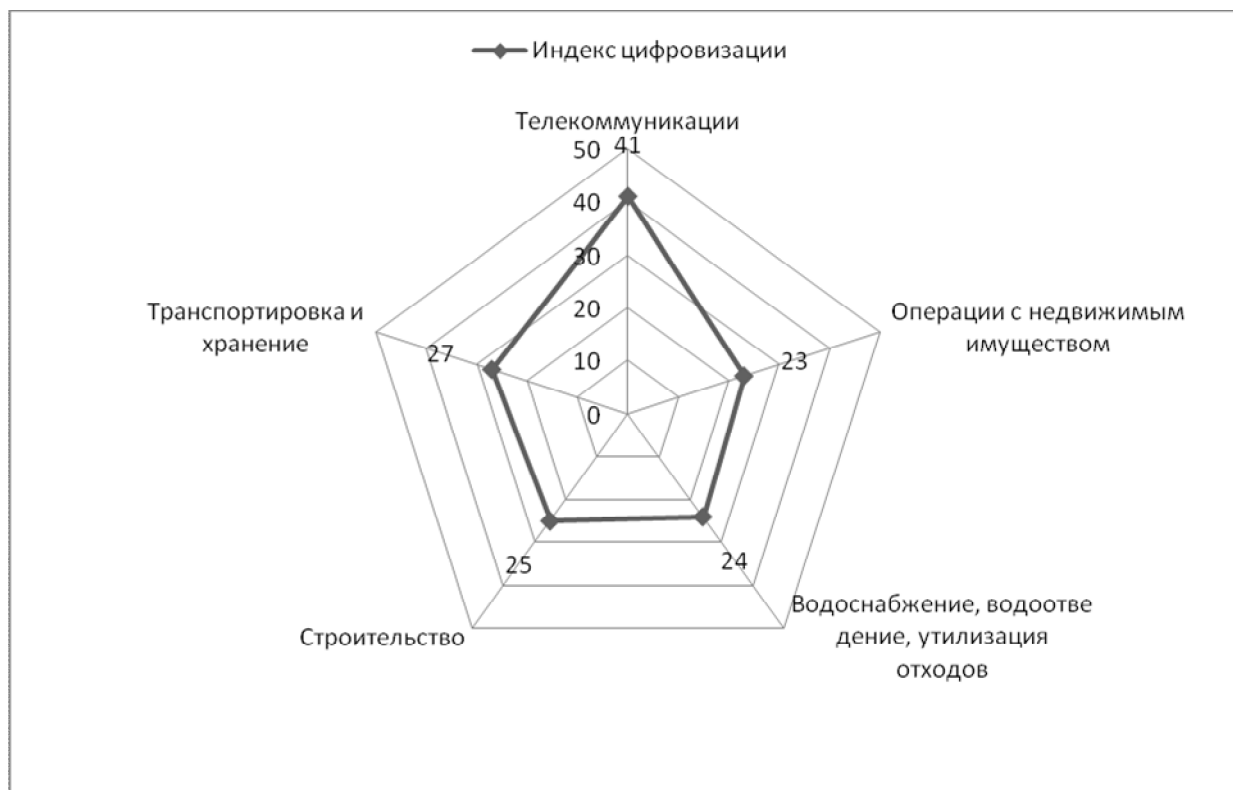

Рис. 1. Индекс цифровизации бизнеса в 2018 году.
Составлено авторами по материалам [4]

Предпринимательская деятельность в условиях цифровой трансформации рассматривается с разных точек зрения: как стиль хозяйствования, как организационный процесс, как система взаимодействия субъектов экономической деятельности. Применение спектра подходов позволяет резюмировать, что деятельность предпринимателя – это совокупность творческих и интеллектуальных способностей индивидуума в комбинации с факторами производства на основе инновационных технологий.

Индекс цифровизации предпринимательской деятельности по видам экономической деятельности характеризуется использованием облачных сервисов, включенностью предпринимательского сектора в электронную торговлю, использованием широкополосного интернета. По данным исследований НИУ ВШЭ, индекс цифровизации бизнеса России в 2018 году находился на 31 месте среди стран мира (рисунок 1).

В своей деятельности предприниматель использует современные информационные технологии, создает условия для повышения производительности труда, руководит коллективом, ориентируясь на новые тренды в менеджменте. В конечном итоге это приводит к снижению издержек, на основе которых формируется себестоимость продукции и услуг.

В апреле 2010 года в России было зарегистрировано 2 млн 19 тысяч предприятий МСП, что на 3,5 % меньше, чем в 2009 г. В расчете на 100 тысяч человек численность предприятий малого бизнеса сократилась на 5,6 единиц.

Количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, входящих в реестр малого и среднего бизнеса РФ за год (с 10.10.2019 г. по 10.10.2020 г.), сократилось на 222,03 тыс. единиц или на 3,8 % [2]. По состоянию на 10 октября 2020 года количество субъектов малого и среднего бизнеса в РФ составило 5,6 млн. При этом количество работников с октября 2019 по октябрь 2020 года выросло на 84258 человек до 15,49 млн человек. Федеральная

налоговая служба «наверстывает» простой, связанный с пандемией коронавируса: количество проверок в период после снятия карантина выросло в 4 раза. Увеличение количества занятых в среднем и малом бизнесе подтверждает правильность и своевременность решений, связанных со страховыми взносами и выплатой прямых субсидий на МРОТ. Эта поддержка позволила вывести часть бизнеса из «тени». Необходимо подчеркнуть, что впервые за много лет в России выросло количество средних предприятий – на 5,2 %. Это связано с упрощением механизмов вывода компаний на экспорт и увеличению доли государственных закупок для субъектов МСП.

В современных условиях пандемия коронавируса и цифровизация привели к созданию в предпринимательстве новых идей. Так, изоляция привела к стимулированию использования искусственного интеллекта и роботов, развитию механизма поставок на основе блокчейна и применению 3D-печати в сфере здравоохранения, инновациям в туристической отрасли.

Современные технологии в сфере здравоохранения. В учреждениях здравоохранения КНР начато применение помощников-роботов. С их помощью собирают мусор, раздают постельное белье, развозят больным лекарственные препараты. Используя технологию 5G, роботы дистанционно измеряют температуру тела пациентов и отслеживают показатели до 32 человек. Компания Cooper3D опубликовала файл с кодом респиратора для 3D-печати.

Механизм поставок на основе блокчейна. Компания IDC опубликовала прогноз, согласно которому расходы на проекты, связанные с блокчейн-технологиями, в Европе в 2020 году вырастут почти на 60% – до 1,33 млрд. долларов. С помощью этих технологий появится возможность снизить количество поставок некачественной и контрафактной продукции.

Инновационные подходы в туристической отрасли. В постепенном восстановлении туристических отрасли очень важно использовать инновационные инструменты управления потоками. Пока индустрия не возобновила свою работу в полном объеме, некоторые государства, такие как США, Австралия, Япония, Греция и Бразилия активизировали развитие туризма с помощью цифровых технологий. Предприниматели медиа-уровня с помощью виртуальных туров привлекают туристов с расчетом на будущее – например, предприниматели Таиланда и США организуют живые трансляции из зоопарков, мастер-классы и т.д. В России также развивается направление цифрового туризма, позволяющее путешествовать виртуально.

Отечественному малому и среднему бизнесу необходимо адаптироваться к посткарантинным реалиям. Требуется пересмотреть логистические цепочки и группы продуктов, а также стараться внедрять искусственный интеллект и робототехнику. Государство должно активно способствовать этим начинаниям и через банковский сектор регулировать платежи по налогам и кредитам. В условиях четвертой промышленной революции ключевым условием развития субъектов предпринимательства является генерация новых идей и создание инновационного продукта. В этой связи активное вовлечение бизнеса в отечественную экономику является необходимым условием роста ВВП. В постизоляционный период необходимо также создавать условия для развития предпринимательских структур. Вектор развития малого и среднего бизнеса должен быть направлен на перспективу. Для этого требуется пакет мер, таких как организация площадок реализации товаров, снижение ставки налога на самозанятых, грантовое финансирование бизнеса, доступ к финансовым ресурсам, консалтинг.

Кроме предложенных мер, необходимо формирование предпринимательской среды, то есть социального климата, инфраструктуры, правовой базы и системы государственной поддержки. Государственными органами разных уровней уже делаются шаги к созданию качественной инфраструктуры развития бизнеса. Именно малый и средний бизнес в последние годы является важнейшим сектором народного хозяйства, с его помощью развивается потребительская сеть.

В условиях трансформации общества реализация социальных и экономических функций малого предпринимательства выступает фактором достижения заданных целевых установок.

Таким образом, можно констатировать, что предпринимательские структуры оказывают влияние на рост ВВП и являются базой для развития народного хозяйства. Бизнес стимулирует творческую активность населения. С его помощью сокращается разрыв между фактическими

и потенциальными результатами развития экономики. Рост ВВП невозможен в условиях тотальных ограничений творчества. Только предпринимательская деятельность способствует устойчивому развитию страны и инновационной деятельности на местах.

Литература

1. Гуманитарный портал. Рейтинг стран мира по индексу сетевой готовности [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/networked-readiness-index>
2. Единый реестр субъектов МСП [Электронный ресурс]. URL: <https://rmsp.nalog.ru/>
3. Плотников В.А. Понятие смешанной экономики: эволюция развития и современная трактовка // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. Т. 8. № 2 (27). С. 8–16.
4. Цифровая экономика: 2020: краткий статистический сборник // Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. университет «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2020. 112 с.
5. Цифровая Россия: новая реальность. Отчет МакКинзи 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mckinsey.com/ru/our-insights/>

Классификация цифровой экономики на основе интенсивности использования цифровых технологий

Digital Economy Classification based on the Intensity of Digital Technologies Usage (DOI: 10.34773/EU.2020.6.34)

С. МАРИЧЕВ

Маричев Сергей Геннадьевич, младший научный сотрудник Центра стратегических и междисциплинарных исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. E-mail: prophet314@gmail.com

В статье приведена авторская классификация цифровой экономики на основе выделенного ключевого критерия – интенсивности использования цифровых технологий. В соответствии с этим критерием выделены пять обобщенных категорий: нецифровая экономика, условно-нецифровая экономика, цифровизированная экономика, цифровая экономика, цифровая экономика+. Преимуществом предложенной классификации является её детализированный характер, что исключает выпадение того или иного вида экономической деятельности в смежные категории.

Ключевые слова: цифровая экономика, Интернет, драйвер развития, цепочка ценности, производство.

The article presents the author's classification of digital economy based on selected key criteria – the intensity of the use of digital technologies. In accordance with the criteria, five generalized categories have been identified: non-digital economy, conditionally non-digital economy, digitalized economy, digital economy, digital economy +. The advantage of the proposed classification is its detailed nature, which excludes falling out of one or another type of economic activity in related categories.

Key words: digital economy, internet, development driver, value chain, production.

Развитие и поддержка цифровых отраслей в национальном масштабе является основным драйвером стимулирования роста экономики и сохранения конкурентоспособности в средне- и долгосрочной перспективе. Между тем, вопрос унификации понятия «цифровая экономика», а также подходов к оценке её доли в национальной экономике является весьма актуальным – существующая теоретическая база

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР УФИЦ РАН по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ.

является фрагментированной, а практическая (статистические расчеты на основе оценки прироста ВВП, внутренних затрат на развитие цифровых технологий) вызывает вопросы относительности своей точности и уместности применения. Так, в комплексном докладе НИУ ВШЭ о цифровой экономике [2] отмечается ограниченность сбора статистических данных областью информационно-коммуникационных технологий, её инфраструктурой, занятой рабочей силой; осуществляется фрагментированный сбор данных по распространению цифровых технологий в производстве. В докладе отмечается необходимость создания системы статистического измерения цифровой экономики, в частности: разработка системы классификаций, характеристика различных подходов к оценке цифровизации и цифровой трансформации различных отраслей экономики. Важно и то, что в зарубежных странах также отсутствует унифицированный подход к понятию, классификации и оценке цифровой экономики – расчет осуществляется, исходя из целей государственных мер поддержки цифровых секторов. Таким образом, дефрагментация имеющейся накопленной теоретической базы в вопросе понимания и оценки цифровой экономики является первостепенной задачей.

Таблица 1

Примеры определений цифровой экономики отечественными и зарубежными исследователями в период 1996–2020 гг.

Автор (источник)	Год	Определение
D. Tapscott, (The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence)	1996	Новая экономическая парадигма с широким использованием развивающихся компьютерных технологий [11]
N. Lane (Advancing the Digital Economy into the 21st Century)	1999	Конвергенция компьютерных и коммуникационных технологий в сети Интернет и возникающий поток информации и технологий, которые стимулируют развитие электронной торговли и масштабные изменения в организационной структуре [7]
R. Kling, R. Lamb (IT and Organizational Change in Digital Economies)	2000	Включает товары или услуги, развитие, производство, продажа или предоставление которых находится в критической зависимости от цифровых технологий [6]
Australian Government (Australia's Digital Economy: Future Directions) ¹	2009	Глобальная сеть экономических и социальных видов деятельности, которые поддерживаются благодаря таким платформам, как Интернет, а также мобильные и сенсорные сети
Alexandru Tugui (Calm Technologies as the Future Goal of Information Technologies)	2009	Соединение между экономическими субъектами путем потоковой и процессной цифровизации, а также создания и обмена цифровыми активами (виртуальными активами) на фоне физического расширения и развития Интернета [12]
B. Ritchie, C. Brindley (Risk Management in the Digital Economy)	2009	Изменения на рынках и в цепочках поставок, а также растущая глобальная конкуренция в результате и на основе развития ИКТ и электронной торговли [10]
H.K. Chavula; A. Chekol (ICTPolicy Development Process in Africa)	2011	Это экономическая ситуация, в которой различные виды экономической деятельности используют ИКТ для достижения намеченных целей в рамках процессов национального развития [4]
The Economist (TechnologyIsn't Working) ²	2014	Экономика, способная предоставить высококачественную ИКТ-инфраструктуру и мобилизовать возможности ИКТ на благо потребителей, бизнеса и государства
A. Dahlman (Harnessing the Digital Economy for Developing Countries)	2016	Цифровая экономика представляет собой сочетание технологий общего применения и ряда видов экономической и общественной деятельности, осуществляемых пользователями Интернета при помощи соответствующих технологий [5]

¹ Advancing Australia as a Digital Economy: An Update to the National Digital Economy Strategy. Canberra: Department of Broadband, Communications and the Digital Economy. URL: <http://apo.org.au/node/34523>

² The Economist (2014). Technology Isn't Working. <<https://www.economist.com/news/special-report/21621237-digital-revolution-has-yetfulfil-its-promise-higher-productivity-and-better>>

Всемирный Банк (Развитие цифровой экономики в России)	2016	<i>Новый уклад экономики</i> , основанной на знаниях и цифровых технологиях, в рамках которой формируются новые цифровые навыки и возможности у общества, бизнеса и государства
P. Lemoine, P.T. Hackett, M.D. Richardson (Global Higher Education and VUCA – Volatility, Uncertainty, Complexity, Ambiguity)	2017	Экономика, основанная на доступе к информационным технологиям и использовании Интернета [8]
Р. Бухт, Р. Хикс (Определение, концепция и измерение цифровой экономики)	2018	Часть общего объема производства, которая целиком или в основном <i>произведена на базе цифровых технологий</i> фирмами, бизнес-модель которых основывается на цифровых продуктах или услугах [3]
L. Mundula, S. Auci (Institutional Entrepreneurship, Trust, and Regulatory Capture in the Digital Economy)	2019	Это гиперсвязанная экономика, характеризующаяся растущим количеством взаимосвязанных людей, организаций и машин через Интернет и использованием цифровых технологий, которые включают в себя передовое производство, робототехнику и автоматизацию производства, новые источники данных из мобильных интернет-соединений, облачные вычислительные технологии, анализ больших данных и искусственный интеллект [9]
К. Вишне夫斯基 (Цифровая экономика в условиях четвертой промышленной революции: возможности и ограничения)	2019	Это валовая добавленная стоимость, созданная во всех секторах экономики <i>с помощью ИКТ</i> [1]

На основе приведенных выше определений понятия «цифровая экономика», а также классификации цифровых отраслей Р. Бухта и Р. Хикса [3], можно предложить уточняющую классификацию экономической деятельности с применением цифровых технологий, основанную не только на критической необходимости их использования, но скорее на возможности и степени их применения. Отчасти это обосновывается тем, что сама суть экономической деятельности подразумевает совокупность действий на разных уровнях хозяйствования. Соответственно, логичным шагом было бы составить более детальную классификацию цифровой экономики, исходя из возможной интенсивности применения экономическими агентами информационно-коммуникационных технологий (ИКТ, взято в качестве основного критерия) в процессе разработки, производства, реализации продукции/услуги, а также отчетности за полученные средства и их дальнейшего инвестирования, то есть на каждом этапе деятельности экономических агентов. Необходимо, тем не менее, понимать, что имплементация цифровых технологий на том или ином этапе может в значительной степени повлиять на восприятие этого вида экономической деятельности в контексте возможности отнесения его к цифровой экономике.

В соответствии с множеством возможных вариантов использования цифровых технологий на том или ином этапе производства и реализации товара/услуги, можно предложить новую классификацию. Исходя из выбранного ключевого критерия (интенсивность применения цифровых технологий), на категоризацию видов экономической деятельности влияет только количество «цифровых этапов» (этап производства товара/услуги с внедрением ИКТ) – от одного до четырех в соответствии с разделением цепочки ценности на: 1) накопление ресурсов, 2) производство, 3) логистику и сбыт, 4) продажу (рис. 1).

	накопление ресурсов	производство	логистика и сбыт	продажа
1	н	н	н	н
2	н ↔ ц	ц ↔ н	н ↔ н	н
3	н ↔ ц	ц ↔ н	н ↔ ц	ц
4	ц ↔ н	н ↔ ц	ц ↔ ц	ц
5	ц	ц	ц	ц

	накопление ресурсов	производство	логистика и сбыт	продажа
1	н	н	н	н
2	н ↔ ц	ц ↔ н	н ↔ н	н
3	н ↔ ц	ц ↔ н	н ↔ ц	ц
4	ц ↔ н	н ↔ ц	ц ↔ ц	ц
5	ц	ц	ц	ц

Рис. 1. Примеры комбинаций использования цифровых технологий в процессе создания товара/услуги

(условные обозначения: «н» – цифровые технологии не применяются на данном этапе; «ц» – цифровые технологии применяются на данном этапе; «↔» – показывает множество комбинаций возможного использования цифровых технологий на том или ином этапе).

Примечание: составлено автором

Таким образом, в составе нашей классификации мы выделяем 5 обобщенных категорий, каждой из которых соответствует определенный класс (вид) экономики:

1) Нецифровая экономика – ни на одном из этапов создания ценности не используются цифровые технологии (пример: продажа фруктов, выращенных с использованием традиционных агротехнологий, по накладным на рынке за наличные деньги и записью о продажах в соответствующем журнале);

2) Условно-нецифровая экономика – цифровые технологии используются только на одном из этапов (пример: покупка на заправке за наличные деньги бензина, произведенного на нефтеперерабатывающем заводе с внедренным Интернетом вещей; при этом нефть была добыта с использованием традиционных технологий бурения и подъема на поверхность; заполнение отчетности о продажах на заправке осуществляется в бумажном виде);

3) Цифровизированная экономика – на половине этапов осуществляется использование цифровых технологий (пример: фермер продает свою продукцию на специализированной интернет-платформе с использованием онлайн-кассы);

4) Цифровая экономика – цифровые технологии используются на большинстве этапов (пример: продажа компьютерного оборудования в розничном магазине с предоплатой через онлайн-банк);

5) Цифровая экономика «плюс» – непрерывное использование цифровых технологий в процессе создания и реализации товара/услуги (пример: цифровая дистрибуция видеоигры, разработанной с применением компьютерного и аппаратного обеспечения, а также уникального компьютерного кода).

Разработанная нами классификация позволяет систематизировать определения цифровой экономики, представленные в таблице 1, в зависимости от субъективного понимания авторами определений степени распространения и проникновения ИКТ в те или иные сферы экономической деятельности (рис. 2).

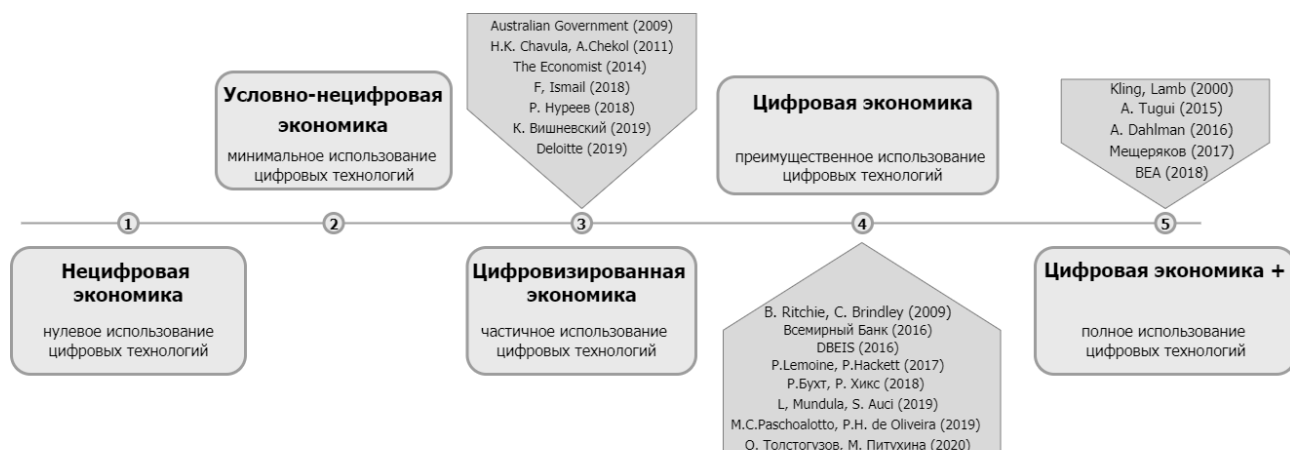

Рис. 2. Классификация экономической деятельности в зависимости от возможности использования цифровых технологий в процессе производства/реализации товаров и услуг.

Примечание: авторская классификация

Особенность данной классификации заключается в её акценте на интенсивность применения цифровых технологий как основного критерия отнесения к цифровой экономике, а не на степень зависимости от них. Тот или иной вид экономической деятельности может как относиться к цифровой экономике, так и выпадать в смежные категории. Более того, некоторые виды экономической деятельности (точнее, производство некоторых товаров/услуг) можно отнести ко всем 5 категориям, что показывает их низкую зависимость в целом от ИКТ; в то же время, некоторые виды экономической деятельности можно отнести лишь к одной категории.

Представленная классификация, между тем, весьма наглядно определяет основную сложность в категоризации видов экономической деятельности по степени интенсивности применения цифровых технологий. В условиях глобализированной экономики произошли значительные изменения в цепочках добавленной стоимости, благодаря чему в рамках одного продукта его проектирование, производственный выпуск, маркетинг, транспортировка, коммерческая реализация и пост-обслуживание осуществляется (может осуществляться) разными фирмами на разных рынках – и, соответственно с применением разных (по уровню наличия в них признаков ИКТ) технологий. Это значительно усложняет возможность категоризации цифровой экономики.

Литература

1. Вишневский В. Цифровая экономика в условиях четвертой промышленной революции: возможности и ограничения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2020. № 35 (4). С. 606–627.
2. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение [Текст]: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневский, Л.М. Гохберг и др.; науч. ред. Л.М. Гохберг. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2019.
3. Bukht R., Heeks R. Defining, Conceptualising and Measuring the Digital Economy // International Organisations Research Journal. 2018. Vol. 13. № 2. Pp. 143–172.
4. Chavula H.K., Chekol A. ICT Policy Development Process in Africa. Handbook of Research on Information Communication Technology Policy: Trends, Issues and Advancements // edited by Esharenana E. Adomi. IGI Global, 2011. Pp. 255–282.
5. Dahlman C., Mealy S., Wermelinger M. Harnessing the Digital Economy for Developing Countries [Electronic resource]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/4adffb24-en.pdf?expires=1604306305&id=id&accname=guest&checksum=5C7D55F95E22B08F82CF249627F60E43>

6. Kling R., Lamb R. IT and Organizational Change in Digital Economies. Understanding the Digital Economy (E. Brynjolfsson, B. Kahin (eds)). Cambridge: MIT Press, MA, 2000. Pp. 295–324
7. Lane N. Advancing the Digital Economy into the 21st Century. Information Systems Frontiers. 1999. Vol. 1. № 3. P. 317–320.
8. Lemoine P. Global Higher Education and VUCA – Volatility, Uncertainty, Complexity, Ambiguity. Handbook of Research on Administration, Policy, and Leadership in Higher Education. IGI Global. 2017. Pp. 549–568
9. Mundula L., Auci S. Institutional Entrepreneurship, Trust, and Regulatory Capture in the Digital Economy. Handbook of Research on Entrepreneurship and Marketing for Global Reach in the Digital Economy. IGI Global, 2019. Pp. 58–79.
10. Ritchie B., Brindley C. Risk Management in the Digital Economy. Encyclopedia of Information Science and Technology, Second Edition, edited by Mehdi Khosrow-Pour, D.B.A. IGI Global, 2009. Pp. 3298–3305.
11. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. McGraw-Hill, 1996. 342 p.
12. Tugui A. Calm Technologies as the Future Goal of Information Technologies. Encyclopedia of Multimedia Technology and Networking, Second Edition, edited by Margherita Pagani. IGI Global, 2009. Pp. 187–194.

Цифровизация и формирование доходов на рынке ценных бумаг в регионе

Digitalization and Generation of Income in the Securities Market in the Region

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.35)

**Б. ДЕМИЛЬХАНОВА,
Ф. САДАЕВА, З. САХРУДИНОВА**

Демильханова Бела Аптыевна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Финансы, кредит и антимонопольное регулирование» Института экономики и финансов (ИЭФ) Чеченского государственного университета. E-mail: bella555@inbox.ru

Садаева Фатима Муратовна, магистрант ИЭФ Чеченского государственного университета. E-mail: fatima.sadaeva.89@mail.ru

Сахрудинова Зулэйха Раджабовна, магистрант ИЭФ Чеченского государственного университета. E-mail: sahzuleikha@mail.ru

В статье в целях выявления влияния цифровизации финансового рынка на направления формирования сбережений населения региона, характеризующегося признаками развития первичного рынка ценных бумаг, осуществлена сравнительная оценка достигнутого уровня развития цифровых технологий и его влияния на активность частного инвестора на рынке банковских услуг и рынке ценных бумаг. Выявлено, что процессы внедрения и использования цифровых технологий оказывают преобладающее влияние на рынок банковских услуг.

Ключевые слова: цифровые технологии, финансовый рынок, банковские услуги, первичный рынок ценных бумаг, доход, ранжирование.

In order to identify the impact of digitalization of the financial market on the direction of the formation of savings of the population of the region, characterized by signs of development of the primary securities market, a comparative assessment of the achieved level of development of digital technologies and its impact on the activity of a private investor in the banking services market and the securities market is carried out. It was revealed that the processes of implementation and use of digital technologies have a predominant impact on the banking services market.

Key words: digital technologies, financial market, banking services, primary securities market, income, ranking.

На сегодняшний день существует множество технологий, обеспечивающих безопасность финансового рынка, снижение издержек финансовых организаций, связанных с осуществлением операций на нем, и как следствие, – расширение доступа к нему индивидуальных инвесторов. Так, в соответствии с договоренностями между странами СНГ, на основе цифровых технологий осуществляется обмен информацией о доходах предприятий и организаций, которые платят налоги в другой стране. «Речь идёт о дивидендах и прибыли от ценных бумаг...» [9, 3], информация по которым предоставляется по каналам связи с применением средств криптографической защиты информации.

На базе совместных проектов по созданию для кредитных организаций высокопроизводительных транзакционных ядер [12, 23] создается единая платформа данных в банковской деятельности, позволяющая банкам в режиме реального времени быстро и централизованно использовать информацию из различных систем, в том числе осуществлять транзакции с ценными бумагами, производными финансовыми инструментами и т.д.

В России набирает популярность проведение операций с ценными бумагами (в частности, с облигациями), при помощи технологии блокчейн [2], [7, 794], [8, 45], [14], а также осуществляется переход на использование смарт-контрактов на базе технологии распределенных реестров [6]. Использование технологий распределенного реестра позволяет [2, 10–19]:

- расширить обслуживание существующей и потенциальной клиентской базы на основе улучшения внутренних и внутриотраслевых процессов;
- создавать новые финансовые продукты;
- поддерживать инфраструктуру рынка ценных бумаг;
- решать проблемы нарушения прав собственности;
- и др.

Использование смартфонов в качестве мультибиометрических устройств и биометрических технологий (голосовые технологии, технологии нейросетевой системы распознавания лиц при повторном обращении клиента в отделение банка в процессе кредитования и др.) позволяет многократно увеличить мобильные платежи [10].

При участии Банка России обеспечивается нормативно-правовая основа для процессов электронного взаимодействия участников финансового рынка: разрабатываются федеральные законы, одобряются дорожные карты мероприятий по развитию цифровых технологий и др. [3; 11]. В результате достигнуто (табл. 1):

- информационное взаимодействие между Банком России и участниками финансового рынка (кредитными и некредитными организациями) посредством единого личного кабинета участника информационного обмена;
- внедрение единой системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) и ЕПГУ;
- осуществление дистанционного кредитования клиентов;
- развитие механизмов управления банковскими счетами корпоративных клиентов в электронном виде;
- внедрение сервиса проведения ИСО на базе платформы посредством блокчейна;
- и др.

В продолжение исследования факторов, влияющих на объемы «...сбережений населения во вкладах, ценных бумагах и наличных деньгах...» в Чеченской республике [4, 125–126], в целях выявления влияния цифровизации финансового рынка на направления формирования сбережений населения региона, характеризующегося признаками развития первичного рынка ценных бумаг, осуществлена сравнительная оценка достигнутого уровня развития цифровых технологий и его влияния на активность частного инвестора на рынке банковских услуг и рынке ценных бумаг.

Таблица 1

Основные направления обеспечения Банком России условий внедрения и применения цифровых технологий на финансовом рынке

	Технические возможности/ условия	Характеристика/результат
Осуществление дистанционного кредитования клиентов	Удаленная идентификация клиента в банке	- о Обеспечение хранения и обработки биометрических данных (3250 точек в 61 банке во всех субъектах РФ) [10]; - о Повышение финансовой грамотности, снижение издержек на финансовом рынке
Продвижение внедрения инновационных продуктов, услуг и технологий на финансовом рынке посредством регулятивной «песочницы»	1) Утверждение Банком России порядка работы регулятивной «песочницы»; 2) Создание Экспертного совета участников финансового рынка; 3) Создание Межведомственного экспертного совета	- о Выявление рисков; - о Создание правовых и технологических условий внедрения финансовых сервисов и технологий
Создание и функционирование системы быстрых платежей (СБП)	- о Внесение изменений в нормативные акты Банка России; - о Утверждение тарифов на услуги СБП;	Возможность осуществления платежей в режиме реального времени между физлицами
Координация работы по созданию системы «маркетплейс»	Обеспечение сделок с использованием электронной платформы законодательной основой	Возможность получения участниками финансового рынка сервиса от других финансовых организаций через «единое окно»

Возросшие затраты на информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) в 2017–2018 гг. в регионах Северо-Кавказского федерального округа привели к тому, что:

– доля организаций, использующих сеть Интернет в целях осуществления банковских и финансовых операций, растет по всем регионам (за исключением Ставропольского края). В целом по СКФО данный показатель составил в 2018 году 54,9 % (рассчитано на основе [5]). В Чеченской республике данный показатель вырос с 36,2 % до 39,8 %.

– в целом по СКФО наблюдается снижение относительных показателей по организациям, использующим цифровые технологии (электронный обмен данными, технологии автоматической идентификации, облачные технологии и др.) (табл. 2). Чеченская республика характеризуется низкими по сравнению с другими регионами СКФО значениями рассматриваемых показателей.

Сравнительный анализ относительных показателей (и их отклонений) за анализируемый период по доходам от вложений денежных средств в ценные бумаги, а также на банковские счета показывает, что (табл. 3):

– за 2017–2018 гг. выросла доля дивидендных выплат по долевым ценным бумагам по всем субъектам СКФО, за исключением Карачаево-Черкесской республики, где уровень данного показателя снизился на 27,3 %. Что касается Чеченской республики, данный показатель вырос на 7,8 % и составил в 2018 году 9,6 %;

– как по СКФО в целом, так и по большинству его субъектов наблюдается снижение доли доходов от владения государственными и другими ценными бумагами в общей сумме доходов от собственности. Основным фактором, повлекшим за собой отрицательное изменение данного показателя по СКФО в целом, является снижение удельного веса процентного дохода в общей сумме доходов от собственности в Чеченской республике на 12,2% в 2018 году;

– среди доходов от собственности преобладают доходы, полученные от размещения денежных средств на банковских счетах в кредитных организациях. Это наблюдается по всем субъектам СКФО в 2017 и 2018 годах (рис. 1).

Таблица 2

**Организации, использовавшие цифровые технологии в 2017–2018гг,
% от общего числа организаций**

	Электронный обмен данными между своими и внешними информационными системами		Технологии автоматической идентификации объектов (RFID)		Облачные технологии [13]	
	2017	2018	2017	2018	2017	2018
Северо-Кавказский федеральный округ	55,3	54,2	3,6	3,4	22,1	21,2
Республика Дагестан	42,8	40,0	1,7	2,1	17,0	13,0
Республика Ингушетия	73,0	73,2	2,4	2,6	30,1	30,6
Кабардино-Балкарская Республика	51,7	51,6	3,0	2,6	24,1	33,1
Карачаево-Черкесская Республика	65,3	64,4	5,0	3,5	25,1	25,0
Респ. Северная Осетия-Алания	52,6	57,0	3,6	4,0	21,8	24,0
Чеченская Республика	39,0	40,0	2,7	2,7	19,5	15,0
Ставропольский край	72,5	72,0	5,6	5,0	26,0	28,0

Примечание: составлена на основе: Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019» [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210>

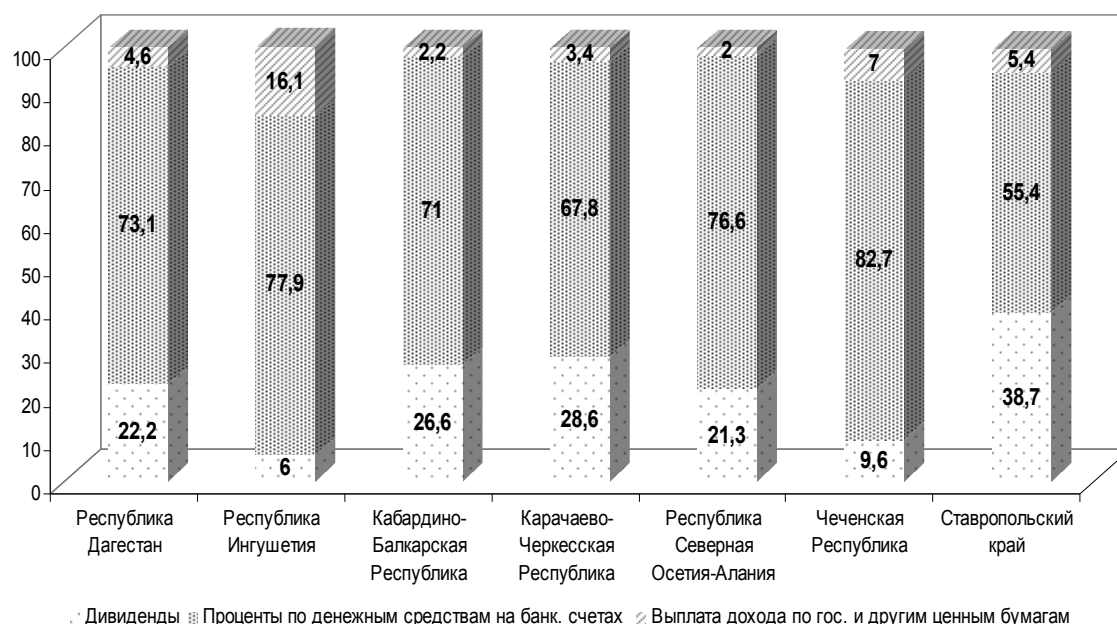
Таблица 3

**Сравнительный анализ отклонений в структуре доходов
населения Чеченской республики от собственности**

	Доходы от собственности, всего	Дивиденды	Проценты по денежным средствам на банк. счетах	Выплата дохода по госуд. и др. цен. бумагам
СКФО	100	1,7	1,6	-3,5
Республика Дагестан	100	6,4	-6,5	0
Республика Ингушетия	100	0,8	-3,4	2,6
Кабардино-Балкарская Республика	100	13,5	-11,5	-2,1
Карачаево-Черкесская Республика	100	-27,3	26,9	0,3
Республика Сев. Осетия-Алания	100	7,3	-5,7	-1,7
Чеченская Республика	100	7,8	3,9	-12,2
Ставропольский край	100	1,9	2,4	-4,5

Примечание: составлена на основе: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/

Ранжирование субъектов СКФО по относительным показателям дохода от долевого и долговых ценных бумаг в 2018 году показывает, что Чеченская республика занимает 6 место по уровню доходов в виде дивидендов и 1 место – в виде процентов по государственным и др. ценным бумагам несмотря на то, что в республике наблюдается снижение удельного веса доходов по ним в общей сумме доходов от собственности (табл. 5).

Составлено на основе: Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/>

Рис. 1. Структура доходов от собственности в субъектах СКФО в 2018 году

Таблица 5

Ранжирование субъектов СКФО по относительным показателям дохода от долевых и долговых ценных бумаг в 2018 году

Субъект СКФО	Удельный вес дохода в виде дивидендов в общей сумме доходов от собственности	Место субъекта в рейтинге	Субъект СКФО	Удельный вес процентного дохода по гос. и др. ценным бумагам в общей сумме доходов от собственности	Место субъекта в рейтинге
Ставропольский край	38,7	1	Республика Ингушетия	16,1	1
Карачаево-Черкесская Респ.	28,6	2	Чеченская Республика	7,0	2
Кабардино-Балкарская Респ.	26,6	3	Ставропольский край	5,4	3
Респ. Дагестан	22,2	4	Республика Дагестан	4,6	4
Респ. Северная Осетия-Алания	21,3	5	Карачаево-Черкесская Респ.	3,4	5
Чеченская Республика	9,6	6	Кабардино-Балкарская Респ.	2,2	6
Республика Ингушетия	6,0	7	Респ. Северная Осетия-Алания	2,0	7

Примечание: составлено по результатам исследования.

Таким образом, процессы внедрения и использования цифровых технологий оказывают преобладающее влияние на рынок банковских услуг. Что касается развития первичного рынка ценных бумаг, то результаты анализа свидетельствуют о повышении интереса индивидуальных инвесторов к вложениям средств в долевые ценные бумаги: в 2018 году произошла переориентация населения Чеченской республики (а также большинства субъектов СКФО), участвующего в инвестиционных процессах, с вложений в государственные и другие ценные бумаги на

вложения в долевые ценные бумаги. Кроме того, причиной снижения удельного веса процентных доходов от государственных ценных бумаг в общей сумме доходов от собственности является расширение спектра финансовых услуг кредитных организаций для населения. Это связано с ростом доли организаций, использовавших сеть Интернет в целях осуществления банковских и финансовых операций, а также общего количества счетов с дистанционным доступом за период 01.01.2015-01.01.2020 в 1,8 раза: с 417,3 тыс. до 771,5 тыс.

Все субъекты СКФО характеризуются высоким удельным весом доходов по денежным средствам, вложенным в банк. Но в то же время, процессы внедрения и использования цифровых технологий на финансовом рынке способствуют расширению круга инвесторов на рынке ценных бумаг, увеличению объемов операций индивидуальных инвесторов на сегменте долевых ценных бумаг.

Литература

1. Годовой отчет Банка России. 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/19699/ar_2018.pdf
2. Горбунова М. В. Обзор проблем внедрения технологии распределенного реестра // Информационно-управляющие системы. 2020. № 2. С. 10–19.
3. Доклад для общественных консультаций «Вопросы и направления развития регуляторных и надзорных технологий (RegTech и SupTech) на финансовом рынке в России» [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/analytics/fintekh/doklad_16102018/
4. Демильханова Б.А. Персональные финансы как первичное звено финансовой системы региона и факторы их формирования // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. № 3. С. 121–126.
5. Информационное общество в Российской Федерации, 2019: статистический сборник. М. НИУ ВШЭ, 2019. С. 170.
6. Использование смарт-контрактов в торговле на биржевом рынке Аналитический обзор по теме «Смарт-контракты» [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/47862/SmartKontrakt_18-10.pdf
7. Корнилова Е.В. Технология blockchain и возможности ее использования в финансовой сфере // Финансы и кредит, 2019. Т.25. Вып. 4. С. 789–803.
8. Лукасевич И.Я. ICO как инструмент финансирования бизнеса: мифы и реальность // Экономика. Налоги. Право. 2018. Т. 11. № 2. С. 41–51 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ico-kak-instrument-finansirovaniya-biznesa-mify-i-realnost/>
9. Налоговые службы СНГ будут обмениваться информацией по защищенным каналам // Вестник информационной безопасности. 2020. №3.
10. Обзор международного рынка биометрических технологий и их применение в финансовом секторе [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/36012/rev_bio.pdf
11. Обзор регулирования финансовых рынков [Электронный ресурс]. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/36014/ai_n.pdf
12. Платформа данных на основе Tarantool // Мир больших данных (Bigdata). 2018. № 9.
13. Применение облачных технологий на финансовом рынке [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/content/document/file/59559/consultation_paper_181218.pdf
14. Соловьев Д. Цифровизация инфраструктуры рынка ценных бумаг // Рынок ценных бумаг. 2014. №4. С. 21–23.
15. Тропин А.И. Использование робоэдвайзеров российскими банками, брокерами и управляющими компаниями // Банковское дело. 2020. № 4. С. 58–61.

Анализ показателей оценки эффективности цифровой трансформации экономики

Analysis of Indicators for Evaluating the Effectiveness of Digital Transformation of the Economy

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.36)

М. ХАДЖИЕВ, Х. МЕЖИЕВА, З. ТЕСАЕВА

Хаджиев Марат Рамзанович, канд. экон. наук, доцент кафедры «Финансы, кредит и антимонопольное регулирование» Института экономики и финансов (ИЭФ) Чеченского государственного университета. E-mail: marat99@gmail.com

Межиева Хадиджат Балаудиновна, магистрант ИЭФ Чеченского государственного университета. E-mail: hadimezhieva@mail.com

Тесаева Заира Ильясовна, магистрант ИЭФ Чеченского государственного университета. E-mail: zairatess@mail.com

В статье анализируется широкий спектр показателей расчета индексов состояния цифровой экономики. Выявлены причины отставания в развитии цифровой экономики России от стран-лидеров. Предложен механизм структурных изменений и определения приоритетов для дальнейшего развития цифровой экономики России.

Ключевые слова: блокчейн, индексы, цифровая экономика, цифровизация, цифровые технологии.

The article analyzes a wide range of indicators for calculating indices of the state of the digital economy. The reasons for the lag in the development of the digital economy in Russia from the leading countries are revealed. A mechanism for structural changes and determining priorities for the further development of the digital economy in Russia is proposed.

Key words: blockchain, indexes, digital economy, digitalization, digital technologies.

Цифровая экономика – одна из самых актуальных тем современности. Она начала своё развитие не так давно, в конце XX века. Её появление связано с цифровизацией всех отраслей науки. В современных условиях мировая экономика претерпевает кардинальную трансформацию под влиянием распространяющихся цифровых технологий, при этом изменяется сама концепция ее развития. Цифровизации как экономики, так и общества создает новые средства для решения глобальных проблем развития, однако существует опасность того, что цифровые преобразования будут благоприятствовать в первую очередь странам, хорошо подготовленным к созданию и накоплению ценностей в цифровую эпоху, нежели будут способствовать более инклюзивному развитию.

Быстрое и стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий определяет вектор трансформации мировой экономики, однако разрыв в цифровой трансформации в экономике разных странах отличается, и зачастую очень сильно.

Одной из особенностей последнего десятилетия является резко возросший объем информации, получаемой с использованием Интернета, в том числе увеличилось в разы использование искусственного интеллекта, облачных вычислений и построение новых цифровых бизнес-моделей. Роль и значение цифровизации увеличиваются с ростом количества технологических устройств, пользующихся Интернетом – и, соответственно, ростом количества людей, применяющих эти устройства как в работе, так и в повседневной жизни.

Преобразующая сила данных для экономического и социального взаимодействия заставляет правительства, бизнес и людей адаптироваться, чтобы воспользоваться появляющимися возможностями, а также справиться с существующими рисками цифровой трансформации. Понятие «цифровая экономика» стало общепринятым для описания цифровых технологий, изменяющих модели производства и потребления. Хотя изначально цифровая экономика была

ориентирована на развитые страны, последствия ее распространения носят глобальный характер, и все в большей степени затрагивают развивающиеся страны во многих отношениях. Таким образом, при анализе цифровой экономики необходимо уделять серьезное внимание аспектам показателей ее развития.

На современном этапе развития в мировой и российской практике накоплен определенный опыт измерения уровня развития и использования цифровых технологий. Однако точная количественная оценка социально-экономических эффектов, являющихся результатом цифровой трансформации, усложняется по причине невозможности их фиксации в краткосрочном периоде. Достаточно сложно дифференцировать результаты, вызванные непосредственно цифровой трансформацией, а не другими явлениями, сопровождающими развитие цифрового сектора экономики.

Очередной этап развития цифровизации в масштабе национального сектора экономики необходимо поддержать интеграцией разнородных систем различных ведомств и регионов, а также внедрением по всей стране успешных интероперабельных региональных решений. Такая концепция предполагает пилотное внедрение и проверку на практике прорывных решений в отдельно взятом регионе РФ, а также их дальнейшее применение в качестве типовых при разработке государственных цифровых систем.

Можно сказать, что цифровая экономика выступает основой современного развития страны в целом, влияя как отдельно на банковскую и розничную торговлю, транспортные сети, энергетику, систему образования и здравоохранения, так и на все отрасли жизни общества в целом. Цифровые технологии, входящие в информационно-коммуникационную группу, включают в себя множество разнообразных наработок и инструментов, начиная с датчиков и заканчивая теориями, которые обосновывают сферу наиболее выгодного применения необходимой структуры создания программного обеспечения.

В первую по важности группу технологий входят:

- Облачные хранилища данных;
- Большие данные (BigData);
- Интернет вещей;
- Мобильные устройства.

Во вторую:

- Блокчейн-технологии;
- Роботы;
- Искусственный интеллект;
- Анализ больших данных.

Необходимо отметить, что некоторые специалисты акцентируют внимание и на тех цифровых технологиях, которые также оказывают определенное влияние на построение цифровой экономики, хотя и не такое значительное по сравнению с вышеуказанной классификацией технологий по группам. Однако все же по мнению большинства специалистов, основой, определяющей дальнейшее развитие и построение цифровой экономики, выступает цифровая платформа.

В международных аналитических исследованиях описываются рейтинги, оценивающие развитие цифровой экономики в странах мира. Разные консалтинговые организации и рейтинговые агентства, используя специальные, зачастую уникальные методики расчета, определяют положение национальных экономик и их место в глобальном пространстве. При этом сами методики расчетов неидеальны: например, старейший показатель, используемый для оценки развития информационного общества – Индекс развития ИКТ – последний раз был рассчитан в 2017 году (в 2018 году Международный союз электросвязи изменил набор показателей для расчета, что усложнило процесс сбора данных, поэтому в последние два года данный индекс не рассчитывается) [3].

Расчет значений индексов ведется в зависимости от минимального и максимального значений показателя, достигнутых странами в отчетном году. Потому достигнутое национальной

экономикой численное значение индекса не является абсолютным показателем, а показывает положение страны в данный момент в сфере развития цифровых инструментов.

В таблице представлена характеристика исходных показателей для расчета индексов по разным методикам оценки состояния цифровой экономики в стране.

Характеристика исходных показателей для расчета индексов состояния цифровой экономики в стране [5]

Индекс	Исходные показатели
IDI Development Index (Индекс развития информационно-коммуникационных технологий)	Количество подключенных к стационарным линиям телефонной связи человек, в расчете на 100 человек
	Количество подключенных к мобильной связи жителей страны, в расчете на 100 человек
	Пропускная способность сети Интернет
	Количество домашних хозяйств, имеющих в пользовании компьютер
	Количество домашних хозяйств, имеющих доступ в Интернет
	Количество жителей страны, подключенных к Интернету
	Количество жителей страны, пользующихся доступом к стационарному широкополосному Интернету, в расчете на 100 человек
	Количество пользователей мобильного широкополосного доступа в Интернет, в расчете на 100 человек
	Средняя продолжительность обучения
	Количество обучающихся в образовательных организациях среднего профессионального образования по отношению к общей численности населения
	Количество обучающихся в образовательных организациях высшего образования по отношению к общей численности населения
EIDES The European Index of Digital Entrepreneurship Systems (Европейский индекс систем цифрового предпринимательства)	Развитие сети стационарного и мобильного широкополосного доступа в Интернет
	Доля граждан страны, имеющих навыки взаимодействия с Интернет-сервисами
	Количество времени, проведенного пользователями в сети Интернет и активность действий населения в Интернете
	Активность онлайн-торговли
	Объем государственных услуг, предоставляемых в цифровом виде
WDCI World Digital Competitiveness ranking (Индекс мировой цифровой конкурентоспособности)	Творчество и компетенции
	Возможность получения образования
	Наличие научной инфраструктуры
	Правовые аспекты
	Финансовые ресурсы
	Уровень развития НТП
	Возможность воспринимать изменения бизнесом и населением
	Гибкость управления бизнесом
DEI Digital Evolution Index (Индекс цифровой эволюции)	IT-концентрация
	Уровень освоения цифрового пространства соответствующими продуктами и услугами
	Уровень реального использования потребителями цифровых ресурсов для удовлетворения своих потребностей
	Количество инфраструктурных и обеспечивающих организаций в цифровой среде
e-Intensity (Индекс цифровизации экономики)	Возможности для развития инновационной политики в цифровой сфере
	Количество провайдеров интернет-услуг и качество предоставляемого доступа к сети Интернет
	Затраты потребителей и предприятий на электронную коммерцию
	Вовлеченность потребителей, предприятий и органов государственной власти в использование цифровых технологий

NRI Networked Readiness Index (Индекс сетевой готовности)	Законы и законодательные акты страны, способствующие развитию цифровых инструментов
	Развитие цифровых бизнес-компетенций предприятий и организаций
	Благоприятный инвестиционный климат в стране
	Наличие обеспечивающих благоприятное развитие цифровой среды организаций
	Актуальный, полезный и интересный контент цифровых ресурсов
	Использование ИКТ органами государственной власти
	Использование ИКТ предприятиями и организациями
	Использование ИКТ жителями страны
	Изменения в экономике страны
	Изменения в общественной жизни страны
EGDI E-Government Development Index (Индекс развития электронного правительства)	Наличие и степень развитости цифровых услуг
	Развитость IT-инфраструктуры
	Процент грамотности среди взрослого населения страны
	Процент населения, получившего начальное, среднее или высшее образование
	Среднее количество лет получения образования в стране одним жителем
EPART E-Participation Index (Индекс электронного участия)	Степень электронного информирования граждан органами государственной власти с помощью официальных сайтов, аккаунтов в социальных сетях, списков рассылки, подкастов и чатов
	Степень привлечения населения к участию и обсуждению вопросов государственной политики с помощью онлайн-опросов, электронного голосования, приема обращений в электронном виде
	Степень участия граждан в обсуждении и решении социальных и политических проблем с использованием различных онлайн-инструментов
GCI Global Connectivity Index (Индекс сетевого взаимодействия)	Степень внедрения технологий предоставления высокоскоростного широкополосного Интернета
	Наличие в стране Data-центров по хранению и обработке больших объемов данных
	Использование облачных сервисов хранения данных
	Наличие связанных между собой устройств в Интернете вещей

Важно отметить, что практически во всех представленных индексах оценивается именно технологическая, инфраструктурная, коммуникационная и информационная готовность национальной экономики к внедрению инструментов цифровой экономики [2].

Очень много внимания уделяется количеству абонентов, подключенных к стационарной и мобильной связи, скорости интернет-соединения, уровню грамотности среди населения, средней длительности процесса получения образования населением, проценту граждан, получающих начальное, среднее и высшее образование [1].

Но уровень развития цифровой экономики в стране определяют не только потенциальные возможности к трансформации, но и реально достигнутые успехи в использовании сквозных технологий, искусственного интеллекта, облачных вычислений и других современных информационно-коммуникационных технологий. Этому требованию больше соответствуют индекс сетевого взаимодействия и индекс электронного участия [4].

Можно сделать вывод, что изучение существующих индексов, определяющих цифровое развитие национальных экономик, дает информацию для дальнейшего проведения процесса трансформации экономики страны и определяет направления совершенствования методики расчета индексов с учетом реального внедрения цифровых инструментов. В основном Россия отстает в развитии цифровой экономики от стран-лидеров. Причинами такой ситуации являются не совсем неподходящая обстановка ведения бизнеса и внедрения инноваций в производство, недостаточно высокий уровень цифровых технологий, применяемых в бизнесе [6].

Тем не менее, для развития цифровой экономики в России есть необходимые предпосылки, а их дальнейшая эволюция внесет структурные изменения в различные области российской экономики.

Во-первых, важно отметить, что цифровые технологии оказывают влияние на развитие и пересмотр отношений бизнеса и государства, однако отсутствие сегодня слаженных действий последних с научным сообществом является сдерживающим фактором.

Во-вторых, развитие цифровой экономики подразумевает необходимость для цифровой индустрии производить и поддерживать продукты высокого качества. В целях обеспечения развития цифровой индустрии следует: определить в образовании приоритеты в области инженерных и строительных технологий, математики, физики; повысить стимулирование граждан и бизнеса к использованию цифровых технологий.

В-третьих, необходима разработка унифицированных методик измерения показателей эффективности цифровой экономики, исходя из поставленных задач и целей.

Литература

1. Быстрова А.А. Цифровое государство и перспективы развития экономики России // Экономика. Бизнес. Финансы. 2019. № 11. С. 30–34.
2. Малащицкий Д.Н. Экономика России в цифровую эпоху // В сборнике: Анализ социально-экономического состояния и перспектив развития Российской Федерации. Материалы 6-й Международной студенческой научно-практической конференции. Государственный университет управления. 2019. С. 39–41.
3. Мирземетова С.Р., Горбенко Л.И. Значение развития цифровой экономики в России // В сборнике: Экономический рост как основа устойчивого развития России. Сборник научных статей 4-ой Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х томах. 2019. С. 60–62.
4. Хузина Р.Р. Цифровая экономика в России // Синергия Наук. 2020. № 43. С. 151–157.
5. Юзефов В.С. Цифровая экономика в России // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 4-2. С. 44–46.
6. Khadzhiev M.R., Tsakaev A.Kh. Tax transformation vector in digitalization environment // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences (EpSBS). 2019. Pp. 1536-1542. DOI: 10.15405/epsbs.2019.12.04.209

Экономическая безопасность и защита информации в эпоху цифровизации

Economic Security and Information Protection in the Era of Digitalization

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.37)

С. ПУПЕНЦОВА, В. КОЛОТОВ

Пупенцова Светлана Валентиновна, канд. экон. наук, доцент Высшей школы управления и бизнеса Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Политеха). E-mail: pupentsova_sv@spbstu.ru

Колотов Владислав Ильич, магистрант Высшей школы управления и бизнеса Политеха. E-mail: kolotov.vi@edu.spbstu.ru

В современном мире, который характеризуется цифровизационными процессами, деятельность любого хозяйствующего субъекта сопровождается многочисленными угрозами для благополучной реализации его целей. Следуя определенным законам, руководство организации стремится оградиться от этих факторов, минимизировать их воздействие или вовсе избежать таковых.

Поскольку развитие экономики и общества не стоит на месте, то и угрозы также эволюционируют, причем каждый раз одна и та же угроза может по-новому воздействовать на деятельность организации. Именно это обстоятельство вынуждает организацию беспрестанно отслеживать все возможные варианты угроз, и проводить мероприятия по их профилактике, предупреждению и устранению.

Ключевые слова: риски, экономическая безопасность, информационная безопасность, система защиты информации, служба безопасности организации.

In the modern world, which is characterized by digitalization processes, the activity of any economic entity is accompanied by numerous threats to the successful implementation of its goals. Following certain laws, the organization's management strives to protect itself from these factors, minimize their impact, or avoid them altogether.

Since the development of the economy and society does not stand still, threats also evolve, and each time the same threat can have a new impact on the organization's activities. It is this circumstance that influences the fact that the organization constantly monitors all possible variants of threats, and takes measures to prevent, prevent and eliminate them.

Key words: risks, economic security, information security, information security system, organization security service.

В хозяйственной деятельности предприятия любого уровня бизнеса возникают обстоятельства, результатом которых могут стать риски: это и бизнес-риски, и стратегические риски, и политико-экономические риски, отраслевые риски, и репутационные, риски качества, и финансовые риски, и комплаенс-риски, и риски обеспечивающей деятельности, и риски информационной и экономической безопасности и другие. Экономическая и информационная безопасность является объектом данного исследования.

Повышение темпов изменений современного общества, глобализация, информатизация и обострение конкурентной борьбы актуализируют проблему обеспечения экономической безопасности бизнеса, повышения эффективности его деятельности и снижения рисков.

Согласно Федеральному закону от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности», главной целью обеспечения экономической безопасности организации является достижение максимальной стабильности функционирования, а также создание основы и перспектив роста вне зависимости от объективных и субъективных угрожающих факторов, что в современных финансовых условиях является весьма актуальным [10].

Обеспечение высокого уровня экономической безопасности организации строится на обеспечении стабильности. Для достижения этой цели организация проводит анализ эффективности функционирования финансовой службы, информационной безопасности, технико-технологической составляющей, кадровой службы и нормативно-правовой составляющей.

В основе понятия экономической безопасности лежит понятие «угроза». В разных словарях данный термин предстает перед нами с различных своих сторон, в зависимости от сферы его употребления. Но существует, на взгляд авторов, одно, самое точное определение, подходящее именно в рамках данного исследования: угроза – это что-либо, имеющее возможность использовать уязвимость. Любая возможная причина инцидента может быть рассмотрена как угроза [5]. Иными словами, если в организации существует какая-либо уязвимость, то любое действие (предмет, существо и пр.), способное использовать данную уязвимость с целью нанесения вреда, и есть угроза.

Помимо данного определения, можно сказать, что угроза – это какое-либо изменение во внутренней или внешней среде, которое может привести к нежелательным последствиям. Исходя из этого, угрозы подразделяются на внешние и внутренние.

Внешние угрозы могут представлять собой политическое воздействие на организацию, введение санкций в отношении нее. Ослабление курса национальной валюты оказывает резко негативное воздействие на банковский сектор, так как граждане страны не стремятся открывать вклады в национальной валюте. Неблагоприятное экологическое воздействие, несмотря на то, что данный фактор часто недооценивают, или вовсе не учитывают, также является внешним источником угроз [4].

Внутренними угрозами могут выступать эмоциональный фон внутри организации, слаженность работы персонала, его лояльность к руководству, и так далее. Одним из самых важных факторов является уровень корпоративного мошенничества. Борьба с данной угрозой должна занимать одну из лидирующих строчек в технологиях обеспечения защиты от угроз экономической безопасности [8].

Наряду с данной классификацией, угрозы также делят на реальные (уже свершившиеся) и потенциальные, целенаправленно создаваемые и возникающие стихийно [13].

Чтобы минимизировать количество данных видов угроз, организация должна создавать и развивать все возможные методы поиска и устранения данных уязвимостей.

Для обеспечения какой бы то ни было безопасности должны применяться определенные технологии защиты от угроз, которые относятся к сфере практической деятельности службы экономической безопасности, основанной на использовании типовых схем, процедур и действий. Следует отметить, что технология – это алгоритм действий службы безопасности при возникновении угроз экономической безопасности организации.

Рис. 1. Комплекс мероприятий, направленных на устранение угроз экономической безопасности [7]

На рисунке 1 показана четкая структура действий указанной технологии.

Система предупредительных (превентивных) мер включает в себя работу по изучению возможных контрагентов, анализ условий договоров, защиту информационных систем внутри организации (компьютерных и физических носителей информации), комплекс правил работы с конфиденциальной информацией и т.д. Этот этап, основанный на постоянно действующей системе организационных мероприятий, осуществляется непрерывно и на протяжении всего времени деятельности организации, благодаря чему обеспечивается экономическая безопасность [14].

При разработке и осуществлении деятельности по обеспечению экономической безопасности (ЭБ) чрезвычайно важно учитывать тот факт, что сотрудники, занимающиеся данным процессом, должны постоянно взаимодействовать с правоохранительными органами. Указанное взаимодействие может проявляться в следующих направлениях:

1. Кадровое – проверка сотрудниками правоохранительных органов людей, собирающихся работать в организации; предоставление информации работодателями о нарушениях, осуществленных конкретными лицами; переподготовка или профилактические тренинги сотрудников ЭБ правоохранительными органами [15];

2. Информационное – двусторонний обмен информацией о появлении новых видов преступлений, оповещение о лицах, предоставляющих угрозу, находящихся в розыске [11];

3. Организационное – совместная работа организации и правоохранительных органов по противодействию противоправной деятельности лиц (как физических, так и юридических), заключающаяся в организации охраны, установке сигнализаций, систем быстрого оповещения органов о совершающемся преступлении в реальный момент времени [7].

Благодаря данной системе, структурное подразделение, занимающееся обеспечением экономической безопасности, при обнаружении факта или непосредственного совершения правонарушения в организации, сообщает о данном действии правоохранительным органам, подает заявление. Если в данных деяниях имеются признаки состава преступлений, указанных в Уголовном Кодексе Российской Федерации, возбуждается уголовное дело. По итогам расследования устанавливается размер нанесенного ущерба (если таковой имеется) и выносится решение суда, следуя которому, виновное лицо будет обязано выплатить данный ущерб, либо отбыть наказание в исправительном учреждении.

Система экономической безопасности финансируется за счет собственных средств организации. Работа такой службы находится под контролем руководства. Службы внутреннего контроля могут носить различные названия, но их задачи заключаются в обеспечении защиты от угроз экономической безопасности [1; 6].

Эффективность службы безопасности зависит от правильной организации ее деятельности и от грамотного взаимодействия с другими структурными подразделениями организации. Помимо этого, служба безопасности взаимодействует с контрольными, надзорными и правоохранительными органами. В своей деятельности служба безопасности применяет как гласные методы, так и негласные, которые при этом не нарушают конституционные права граждан (например, использование скрытых камер видеонаблюдения) [3].

В основе системы обеспечения безопасности лежат средства и методы, которые совершенствуются по мере их применения. Создание такой системы начинается с разработки пакета нормативной и методической документации. Такая система – концепция безопасности – содержит следующие элементы (рис. 2).

Наличие такой концепции безопасности, содержащей пакет нормативных документов, позволяет совершенствовать меры для защиты от угроз.

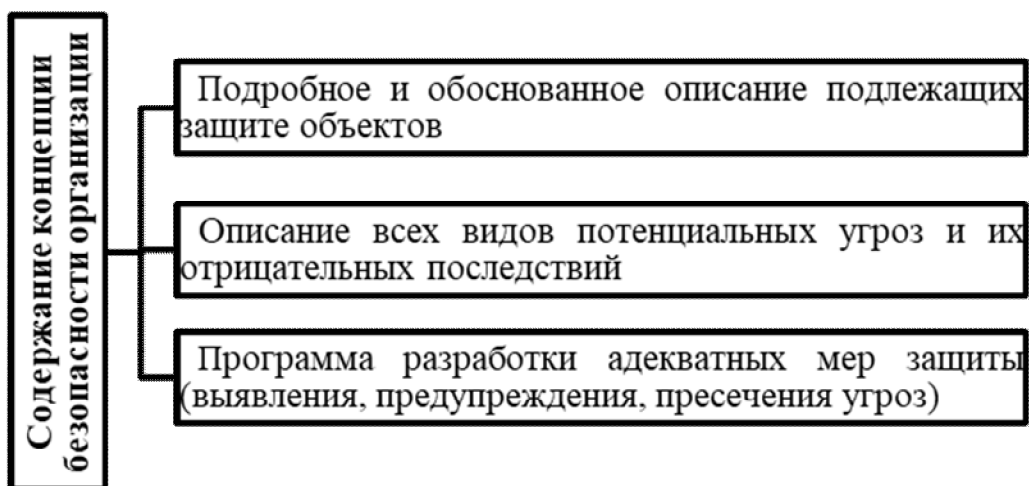

Рис. 2. Структура Концепции безопасности организации [14]

Как было сказано ранее, служба безопасности использует различные методы. Методом называется определенная последовательность действий, направленная на осуществление определенной деятельности. Для обеспечения безопасности применяемые методы, с одной стороны, носят характер законодательного и нормативного регулирования. Ко второй группе относятся методы, направленные на реализацию законодательных и иных нормативных предписаний (рис. 3).

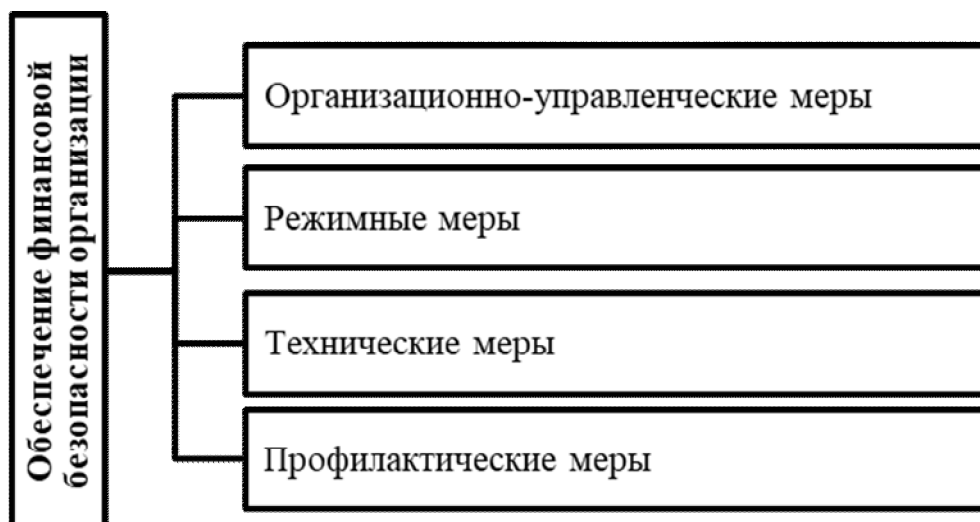

Рис. 3. Сущность финансовой безопасности организации [14]

Эти меры построены на основе нормативной базы и не нарушают права граждан. Система методов обеспечения экономической безопасности совершенствуется в процессе применения и направлена на поддержание условий для эффективной деятельности организации. Применение мер гарантирует эффективную защиту прав и интересов организации, повышение ликвидности активов.

Экономическая ситуация в Российской Федерации носит непредсказуемый характер. Законодательная база может изменяться достаточно динамично, что может повлечь за собой достаточно существенные изменения в деятельности организации или какого-либо его структурного подразделения, либо изменения содержания локальных актов [9]. В рамках деятельности служба безопасности организации проводит систематический мониторинг работы всей системы экономической безопасности.

Одной из задач службы экономической безопасности является обеспечение условий наиболее эффективного использования ресурсов организации, направленных на предотвращение угроз стабильному и эффективному функционированию и максимизации прибыли [12].

Поскольку одним из важных видов ресурса любой организации являются ее сотрудники, то одним из направлений совершенствования технологии защиты является психологическое сопровождение работы персонала: от обслуживающего персонала до топ-менеджеров. Как было сказано ранее, сотрудники умышленно могут стать источником угрозы экономической безопасности [2]. Если обратиться к психологии, то перед противоправным действием поведение человека изменяется, даже если это незаметно, например, коллегам. Именно поэтому необходимо психологическое сопровождение деятельности каждого работника организации. Этот вопрос можно решить через создание отдельного структурного подразделения – Службы психологического сопровождения, или нанять психолога, который с периодичностью один раз в квартал будет проводить мониторинг изменения поведения сотрудников и вести базу со всеми результатами, отчет по которым будет предоставляться руководству организации.

Сегодня одним из направлений управления организацией является технологическая модернизация, в содержание которой входит направление, требующее систематической работы, – программное обеспечение, которое является основой для электронного руководства.

На сегодняшний день невозможно создать программное обеспечение, которое сможет оперативно реагировать на все изменения своевременно (рис. 4).

Рис. 4. Совершенствование программного обеспечения

Согласно содержанию, деятельность по совершенствованию программного обеспечения требует постоянного мониторинга и контроля со стороны руководства организации.

Итак, в процессе деятельности любая организация может получать угрозы своей экономической безопасности. Безопасность деятельности строится на безопасности организации, ее персонала и ее деятельности. Угрозы могут возникать как из внутренней, так и из внешней среды организации.

Деятельность службы безопасности направлена на обеспечение должного уровня защиты от экономических угроз. При этом развитие современной экономики и общества несет новые экономические риски. Соответственно, деятельность службы безопасности организации также должна постоянно совершенствоваться.

Литература

1. Бабуркина А.С., Широкова С.В., Ильяшенко О.Ю. Разработка процедуры проведения аудита безопасности информационной системы для ООО «Клиника современной косметологии» // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли. Сборник трудов научной и учебно-практической конференции: в 3 частях. 2017. С. 15–22.
2. Зайченко И.М., Горшечникова П.Д., Лёвина А.И., Дубгорн А.С. Цифровая трансформация бизнеса: подходы и определение // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020. № 2. С. 205–212.
3. Зайченко И.М., Смирнова А.М. Анализ инновационных стратегий в условиях цифровой трансформации бизнеса // Научный вестник Южного института менеджмента. 2019. № 2. С. 12–17.

4. Иванова Н.Л., Пупенцова С.В. Количественный анализ рисков с помощью метода оценки последствия отказов // Организатор производства. 2017. Т. 25. № 4. С. 92–101.
5. Кобышев К.И., Иванов М.В., Кобышева М.С., Гусев В.С. Источники и факторы угроз безопасности предприятия // Инновации в государственном управлении, местном самоуправлении и непроизводственной инфраструктуре. Материалы Всероссийской научно-практической конференции к 40-летию кафедры «Управление в социально-экономических системах». 2016. С. 112–116.
6. Кобышева М.С., Иванов М.В., Кобышев К.И. Анализ сферы кибербезопасности в условиях цифровой трансформации экономики Российской Федерации // Цифровая экономика и индустрия 4.0: Форсайт Россия. Сборник трудов научно-практической конференции с зарубежным участием. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. 2020. С. 75–86.
7. Отраслевой портал IB-BANK.RU (Информационная безопасность) [Электронный ресурс]. URL: <https://ib-bank.ru>
8. Поняева И.И., Никоненко А.В., Ливинцова М.Г. Анализ подходов к управлению цифровой трансформацией в организациях // Неделя науки СПбПУ. Материалы научной конференции с международным участием. Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли. В 3-х частях. 2019. С. 40–43.
9. Пупенцова С.В. Актуальные вопросы оценки активов в трудах профессора Е.С. Озерова // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2020. № 3. С. 59–66.
10. Пупенцова С.В. Разработка основных этапов управления кибербезопасностью предприятий // Кластеризация цифровой экономики: Глобальные вызовы. Сборник трудов национальной научно-практической конференции с зарубежным участием. В 2-х томах. Под редакцией Д.Г. Родионова, А.В. Бабкина. 2020. С. 551–559.
11. Пупенцова С.В., Алексеева Н.С. Информационные технологии и ресурсы как инструмент увеличения капитализации бизнеса // Инновации. 2019. № 9. С. 115–120.
12. Солдатова К.Д., Иванов М.В. Институциональные основы обеспечения информационной безопасности в Федеральной таможенной службе // Неделя науки СПбПУ. Материалы научной конференции с международным участием. Институт промышленного менеджмента, экономики и торговли. В 3-х частях. 2019. С. 119–121.
13. Сущность и виды угроз экономической безопасности // [Электронный ресурс]. URL: <http://helpiks.org/7-11849.html>
14. Технология защиты от угроз экономической безопасности [Электронный ресурс]. URL: https://studopedia.ru/2_106233_tehnologiya-zashchiti-ot-ugroz-ekonomicheskoy-bezopasnosti.html
15. Шитова Е.С., Зайченко И.М. Анализ применения цифровых технологий для организации удаленной работы персонала // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли. Сборник трудов Всероссийской научной и учебно-практической конференции. В 3-х частях. 2020. С. 152–157.

Специфика цифровой трансформации в сфере здравоохранения

Specifics of Digital Transformation in the Healthcare Sector

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.38)

Н. РОМАНОВА

Романова Наталья Владимировна, канд. экон. наук, доцент кафедры макроэкономической политики и стратегического управления Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: nromanova_msu@mail.ru

В статье определены перспективные направления цифровой трансформации регионального здравоохранения, выявлены успешные практики внедрения цифровых технологий в регионах РФ, определены барьеры, препятствующие эффективному внедрению цифровой медицины в регионах. Определены факторы внешней среды цифрового здравоохранения, выявлен характер и степень их влияния на уровень цифровизации отрасли. Разработаны предложения по повышению эффективности внедрения цифровизации в сферу здравоохранения с учетом региональной специфики.

Ключевые слова: здравоохранение, национальная технологическая инициатива, цифровая медицина, искусственный интеллект, электронная медицинская карта, телемедицина.

The article identifies digital transformation of regional healthcare, successful practices of digital technology implementation in the regions of the Russian Federation, and some barriers that prevent the effective implementation of digital medicine in the regions. The factors of the digital healthcare environment are determined, the nature and degree of influence on the level of digitalization of the industry are revealed. Proposals have been developed to improve the effectiveness of digitalization in the health sector, taking into account regional specifics.

Key words: healthcare, national technology initiative, digital medicine, artificial intelligence, electronic medical records, telemedicine.

Одним из важнейших приоритетов развития здравоохранения во всем мире является его цифровая трансформация и внедрение передовых цифровых технологий. Цифровая трансформация – определяющий драйвер экономического роста страны и сферы здравоохранения, в частности. По оценкам McKinsey, к 2025 году цифровая экономика обеспечит в развитых странах формирование 19–34% роста их ВВП; до 50% всех рабочих операций будут автоматизированы к 2040 году. В отчете McKinsey под названием «Инновации в России – неисчерпаемый источник роста» отмечается глобальный тренд – рост расходов на здравоохранение в развитых странах, который в среднем на 1,5 % обгоняет рост ВВП [2].

Для понимания возможностей цифровой трансформации считаем целесообразным исследовать основные факторы, влияющие на эффективность и скорость внедрения новых цифровых технологий в сфере здравоохранения с учетом региональных особенностей. В этой связи регионы Российской Федерации, претендующие на лидерство в цифровизации здравоохранения, стремящиеся обеспечить высокий уровень жизни населения и охраны его здоровья, должны реализовывать государственные и частные программы, способствующие внедрению инновационных и цифровых технологий. Данные программы должны быть разработаны в рамках региональных приоритетных направлений цифровой трансформации здравоохранения, выбранных на основе факторной эконометрической модели и экспертных оценок.

Внедрение цифрового здравоохранения происходит неравномерно и его степень существенно различается в регионах России. Это обусловлено влиянием на региональном уровне ряда факторов, что во многом определяет успехи и неудачи отдельных регионов и требует различных подходов к выбору приоритетных путей цифровизации здравоохранения регионов.

Важнейшим фактором цифровой трансформации здравоохранения является наличие эффективной и мотивирующей нормативно-правовой базы. В 2014 году в Российской Федерации принята национальная технологическая инициатива (НТИ), целью которой стала разработка

комплекса мероприятий по формированию системы перспективных рынков, в том числе рынка HealthNet (рынка персонализированной медицины); в 2017 году приняты уже упомянутая программа «Цифровая экономика Российской Федерации» и государственная программа «Развитие здравоохранения» (включая проект «Создание единого цифрового контура в здравоохранении на основе единой государственной информационной системы здравоохранения (ЕГИСЗ)»), в 2019 году подписан Указ Президента РФ № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», которым утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». Целесообразно также учитывать рекомендации Всемирной организации здравоохранения по созданию благоприятных условий для внедрения цифрового здравоохранения.

Указанные нормативно-правовые акты создали базовые условия для цифровой трансформации в здравоохранении. Тем не менее, они не носят в достаточной степени конкретный характер в разрезе сфер деятельности, не учитывают региональные особенности. Негативным моментом считаем то, что не был принят проект «Цифровое здравоохранение», который предусматривал не просто автоматизацию и модернизацию здравоохранения, но и внедрение инновационных систем здравоохранения, основанных на цифровых технологиях и способах управления.

Анализ экспертных оценок, мнений ученых и собственное авторское видение позволяют обозначить контур будущего цифрового здравоохранения: лидирующий по уровню цифровизации комплекс «умных», инновационных, персонализированных медицинских технологий и сервисов, сформированный на основе специфичных региональных кластеров.

Достижение позитивного контура развития цифрового здравоохранения в целом возможно обеспечить по следующим направлениям и путям развития:

1. Завершение формирования комплексной системы электронного документооборота между лечащим врачом, медицинской организацией и пациентом. Формирование электронных медицинских карт пациентов (Electronic Health Record) с возможностями хранения информации о пациенте, ведения истории болезни, планами лечения, датами иммунизации, аллергии, рентгенологическими изображениями, результатами лабораторных анализов, с систематизацией информации о пациенте. Электронные медицинские карты ориентированы на обеспечение онлайн-доступа к информации для авторизованных пациентов и врачей.

Электронные медицинские карты способствуют взаимному обмену информацией с поставщиками медицинских услуг, лабораториями, отдельными медицинскими специалистами в других регионах и странах, аптеками, пунктами скорой помощи. Таким образом, они содержат информацию от всех медицинских учреждений, участвующих в охране и поддержании здоровья пациента. В ведущих странах внедрение электронного документооборота в здравоохранении фактически завершено. Например, в Финляндии 100% населения охвачены электронными медицинскими картами, и все граждане данной страны имеют 100% доступ к своей карте в режиме онлайн. Для ведения электронного документооборота в России создаются удобные цифровые платформы и сервисы. Так, для использования электронных медицинских карт пациентов в медицинских учреждениях разработаны такие системы, как МЕДМИС, Medesk, ONDOC и другие.

2. Развитие и применение интерактивных телемедицинских информационных технологий при консультировании пациентов и оказании медицинской помощи. Растущие подобные потребности пациентов, загруженность многих медицинских работников и учреждений, длительность оказания скорой помощи, а также нежелание посещать медицинские учреждения в условиях пандемии привели к росту услуг телемедицины во всем мире. Многие медицинские учреждения предоставляют пациентам круглосуточные медицинские консультации. Другие организации обеспечивают врачей цифровыми платформами для телемедицины (для виртуальных визитов к клиентам).

3. Применение искусственного интеллекта и технологий обработки больших данных при обработке значительных объемов медицинской информации.

В мире много примеров успешной реализации данного направления: технология иммерсивной виртуальной реальности при лечении хронической боли и двигательных нарушений (Karuna, США); цифровая седация, основанная на фактических данных и виртуальной реальности в инновационном терапевтическом устройстве OncomfortSedakit (США); портативное медицинское изделие CurrentHealth с искусственным интеллектом дает врачам возможность проводить мониторинг здоровья пациента вне медицинского учреждения; исландская фирма Össur производит протезное устройство RHEO KNEE для пациентов с ампутацией бедра. RheoKnee запоминает движения пациента, автоматически адаптируясь и т.д.

4. Формирование системы персонифицированного мониторинга здоровья граждан и персонализированных медицинских услуг через формирование личного кабинета пациента. Электронные (цифровые) татуировки TechTats собирают, хранят, отправляют и получают данные, связанные со здоровьем (могут контролировать пульс, уровень кровяного давления, признаки лихорадки, уровень глюкозы или алкоголя в крови и т.д.); микрофлюидические устройства «лаборатория на чипе» выполняют химический анализ чрезвычайно малых объемов жидкостей, в том числе крови. Продукт ProteusDiscover (США) состоит из сенсоров, которые принимаются внутрь, портативного патча для ежедневного ношения датчиков, приложения на мобильном устройстве и портала провайдера. Прибор показывает информацию о состоянии здоровья человека и эффективности его медикаментозного лечения. Имеются примеры автономных имплантируемых, беспроводных датчиков для измерения давления, температуры человеческого тела.

5. Внедрение технологий «дополненной реальности» и «цифровых двойников» помогает врачам учиться выполнять опасные процедуры без тренировок на живых людях. С помощью компьютерных систем создают точные модели физической среды в движении, повторяющей реальность, что позволяет тестировать в виртуальной системе влияние потенциальных изменений на эффективность медицинской процедуры.

6. Переход на комплексные, «умные» системы управления медицинскими учреждениями, внедрение SMART-технологий. Внедрение системы «Умная клиника» или SMARTHOSPITAL, где каждый элемент гармонично взаимодействует друг с другом, где автоматизированы все клинические, управленческие и вспомогательные процессы, в том числе через механизмы Интернета вещей и единый цифровой контур.

7. Развитие и внедрение в практику 3D-технологий для восстановления и имплантации органов человека. 3D-печать используется для следующих целей:

- биопечать тканей и органов с последующей их имплантацией. Биопринтеры с помощью пипетки с компьютерным управлением наносят слои живых клеток (био-чернил) друг на друга для формирования искусственной живой ткани;

- хирургические инструменты (щипцы, гемостаты, скальпели, зажимы), также изготавливают на 3D-принтерах с более низкими производственными затратами, чем при традиционном их производстве.

- изготовления 3D-протезов в ускоренные сроки, более дешевых и максимально адаптированных под физиологию конкретного пациента.

8. Роботизация медицины. Перспективно использование микроскопических нанороботов, особенно при лечении онкологических заболеваний, удаления камней в почках, церебральной аневризмы, исправления дефектов в структуре ДНК. Через сосудистые системы и другие полости человека вводятся в организм нанороботы. Хирургический робот da Vinci Surgical System оснащен 3D-системой зрения с высоким разрешением и тонкими, гибкими подвижными инструментами, которые легко изгибаются и вращаются. Хирургический робот компании Google ориентирован на наложение швов на некоторые синтетические ткани. Есть примеры роботомедсестер, роботов в виде экзоскелетов для людей с параличом.

Данные направления и приведенные примеры являются общими для мировой и национальной систем здравоохранения. Безусловно, в различных регионах Российской Федерации имеется многолетний успешный опыт положительных практик внедрения цифровой медицины, а также свои болевые точки. Архангельская область с 1995 года активно проводит телемедицинские

консультации и является одним из лидирующих регионов по этому показателю; в Республике Башкортостан развита система управленческой отчетности, надстроенной над медицинскими системами, к тому же внедрена интернет-система «Мониторинг беременных женщин группы риска Республики Башкортостан»; московский проект построения Единой медицинской информационно-аналитической системы получил премию на престижном международном конкурсе Global mobile Gov Awards. В Краснодарском крае с 2017 года используется электронный сервис управления потоками пациентов учреждений здравоохранения, оказывающих специализированную медицинскую помощь II и III уровня. Сервис позволяет врачу-онкологу со своего рабочего места оформить направления на прием в краевой онкологический диспансер. Данные пациента попадают сразу в медицинскую информационную систему консультирующей медицинской организации без посещения регистратуры. В систему вносится и заключение врача после приема пациента. В Волгограде наиболее активно развит интернет-сервис «Запись на прием к врачу».

При этом на развитие данных направлений цифровой трансформации здравоохранения, и на уровень цифровизации медицины по регионам в целом значительное влияние оказывают факторы внешней среды. Основные факторы отражены на рисунке 1. Мы выделили шесть наиболее важных групп внешних факторов, отражающих специфику и уровень внедрения цифровой медицины в регионах.

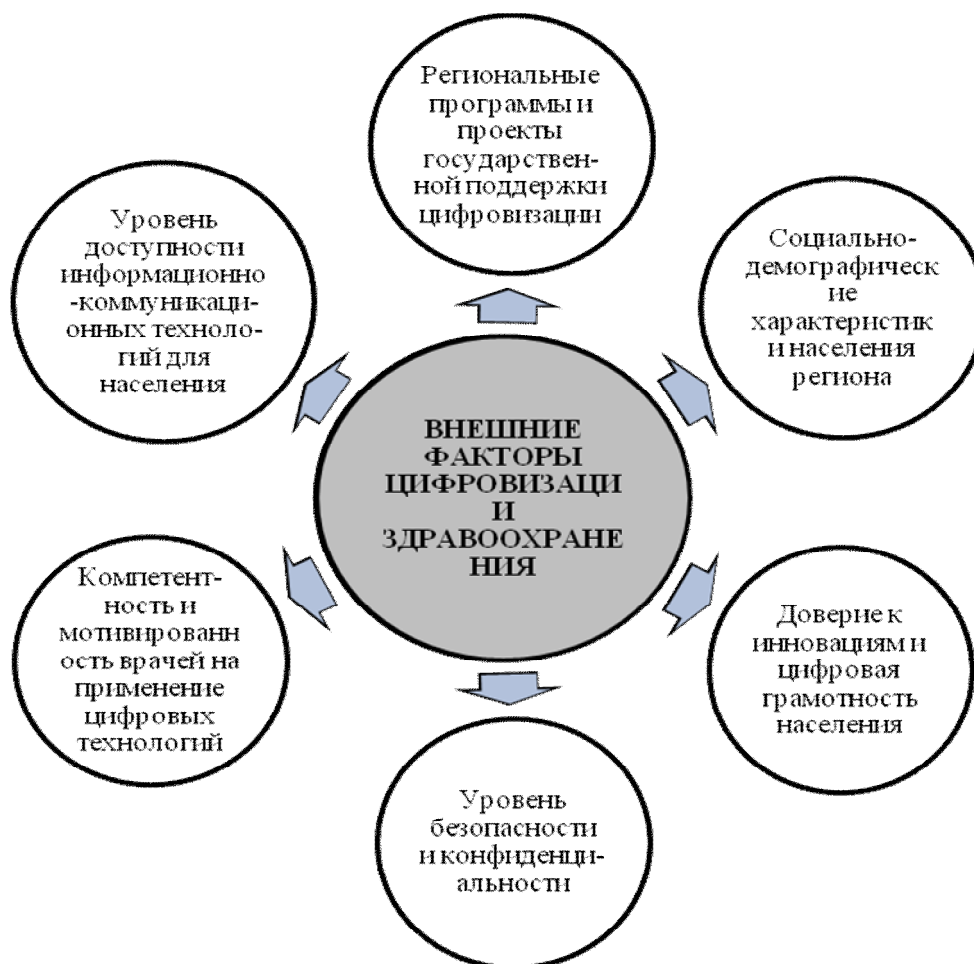

Рис. 1. Факторы, влияющие на развитие цифровой трансформации в сфере здравоохранения в регионах

Во-первых, это наличие собственных региональных программ и проектов в сфере цифрового здравоохранения, финансовая и грантовая поддержка со стороны региональных органов управления внедрения цифровых технологий. Уровень финансирования подобных проектов в различных регионах существенно различается. Кроме того, подобные проекты должны быть точечными, направленными на тиражирование успешных практик, создание точек роста цифровой медицины региона или на устранение болевых точек, проблемных мест с учетом региональной специфики.

Во-вторых, безусловно, на уровень цифровизации в сфере здравоохранения региона влияют его социально-демографические характеристики (уровень безработицы, уровень доходов, возрастной состав и плотность населения, территориальная разбросанность населенных пунктов, удельный вес городского и сельского населения и т.д.).

Регионы существенно отличаются и по уровню развития и доступности информационно-коммуникационных технологий (по степени охвата населенных пунктов и организаций сетью Интернет, по скорости доступа в Интернет и т.д.).

Немаловажное значение имеют не только технические возможности коммуникационных связей и технологический уровень, но и финансовая грамотность как врачей, так и пациентов, их цифровая компетентность, уровень доверия и вовлеченности в использование цифровых технологий. Коррелирует с данными факторами и фактор надежности предоставляемой информации, ее конфиденциальности.

Проведенный анализ показал, что реализация приоритетных направлений цифровой трансформации в сфере здравоохранения сталкивается с рядом трудностей и болевых точек: недоверие медицинского сообщества к цифровым технологиям, высокая потребность в финансовых инвестициях в условиях ограничений в бюджетах регионов и учреждений здравоохранения; неумение использовать цифровые сервисы на практике, и, как следствие, необходимость подготовки квалифицированных кадров в сфере цифровой медицины; необходимость импорта ряда инновационных технологий в условиях санкционных ограничений и другие.

В этой связи интерес вызывают результаты опроса, проведенного Аналитическим центром при Правительстве РФ в 2020 году в 70 субъектах Российской Федерации [1]. К ключевым барьерам в цифровизации экономики на региональном уровне представители региональных органов исполнительной власти отнесли, прежде всего, сложности в подготовке компетентных кадров в сфере цифровой экономики (18,8%), нормативно-правовой сфере и обеспечении бюджетов региона финансами (16,9%) (рисунок 2).

Рис. 2. – Ключевые барьеры в развитии цифровой экономики по данным Аналитического центра при Правительстве РФ

Проведенный анализ показал, что отмеченные ключевые барьеры развития цифровой экономики в целом свойственны большинству регионов России. Однако степень их приоритетности существенно отличается по регионам, этому в немалой степени способствует влияние факторов внешней среды цифровой трансформации.

В частности, показателен тот факт, что на отсутствие учета региональных особенностей в рамках декомпозиции показателей федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика РФ» указали данные 21 региона, в том числе в Костромской области, Республике Калмыкия, Новосибирской области, Курской области, Мурманской области и Республике Карелия отметили данный барьер как приоритетный.

22 регионами в качестве барьера отмечено неравенство в цифровом развитии регионов, в том числе между городскими и сельскими территориями. Основная проблема – в нерентабельности строительства и проведения коммуникационных сетей в малонаселенных и удаленных регионах. Данная проблема особо актуальна в Магаданской, Псковской, Саратовской, Тамбовской, Орловской областях, Республике Тыва и в Приморском крае. В удаленных населенных пунктах в этих регионах отсутствует широкополосный доступ к сети Интернет, ограничена зона охвата сетями связи 3G и 4G. Ограниченность в доступе к цифровым сервисам за пределами городов отмечается в Вологодской и Ленинградской областях, Республике Карелия, Республике Адыгея.

Нехватка квалифицированных цифровых кадров является болевой точкой в развитии цифровизации в 27 регионах России. Эта проблема возникает в тех регионах, где наблюдается недостаточное количество выпускников в сфере цифровой экономики, отсутствуют цифровые компетенции, навыки у значительной части работающих кадров и при этом нет желания обучиться навыкам в цифровой сфере. Наиболее ярко выражен данный барьер в таких регионах, как Республика Коми, Тульская, Амурская, Липецкая, Пензенская и Курганская области, Республика Удмуртия, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Хабаровский край.

Дефицит бюджетных средств региона на реализацию мероприятий по развитию цифровой трансформации отмечен 40 регионами как самый труднопреодолимый барьер. Низкий уровень бюджетной обеспеченности отмечается даже в развитых регионах, таких как Свердловская, Новгородская и Ленинградская области. И, конечно, данная проблема актуальна для регионов с низким ВРП (Псковская и Курганская области, Кабардино-Балкарская Республика, Ненецкий автономный округ).

Все вышеуказанные факторы, сдерживающие развитие цифровой экономики, оказывают влияние на функционирование муниципальной системы здравоохранения.

Анализ приоритетных направлений цифровой трансформации здравоохранения показал широкий горизонт применения цифровых технологий и большой спектр инновационных товаров и медицинских услуг, в особенности на зарубежных рынках. Общее направление развития цифрового здравоохранения нацелено на внедрение комплекса «умных», инновационных, персонализированных медицинских технологий и сервисов, сформированного на основе специфических региональных особенностей и обеспечивающего снижение медицинских издержек, повышение качества, доступности и персонализированности медицинских услуг.

Основными болевыми точками и барьерами в развитии цифровизации здравоохранения регионов являются: нехватка квалифицированных кадров и цифровых компетенций у руководителей и специалистов; отсутствие достаточного уровня финансирования за счет бюджета и частных инвестиций; неразвитость нормативно-правовой базы и информационно-коммуникационной инфраструктуры. При этом, несмотря на присутствие данных барьеров практически во всех регионах, степень их проявления в конкретных субъектах РФ существенно отличается.

Литература

1. Аналитический доклад. Барьеры в развитии цифровой экономики в субъектах Российской Федерации // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. М.: 2019. 36 с.
2. Алябьев С., Голощапов Д., Клинов В., Кузнецова Е., Рот Э., Сергиенко Я., Трощенко Ю., Чалабян А., Шуваев А. Инновации в России – неисчерпаемый источник роста // Центр по развитию инноваций McKinseyInnovationPractice, Июль 2018 г.
3. Вигдорчик, А. Новая модель здравоохранения: как вырваться из ловушки бесконечного роста [Электронный ресурс] / Вигдорчик А., Клинов В., Кузнецова Е. // Вестник McKinsey. № 32 (2015). URL: <http://www.vestnikmckinsey.ru/healthcare-and-pharmaceuticals/Novaya%20model%20zdravoohtaneniya/>
4. Егорова А.В. Цифровизация системы здравоохранения регионов в условиях цифровой экономики // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2018. № 1 (2). С. 256–261.
5. Ногоева Г.Д. Роль Интернета вещей (ИОТ) в цифровой трансформации экономики // Евразийское Научное Объединение. 2020. № 1-3. С. 231–234.
6. Цифровизация здравоохранения: современный контур. М.: ФГБУ «Координационный центр Межправительственной комиссии по сотрудничеству в области вычислительной техники», 2020. 32 с.
7. Шандора Н. Цифровизация системы здравоохранения: опыт и перспективы // Наука и инновации. 2020. № 2. С. 38–43.

Проблемы цифрового неравенства в сфере высшего образования

Problems of the Digital Divide in Higher Education

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.39)

3. САБИРОВА, О. СИДОРОВА

Сабирова Земфира Эмильевна, канд. экон. наук, доцент кафедры экономической теории и экономической политики Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан (БАГСУ). E-mail: zemfira-2601@mail.ru

Сидорова Ольга Викторовна, канд. экон. наук, доцент кафедры дополнительного профессионального образования БАГСУ. E-mail: sidorova_o@yahoo.com

В статье рассматриваются вопросы информационного неравенства в условиях цифровизации обучения в системе высшего образования РФ, а также проблемы цифрового неравенства в деятельности российских вузов в региональном разрезе, выделяются лидеры и аутсайдеры данного процесса, определяются проблемные территории в контексте цифровой образовательной деятельности.

Ключевые слова: цифровизация высшего образования, цифровой разрыв, цифровой след, эффект накапливаемого преимущества.

The article examines the issues of information inequality in the conditions of digitalization of education in the higher education system of the Russian Federation, as well as the problems of digital inequality in the activities of Russian universities in the regional context, identifies the leaders and outsiders of this process, and identifies problem areas in the context of digital educational activities.

Key words: digitalization of higher education, digital divide, digital footprint, cumulative advantage effect.

По оценке компании Global Market Insights, мировой объем цифровых образовательных услуг по итогам 2019 года составил 205 млрд долларов США при прогнозируемых темпах роста от 7 до 10 % в ближайшие 5–7 лет. Российский рынок онлайн-образования оценивается в сумму 38,5 млрд рублей при прогнозируемых среднегодовых темпах роста от 12 до 15 % к 2023 году [7].

Говоря об использовании цифровых технологий в сфере высшего образования, необходимо отметить, что развитие этого направления не является исключительно самоцелью, а ставит перед собой ряд перспективных задач. Рост качества и актуализация образовательного процесса выступают как миссия Болонского процесса и основная задача структурных реформ сферы высшего образования всех государств-участников, включая Россию, с начала XXI века.

Если относительно недавно эксперты по информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) говорили в основном о «цифровом разрыве» между группами населения, имеющими доступ к компьютерам и Интернету, и теми, у кого данного доступа нет либо он ограничен, то сегодня специалисты все чаще заявляют о формировании нового типа информационного неравенства [6; 8].

В результате роста абсолютных и относительных показателей, характеризующих темпы цифровизации, а также вследствие использования стартовых преимуществ лидерами цифрового мира в обществе все более отчетливо проявляется эффект накапливаемого преимущества – социальное явление, проявляющееся в неравномерном распределении преимуществ, при котором сторона, которая изначально обладает ими, усиливает их все больше, в то время как другая сторона, будучи в этом плане изначально ограниченной, становится обделенной в ещё более существенной степени и потому обладает относительно невысокими шансами на дальнейший успех.

При анализе цифрового разрыва в различных сферах социально-экономического развития, включая образование, ряд специалистов критически относится к излишнему акценту на оценке количественных показателей связи или подключения (connectivity) [7]. Ведь подключение само по себе не снижает уровень информационного неравенства и вытекающих из него социально-экономических различий.

Рассматривая условия уменьшения степени цифрового неравенства, необходимо отметить, что развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры сегодня представляет собой безусловно необходимое, но далеко не единственное условие снижения уровня данного вида неравенства и в дальнейшем более оптимального перераспределения выгод, получаемых обществом от процесса цифровизации, а также обеспечения возможностей участия разных групп населения в цифровых экономических отношениях. Преимущества цифровизации необходимо рассматривать не только в контексте технических показателей, характеризующих уровень подключения сам по себе, но и в плане оценки степени интенсивности использования информационно-коммуникационных технологий, а также тех сфер экономики, где новые технологии непосредственно включены в процесс производства и потребления. Это определяет терминологическую разницу между категориями «цифрового неравенства» и «цифрового разрыва». Цифровое неравенство в наши дни является более сложным понятием, особенно отчетливо проявляющимся при нарастании темпов цифровизации, поскольку ИКТ сами по себе становятся ключевыми ресурсами, обеспечивающими доступность иных видов ресурсов, необходимых для экономического роста, улучшения уровня и качества жизни населения. В то же время второе понятие в большей степени отражает оценку степени включенности в процесс цифровизации [2].

Изменение показателей цифрового неравенства в настоящее время определяется целым рядом факторов, включая образовательный. В сфере образования термин «цифровой разрыв» обозначает различие, возникающее между участниками образовательного процесса, имеющими доступ к Интернету и различного вида цифровым гаджетам, источникам и сервисам как в образовательных учреждениях, так и дома, и теми, кто лишен такого доступа. Говоря об этом виде цифрового разрыва, в настоящее время чаще всего используют понятие «технологический цифровой разрыв». Совершенствование ИКТ уменьшает технологический цифровой разрыв. Поскольку доступность цифровых технологий растет всё более быстрыми темпами, то со временем технологический аспект цифрового разрыва в образовании станет менее значимым фактором неравенства.

Данные исследований ряда специалистов свидетельствуют о том, что в сфере образования одновременно с уменьшением технологического цифрового разрыва в настоящее время

нарастает разрыв в использовании самих цифровых технологий, для обозначения которого используется понятие «новый цифровой разрыв» [3, 36]. Данным понятием обозначают неравенство между лицами, являющимися активными пользователями цифровых технологий для креативных, продуктивных видов деятельности, и лицами, пользующимися цифровыми технологиями пассивно для реализации традиционных функций (коммуникаций, воспроизводящих традиционную телефонию, поставки аудиовизуального контента и т.п.). Этот новый цифровой разрыв присущ всем сферам, где присутствуют цифровые технологии, а также социальным стратам и группам общества, сферам с высокой и низкой долей малообеспеченных групп населения. Данный разрыв характерен как для среднего, так и для высшего уровней образования. Необходимо отметить, что новый цифровой разрыв усиливает «традиционное» образовательное неравенство, обусловленное разными культурными и социальными возможностями обучающихся, представленных разными социальными группами.

Рассмотрим далее ряд аспектов образовательной активности в рамках цифрового учебного процесса на базе цифровых следов различных видов деятельности обучающихся и преподавателей на цифровой образовательной платформе «Юрайт». За основу возьмем временные характеристики (в сутках), которые показывают продолжительность времени ведения тем или иным вузом образовательного процесса на данной платформе в 2019-2020 учебном году. Данный показатель включает следующие виды образовательных активностей:

- прочтение, реферирование и обсуждение учебных текстов;
- прослушивание образовательного аудио-контента, выполнение заданий на основе образовательного видео-контента;
- адаптивное тестирование;
- учебное взаимодействие студентов и профессорско-преподавательского состава [1].

Необходимо отметить вполне ожидаемые лидерские позиции вузов Москвы и Санкт-Петербурга с закономерно высокой степенью использования цифровых элементов в образовательной деятельности. При этом региональный срез свидетельствует о значительном разрыве в показателях цифровизации образовательного процесса между федеральными округами и внутри них.

Сильные позиции вузов Центрального, Приволжского и Сибирского федеральных округов обусловлены наличием в них крупных образовательных кластеров в Томске, Казани, Саратове, Нижнем Новгороде, Омске и Новосибирске. Каждый из кластеров конкурентоспособен в плане соперничества за абитуриентов со столичными вузами [4].

Средние показатели вузов Северо-Западного, Уральского и Дальневосточного федеральных округов связаны с инфраструктурными проблемами, обусловленными относительной изолированностью областных научно-образовательных центров по территориальному признаку. Поэтому первоочередной задачей здесь является вовлечение удаленных образовательных организаций высшего образования в единое цифровое образовательное поле РФ.

К проблемным зонам цифрового образовательного процесса можно отнести Южный и Северо-Кавказский федеральные округа. Южные регионы России, с одной стороны, уступают другим субъектам РФ по темпам и основным показателям цифровизации учебного процесса. А с другой стороны, именно для южных регионов характерна демографическая специфика, которая предполагает более высокий потенциальный приток молодежи в образовательную среду высшей школы по сравнению с другими субъектами РФ. В настоящее время задачей местных университетов и региональных властей является значительная и быстрая модернизация учебного процесса, предотвращение «утечки мозгов» в столичные образовательные центры и вузы иных субъектов РФ. Иначе южные регионы углубят цифровой разрыв в образовании и потеряют наиболее перспективную часть человеческого капитала.

Цифровые разрывы присутствуют не только в разрезе регионов, но и в разрезе отраслевой принадлежности вузов, их формы собственности (разрывы между государственными и негосударственными вузами) и т.д.

При этом цифровая трансформация системы высшего образования заключается не только в развитии процессов цифровизации или информатизации. Необходимы постановка новых целей, трансформация организационной структуры, а также самой системы управления и оценки прогнозируемой эффективности деятельности вузов в цифровой среде.

Литература

1. Национальный рейтинг активных вузов – 2020. Образовательная платформа Юрайт [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/info/stat/>
2. Моисеева О.А., Сафиуллин А.Р. Цифровое неравенство: Россия и страны мира в условиях четвертой промышленной революции // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. Т. 12. № 6. 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://economy.spbstu.ru/userfiles/files/articles/2019/6-2019/02_Safullin-Moiseeva.pdf
3. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования [Текст] / А.Ю. Уваров, Э. Гейбл, И.В. Дворецкая и др. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. С. 36.
4. Юрайт. Статистика: национальная и региональная статистика цифровой активности вузов [Электронный ресурс]. URL: <https://urait.ru/info/stat/?&type=vuz#table-data/>
5. CEOnews. Исследование российского рынка онлайн-образования 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/turbo/seonews.ru/s/events/vyshlo-issledovanie-rossiyskogo-rynka-onlayn-obrazovaniya-2020/>
6. Dewan, F.J. Riggins, The digital divide: Current and future research directions. Journal of Association for Information Systems, 6–2 (2005). Pp. 298–337.
7. Gillwald A. From digital divide to digital inequality: the connectivity paradox, 2017 [Electronic resource]. URL: https://researchictafrica.net/publications/Other_publications/2017/
8. Ragnedda M., Muschert G.W. The digital divide: The Internet and social inequality in international perspective. Published September 4, 2015 by Routledge.

Применение цифровых инструментов адаптации персонала в актуальных условиях хозяйствования

Application of Digital Tools for Personnel Adaptation in the Current Economic Conditions (DOI: 10.34773/EU.2020.6.40)

К. НУРИМАНОВА, И. ШАРИПОВА

Нуриманова Кристина Евгеньевна, магистрант кафедры «Проектный менеджмент и экономика предпринимательства» Уфимского государственного нефтяного технического университета (УГНТУ). E-mail: kristinka-95@bk.ru

Шарипова Ирина Миннихметовна, канд. экон. наук, доцент кафедры «Проектный менеджмент и экономика предпринимательства» УГНТУ. E-mail: irina_sharipova@mail.ru

В статье рассмотрена проблема расширения инструментария адаптации персонала в условиях ковидной пандемии. На основе многоаспектного подхода к исследованию определены особенности и этапы адаптации сотрудников на физическом и дистанционном рабочих местах; систематизированы цифровые инструменты их адаптации. Даны рекомендации по подбору цифровых инструментов адаптации персонала в офлайн-режиме и в формате дистанционной занятости.

Ключевые слова: адаптация персонала, дистанционная форма занятости, цифровые инструменты адаптации персонала, электронная среда.

This article discusses the problem of expanding the toolkit for personnel adaptation in the context of a covid pandemic. On the basis of a multidimensional approach to research, the features and stages of adaptation of employees at physical and remote workplaces are determined; systematized digital tools for their adaptation. Recommendations are given on the selection of digital tools for personnel adaptation in offline mode and in the format of remote employment.

Key words: *personnel adaptation, remote form of employment, digital tools for personnel adaptation, electronic environment.*

Привлечение высококвалифицированных компетентных работников – одна из ключевых задач любой компании [14]. Чтобы работники смогли внести существенный вклад в развитие компании, им необходимо создать комфортные условия для трудовой деятельности. Именно на это и направлена программа социальной и профессиональной адаптации персонала.

Проблема организационной социализации и профессиональной адаптации сотрудников оценивается в компаниях по-разному, исходя из актуальных условий хозяйствования. Под влиянием цифровизации и технологизации экономики повышается деловая активность современных работников и мобильность рабочих мест, появляются новые формы занятости и удаленная работа. В самих компаниях активно формируются кросс-функциональные команды по внедрению системных инноваций. Вследствие необходимости непрерывного обучения человек в течение трудовой жизни меняет не только компании и должности, но и виды деятельности. В результате наблюдается частая смена работником работодателя или рабочего места. В современных условиях парадигма управления, с одной стороны, нацелена на активный поиск и развитие талантов. С другой стороны, акцентируется внимание на заботе о сотруднике компании, на обеспечении совместимости его целей с целями компании, индивидуализации и «точной настройки» его встраиваемости в новых профессиональных, социальных и организационно-экономических условиях труда. В целях адаптационного регулирования персонала распространяются цифровые инструменты на основе информационных технологий, осуществляется автоматизация процедуры адаптации.

Гипотеза исследования состоит в обосновании расширения применения цифровых инструментов в процессе адаптации персонала с учетом реальных условий хозяйствования компаний.

Распространение во всем мире ковидной пандемии ускорило массовый перевод сотрудников на дистанционную форму занятости и усилило роль адаптации работников в двух временных перспективах:

- в настоящий период режима самоизоляции граждан;
- в посткарантинный период, когда меры сдерживания распространения пандемии будут частично или полностью отменены, а сотрудники вновь возвращены в компанию.

Опыт последних месяцев показал, что адаптация в условиях гибридных форматов хозяйствования требует особого подхода. На сегодняшний день недостаточно автоматизировать систему адаптации (onboarding) персонала с учетом цифровых преобразований в экономике. Должна проводиться «настройка» большинства инструментов адаптационного управления персоналом с учетом ковидных карантинных и посткарантинных мер. Важно обеспечить сотрудникам «качественное возвращение» на физические рабочие места. Под «качественным возвращением» следует понимать совокупность социально-психологических, технических, материальных и нематериальных мер поддержки персонала на этапе возвращения в компанию. Необходимость развития системы адаптации персонала в посткарантинный период отмечается многими российскими бизнес-деятелями: согласно исследованиям рекрутингового портала Superjob.ru, 55 % работодателей выступают за совершенствование адаптационной системы для перевода сотрудников из дистанционного режима в традиционную форму профессиональной деятельности [8]. Такой подход к организации системы адаптации наиболее эффективен ввиду высокой степени неопределённости текущей кризисной ситуации.

Чтобы определить конкретные методы и цифровые инструменты интенсификации программы адаптации персонала в актуальных ковидных условиях хозяйствования, целесообразно провести сравнительную характеристику некоторых управленческих и бизнес-процессов, осуществляемых непосредственно на физическом рабочем месте (в подразделении) и в режиме дистанционной занятости сотрудников (таблица 1).

Таблица 1

**Ключевые отличия и особенности адаптации сотрудников
в офлайн-режиме и в формате дистанционной занятости [5], [13]**

<i>Процессы</i>	<i>Адаптация на физическом рабочем месте</i>	<i>Адаптация на дистанционном рабочем месте</i>
Знакомство потенциального работника с производственными особенностями компании	Экскурсия по организации и структурному подразделению для отдельного работника или интерактивный командный квест для группы работников. Предоставление корпоративной документации: положений о компании и подразделении, корпоративной культуре, организграмм.	Дистанционное знакомство и общение с ведущим HR-менеджером; вводная онлайн-лекция в формате медиа-презентации; общение с HR-ботом. Получение электронного доступа к необходимой корпоративной документации.
Знакомство работника с руководством и персоналом	Встреча потенциального сотрудника с коллективом компании и руководителями, личное общение, знакомство с корпоративными правилами и особенностями компании.	Дистанционное знакомство с руководством и персоналом компании посредством корпоративного мессенджера (WhatsApp, Telegram, Viber, Slack).
Введение в подразделение	Предоставление наставника для оказания специализированной помощи в процессе адаптации и закрепления сотрудника на рабочем месте, в определенном структурном подразделении.	Предоставление наставника в формате электронной связи посредством различных онлайн-овых проприетарных программ и мессенджеров.
Создание и выдача адаптационного чек-листа	Адаптационный чек-лист выдается сотруднику в печатном виде. Исполнение задач контролируется наставником или руководителем при личных встречах с сотрудником.	Адаптационный чек-лист в электронном виде. Исполнение задач контролируется согласно электронным отчетам сотрудника или в ходе видеоконференции.
Заключение трудового договора	Подписание физического соглашения между работодателем и работником.	Подписание электронного соглашения между работодателем и работником с помощью электронно-цифровой подписи.
Корпоративная культура и внутреннее общение	Совместное времяпрепровождение работников, спортивные, игровые, командообразующие мероприятия, торжества, подразумевающие личное общение сотрудников компании.	Обучающие, игровые, командообразующие мероприятия, основанные на технологии электронной геймификации, реализуемые в исключительно онлайн-режиме. Adaptation meeting, on-line meeting и др.

Помимо различий в процессах, описанных в таблице 1, необходимо выделить особенности рассматриваемых форматов работы относительно четырех ключевых аспектов видовой структуры системы адаптации персонала: психологического, социального, организационного и режимного [9].

Психологический аспект адаптации подразумевает под собой перестройку психики сотрудника под воздействием факторов новой, окружающей его профессиональной среды [10].

Главная составляющая психологической адаптации сотрудника – это межличностные отношения в коллективе, а первостепенная цель – избавление сотрудника от эмоциональной напряженности, которая возникает из-за отсутствия определенного опыта выполнения текущих задач и вследствие некоторых индивидуальных психологических особенностей индивида. В отличие от дистанционного формата, на физическом рабочем месте психологическая адаптация сотрудника проходит гораздо быстрее и эффективнее за счет возможности живого общения с коллегами и партнерами. Также оперативно и качественно включиться в работу удаленно достаточно затруднительно ввиду следующих факторов:

- большое количество отвлекающих информационных воздействий извне;
- излишнее эмоциональное и психологическое давление не только со стороны коллег, находящихся в аналогично непривычных условиях работы, но и со стороны других, окружающих субъекта, людей;
- фактическое отсутствие временных рамок рабочей деятельности, что принуждает сотрудника к развитию дополнительных навыков самоорганизации и других психологических качеств, способствующих эффективному достижению стратегических целей;
- необходимость выработки новых нетипичных привычек и избавление от старых (соответственно, интенсивная психологическая работа над собой, которая часто приводит к быстрому утомлению, эмоциональному выгоранию).

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что этапы, мероприятия и инструменты программ психологической адаптации сотрудника во время действия карантинного режима и в посткарантинный период по возвращении сотрудников на реальные физические места должны качественно различаться.

Другой аспект системы адаптации персонала – социальный: он предполагает внедрение сотрудника в социальную среду компании, его вхождение в коллектив, адаптацию к традициям и нормам, стилю делового общения [11]. Конечной целью социальной адаптации субъекта является его удовлетворенность работой и взаимоотношениями с коллегами [2]. В случае дистанционной занятости социальная адаптация благодаря большому разнообразию электронно-цифровых технологий осуществляется гораздо быстрее и легче, чем психологическая. На сегодняшний день онлайн-социализация активно развивается и представляет собой процесс расширения социального опыта в Интернет-среде. Для большинства компаний онлайн-социализация уже является обязательным условием в общей системе адаптации сотрудников. Выстраивать социальные связи дистанционно внутри коллектива необходимо по следующим причинам:

- отсутствие живого общения между сотрудниками в связи с установлением карантинных мер должно компенсироваться посредством аудио- и, опционально, видеосвязи в сети в целях поддержания коллективной сплоченности;
- эффект присутствия сотрудника при решении значимых задач компании, достигаемый путем его подключения к веб-конференции, положительно сказывается на его личной социальной адаптации;
- онлайн-встречи помогают адаптируемым сотрудникам быстрее погружаться в рабочий ритм коллектива;
- онлайн-встречи с руководящим звеном повышают эмоциональную вовлеченность сотрудника в бизнес-процессы компании.

Ключевой особенностью социального аспекта системы адаптации сотрудников, занятых на дистанционной работе, является уникальный набор цифровых инструментов социализации, который во многом отличается от аналогичного традиционного инструментария. При этом качество социальной адаптации в онлайн-среде при правильном подборе и использовании цифровых технологий не уступает качеству процессов социальной адаптации непосредственно на рабочем месте, при личном общении сотрудников.

С точки зрения организационного аспекта адаптация персонала в формате дистанционной работы также имеет ряд отличий. Во-первых, механизм управления компанией (и человеческими ресурсами в частности) полностью скрыт от сотрудника и протекает в электронном

пространстве. Следовательно, знакомство с организационной деятельностью руководства является затруднительным: сотрудник не может качественно определить место своего подразделения и своей профессиональной должности в структуре компании. Во-вторых, организационная адаптация вне рабочего места не позволяет сотруднику быстро получать ответы на специфические вопросы, связанные с системой принятия решений компании, с оформлением той или иной документации, с возникновением нетипичных ситуаций и задач в рамках трудовой деятельности. Неопределенность актуальной экономической ситуации и непредсказуемость конечных последствий пандемии не позволяют компаниям проводить масштабные мероприятия по трансформации всей корпоративной сети в цифровой формат. Вследствие этого адаптирующимся сотрудникам приходится самостоятельно искать ответы, принимать решения и тратить рабочее время на изучение непрофильных процессов. Таким образом, скорость адаптации работников снижается, понимание ими собственной роли в компании формируется неоднозначно.

К вышеперечисленным особенностям онбординга сотрудников в режиме дистанционной занятости можно добавить и существенную роль режимного аспекта, суть которого заключается в адаптации персонала к трудовому распорядку дня и специфике выполняемого функционала [4]. Режимная адаптация на рабочем месте определяется главным образом правильной организацией режима труда и отдыха согласно соответствующим внутрикорпоративным регламентам. С начала формирования цели трудоустройства в определенную компанию потенциальный сотрудник выявляет для себя наиболее комфортные режимные условия, а также возможности психофизической реорганизации в случае, когда должность с финансово-экономической или профессиональной точки зрения является перспективной. Однако в большинстве случаев официальный распорядок дня регламентирует лишь начало рабочего дня, его окончание и время на обеденный перерыв. Из-за отсутствия качественной системы контроллинга время отдыха и время, затраченное на решение задач после завершения рабочего дня, не нормируется. Дистанционная деятельность требует от сотрудника большей концентрации, навыков самоорганизации и умений в самостоятельном планировании распорядка дня. Вместе с тем высокая нагрузка, оказываемая на сотрудника при социальной, организационной и психологической адаптации, может вынуждать его игнорировать режим рабочего дня, перерабатывать или, наоборот, не выполнять все свои обязанности. В этой связи совершенствование системы адаптации персонала в режимном аспекте также актуально и необходимо для эффективной организации трудовой деятельности в дистанционном формате.

Адаптация сотрудников в контексте перечисленных аспектов может быть качественно улучшена инструментально, то есть с использованием новых или обновленных средств и методов управления, а также за счет электронно-цифровых технологий и реализуемых на их основе мероприятий [3]. Все инструменты необходимо классифицировать и систематизировать аналогично с точки зрения двух форматов рабочей деятельности (таблица 2).

Данные таблицы 2 позволяют констатировать: в случае перевода сотрудников на дистанционный формат работы инструменты адаптации персонала автоматизируются в соответствии с принципами цифровой среды.

Применение конкретных инструментов адаптации персонала также зависит от особенностей компании. В качестве примера рассматривается программа адаптации персонала в ООО «РН-Ремонт НПО», специализирующемся на оказании нефтесервисных услуг. Часть рабочего штата в настоящее время осуществляет рабочую деятельность дистанционно. Актуальная система адаптации персонала, действующая в компании, основывается на организационно-функциональных регламентах структуры ПАО «НК «Роснефть», в рамках которых в компании и её подразделениях активно используются инструменты института наставничества, традиционные и инновационные методы обучения и ведения сотрудников с момента их трудоустройства [6], [7]. Однако предварительный анализ онбординга работников непосредственно в ООО «РН-Ремонт НПО» показал, что в компании имеется ряд проблем, связанных с отсутствием четких инструкций по психологической, режимной и частично организационной адаптации сотрудников, в том числе в настоящих условиях дистанционной деятельности. В связи с этим

предлагается внесение следующих поэтапных мероприятий, направленных на совершенствование системы общей концепции адаптации персонала в карантинный и посткарантинный периоды (рис. 1 и 2).

Таблица 2

**Инструментальные особенности адаптации сотрудников в офлайн-режиме
и в формате дистанционной занятости**

<i>Класс инструментов</i>	<i>Адаптация на физическом рабочем месте</i>	<i>Адаптация на дистанционном рабочем месте</i>
Организационный	Деловое собеседование сотрудника с потенциальным работодателем в формате личной встречи; первичное интервьюирование; программы адаптации и быстрого введения в должность на физическом носителе; экскурсии по главному офису компании, его отделам и по производственным помещениям; обучающие тренинги с ведущими специалистами в формате коммуникационного обучения или коучинга; стажировки.	Деловое собеседование в формате видеоконференции; интервьюирование посредством онлайн-тестирования; программы адаптации, разработанные в электронной среде с помощью автоматизированной системы управления талантами[1]; электронные курсы по должности, по грейду, по подразделению и обучающие вебинары; геймифицированные стажировки в режиме онлайн.
Информационный	Памятка сотрудника и путеводитель по компании (преимущественно на бумажном носителе); электронная страница-анкета сотрудника на корпоративном сайте фирмы; информационные стенды в офисах со статичными сведениями о структуре и руководстве фирмы, об органах управления и пр.; внутрикорпоративные брошюры, справочники, каталоги.	Электронная система управления талантами (TMS), система управления человеческими ресурсами (HRM), система планирования ресурсов предприятия(ERP); автоматизированная рассылка; электронная библиотека; визуализация корпоративной информации с помощью сайтов, порталов, форумов и других веб-страниц.
Инструменты обратной связи	Корпоративная почта и портал компании; личное общение руководителей (управляющих) с сотрудниками в формате открытого диалога; листы отзывов персонала; листы оценки работников; личностные опросники и анкетирование; физические бланки для констатирования выполнения задач; телефония; форма обратной связи на сайте компании; анкетирование и пр.	Мобильные и десктопные мессенджеры (Skype, Discord, Slack, WhatsApp, MicrosoftTeams, Telegram и др.); HR-боты, позволяющие автоматизировать процессы общения менеджеров фирмы с сотрудниками и сокращать время на решение типовых вопросов и задач [12]; оценочные программные продукты (HR Detector, KPI-Drive, HighPer); электронная почта; онлайн-сообщества.

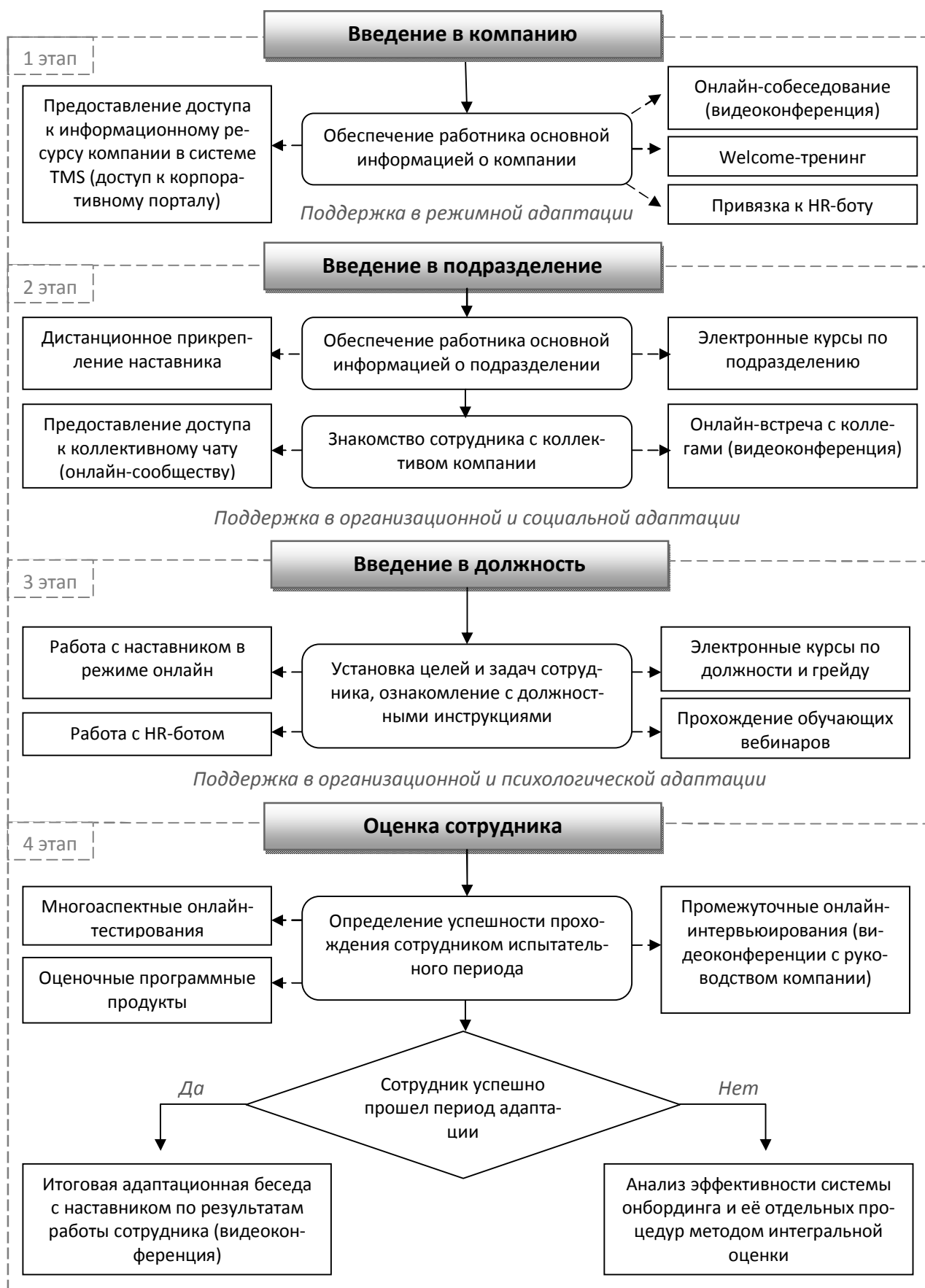

Рис. 1. Схема адаптации персонала ООО «РН-Ремонт НПО» в условиях карантинного режима

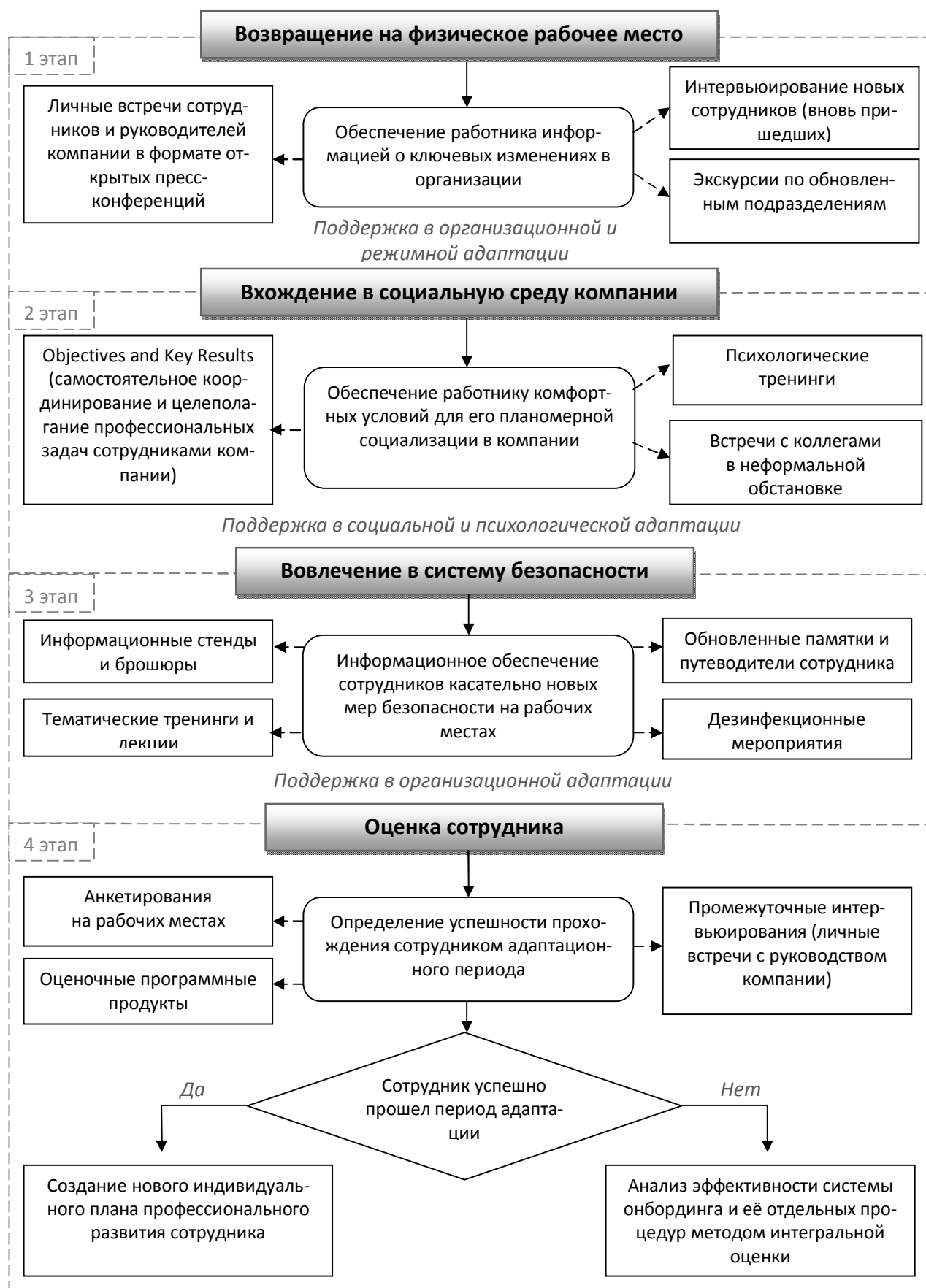

Рис. 2. Схема адаптации персонала ООО «РН-Ремонт НПО» в условиях посткарантинного режима

Предложенные схемы адаптации персонала на примере нефтесервисной компании в актуальных условиях хозяйствования и с учетом перспективы выхода из текущего карантинного режима позволяют наладить процессы онбординга как новых, так и уже трудоустроенных сотрудников. Немаловажную роль в совершенствовании рассматриваемой системы играют электронно-цифровые технологии, на базе которых представляется возможным совмещение традиционных и инновационных подходов к реализации адаптационных этапов. Рекомендации по подбору цифрового инструментария могут способствовать повышению эффективности общей системы управления персоналом компании, а также качественно улучшить индивидуальную и коллективную работу сотрудников независимо от их формы трудовой занятости.

Литература

1. Автоматизация адаптации персонала // [Электронный ресурс] URL: <http://blog.websoft.ru/2018/01/blog-post.html>
2. Баранова А.А., Бондаренко В.В. Социальная адаптация персонала банковской сферы: теоретико-методологические основы исследования // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 222–226.
3. Васильцова Л.И., Александрова Н.А. Управление адаптацией сотрудников в организации: инструментальный аспект // Journal of new economy. 2012. № 1. С. 164–167.
4. Герасимов Б.Н. Развитие программы адаптации работников в рамках процесса управления персоналом организации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 2-1. С. 55–64.
5. Есикова Р.С. Совершенствование процесса адаптации персонала в организациях // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 3. С. 34–38.
6. Официальный сайт ПАО «НК «Роснефть» // [Электронный ресурс] URL: <http://www.rosneft.ru>
7. Официальный сайт ООО «РН-Ремонт НПО» // [Электронный ресурс] URL: <https://remontnpo.rosneft.ru>
8. После отмены карантина персоналу потребуется адаптация, уверены более половины работодателей // [Электронный ресурс] URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/112365/posle-otmeny-karantina-personalu-potrebuetsya-adaptaciya/>
9. Прихач А.Ю., Кучугурная А.С. Повышение эффективности методов адаптационного регулирования в условиях цифровизации экономики // Современные технологии управления. 2020. № 2.
10. Симанина Е.Д. Факторы адаптации персонала // Научный журнал. 2018. № 6. С. 67–68.
11. Смирнова А.В., Кочеткова Р.М., Коротина Е.В. Адаптация персонала: её формы и виды. Особенности адаптации молодых специалистов // Вестник УлГТУ. 2017. № 4. С. 59–61.
12. Субочев Н.С., Патутина Е.Д. Цифровые инструменты управления адаптацией персонала в современных организациях // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 3. С. 261–267.
13. Удаленная адаптация и онбординг сотрудников: почему новички уходят и как этого избежать // [Электронный ресурс] URL: <https://hurma.work/rf/blog/udalennaya-adaptacziya-i-onbording-sotrudnikov-pochemu-novichki-uhodyat-i-kak-etogo-izbezhat-4/>
14. Gaifullina M.M., Musina D.R., Nizamova G.Z., Alexandrova O.A. Formation of strategy of effective management of fixed production assets of oil company. Advances in Economics Business and Management Research. Proceedings of the International Conference on Trends of Technologies and Innovations in Economic and Social Studies 2017. 2017. Pp. 185–190.

Трансформация постсоветского пространства и новые направления его исследования

Transformation of the Post-Soviet Space and New Directions of its Research

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.41)

**В. ТИМИРЬЯНОВА, К. ЮСУПОВ,
Р. ШАЙХИСЛАМОВ, Р. БАХИТОВА, Э. ЯМАЛОВА**

Тимирьянова Венера Маратовна, канд. экон. наук, старший научный сотрудник, заместитель заведующего лабораторией исследования социально-экономических проблем регионов по научной работе Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета (ИНЭФБ БашГУ). E-mail: 79174073127@mail.ru

Юсупов Касим Назифович, д-р экон. наук, профессор, главный научный сотрудник кафедры макроэкономического развития и государственного управления ИНЭФБ БашГУ, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: kasim_jusupov@mail.ru

Шайхисламов Рафаэль Бадретдинович, д-р соц. наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью факультета философии и социологии Башкирского государственного университета (ФФиС БашГУ). E-mail: shairb@rambler.ru

Бахитова Раиля Хурматовна, д-р экон. наук, заведующий кафедрой цифровой экономики и коммуникации ИНЭФБ БашГУ. E-mail: bakhitovarah@mail.ru

Ямалова Эльвира Наилевна, д-р полит. наук, профессор кафедры этики, культурологии и связей с общественностью ФФиС БашГУ. E-mail: yamalovaen@mail.ru

В статье рассматриваются основные направления, затрагивающие исследование постсоветского пространства и его трансформации после распада СССР. Выделяются достигнутые результаты и недостатки этих исследований, в первую очередь, определяемые преимущественным оперированием агрегированных на уровне стран данных, или охватом только части стран бывшего СССР. Обосновывается необходимость проведения комплексного исследования, опирающегося на данные микроуровня, и определяются возможности расширения существующих представлений за счет использования иных подходов и новых методов анализа. В частности, отмечается, что для исследования интеграционного развития, наблюдавшегося на территории СССР в период до 1990 года и последующей трансформации социально-экономического пространства целесообразно применить методы пространственно-динамического и иерархического анализа, которые позволят оценить пространственные и иерархические эффекты взаимодействия.

Ключевые слова: социально-экономическое пространство, интеграция, приграничные регионы, пространственная эконометрика, иерархическое моделирование.

The article examines the main directions affecting the study of the post-Soviet space and its transformation after the collapse of the USSR. The achieved results and shortcomings of these studies are highlighted. This is a predominant use of aggregated data at the country level and coverage of only part of the countries of the former USSR. The necessity of conducting a comprehensive study based on microlevel data is substantiated. Possibilities of expanding existing concepts by using other approaches and new methods of analysis are determined. In particular, it is noted that to study the integration development observed on the territory of the USSR in the period up to 1990 and the subsequent transformation of the socio-economic space, it is advisable to apply the methods of spatial-dynamic and hierarchical analysis, which will make it possible to assess the spatial and hierarchical effects of interaction.

Key words: socio-economic space, integration, cross-border regions, spatial modeling, hierarchical modeling.

Период существования Советского Союза представляет собой целую эпоху, затронувшую жизни многих народов и оказавшую влияние на развитие всего мирового сообщества. Безусловно, исследованию периодов его становления, развития и развала посвящено много работ [3; 16; 21]. Также много работ посвящено изучению постсоветского пространства и его

трансформации [2; 4; 7; 13], в том числе зарубежными учеными [23]. Можно выделить несколько основных направлений исследования постсоветского пространства.

Первое направление предусматривает общую оценку социально-экономического развития стран в период до распада и после него. Исследования, публиковавшиеся до 1990 года, в большей степени посвящены вопросам регионального районирования и пространственного развития значительно различающихся по своим климатическим, ресурсным и другим условиям хозяйствования республик СССР [16]. Исследования этого периода часто подчинялись интересам развития единого народнохозяйственного комплекса СССР. Особое внимание уделялось поддержанию народно-хозяйственных связей [3], а при планировании каждый регион СССР рассматривался как часть целого. После распада Советского Союза эти связи были разорваны, что «существенно осложнило процесс формирования на развалинах СССР самостоятельных национальных государств» [6], особенностью экономики которых «в первое десятилетие стало ее двух-трехкратное сжатие» [2]. Главной специфической чертой стран бывшего СССР на старте реформ исследователи указывали так называемую проблему «тройного перехода» [24]. Под этой проблемой имелась в виду необходимость решения правительствами стран бывшего СССР одновременно сразу трех задач: реформирования плановой экономики и строительства рыночных экономических отношений; реформирования политической системы; формирования новых символов национальной идентичности населения. Ученые неоднократно обращались к различным аспектам развития стран бывшего СССР и отмечали трансформацию социально-экономического пространства [7; 12; 13].

Часто исследования затрагивали не только проблемы развития стран и трансформации их социально-экономического пространства, но и вопросы интеграции разделившихся после распада СССР стран в новых условиях хозяйствования [8; 10; 14; 20; 25; 30]. В рамках данного, второго направления исследования постсоветского пространства рассматривались как отдельные аспекты торговых [20] и экономических изменений [10], так и проблемы социальной базы интеграционных процессов [14]. Отдельное внимание в исследовании интеграционных процессов учеными уделялось процессам конвергенции и дивергенции в увязке с вопросами централизации и неравномерности развития стран бывшего Советского Союза. Так, А.М. Либман рассматривала не только экономическую, но и институциональную конвергенцию, а также отмечала, что внешняя дезинтеграция может быть связана с внутренней дезинтеграцией рыночного пространства отдельных стран [10]. Идея связи внутренней дезинтеграции с внешней нашла отражение в работе Д.В. Диденко, отметившего, что процесс конвергенции на постсоветском пространстве характеризовался многоаспектностью и неравномерностью, а наблюдавшийся процесс дивергенции заблаговременно сигнализировал о рисках распада СССР [8]. Такой вывод имеет серьезные последствия для последующих исследований, так как он позволяет, опираясь на оценки конвергенции и дивергенции стран, прогнозировать устойчивость существующих в настоящее время союзов: СНГ, ЕвразЭС, Евросоюза и т.д. Исследования в данном ракурсе имеют особую актуальность не только для стран бывшего СССР, заинтересованных в выстраивании эффективных отношений с соседями, но и для объединений других государств [26].

Несмотря на имеющиеся достижения этих исследований, можно выделить два недостатка. Во-первых, в них упускается из виду пространственное взаимодействие, а именно наличие или отсутствие пространственной автокорреляции в развитии, характеризующей некоторую связанность процессов и явлений с учетом взаимоположения этих стран относительно друг друга, т.е. их соседства. Во-вторых, в этих работах отмечается оперирование агрегированными данными на уровне стран, без формирования представлений о протекающих процессах на более низких уровнях территориальной организации. К сожалению, исследования пространственной организации не только интеграционных, но и других явлений и процессов на данных стран бывшего Советского Союза в такой детализации и масштабе (в разрезе городов и районов, а не ее отдельных частей и стран) встретить сложно. В то же время, многочисленные исследования показывают что проблема агрегированных данных состоит в значительном упрощении существующего представления о явлениях, а в ряде случаев и не всегда корректного понимания

складывающихся тенденций [27; 31]. Эта проблема в региональных исследованиях отмечена достаточно давно [16], в связи с чем в современных работах зарубежных ученых анализ пространственных взаимодействий все чаще опирается на детализированные на уровне муниципалитетов данные, что позволяет выявлять связанные области, охватывающие несколько стран или их части, а также оценивать пространственную кластеризацию локальной конвергенции (дивергенции) [17].

Еще одно направление исследований постсоветского пространства, как правило, затрагивает именно уровень муниципальных районов, в связи с необходимостью более глубокого изучения взаимодействия стран на приграничных территориях. Исследование отечественными учеными связанности приграничных районов соседних стран, как правило, предполагает изучение интенсивности взаимодействия через оценку объема потоков и приграничных инвестиций, анализ зависимости объема трансграничного взаимодействия от размера рынка и расстояния от центра [15], определение экономических градиентов приграничных регионов и расчёт коэффициента экономической связанности (КЭС) между парами соседних регионов, представляющего собой долю стоимостных объемов взаимных торговых связей пар приграничных регионов в % к суммарному ВРП (ППС) данных регионов [1]. Эти исследования показывают, что отношения между государствами развиваются по-разному, что ведет и к различным темпам развития приграничных районов [1; 11]. Безусловным достижением данных исследований является более тонкое понимание проблем межрегионального взаимодействия между конкретными государствами, однако оно не позволяет увидеть целостной картины, характеризующей связанность всего постсоветского пространства, так как опирается на исследование приграничных отношений только отдельных стран.

В тоже время анализ данных (табл. 1) свидетельствует о том, что страны бывшего СССР имеют свои особые траектории развития, что не может не сказываться на общей трансформации экономического пространства бывшего СССР.

Таблица 1

Численность населения бывшего СССР

Республика	1960г., тыс.чел.	1990г., тыс.чел	Темп при- роста к 1960г., %	2019г., тыс.чел	Темп при- роста к 1960г., %	Темп прирос- та к 1990г., %
СССР	212 289	288 624	36	296 778	40	3
РСФСР	118 922	148 041	24	146 780	23	-1
Украинская ССР	42 466	51 839	22	42 217	-1	-19
Белорусская ССР	8143	10 259	26	9 475	16	-8
Узбекская ССР	8524	20 322	138	33 254	290	64
Казахская ССР	9678	16 691	72	18 529	91	11
Грузинская ССР	4129	5456	32	3 729	-10	-32
Азербайджанская ССР	3817	7131	87	10 020	163	41
Литовская ССР	2761	3723	35	2 790	1	-25
Молдавская ССР	2969	4362	47	2 682	-10	-39
Латвийская ССР	2113	2687	27	1 930	-9	-28
Киргизская ССР	2137	4367	104	6 140	187	41
Таджикская ССР	2033	5248	158	9 126	349	74
Армянская ССР	1823	3293	81	2 930	61	-11
Туркменская ССР	1565	3622	131	5 851	274	62
Эстонская ССР	1209	1583	31	1 325	10	-16

В первую очередь, необходимо рассмотреть протекающие процессы на уровне районов и городов, так как детализация на уровне стран является весьма общей. Более того, видится перспективным их рассмотрение одновременно на нескольких уровнях агрегации данных. Так, С.П. Глинкина, обосновывая необходимость изучения национального и регионального (страны Центральной и Юго-Восточной Европы, Восточная и Юго-Восточная Азия) уровней, отмечает,

что «вне многоуровневого анализа трансформационных процессов невозможно раскрытие сути посткоммунистических трансформаций» [5]. В тоже время, включение муниципального уровня в исследование несет серьезные риски, и они в первую очередь связаны с наличием данных. Ученые отмечают, что на данном уровне агрегации сложно собрать полные ряды данных, в том числе из-за степени их доступности и достоверности, а также потери единства методологии статистического учета и системы индикаторов [9]. В силу этих причин подобные исследования будут весьма ограничены в перечне рассматриваемых показателей. Однако захват микроуровня является естественным развитием исследовательской работы на современном этапе, позволяющим получить комплексное представление о протекающих на постсоветском пространстве процессах.

Во-вторых, следует учесть эволюцию инструментов анализа, которая накладывает отпечаток на раскрываемые в ходе их применения аспекты. Так, в период Советского Союза исследования межрегионального взаимодействия преимущественно опирались на модели «затраты–выпуск», в рамках которых исследовались межрегиональные потоки [16]. Развитие эконометрики способствовало появлению различных видов регрессионных уравнений. В целях учета пространственного аспекта в них в качестве фактора включалось расстояние между территориями, а также их расположение (например, при исследовании постсоветского пространства – в его европейской или азиатской части [23]). В последние 20 лет толчком для анализа интеграционных процессов послужило развитие панельного анализа, позволившего выделять одновременно эффекты по годам и странам [25], и пространственного анализа, способствовавшего развитию представлений о связанности территорий. Наиболее масштабным является исследование пространственной связи и конвергенции 1528 регионов 83 стран за 1950–2010 годы, проведенное испанскими учеными [28]. Отечественными учеными эти инструменты активно применяются, но только в анализе конвергенции регионов России [19; 22].

Новым, активно развивающимся в рамках региональных исследований инструментом является иерархический анализ, который в отличие от других методов позволяет учитывать влияние факторов сразу на нескольких уровнях иерархии. Отечественные ученые, отмечая перспективы применения методов иерархического анализа, в исследовании, применяют их ограниченно. Неактивное их применение во многом определяется высокой трудоемкостью (для статистически значимых результатов необходима большая выборка) и сложностью получения территориально организованных данных микроуровня. Что касается исследований, предусматривающих совмещение возможностей иерархического и пространственного моделирования, то в этом направлении работ проведено очень мало как среди отечественных, так и зарубежных ученых. Несмотря на то, что о иерархически структурированных пространственно-организованных данных (Hierarchical Spatial Data) заговорили еще в конце прошлого века [29], реальные исследования деятельности предприятий и развития предпринимательства в целом с применением такого подхода найти очень сложно. Пространственная компонента только начала включаться в иерархические модели. Сравнительно недавно появились публикации, в которых используются инструменты пространственного иерархического моделирования, но не по поднимаемой нами проблеме [18]. При этом последнее обновление специализированных программ включает возможность построения иерархических моделей с пространственным лагом. Такие модели позволяют учитывать пространственную неоднородность и иерархическую структуру данных, выявлять, как пространственные эффекты микроуровня, так и контекст, определяемый вышестоящими уровнями в пространственной иерархии [18].

Обзор научных источников позволяет сделать вывод о том, что проблема трансформации взаимосвязанного развития территорий в динамичных условиях развития общества остается актуальной. Для повышения эффективности результатов научного исследования проблем экономической трансформации необходимо существующие подходы дополнить методами формализации, моделирования и визуализации знаний в предметной области. Актуальным является обоснование выдвинутых гипотез трансформации социально-экономического пространства с использованием статистического моделирования пространственного развития иерархически

структурированных территорий на данных муниципального уровня. Такой подход усложняется их неоднородностью, как следствие, возникает необходимость подбора временных рядов для всего ретроспективного интервала оценки закономерностей взаимосвязанного развития рассматриваемой системы. Однако несмотря на отмеченные трудности, в целях расширения представления о пространственном взаимодействии территорий такого рода анализ должен быть проведен.

Литература

1. Анисимов А.М. и др. Приграничное сотрудничество регионов России, Беларуси и Украины: состояние и перспективы // Евразийская экономическая интеграция. 2013. № 4. С. 77–96.
2. Вардомский Л.Б. Десять лет после распада СССР: некоторые результаты и перспективы эволюции пространства СНГ // Россия и современный мир. 2002. № 2. С. 136–161.
3. Гайжюнас Ю. Взаимодействие народного хозяйства СССР и союзной республики в условиях формирования нового хозяйственного механизма // Экономика, 1989. №35. С. 29–37.
4. Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации (Наброски к теории) // Полис. 2001. № 1. С. 15–29.
5. Глинкина С.П. Методология многоуровневого анализа посткоммунистических трансформаций: научный доклад. М.: Ин-т экономики, 2008. 28 с.
6. Глинкина С.П., Орлик И.И. Евразийская идея на постсоветском пространстве // Новая и новейшая история. 2012. № 2. С. 3–22.
7. Гринберг Р.С., Вардомский Л.Б. Десятилетие эволюции и перспективы структурирования постсоветского экономического пространства // РЭЖ. 2001. № 8. С. 55–67.
8. Диденко Д.В. Конвергенция и дивергенция основных показателей человеческого капитала и уровня развития в странах бывшего Советского Союза (1920–2000 годы) // Евразийская экономическая интеграция. 2014. № 2. С. 36–57.
9. Зубаревич Н.В. Концентрация населения и экономики в столицах постсоветских стран // Региональные исследования. 2017. № 1. С. 4–15.
10. Либман А.М. Роль экономической интеграции и дезинтеграции на постсоветском пространстве: количественный анализ // Проблемы прогнозирования. 2006. № 5. С. 58–72.
11. Максимова С.Г., Омельченко Д.А., Ноянзина О.Е. Международная миграция в приграничных регионах России: опыт структурного моделирования установок населения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 4. С. 737–755.
12. Мартынов А.В. Системная трансформация экономики и общества: российский выбор. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2016. 202 с.
13. Май В.А. Экономика и власть: опыт посткоммунистической трансформации. М.: Дело, 2017. 349 с.
14. Осадчая Г.И. Социальная база интеграционных процессов в евразийском экономическом союзе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 4. С. 639–650.
15. Приграничная периферия России: геоэкономика, коммуникации, стратегия: коллективная монография // под ред. О.В. Толстогузова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2018. 241 с
16. Albegov M. Regional Development Modeling: Theory and Practice Albegov M., Andersson A.E. and Snickars F. (editors). Amsterdam-New york-OXFORD: North-Holland Publishing Company, 1982. 423p.
17. Bourdin S. National and regional trajectories of convergence and economic integration in Central and Eastern Europe // Canadian Journal of Regional Science / Revue canadienne des sciences regionales. 2015. № 38(1/3). Pp. 55–63.
18. Cellmer R., Kobylińska K., Belej M. Application of Hierarchical Spatial Autoregressive Models to Develop Land Value Maps in Urbanized Areas. //ISPRS International Journal of Geo-Information. 2019. 8(4). 195. doi:10.3390/ijgi8040195

19. Demidova O. Spatial effects for the eastern and western regions of Russia: a comparative analysis// *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies*. 2015. 8(2). 153. doi:10.1504/ijepee.2015.069594
20. Dragneva R., Hartwell Ch. A. The Eurasian Economic Union: integration without liberalisation? // *Post-Communist Economies*. 2020. doi:10.1080/14631377.2020.1793586
21. Gros D. Regional disintegration in the Soviet Union: Economic costs and benefits // *Intereconomics*. 1991. 26(5). Pp. 207–213. doi:10.1007/bf02928992
22. Lehmann H., Oshchepkov A., Silvagni M. G. Regional Convergence in Russia: Estimating a Neoclassical Growth Model // *IZA Discussion Papers*. Institute of Labor Economics (IZA), Bonn: 2020. 13039 [Electronic resource]. URL: <https://wp.hse.ru/data/2020/06/15/1605031154/232EC2020%20%D0%BE%D1%82%2014.06.2020.pdf>
23. Metcalf L.K. The (Re)Emergence of Regional Economic Integration In the Former Soviet Union // *Political Research Quarterly*. 1997. 50(3). Pp. 529–549. doi:10.1177/106591299705000303
24. Offe C. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe // *Social Research*. 1991. Vol. 58. № 4. Pp. 865–892.
25. Perret J.K. Regional Convergence in the Russian Federation: Spatial and Temporal Dynamics // *Journal of Quantitative Economics*. 2018. 17(2). Pp. 11-39. doi:10.1007/s40953-018-0126-7
26. Psychairs Y., Dimitris K. and Panayotis P. Regional Inequalities in Central and Eastern European Countries: The Role of Capital Regions and Metropolitan Areas. In. *Economic Development and Financial Markets: Latest Research and Policy Insights from Central and Southeastern Europe*. Śliwiński, A. Polychronidou, P. Karasavvoglou, A. (Eds.). Springer Nature Switzerland AG, Cham: 2019. 3-20.
27. Resende G. M., Silva D.F.C. and Filh L.A.S. Evaluation of the Brazilian regional development funds. *Review of Regional Research*. 2018. [Electronic resource]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10037-018-0123-5>
28. Sanso-Navarro M., Vera-Cabello M., Puente-Ajovin M. Regional convergence and spatial dependence: a worldwide perspective // *The Annals of Regional Science*. 2020. doi:10.1007/s00168-020-00978-4
29. Timpf S., Frank A. U. Using Hierarchical Spatial Data Structures for Hierarchical Spatial Reasoning// *Spatial Information Theory/ A Theoretical Basis for GIS International Conference COSIT '97* Laurel Highlands, Pennsylvania, USA. October 15-18, 1997. Proceedings. Pp. 69–84.
30. Vinokurov E. *Introduction to the Eurasian Economic Union*. Palgrave Macmillan. 2018. doi:10.1007/978-3-319-92825-8
31. Zubarevich N. Regional inequality and potential for modernization // *The challenges for Russia's politicized economic system* / Ed. S. Oxenstierna. London: Routledge, 2015. Pp. 182–201.

Индекс доходов муниципальных образований Башкортостана: проблемы расчета и анализа

Income Index: Calculation and Analysis for Municipal Entities of Bashkortostan
(DOI: 10.34773/EU.2020.6.42)

**Р. ВАЛИАХМЕТОВ,
Г. БАЙМУРЗИНА, С. КАДЫРОВ**

Валиахметов Рим Марсович, канд. соц. наук, декан факультета философии и социологии Башкирского государственного университета, заведующий научной лабораторией социальных и демографических исследований. E-mail: rim_m_sifat@inbox.ru

Баймурзина Гузель Римовна, канд. экон. наук, и.о. директора Башкирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. E-mail: guzrim@mail.ru

Кадыров Салават Хисматович, канд. экон. наук, старший научный сотрудник Института стратегических исследований Республики Башкортостан. E-mail: kadirov@bashstat.ru

В статье предложена методика расчета одного из составных индексов интегрального показателя человеческого развития – индекса доходов для муниципальных образований. В качестве исходных данных для расчета индекса авторы используют показатель объема социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения по муниципальным районам и городским округам. Анализ полученных результатов свидетельствует об адекватности предложенного подхода и возможности его применения для всех муниципальных образований Российской Федерации.

Ключевые слова: развитие человеческого потенциала, индекс развития человеческого потенциала, индекс доходов, муниципальное образование, социально-экономическая дифференциация.

The article offers a method for calculating one of the composite indices of the integral indicator of human development – the income index for municipalities. As the initial data for calculating the index, the authors use the indicator of the volume of social payments to the population and taxable monetary income of the population by municipal and urban districts. The analysis of the results shows the adequacy of the proposed approach and the possibility of its application for all municipalities of the Russian Federation.

Key words: human development, human development index, income index, municipality, socio-economic differentiation.

Показатели развития человеческого потенциала являются ключевыми индикаторами эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (Указ Президента Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 548), но при этом отсутствуют в системе индикаторов деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов (Постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1317). Причиной этого, вероятно, является и низкая степень операциональности индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) для муниципальных образований, обусловленная как ограниченными возможностями статистического учета, так и возрастающей вероятностью волатильности и погрешности данных на этом уровне.

Вместе с тем, расчет ИРЧП на уровне семи социально-экономических зон Республики Башкортостан, анализ их динамики позволили выявить серьезные территориальные диспропорции в социальном развитии региона [5], [6, 34]. Многоуровневый анализ индикаторов человеческого развития (от общенационального уровня к региональному и к внутрирегиональному) подтвердил результативность данного подхода и необходимость изучения проблем развития человеческого потенциала на локальном уровне.

* Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-011-00934 «Развитие человеческого потенциала в условиях прекаризации социально-трудовой сферы» на 2020–2022 г.

Целью данной работы является апробация методических подходов к анализу внутрирегиональной дифференциации по доходам в контексте концепции человеческого развития, а именно разработка, расчет и анализ индекса доходов для муниципальных образований Республики Башкортостан.

Методика расчета индекса развития человеческого потенциала для муниципальных образований Республики Башкортостан является модифицированной процедурой расчета региональных индексов, применяемых в национальных Докладах РФ [6, 41–42]. Как и в классической формуле, индекс развития человеческого потенциала для муниципальных образований является агрегированным и состоит из трех частных индексов: индекса долголетия, индекса образования, индекса дохода.

Индекс дохода, в соответствии с методикой Программы развития ООН (ПРООН), должен был быть представлен валовым муниципальным продуктом (ВМП). Однако разработка такого обобщающего показателя для характеристики экономической ситуации в муниципальном образовании является одной из наиболее сложных и наименее проработанных задач. Об этом свидетельствуют работы исследователей и сотрудников органов государственной статистики, поставивших эту проблему для разных регионов России: Республики Саха [4], Республики Коми [2], Вологодской области [1], Свердловской области [3] и др. Специалисты отмечают, что единой методики расчета ВМП пока не существует как на уровне субъектов РФ, так и в мире.

ВМП для муниципальных районов и городских округов Республики Башкортостан начали рассчитывать в Башкортостанстате, но вскоре работа была прекращена из-за отсутствия всех необходимых данных и трудоемкости самих расчетов. Недостаток информации в открытом доступе и несопоставимость полученных результатов сдерживают развитие методического инструментария для корректного расчета ВМП. Вместе с тем, исходя из сути концепции человеческого развития и основных методических ее инструментов, важно анализировать именно величину доходов, которыми располагает население. В связи с этим, в качестве исходных данных для расчета индекса доходов на муниципальном уровне предлагаем использовать показатель *объема социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения по муниципальным районам и городским округам*. Он представляет собой упрощенный аналог макроэкономического показателя денежных доходов населения и характеризует объем денежных средств на основе сведений о населении, формируемых налоговыми органами (о размерах налоговой базы при исчислении налога на доходы физических лиц и индивидуальных предпринимателей), органами Пенсионного Фонда РФ (о размерах выплаченных пенсий и пособий) и органов исполнительной власти субъектов РФ (о выплаченных пособиях по безработице, пособиях, выплачиваемых при оказании мер социальной поддержки и др. видов адресной социальной помощи населению). Безусловным преимуществом данного подхода является то, что он публикуется с годовой периодичностью для всех муниципальных районов и городских округов субъектов Российской Федерации, что позволяет использовать его на всей территории страны¹.

В целях соблюдения основных методических рекомендаций по построению индекса развития человеческого потенциала валовой региональный продукт распределяется по муниципальным образованиям пропорционально: либо к общему объему социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения – вариант 1; либо только к объему налогооблагаемых денежных доходов населения (от трудовой и предпринимательской деятельности) – вариант 2 (см. табл.).

¹ Начиная с 2011 г. рассчитывается с учетом расширенного состава компонентов доходов: пособия и компенсации военнослужащим силовых ведомств; пособие по беременности и родам; пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет гражданам, подлежащим и не подлежащим обязательному социальному страхованию; пособие по уходу за ребенком гражданам, подвергшимся воздействию радиации вследствие радиационных аварий; пособие при рождении ребенка; страховые возмещения; выигрыши по лотереям; проценты по депозитам; предварительная компенсация по вкладам граждан; стипендии; деньги, полученные по переводам.

Полученные величины условно будут выполнять роль показателя валового муниципального продукта (ВМП). Далее, для расчета индекса доходов, ВМП дисконтируется по формуле: $I_{\text{ВМП}} = (\ln \text{ВМП}_{\text{факт}} - \ln \text{ВМП}_{\text{мин}}) / (\ln \text{ВМП}_{\text{макс}} - \ln \text{ВМП}_{\text{мин}})$, где минимальный уровень ВМП=100, максимальный – удвоенная величина ВМП ГО г.Уфа (как максимально достигнутого уровня). В таблице приведены результаты двух вариантов расчета индексов дохода для городских округов Республики Башкортостан по данным Башкортостанстата за 2018 г.

Индексы доходов для городских округов Республики Башкортостан за 2018 г.

Городские округа РБ	Доходы от трудовой и предпринимательской деятельности, тыс. руб.	Социальные выплаты и др. доходы, тыс. руб.	Всего денежных доходов, тыс. руб.	Численность населения, тыс. человек	Вариант расчета ВМП	ВМП, тыс. руб.	ВМП на душу населения, тыс. руб.	Индекс дохода
г. Уфа	311 851	75 061	386 911	1135	вар. 1	727 628	641	0,927
					вар. 2	848 013	747	0,928
г. Агидель	940	1 221	2 161	15	вар. 1	4 064	278	0,839
					вар. 2	2 557	175	0,777
г. Межгорье (ЗАО)	2 597	1 104	3 700	16	вар. 1	6 959	446	0,888
					вар. 2	7 061	453	0,876
г. Кумертау	6 915	4 800	11 715	64	вар. 1	22 030	346	0,862
					вар. 2	18 803	296	0,831
г. Нефтекамск	23 171	9 117	32 288	141	вар. 1	60 721	432	0,885
					вар. 2	63 009	448	0,875
г. Октябрьский	17 702	7 635	25 337	114	вар. 1	47 649	417	0,881
					вар. 2	48 137	422	0,868
г. Салават	24 377	10 276	34 653	152	вар. 1	65 168	430	0,885
					вар. 2	66 288	437	0,872
г. Сибай	5 748	4 087	9 835	62	вар. 1	18 496	296	0,845
					вар. 2	15 630	251	0,814
г. Стерлитамак	35 768	17 731	53 499	278	вар. 1	100 610	362	0,866
					вар. 2	97 264	350	0,849

Примечание:

Валовой региональный продукт Республики Башкортостан в 2018 г. составил 1 673 695 750 рублей.

Источник: расчеты произведены авторами на основе данных Башкортостанстата.

На наш взгляд, аналог валового муниципального продукта, полученный распределением валового регионального продукта пропорционально налогооблагаемым доходам, лучше отражает реальный уровень экономического положения муниципального образования, в частности, возможности населения для занятости и предпринимательства. В другом варианте отражаются результаты социальной поддержки государства. Как видно из рис. 1, социальные выплаты и другие неидентифицированные доходы выполняют существенную выравнивающую функцию.

Согласно данным за 2018 г., доля социальных трансфертов в общей структуре доходов населения превышает 50% в 21 муниципальном образовании республики, в 33 муниципалитетах их доля составляет от 1/3 до 1/2 части всех доходов жителей. И только в трех районах (Уфимском, Благовещенском и Туймазинском) и шести городах (Уфа, Межгорье, Нефтекамск,

Октябрьский, Салават, Стерлитамак) – доля социальных выплат в общем объеме доходов населения ниже 1/3.

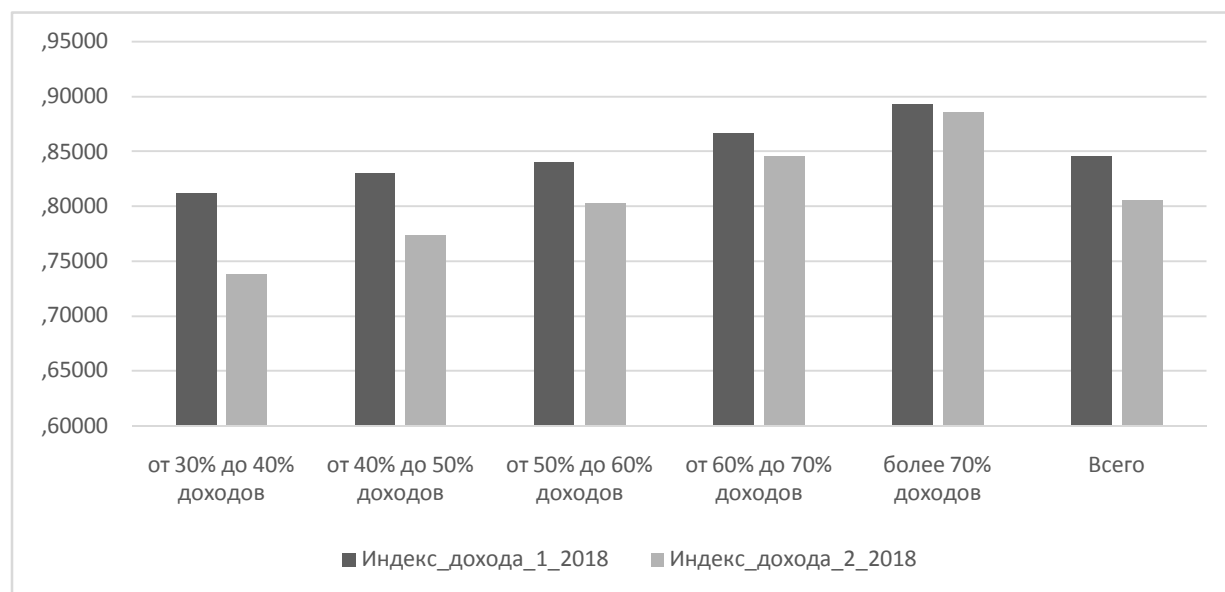

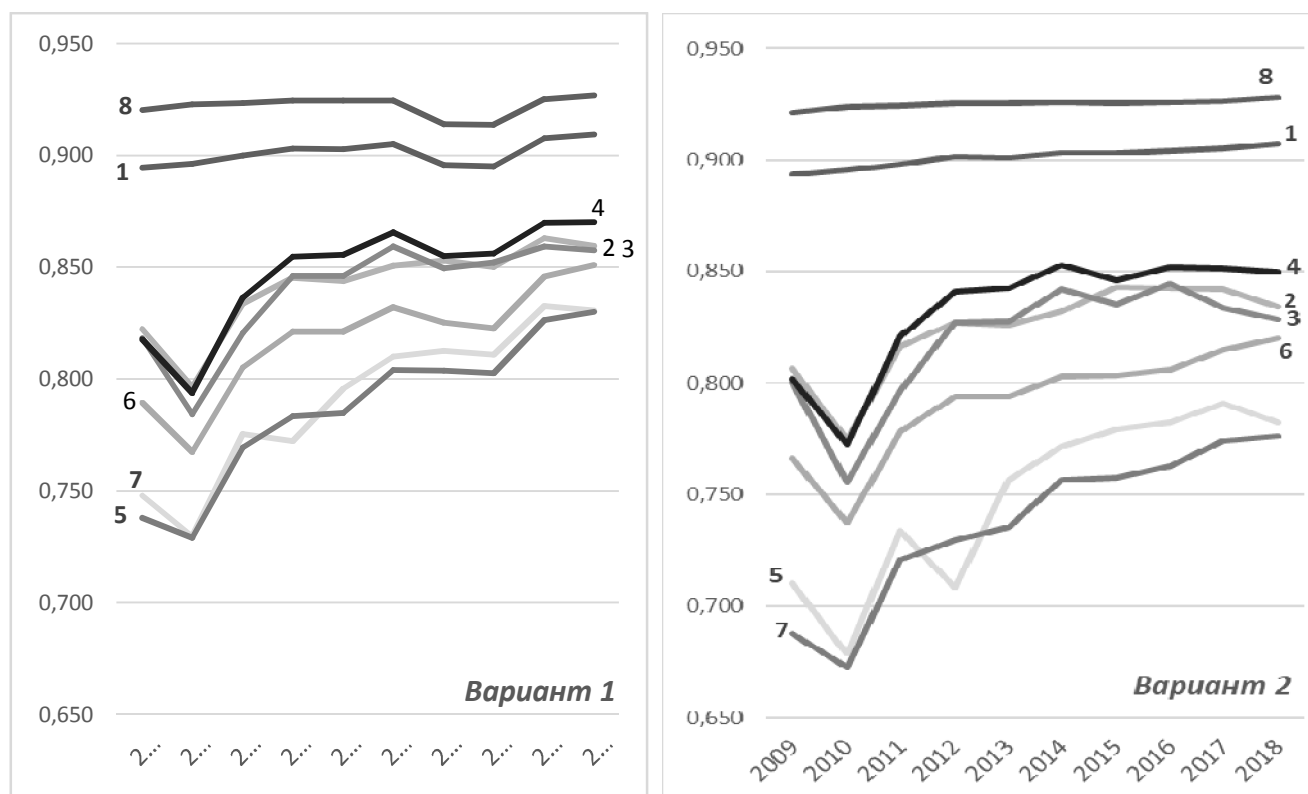
Рис. 1. Средние индексы доходов для муниципальных образований с различной долей трудовых и предпринимательских доходов в общем объеме доходов населения

Республики Башкортостан в 2018 г.

Источник: рассчитано и составлено авторами.

В большинстве муниципальных образований республики налогооблагаемые трудовые и предпринимательские доходы составляют от 40% до 60% доходов населения. При этом, как показал анализ, соотношение социальных трансфертов и налогооблагаемых доходов не всегда зависит от возрастной структуры населения муниципального образования. Это, в свою очередь, свидетельствует о влиянии других факторов, которые предстоит выяснить посредством дальнейшего и более глубокого анализа возможностей для развития человеческого потенциала локальных территорий. К примеру, сопоставление настоящих расчетов с результатами социологических опросов по проблемам занятости позволило бы выявить зоны с наибольшей распространенностью неформального и прекарного труда.

Сравнение динамики индексов и полученных рейтингов показывают, что они адекватно отражают тенденции роста номинальных доходов населения и дифференциацию социально-экономических зон в 2009–2018 гг. Оба варианта могут быть использованы для расчета частного индекса ИРЧП, характеризующего материальное положение населения. В некоторых аспектах они дополняют друг друга. К примеру, рис. 2. показывает, что увеличение социальных трансфертов населению в последние годы снизило уровень дифференциации социально-экономических зон республики. Индексы доходов муниципальных образований отражают также экономическую самостоятельность или зависимость от бюджетных трансфертов. К примеру, позиция г. Агидель, известного очень высоким уровнем безработицы, в рейтинге муниципальных образований по первому варианту (с учетом социальных трансфертов) существенно выше, чем по второму – построенному на распределении пропорционально экономическим показателям, отражающим трудовую и предпринимательскую активность. И напротив, позиции Кармаскалинского и Иглинского районов выше во втором рейтинге, чем в первом, учитывающем социальные выплаты населению.

Обозначения: 1 – Центральная; 2 – Южная; 3 – Западная; 4 – Северо-Западная; 5 – Северо-Восточная; 6 – Уральская; 7 – Северная; 8 – Уфа.

Рис. 2. Динамика индексов доходов в социально-экономических зонах РБ (два варианта расчетов), 2009–2018 гг.

Источник: рассчитано и составлено авторами.

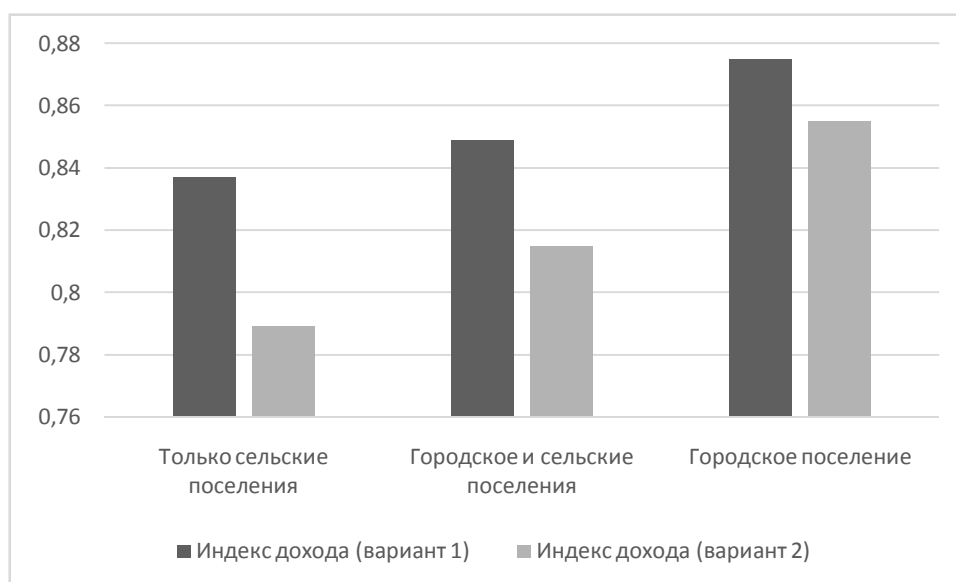

Рис. 3. Средние индексы доходов для муниципальных образований:
а) состоящих только из сельских поселений; б) из городского и сельских поселений;
в) городских округов Республики Башкортостан, 2018 г.

Источник: рассчитано и составлено авторами.

Об адекватности полученного индекса доходов свидетельствует и рис.3, на котором видно, что доходы городских округов существенно выше доходов муниципальных районов и в особенности чисто сельских. При этом социальные выплаты населению существенно улучшают материальное положение сельских жителей.

Таким образом, показатель объема социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения является достаточно информативным индикатором социально-экономического положения населения, позволяет анализировать дифференциацию муниципальных районов и городских округов не только по уровню доходов, но и по экономической активности населения. Разработка индекса доходов на его основе также оказалась результативной: динамика этого показателя в муниципальных районах, городских округах и социально-экономических зонах республики за 10-летний период в целом отражает реальные тенденции и соотношения.

Литература

1. Внутрирегиональная социально-экономическая дифференциация: монография / Н.В. Ворошилов, Е.С. Губанова; под науч. рук. Е.С. Губановой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019. 187 с.
2. Колечков, Д.В. Валовой муниципальный продукт в управлении муниципальной экономикой: автореферат дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / Колечков Дмитрий Васильевич; [Место защиты: Ин-т народнохоз. прогнозирования РАН]. Москва, 2013. 22 с.
3. Победин, А.А. Политика регулирования внутрирегиональной дифференциации социально-экономического развития (на примере Свердловской области): автореферат дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Победин Александр Александрович; Уральская академия государственной службы. Екатеринбург, 2008. 25 с.
4. Пуляевская В.Л. Валовой муниципальный продукт в оценке уровня экономического развития Республики Саха (Якутия). Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления (НГУЭУ). 2015. № 4. С. 135–144.
5. Семья и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан // под общ. ред. Р.М. Валиахметова, Ф.Б. Бурхановой, Г.Ф. Хилажевой. Уфа: Восточная печать, 2013. 283 с.
6. Труд, занятость и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан // под общ. ред. Р.М. Валиахметова, Г.Р. Баймурзиной, Н.М. Лавренюк. Уфа: Восточная печать, 2015. 360 с.
7. Шарыбар С.В. Валовой муниципальный продукт как показатель конкурентоспособности сельских территорий // С.В. Шарыбар, В.Г. Шефель, Н.Д. Миненок // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 11. Ч. 1. С. 137–140. doi: 10.18454/IRJ.2015.42.221

GR-деятельность в политическом процессе: анализ коммуникационных каналов

GR-activities in the Political Process: Analysis of Communication Channels

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.43)

Л. МУСИНА

Мусина Лилия Миннегаяновна, канд. полит. наук, доцент Уфимского государственного нефтяного технического университета. E-mail: teacherlilia@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению процесса выстраивания коммуникационного канала взаимодействия власти и общества. Автором выделено основное преимущество коммуникации бизнеса и правительства; проанализирована GR-деятельность, как составная часть PR.

Ключевые слова: государство, власть, бизнес, джи-ар деятельность, коммуникационные каналы, СМИ.

The article is devoted to the consideration of the process of building a communication channel of interaction between the authorities and society. The author highlights the main advantage of communication between business and government; analyzed GR-activity as an integral part of PR

Key words: state, government, business, GR-activities, channels of communication, mass media.

Совершенствование взаимодействия власти и общества в последнее время стало одной из самых важных задач для государственных органов [8]. Реализация концепции открытого правительства, привлечение общественности к участию в государственных делах, стремление «оставаться на связи» с бизнесом – все это привело к изменениям в правительственной информационной политике. Несмотря на то, что политологи относят старт этого процесса к началу XXI века, тем не менее поворотным моментом в истории демократии является Brexit. Никогда ранее столь радикальное решение не принималось с помощью столь примитивной процедуры – одностороннего референдума, основанного на простом большинстве. Никогда прежде судьба страны – фактически целого континента – не изменялась одним актом выражения общественного мнения, осуществленным разочарованными и плохо информированными гражданами.

В 2008 году в рамках World Values Survey (крупномасштабный международный исследовательский проект при Институте сравнительных исследований в Вене, Австрия) было опрошено более 73 000 человек в 57 странах. Участникам был задан вопрос: считают ли они, что демократия является хорошим способом взаимодействия власти со своим народом? Почти 92 % ответили «да» [9]. Но тот же опрос показал, что за последние 10 лет во всем мире значительно возросло количество призывов к сильному лидеру, и что доверие к правительствам и политическим партиям достигло исторического минимума. Результаты исследования были ошеломляющими: людям нравится идея демократии, но они ненавидят реальность.

Доверие к институтам демократии как способу выражения интересов народа также заметно снижается. За последние пять лет официальное бюро исследований Европейского Союза обнаружило, что в свои национальные парламенты и правительства верят менее 30 % европейцев – это один из самых низких показателей за последние годы, который свидетельствует, что почти три четверти граждан не доверяют наиболее важным политическим институтам своих стран [6]. Повсюду на Западе политические партии – ключевые игроки в наших демократиях – являются институтами, пользующимися в обществе наименьшим доверием. Хотя определенный скептицизм является важным компонентом гражданственности в свободном обществе, мы вправе спросить, насколько распространенным может быть это недоверие, и в какой момент здоровый скептицизм переходит в явное отвращение.

В эпоху, когда интерес к политике растет, а вера в политику падает, есть что-то взрывное. Что это означает для стабильности страны, если все больше и больше людей осторожно отслеживают действия власти, которой они все меньше доверяют? Возможно, прежние способы

взаимодействия власти и общества в силу независимых обстоятельств перестали эффективно работать.

Пятьдесят лет назад мы жили в мире с высокой степенью политической апатии и еще большим доверием к политике. Сейчас есть страсть к политике и есть недоверие. Возможно, инструменты, которые использует демократия для преобразования коллективной воли народа в сформированное правительство, устарели.

Слова «выборы» и «демократия» стали синонимами. Мы убедились, что единственный способ выбрать представителя – через урну для голосования. В конце концов, Всеобщая декларация прав человека 1948 года гласит: «Воля народа должна быть основой власти правительства; это будет выражаться в периодических и подлинных выборах, которые будут проводиться на основе всеобщего и равного избирательного права и будут проводиться тайным голосованием или эквивалентными процедурами свободного голосования».

Когда сторонники американской и французской революций предложили выборы как способ узнать «волю народа», не было политических партий, законов о всеобщей франшизе, коммерческих СМИ и Интернета. Предшественники нашей представительной демократии и не предполагали, что подобные вещи возникнут. Поэтому в настоящее время многие политологи констатируют наличие антагонистического явления: власть не выражает интересы народа, а народ не выражает интересы власти (что и показал Brexit).

В годы после Второй мировой войны в западных демократиях господствовали крупные массовые партии, и они держали структуры государства в своих руках. Благодаря сети посреднических организаций, таких как союзы, корпорации и партийные СМИ, им удалось приблизиться к жизни отдельного гражданина. Это привело к созданию чрезвычайно стабильной системы, с большой лояльностью партии и предсказуемым поведением при голосовании.

Ситуация изменилась в 80–90-х годах XX века, когда дискурс все больше формировался свободным рынком. Партии стали меньше воспринимать себя как посредников между людьми и властью, и оказались на периферии государственного аппарата.

Современный мир цифровых технологий позволил сформировать новые каналы взаимодействия власти и общества. Как отмечают некоторые исследователи, эти новые каналы связи в скором времени не только вытеснят партии с политической арены, но и приведут к формированию электронного правительства [2]. В связи с актуальностью и значимостью политических коммуникаций, от качества которых напрямую зависит уровень цивилизованного (а значит, и стабильного) формирования современной политики, данная область знаний становится предметом изучения множества исследователей – как иностранных, так и отечественных. Процесс выстраивания и осуществления связей с органами государственной власти получил название Government Relations (GR).

Один из классиков лоббизма Брюс Вулп видит существенное отличие внутрикорпоративных специалистов по GR от специалистов, нанимаемых по контракту, и состоит оно, по его мнению, в том, что сотрудники корпорации получают заработную плату и представляют только одну организацию: своего работодателя.

При выстраивании коммуникационного канала между правительством и бизнесом необходимо понимать, что корпорации сильно различаются по поддержке, которую они оказывают департаментам в делах правительства, многое зависит от характера отрасли, размера компании, реализуемой в стране государственной политики и отношения руководства компании к политическому процессу. Крупные предприятия, как правило, имеют по крайней мере одно подразделение или офис с внешне ориентированными задачами, которые направляют или контролируют государственное лоббирование, создание коалиций, связи с общественностью и политическую деятельность для обеспечения позитивных отношений с государством и с местными сообществами.

Основным преимуществом коммуникации бизнеса и правительства является продвижение интересов частных лиц, структур в органах государственной власти с целью принятия выгодного как для бизнеса, так и для государства в целом политического решения [1]. Данный коммуни-

кационный канал в GR-деятельности может носить не только восходящий (от бизнеса – к власти), но и нисходящий характер (от власти – к бизнесу) – когда государство предоставляет бизнесу возможность принять участие в реализации того или иного общественно значимого проекта. Необходимо отметить, что речь здесь не идет о персональных договоренностях с представителями власти по конкретным вопросам: коммуникация бизнеса и правительства нацелена на создание стабильной, долгосрочной и постоянной коммуникационной системы, которой являются Government Relations [3].

GR-деятельность в политическом процессе может быть реализована через индивидуальные практики (адвокаты юридических фирм, GR-специалисты) или организованные группы (агентства). Репутация организации может быть отчасти сформирована репутацией нанятого ею лоббиста или GR-специалиста. Использование очень влиятельного лоббиста по контракту может (хотя и не всегда) обеспечить мгновенный рост статуса при условии, что лоббист по контракту имеет возможность затратить от имени клиента время и капитал, необходимые для успеха. В других случаях бизнес может пожелать нанимать политических деятелей более низкого уровня. Лоббисты со значительным опытом работы в США, особенно бывшие должностные лица и сотрудники госдепартамента, как правило, зарекомендовали себя и свои полномочия в течение многих лет [10]. Фирмы, лоббирующие адвокатов, обычно пропагандируют тот факт, что они руководствуются правилами профессиональных стандартов по конфликтам интересов и представлению интересов клиентов, которыми не могут быть лоббисты, не являющиеся адвокатами. Лоббистские фирмы адвокатов обычно акцентируют внимание на том, что в случае конфликта интересов или представления интересов клиента они руководствуются профессиональными стандартами.

Поскольку выборы имеют решающее значение для должностных лиц, лоббисты и правительственные органы уделяют пристальное внимание избирательному ландшафту. Участие в мероприятиях (таких, например, как сбор средств), нередко рассматривается как часть процесса коммуникации бизнеса и власти, развивает доброжелательность и позволяет налаживать связи между властью и обществом. Поскольку прямые корпоративные взносы разрешены в одних юрисдикциях, но запрещены в других, предприятия могут создавать комитеты политических действий (так называемые PAC в США) для сбора взносов с целью покрытия расходов на кампанию.

Правительства многих стран мира, кроме ставшего уже традиционного лоббизма, все активнее стали использовать в рамках GR-деятельности в политическом процессе современные сетевые технологии, в частности электронную почту и социальные сети. Электронные, печатные и социальные медиа активно включаются в коммуникационный канал, связывающий общество и государство.

Так, в Дании с 2012 года правительство начало использовать социальную сеть Twitter для внешних коммуникаций – обзора деятельности своих департаментов и министерств, привлечения к обсуждению текущих государственных проблем блогеров и политических обозревателей [8].

Использование электронной почты как еще одного коммуникационного канала для взаимодействия власти и общества стало набирать обороты в Европе с 2004–2006 гг. Распространенными являются электронные сообщения персонализированного характера, которые адресованы отдельным гражданам, и их содержание является специфическим для этих лиц. Примерами таких сообщений являются налоговые декларации; заявки на получение различных лицензий и разрешений; информация, связанная со здравоохранением (медицинские страховки), социальным обеспечением и пенсионными пособиями; всевозможные запросы и ответы, касающиеся государственных программ. Сегодня эта практика персонализированного общения, как правило, осуществляемого по почте, а иногда по телефону или при личной встрече, начала завоевывать популярность и в России.

Органы власти разного уровня отправляют или получают сотни миллионов индивидуальных сообщений каждый год. Если даже небольшая часть этих сообщений может передаваться в

электронном виде, экономия на печати, обработке и почтовых расходах окажется значительной. Обработка и хранение электронных документов может быть проще и дешевле, чем их бумажных эквивалентов, также возможна автоматическая проверка на полноту, согласованность и точность.

Во многих случаях граждане считают электронные документы более удобными, чем традиционные бумажные документы [9]. Электронные документы можно подавать, воспроизводить и пересылать нажатием нескольких клавиш. Получатели также получают сообщения электронной почты везде, где они имеют доступ к Интернету, что потенциально важно для все более мобильного населения, которое проводит все больше времени вдали от постоянных или зарегистрированных домашних адресов. Асинхронный характер связи по электронной почте также позволяет гражданам иметь круглосуточный доступ к государственным услугам и учреждениям, аналогичная практика развивается в отношениях с учреждениями частного сектора, такими как банки, авиакомпании и розничные продавцы. Более дешевое и более удобное общение с гражданами и избирателями может обеспечить хорошую основу для более отзывчивых и более эффективных государственных услуг.

На основании проведенного анализа в политическом процессе GR-деятельности можно сделать следующие выводы.

1. Основным направлением GR-деятельности в политическом процессе является взаимодействие между бизнесом и государством, а также между государством и гражданами (общественностью).

2. На фоне информатизации и цифровизации общества все активнее в качестве основных коммуникационных каналов GR-деятельности используются современные сетевые технологии, в частности электронная почта, социальные сети и др.

3. В российской практике имеют место специфические проблемы, связанные с активизацией GR-деятельности (неразвитость нормативно-правовой базы и GR-технологий).

Литература

1. Груба И. GR по-русски // Краснодарские известия. 16.02.2007.
2. Махортов Е. Что такое GR [Электронный ресурс]. URL: http://www.bkworld.ru/archive/y2008/n05-2008/n05-2008_462.html
3. Молодцев Д.В. GR-менеджмент в России: основные тенденции и проблемы развития // Концепт. 2014. № S28. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gr-menedzhment-v-rossii-osnovnye-tendentsii-i-problemy-razvitiya/>
4. Сабирова З.Э. Экономика общественного сектора: учеб. пособие. Уфа: БАГСУ, 2015. 104 с.
5. Чернов М. Менеджер подбирает ключ к чиновнику [Электронный ресурс]. URL: <http://stra.teg.ru/library/38/1/2/>
6. Шохин А.Н. Лоббистская деятельность бизнеса в Европейском Союзе: практика, возможности, технологии // Журнал российского права. 2012. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lobbistskaya-deyatelnost-biznesa-v-evropeyskom-soyuze-praktika-vozmozhnosti-tehnologii/>
7. Government relations management в РФ: лица и регионы // НОФПИ «Бастион». М., 2006.
8. Meyer A.J., Torenvlied R. Social media and the new government communications organization: an empirical analysis of the use of Twitter by the Dutch police [Электронный ресурс]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0275074014551381/>
9. WorldValues Survey (Обзор мировых ценностей) [Электронный ресурс]. URL: www.worldvaluessurvey.org
10. Афанасьева О. В. "Электронное государство" в развитых странах: опыт институциональной трансформации // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 11. С. 44–52.

Зарубежный опыт институционализации делиберативных практик

Foreign Experience of Deliberative Practices Institutionalization

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.44)

ЛЮ ЯНЬ

Лю Янь, аспирант Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: sirina_elabuga024@mail.ru

Статья посвящена проблеме развития и институционализации практик делиберативной демократии. Актуализировавшийся кризис современных демократических практик вынуждает расширить возможности участия гражданского общества и его вмешательства в процесс принятия государственных решений. Делиберативная демократия рассматривается как компромиссный и удачный способ объединения процедур представительной, прямой и партисипаторной демократии. В статье раскрыты основные условия развития делиберативной демократии, проанализированы европейский и азиатский опыт внедрения делиберативных практик, а также особенности формирования институциональной структуры делиберации.

Ключевые слова: делиберативная демократия, политические институты, институционализация, кризис демократии, Народный политический консультативный совет Китая, Национальная комиссия публичных дебатов Франции.

The article is devoted to the problem of deliberative democracy development and institutionalization. The actualized crisis of modern democratic practices makes it necessary to expand the opportunities for the participation of civil society in the decisions making process. Deliberative democracy is a compromise and successful way to combine the procedures of representative, direct and participatory democracy. The article reveals the main conditions for the deliberative democracy development, analyzes the European and Asian experience of introducing deliberative practices, as well as the formation of the deliberation institutional structure.

Key words: deliberative democracy, political institutions, institutionalization, crisis of democracy, People's Political Consultative Council of China, National Commission for Public Debate of France.

Сегодня происходит переоценка традиционных демократических ценностей и механизмов ее реализации. Классическая модель представительной демократии все чаще подвергается критике, отмечается ее неспособность отвечать вызовам времени. Однозначно согласиться с такой точкой зрения не представляется возможным, однако отрицать полностью возникновение кризисных явлений и проблем в современных демократиях невозможно.

С одной стороны, вполне обосновано говорить о фактическом отстранении народа от процесса принятия решений в промежутках между электоральными циклами. В таком случае, активность людей в демократическом процессе приобретает эпизодический характер и сводится лишь к участию в выборах. В оставшееся время большинство населения не проявляет интереса к политике и не использует даже существующие механизмы вмешательства в политический процесс, что в итоге приводит к бюрократизации политической системы, а главное – к отрыву народных представителей от своих избирателей [3; 12]. В таком случае, принятые в демократическом государстве решения зачастую отвечают скорее требованиям групп интересантов, которые вмешиваются в процесс принятия политических решений, чем предпочтениям большинства избирателей. В свою очередь, это формирует апатию и абсентеистские настроения среди населения.

С другой стороны, кризис демократии выражается не только в трудности налаживания тесной связи между народными избранниками и их избирателями. Широкая политизация населения может привести к некомпетентным решениям, расцвету популизма в политике [5].

Большинство граждан не опираются на точную информацию при принятии решений, и их выбор не соответствует критериям рациональности [9].

Актуализировавшийся кризис современных демократических практик вынуждает расширить возможности участия гражданского общества и его вмешательства в процесс принятия государственных решений. Такая практика участия граждан в политическом процессе была названа делиберативной демократией. Впервые этот термин был применен политологом Дж. Бессеттом в 1980 году [4]. Сторонники делиберативного подхода отмечают смещение акцентов с индивидуального участия в сторону коллективного принятия решений в ходе обсуждений. Подразумевается, что легитимация законов и государственных проектов происходит в силу участия широких масс в предварительном обсуждении, а не за счет передачи права решать представителям народа. Делиберативная демократия предназначена для использования различных процедур коллективного гражданского обсуждения, социально-экономический и политический статус которых не имеет принципиального значения [8, 345]. Подлинная демократия, по мнению сторонников делиберации, возможна лишь при участии населения в процессе предварительного обсуждения, а не ограничения этого участия лишь голосованием за представителей, которые затем будут принимать решения уже без участия населения. В таком случае демократия рассматривается сквозь призму незелекторальных процессов, а диалоговых процедур.

По мнению Дж. Козна, сторонника делиберативного подхода, проведение делиберации невозможно без соблюдения нескольких условий. Во-первых, делиберативная демократия нуждается в постоянном взаимодействии независимых гражданских объединений. Во-вторых, для общества характерно признание и уважение многообразия политических взглядов. В-третьих, делиберативные возможности участников признаны всеми сторонами. Также выдвигаются требования к функционированию институтов политической системы. Институциональная структура должна быть сформирована с учетом возможности претворения в жизнь делиберации. Более того, процесс обсуждения законопроекта должен быть прозрачен и доступен для отслеживания, что усиливает в совещательных процедурах потенциал к легитимации решений [8, 346].

На практике парламентские способы принятия политико-управленческих решений в современных демократических государствах стали постепенно расширяться за счет включения новых процедур. Они не ограничиваются созданием условий для представительства интересов граждан, но и предполагают непосредственное их участие в обсуждении и принятии решений.

Рассмотрим европейский и азиатский опыт внедрения делиберативных практик, а также особенности формирования институциональной структуры делиберации. Во Франции борьба гражданского общества за внедрение делиберативных практик разворачивалась вокруг экологической повестки. Гражданское общество было солидарно в том, что граждане имеют право участвовать в обсуждении инвестиционных проектов, которые затрагивают общественные интересы. В первую очередь, это касалось проектов, оказывающих влияние на окружающую среду. Следовательно, в дискуссию было втянуто не только государство, но и представители экологического движения и бизнес-акторы. Итогом этого взаимодействия стало принятие «циркуляра Бьянко», названного по фамилии министра транспорта этой страны [6]. Главной целью данного документа стало создание механизмов для регулярного взаимодействия представителей гражданского общества и государства по важным общественным вопросам, что легло в основу формирования Национальной комиссии публичных дебатов [11]. Данной структуре поручалось проведение общественного обсуждения по инфраструктурным проектам, потенциально воздействующим на экологическую обстановку в стране.

Экологическое законодательство регулировало деятельность комиссии, что гарантировало учет результатов дискуссии в процессе принятия окончательного решения. Стоит отметить, что в экологический кодекс вошли случаи, в которых предварительное обсуждение приобретало обязательный характер [7]. Национальная комиссия оставляла за собой право потребовать придания общественной огласки проекту и последующему обсуждению даже в тех случаях, когда проект не подходил под критерии обязательного обсуждения. Это делалось, дабы избежать потенциальной конфликтной ситуации. Многообразие форматов дискуссий создает благоприятные

условия для включения в обсуждение различных групп граждан. Политический исследователь А.В. Зайцев подчеркивает: «Чтобы получить легитимное право на участие в публичном дискурсе по вопросам защиты окружающей среды, общественные объединения граждан, претендующие на это, должны иметь в своих рядах не менее двух тысяч членов и быть представлены не менее чем в восьми регионах страны» [2]. Публичное обсуждение может принять форму семинара, дебатов, встреч, круглых столов; кроме очных встреч также возможны дискуссии на интернет-площадках.

Стоит отметить, что опыт Франции представляет эвристический интерес во многом потому, что применение делиберативных практик в этой стране происходит на регулярной основе. Формирование постоянного органа, на который возложена задача отбора тем, проблем для обсуждения и организация дискуссии, стало одним из ключевых этапов в институционализации делиберативных практик. Законодательное регулирование процедур, механизмов и форм проведения дискуссий свидетельствует о серьезном подходе к внедрению принципов делиберативной демократии в политическую практику Франции. Сегодня существуют четкие критерии для привлечения участников к публичным дискуссиям, что свидетельствует о прозрачности системы отбора.

Иные институциональные структуры делиберативной демократии сформировались в Китае. Делиберативные институты Китая стали результатом долгих поисков и экспериментов по адаптации демократических практик под потребности политической системы Китая. Пересмотр общепринятого понимания делиберативной демократии происходил в Китае также по причине отсутствия различия между делиберативными и агрегативными механизмами участия представителей общественности в обсуждении. На наш взгляд, принципиальное отличие данных механизмов заключается в способах принятия решения. Участие граждан в выдвижении, обсуждении и решении по проекту указывает на делиберативную демократию. В случаях, когда для обсуждения предлагается созданный представительными органами проект, а представители общественности обсуждают готовый проект, речь идет об агрегативном механизме принятия решений.

Долгое время практики делиберативной демократии изучались китайскими исследователями в отрыве от западных теорий демократии [1,286]. Все это нашло отражение при формировании институтов делиберативной демократии в Китае, ключевым из которых сегодня является Народный политический консультативный совет Китая. НПКСК выступает институциональным выражением Единого народного патриотического фронта Китая, вместе с которым в состав первого включены профсоюзы, женские, молодежные организации [10]. Являясь инструментом легитимизации законов и иных государственных решений, Совет трансформируется в площадку для участия граждан и организаций в публичном обсуждении различных социально-политических проектов. Благодаря сотрудничеству с органами государственной власти и правящей Коммунистической партией Китая право участвовать в обсуждениях на базе структур НПКСК получили представители различных сфер.

В случае отсутствия поддержки гражданской инициативы со стороны данной структуры можно обратиться к другим каналам взаимодействия власти и общества. В качестве канала связи граждан с государственными органами Китая может рассматриваться обширная сеть местных комитетов партии, а также регулярно организуемые партийные форумы, которые начали проводиться в Китае с 1980-х годов [13].

Именно общественные организации, представленные в НПКСК, являются самыми продуктивными и эффективными по выступлениям с инициативой или предложениями. Наряду с партийными организациями, наиболее активное участие в работе НПКСК принимают Коммунистический союз молодежи Китая, Всекитайская федерация женщин, Национальная федерация молодежи, Всекитайская федерация профсоюзов, Китайская ассоциация по науке и технике. Сегодня в состав НПКСК входит около 30 организаций, которые благодаря совместным консультациям реализуют принцип многообразия в единстве. Именно такой формат взаимодействия позволяет учесть мнение большинства людей и предложить единую траекторию развития.

В качестве особенности использования механизмов делиберации в Китае стоит отметить, что коллективное обсуждение касается проблем, напрямую затрагивающих общественные интересы. На практике это сводится к уточнению позиций партии и органов государственной власти по отдельным вопросам. Еще одной особенностью является то, что представители, избранные народом по территориальному (от определённой местности) или корпоративному принципу (от общественной организации или предприятия), не обладают эксклюзивными полномочиями. Они отражают мнения и интересы представляемого ими коллектива граждан. В случае разногласий посредник может быть отозван, заменён на другого гражданина или привлечён к ответственности. Идеи индивидуализма, характерные для классической либеральной западной демократии, в делиберативной демократии сменяются ценностью коллективных решений и процедур, что вполне соответствует духу политической культуры Китая.

В заключение отметим, что механизмы делиберативной демократии становятся компромиссным и удачным способом объединения процедур представительной, прямой и партисипаторной демократии. Предварительное обсуждение расценивается как более эффективный способ легитимации политических решений.

Подводя итоги, стоит отметить, что сегодня практики делиберативной демократии получают широкое распространение и становятся в ряд с другими практиками вовлечения граждан в политический процесс. Институционализация делиберации – это длительный процесс, потому что каждая политическая система ищет в существующем разнообразии механизмов обсуждения проектов те, которые наиболее органично встраиваются в действующую институциональную структуру, а также учитывают политическую культуру и традиции общества.

Литература

1. Зайцев А.В. Институционализация диалога государства и гражданского общества в сфере публичной политики современной России: дисс. д-ра полит. наук: 23.00.02 / Зайцев Александр Владимирович. «Казанский (Приволжский) федеральный университет», 2017. 432 с.
2. Зайцев А.В. Институционализация публичных дебатов во Франции и диалог государства и гражданского общества в публичной политике современной России: сравнительный анализ // Социодинамика. 2014. № 5 [Электронный ресурс]. URL: https://e-notabene.ru/hr/article_12120.html
3. Шумпетер Й.А. Капитализм, Социализм и Демократия. М.: Экономика, 1995. 540 с.
4. Bessette J. Deliberative Democracy: The Majority Principle in Republican Government // How Democratic is the Constitution? Washington, D.C., AEI Press. 1980. Pp.102–116.
5. Brennan J. Against democracy. Princeton: Princeton University Press, 2016. 288 p.
6. Circulaire du 15 décembre 1992 relative à la conduite des grands projets nationaux d'infrastructures // Legifrance. [Electronic resource] URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000000163472/>
7. Code de l'environnement // Legifrance. [Electronic resource] URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006074220/2010-09-23/
8. Cohen J. Deliberation and Democratic Legitimacy // Debates in contemporary political philosophy. An anthology. Psychology Press, 2003. 464 p.
9. Downs A. An Economic Theory of Political Action in a Democracy // The Journal of Political Economy. Chicago: The University of Chicago Press, 1957. Pp. 135–150.
10. Ji-liang Z. The Lack and Improvement of the Position of the Chinese People's Political Consultative Conference // Hebei Academic Journal. 2011. № 3. Pp. 27–31.
11. Loi no 95-101 du 2 février 1995 relative au renforcement de la protection de l'environnement // Legifrance. [Electronic resource] URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000551804/2020-10-25/>
12. Michels R. Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy. Kitchener, Ontario: Batoche Books, 2001. 241 p.
13. Wang J. Will China Democratize? A «Gray» Transformation // Journal of Democracy. 1998. Vol. 9. № 1. Pp. 48–53.

**Возможность применения сетевого механизма координации
к государственному управлению и местному самоуправлению
в Российской Федерации на современном этапе развития**

**Possibility of Applying the Network Coordination Mechanism to
Public Administration and Local Self-Government in the Russian Federation
the Present Stage of Development**
(DOI: 10.34773/EU.2020.6.45)

А. АМИРОВА

Амирова Алсу Талгатовна, младший научный сотрудник лаборатории современных проблем региональной экономики Центра стратегических и междисциплинарных исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. E-mail: alsusu@mail.ru

В статье предпринята попытка аргументировать необходимость внедрения элементов сетевого подхода к государственному управлению.

Ключевые слова: государственное управление, иерархический механизм координации, сетевая архитектура управления, governance.

The article attempts to argue the need to introduce elements of a network approach to public administration.

Keywords: public administration, hierarchical coordination mechanism, network management architecture, governance.

Высокая скорость распространения информации и технологий, изменчивый характер мировых финансовых рынков, возрастающая роль геополитических рисков и все большее влияние общественности на результаты принимаемых политических решений порождают поиск новых управленческих форм, способных поддерживать экономическую ситуацию в национальной экономике на достаточном уровне равновесия и стабильности.

Вплоть до 1990-х гг. существовавший иерархический механизм координации, характерный для всех уровней госуправления в России, соответствовал своему времени, экономической системе (закрытая и плановая экономика) и, соответственно, задачам государственного аппарата, однако с начала 1990-х гг. во всем мире начинается ускоренное развитие информационных технологии, в том числе глобальной сети Интернет, в Российской Федерации начинается переход к рыночной экономике. Иерархические формы управления, ввиду своей неповоротливости и громоздкости, уже не могут оперативно реагировать на происходящие изменения в экономике, и в последние два десятилетия именно высокая адаптивность систем управления является главным критерием эффективного управления экономикой страны, региона, города.

К часто встречающимся негативным проявлениям современной системы государственно-го управления и местного самоуправления в Российской Федерации, обусловленным, в том числе, иерархическим типом координации, на наш взгляд, относятся следующие:

1) ограничения, связанные с явлением «когнитивной закрытости» государственных служащих, которая заключается «в игнорировании знаний, информации, идей, предложений, и возникает в результате отсутствия у чиновников прямых связей с внешним окружением» [6]; следствием такой закрытости является некая оторванность взглядов чиновников и (часто) предпринимаемых ими действий от реальной действительности, в которой живет основное население, и, как следствие, неправильная расстановка приоритетов при проведении политики. Попытки налаживания связей чиновников с наукой, бизнесом и гражданским сообществом (профильные конференции, форумы, стратегические сессии), не приносят ощутимого результата, а документы

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР УФИЦ РАН по государственному заданию Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

стратегического характера обладают низкой степенью реализации в том числе и по причине когнитивной закрытости чиновников;

2) несоблюдение принципов бюрократии – в теории М.Вебера под рациональной бюрократией понимается «ведение государственных дел беспристрастными и компетентными исполнителями, в полном соответствии с законодательством и процедурой, упорядоченность делопроизводства, свобода от субъективных влияний. В Российской Федерации и ее регионах термин «бюрократия» приобрел негативную окраску в результате «мутации» элементов бюрократии; сложившуюся современную российскую систему госуправления, по существу, можно описать как «патриархальную администрацию», главное “достоинство” которой – возможность найти личный контакт с “нужным” лицом, когда проситель может без формальных проволочек (а часто и вопреки закону) решить свое дело. В результате между чиновником и просителем возникают не формально-деловые, а теплые, порой дружеские отношения» [7]. Существующее положение дел в государственном аппарате, на наш взгляд, объясняется резкой сменой экономической системы в 1990-х гг. (от плановой экономики к рынку), в результате чего произошла в значительной степени формальная замена существовавших институтов псевдодемократическими политическими институтами без адаптации к российским реалиям (в частности, без объяснения чиновникам целевых функций и задач, возложенных на них новым государственным строем) и отсутствием соответствующего кадрового обновления государственного аппарата (продолжали работать чиновники «советского воспитания», не было переобучения);

3) «затрудненная вертикальная карьерная мобильность по меритократическим критериям (компетентности, квалификации, деловым качествам), что приводит к утечке талантов и дефициту профессиональных кадров» [13];

4) сложившаяся система отношений в системе государственной власти не позволяет соблюдать (за редким исключением) «управленческий цикл Деминга-Шухарта (PDSA)», который состоит из последовательности следующих этапов:

- стратегический анализ ситуации и планирование;
- принятие стратегических решений (определение приоритетов и политики, нормотворчество);
- «имплементация» – реализация политики и стратегических мероприятий, применение норм;
- контроль и коррекция (осуществление обратной связи на основе контроля и оценки с последующим переходом к следующему шагу «цикла» [5].

В особенности это проявляется в реализации государственных программ и стратегических планов, где управленческий цикл соблюдается не полностью, часто отсутствует этап учета обратной связи (то есть этап анализа результатов и ошибок, формулирование на основе анализа выводов и предложений), что приводит к формальному характеру разработки и исполнения реформ, а также отсутствию институциональных результатов государственных преобразований.

В результате затрудненной восприимчивости чиновников к новой информации, мутации бюрократических структур и фактически неисполнения своих функций по прямому назначению, невовлечения результатов оценок эффективности и выводов по предыдущим реформам в процесс управления, и в целом не критического отношения к размеру и функциям государственных органов система и соответствующая ей структура управления приобретают негибкий и неприспособляемый характер.

Использование элементов сетевого подхода к государственному управлению, по нашему мнению, может нивелировать вышеперечисленные недостатки управленческой системы и сделать ее более адаптивной благодаря учету и влиянию мнений общественности и бизнеса при принятии решений и функционировании государственного аппарата.

В самом широком смысле можно утверждать, что сети пронизывали общество с самых ранних стадий его существования. Начало изучение сетей было положено социологической наукой, «социологическое понятие сети впервые было включено в экономический анализ М. Грановеттером, который определял социальную сеть как объединение трех составляющих:

совокупность позиций, связей (отношений), потоков ресурсов». Следующими определяющими работами в теории организации стали исследования О. Уильямсона, в которых «он ввел понятие координирующих структур (governance structures), определил их как “институциональные способы организации транзакций [Williamson, 1979. Р. 234] и выделил рыночный, иерархический и промежуточный способы координации (то есть сети как механизма координации)”» [14, 28].

Параллельно теоретическим исследованиям сетевых взаимодействий, в хозяйственной деятельности происходило образование межфирменных сетей и в 1972 г. Ричардсон уже имел все основания писать о существовании в мировой экономике «плотной сети кооперирования ... с помощью которой фирмы связаны между собой» [Richardson, 1972. Р. 883] [14, 30-31].

Таким образом, сетевые структуры получили свое развитие сначала в бизнесе в виде межфирменных сетей, а в последующем и на государственном, и на местном уровне в виде политических сетей.

Внедрение корпоративных методов управления в практику государственного управления стало основной реформ идеологии нового государственного менеджмента (рыночный подход к публичному управлению), проводимых в начале 1990-х гг. в большинстве развитых стран. Однако сопровождающая критика концепции нового публичного менеджмента (узость подхода, игнорирование публичного характера государственного управления) и трансформация хозяйственной и общественной деятельности (глобализация, развитие сетевых структур, формирование общества знания, коммуникационная революция) привели к формированию концепции современного публичного управления, базирующейся на термине «руководство» (governance) [11].

Сегодня под термином «governance» в широком смысле понимается «осуществление публичного управления не только государством, но и другими структурами бизнеса и гражданского общества»; под «руководством» в данном случае понимается «сетевая структура управления публичными делами, которая включает в себя государство, бизнес, гражданское общество, открыто сотрудничающие друг с другом при выработке политических решений» [11].

Сетевая архитектура управления складывается по-разному в национальных экономиках в зависимости от политического строя, формы государственности и др. Наиболее успешной считается скандинавская модель (Норвегия, Дания, Швеция и Финляндия) сетевого управления. Например, в Финляндии реализована сетевая структура – «комитеты регионального управления, в состав которых входят представители государства, муниципальной власти, некоммерческих организаций и бизнеса. Комитеты занимаются вопросами регионального развития, координации, исполнения и финансирования стратегических программ, а также реализацией общеевропейских программ, то есть они обладают реальными властными полномочиями» [4].

Среди российских примеров использования сетевых форм координации можно выделить Программу поддержки местных инициатив, инициативное бюджетирование, общественные и экспертные советы при государственных ведомствах.

Один из примеров регионального сетевого сотрудничества – реализация дорожной карты проекта «Расширение использования высокотехнологичной продукции организаций РБ, в том числе импортозамещающей, в интересах ПАО «Газпром»», в рамках которого на основании соглашения между правительством Республики Башкортостан и ПАО «Газпром» промышленные и научно-производственные предприятия республики (активно работают 11 предприятий) стали производителями высокотехнологичной продукции для ПАО «Газпром», и к 2018 году объем сотрудничества достиг 9 миллиардов рублей [9]. Такое сотрудничество сетевое, так как его можно охарактеризовать по основным признакам сети: 1) происходит обмен ресурсами (между ПАО «Газпром» и региональными предприятиями (покупка высокотехнологичной продукции у республиканских предприятий, получение федеральных субсидий на компенсацию НИОКР региональными предприятиями) и административным ресурсом Правительства РБ, в бюджет поступают налоги от предприятий, задействованных в этом проекте); 2) участники соглашения в целом независимы; 3) связанность скорее добровольная; 4) наличие нескольких лидеров – Правительство и ПАО «Газпром»; 5) интегрированные уровни – государственное управление,

государственная корпорация, крупные и средние промышленные и научно-производственные предприятия; б) сотрудничество носит долгосрочный характер.

Сетевой механизм координации также лежит в основе местного самоуправления:

– в Европейской хартии местного самоуправления утверждается право граждан участвовать в ведении государственных дел, которое наиболее непосредственно может быть осуществлено на местном уровне; несмотря на то, что местное самоуправление осуществляется административными структурами, созданными демократическим путем, это не исключает прямого участия граждан в публичном управлении [1, ст. 6.2, 9.1, 3.1, 3.2];

– в ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления» утверждается о необходимости содействия населению в непосредственном осуществлении местного самоуправления [15, ст. 33], о возможности создания межмуниципальных организаций для решения вопросов местного значения путем объединения финансовых, материальных и иных ресурсов [15, ст. 8.4].

Вышеупомянутое является, по существу, сетевыми формами организации, в управлении принимают участие заинтересованные стороны (граждане), предусмотрены сетевые структуры на основе объединения ресурсов (межмуниципальные организации).

В ряде исследований говорится, что реализация сетевого подхода возможна только при наличии соответствующих условий, среди которых – высокая степень демократизации страны, сильные институты [12], высокая степень осознанности и ответственности государственных служащих и использование электронных государственных сервисов услуг, развитое гражданское общество [3], высокая инновационная активность экономических акторов [10], в противном случае «государство будет проектировать “пустотелые” сетевые структуры» [12].

Одним из препятствий для успешной реализации сетевого характера взаимодействия в рамках местного самоуправления (МСУ) является необеспеченность возложенных на органы МСУ полномочий финансами. В результате местные власти часто обеспокоены задачей обеспечения первоочередных задач, а не содействия участию граждан в управлении. Несмотря на то, что все возможные формы сетевого взаимодействия на местном уровне (межмуниципальное сотрудничество, совет муниципальных образований) законодательно закреплены, в большинстве своем они реализуются формально и не получили широкого распространения в России (на 2010 год существовало всего 55 межмуниципальных хозяйственных сообществ [6]). Формальный характер межмуниципального взаимодействия обусловлен:

– «определенной несогласованностью положений законодательства о местном самоуправлении с нормами гражданского законодательства, а также недостатком специальной правовой регламентации форм межмуниципального сотрудничества» [6];

– «невозможностью по нормам законодательства создавать на базе советов муниципальных образований различные формы хозяйственной кооперации в целях предоставления услуг муниципалитетам в решении вопросов местного значения, обучения муниципальных служащих и т. п.» [6].

Исследователи, несмотря на признание множества достоинств практики сетевых форм управления, все же говорят о невозможности их применения в современной России, приводя в доказательство низкие показатели по приведенным нами выше условиям [3].

Однако в настоящее время наблюдается положительная динамика (см. табл.) как в общественно-политической активности граждан, так и в использовании гражданами электронных госуслуг. То есть на основе симбиоза растущих показателей гражданской активности и цифровизации общества с помощью элементов сетевого подхода руководству страны нужно суметь направить совершенствование государственного управления к более адаптивным формам управленческих структур, а именно, к сетевым.

Таблица 1

**Показатели общественно-политической активности граждан и развития
государственных электронных сервисов**

общественно-политическая активность россиян, % [2]	2014 год	2017 год
участие в выборах в качестве избирателя	34	43
участие в собраниях жильцов дома или подъезда	19	26
участие в субботниках, мероприятиях по благоустройству подъезда, двора, города (поселка, села)	26	41
	2011 год	2017 год
участие в мирных демонстрациях	2	3
публичные высказывания своего мнения в интернете	4	3
электронные государственные услуги	2012 год	2017 год
доля граждан, предпочитающих получать государственные и муниципальные услуги в электронном виде, %[8]	25	64,3
численность Единого портала государственных услуг (ЕПГУ), человек [16]	1.413.587 (~1% населения страны)	13.022.301 (~10% населения страны)

Таким образом, для повышения адаптивности системы государственного управления и местного самоуправления в Российской Федерации, нивелирования выделенных нами недостатков управленческой структуры, по нашему мнению, необходимо использовать и внедрять элементы и формы сетевого механизма координации, при принятии политических и управленческих решений опираться не только на традиционные иерархические методы и способы координации, а всегда анализировать возможность применения сетевых форм.

Рассуждая о способах внедрения таких форм, можно сказать, что со стороны органов государственной и местной власти драйвером сетевой координации должна стать политическая воля руководства, выражающаяся в применении сетевых подходов при принятии политических решений. Со стороны граждан, науки и бизнеса необходимо систематическое и настойчивое участие в управлении (непосредственно и опосредованно через своих представителей) и требование реализации своих прав в проектах, предполагающих сетевой механизм координации для улучшения жизни в стране, регионе, городе, селе, в том числе с целью донесения до сознания государственных и муниципальных чиновников понимания необходимости применения более гибких и адаптивных сетевых элементов координации в управленческой практике.

Также в российской действительности наблюдаются значительные сдвиги в развитии электронного правительства, что само по себе является предпосылкой развития сетевого публичного управления, а также происходят переломные события в развитии гражданской активности населения (дело Ивана Голунова, дело о наркотиках в «Додо-пицце»), общественность, в частности, лидеры мнений, все больше влияют на решения органов государственной власти, используя сетевые коммуникации (блогосфера и социальные сети). И даже такие «пустотелые» сетевые структуры, как общественные советы и общественные слушания, начинают реально действовать (по результатам публичных слушаний принимаются решения в отказе в строительстве тех или иных объектов). Постепенное внедрение элементов сетевого управления именно на этапе точеных (но переломных и резонансных) моментов развития общественно-политической активности населения может дать толчок к развитию инклюзивных институтов и демократизации системы в целом, т.к. полноправное и полноценное участие всех заинтересованных сторон в процессе принятия и имплементации политических решений будет способствовать большему общественному контролю (соответственно, снижению коррупции в определенной степени),

более детальной проработке проблем и уменьшению временного лага при проведении государственной политики.

Литература

1. Европейская хартия местного самоуправления [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/2540485/>
2. Информационно-аналитический бюллетень. О развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. 2016. № 1 (9) [Электронный ресурс]. URL: <https://grans.hse.ru/bulletin/>
3. Кравченко А. Г. Концепция сетевого управления государством в России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2012. № 1. С. 48–50 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-setevogo-upravleniya-gosudarstvom-v-rossii/>
4. Курочкин А. В. Сетевые формы регионального и местного управления: опыт современной Финляндии [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/setevye-formy-regionalnogo-i-mestnogo-upravleniya-opyt-sovremennoy-finlyandii/>
5. Марач В.Г., Красникова Т.С. Роль сетевых сообщество в стратегическом развитии городов и регионов // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7. № 1. С. 66–78.
6. Межмуниципальное сотрудничество: проблемы правового регулирования [Электронный ресурс]. URL: <http://bujet.ru/article/75167.php>
7. Основные принципы и концепции бюрократии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.elitarium.ru/byurokratiya-vlast-chinovnik-byurokratizm-gossluzhba-max-weber-woodrow-wilson-model-sistema-koncepciya-struktura-ierarhiya/>
8. Перевыполнен показатель доли граждан, использующих электронные государственные услуги [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/37922/>
9. Подписана дорожная карта по взаимодействию «Газпрома» с промышленным комплексом Башкортостана [Электронный ресурс]. URL: <https://vbashkortostane.gazprom.ru/press/news/2018/10/347/>
10. Попов Е.Ф. Сети. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2016. 168 с.
11. Сморгунов Л.В. Управляемость и сетевое политическое управление // Власть. 2014. № 6. С. 5–14.
12. Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики: автореф. дис. ... доктора политических наук: 23.00.02 / Михайлова Ольга Владимировна [место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. М., 2014. 26 с.
13. Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://mert.tatarstan.ru/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya.htm>
14. Шерешева М.Ю. Формы сетевого взаимодействия компаний. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ. 340 с.
15. Федеральный закон № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/
16. Электронное правительство в РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/statistic/rating/elektronnoe-pravitelstvo-v-rf/>

Методика оценки глобального экономического бремени болезни

Methodology for Assessing the Global Economic Burden of Disease

(DOI: 10.34773/EU.2020.6.46)

Р. ЯХИНА

Яхина Рената Азаматовна, аспирант кафедры цифровой экономики и коммуникаций Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета. E-mail: renatochka.95@mail.ru

Индексы QALY (годы жизни с поправкой на её качество) и DALY (годы жизни с поправкой на инвалидность) обычно используются в анализе экономической эффективности для измерения пользы для здоровья. В статье даётся количественная оценка и объяснение различий между коэффициентами рентабельности на основе QALY и DALY, а также исследуется проблема использования одного индекса по сравнению с другим для формирования выводов об экономической эффективности медицинского вмешательства.

Ключевые слова: экономическая оценка, медицинское вмешательство, QALY, DALY, ICER, YLD.

Quality Adjusted Life Years (QALYs) and Disability Adjusted Life Years (DALYs) are commonly used in cost-benefit analyzes to measure health benefits. The article quantifies and explains the differences between QALY and DALY rates of return, and explores the problem of using one versus the other to draw conclusions about the cost-effectiveness of medical interventions.

Key words: economic assessment, medical intervention, QALY, DALY, ICER, YLD.

Введение

Исследования с использованием индекса DALY стали широко популярными в современной практике анализа экономической эффективности здоровья (СЕА). В последние десятилетия детская и взрослая смертность продолжали снижаться во всем мире, тогда как сама заболеваемость или время, прожитое без потери здоровья, стали более серьезной проблемой в странах с высоким уровнем доходов населения, а также в странах с более низкими темпами роста благосостояния населения. Это обусловило более частое использование индексов QALY и DALY для оценки экономической эффективности различных вмешательств (например, лечение или профилактика), влияющих на качество, а также на продолжительность жизни. В связи с этим возникает практический вопрос для исследователей и лиц, принимающих решения: какая мера должна применяться для оценки данного вмешательства в конкретных условиях. QALY рекомендован многими агентствами по оценке технологий здравоохранения в странах с высоким доходом (СВД), тогда как в странах с низким и средним доходами (СНВД) обычно предпочтительнее использовать показатель DALY.

Что такое DALY?

DALY (годы жизни с поправкой на инвалидность) – это показатель бремени здоровья, включающий сокращение продолжительности жизни и снижение качества жизни. В частности, бремя на основе меры DALY для определенной патологии здоровья является суммой YLL (количество лет жизни, потерянных из-за преждевременной смертности) и YLD (количество лет, потерянных из-за инвалидности). Мероприятия в области здравоохранения направлены на изменение DALY таким образом, чтобы увеличить количество лет, которые человек проживёт здоровым [5].

$$DALY = YLL + YLD,$$

где YLL определяется как произведение числа смертей (N) и стандартной продолжительности жизни в возрасте смерти (L_1). Такой подход позволяет измерить сокращение продолжительности

* Исследование выполнено при финансовой поддержке грантом РФФИ «Комплексный подход для сценарного прогнозирования экономического бремени хронического вирусного гепатита С в регионах России» № 20-310-90044.

жизни [1]: $YLL = N * L_1$. YLD – это количество новых случаев заболевания (I), умноженное на вес инвалидности (DW) и умноженное на среднее время жизни человека с этим заболеванием до ремиссии или смерти (L_2). То есть показатель отражает снижение качества жизни человека, получившего травму или заболевание [1]: $YLD = I * DW * L_2$.

В исследовании GBD 2010, опубликованном Institute for Health Metrics and Evaluation (IHME) в декабре 2012 года, использовался обновлённый стандарт ожидаемой продолжительности жизни для расчета YLL , при этом расчет YLD основывался на распространённости, а не на заболеваемости: $YLD = P * DW$. Здесь P – количество распространённых случаев, DW – вес инвалидности.

Анализ распределения $DALY$ среди населения дает исследователям представление о бремени болезни. Такое бремя представляет собой разрыв между «идеальным» состоянием здоровья населения и текущим состоянием здоровья населения. Бремя болезней обычно используется для определения приоритетов глобального здравоохранения. Суммируя $DALY$ среди населения, можно определить, какие группы населения испытывают наибольшее бремя здоровья, и определить приоритетность этих групп для проведения будущих медицинских вмешательств [6].

Что такое QALY?

Качество жизни с поправкой на годы (QALY) представляет собой стандартизированный показатель бремени болезней, которое сочетает в себе в единый индекс выживаемость и связанное со здоровьем качество жизни [4]. Расчет QALY прост: изменение значения полезности, вызванное лечением, умножается на продолжительность эффекта лечения. При расчёте QALY можно также учитывать медицинские расходы, чтобы получить окончательный общий показатель «стоимости болезни» [7]. Таким образом, данный индекс можно использовать для сравнения экономической эффективности любого лечения. QALY в основном используется для анализа экономической эффективности при принятии решений о распределении ограниченных ресурсов системами здравоохранения между конкурирующими программами или лечебными мероприятиями для интересующей группы населения. Также показатель можно использовать для принятия решений, касающихся клинического ведения и индивидуального ухода за пациентами [7].

Поскольку QALY учитывает как количество, так и качество жизни, он даёт оценку количества качественного времени, которое человеку может обеспечить конкретная программа или вмешательство в области здравоохранения, то есть, сколько лет человек будет жить здоровым, если вовремя получит медицинскую помощь [4].

Популярность применения индекса QALY в качестве меры экономической оценки здоровья возросла в последнее десятилетие. Во многом это обусловлено четырьмя важными особенностями показателя. Во-первых, QALY учитывает в едином индексе как количественные показатели здоровья (смертность), так и качественные его изменения (заболеваемость). Во-вторых, QALY просто вычисляется в виде произведения, хотя предварительная оценка полезностей, связанных с конкретными состояниями здоровья, является более сложной задачей. В-третьих, сбор информации о болезнях и связанных с их лечением расходах в машиночитаемом виде сильно облегчает расчёт QALY. Наконец, QALY является неотъемлемой частью экономического анализа в сфере здравоохранения, в том числе для анализа полезности затрат [2].

Коэффициент приростной экономической эффективности (ICER)

Помимо индексов QALY и DALY, для оценки глобального бремени болезни также широко используется показатель ICER (коэффициент приростной экономической эффективности). Данный показатель представляет собой сводную меру, позволяющую оценить экономическую ценность вмешательства по сравнению с альтернативой. ICER рассчитывается путем деления разницы в общих затратах (дополнительных затрат) на разницу в выбранном показателе результата или эффекта для здоровья (дополнительный эффект), то есть для получения соотношения «дополнительных затрат на дополнительную единицу воздействия на здоровье»:

$$ICER = (C_1 - C_0) / (E_1 - E_0),$$

где C_1 , E_1 – стоимость и эффект в группе вмешательства, а C_0 , E_0 – стоимость и эффект в контрольной группе лечения.

QALY наиболее часто используется в качестве оценочной меры медицинского воздействия на здоровье, позволяя сравнивать показатели ICER по различным видам заболеваний. ICER наиболее полезны при принятии решений о введении нового, более дорогостоящего медицинского вмешательства, дающего улучшенный эффект для здоровья. Показатели ICER, полученные в результате экономических оценок, сравниваются с заранее установленным стоимостным порогом, чтобы решить, является ли выбор нового вмешательства эффективным использованием финансовых ресурсов. Если для конкретного медицинского воздействия ICER выше определенного порога, это будет считаться слишком затратным и, следовательно, не должно финансироваться; в случае же, если ICER ниже порогового значения, вмешательство можно считать рентабельным. Так, например, ICER рассчитывался при оценке соотношения эффекта полезность/стоимость введения безинтерфероновых схем лечения гепатита С в период 2014–2016 годов в мире.

Таким образом, для принятия решения при распределении ресурсов в области здравоохранения можно использовать коэффициент ICER. Этот подход в некоторой степени был принят в отношении QALY; например, в Великобритании Национальный институт здравоохранения и повышения квалификации (NICE) устанавливает номинальную пороговую стоимость за QALY в размере от 20 тыс. до 30 тыс. фунтов стерлингов [3]. В 2009 году NICE определил номинальный порог стоимости за QALY в размере 50 тыс. фунтов стерлингов для ухода за умирающими больными, поскольку такая категория пациентов получает эффект от любого медицинского вмешательства в течение нескольких месяцев, способствуя уменьшению QALY. В 2016 году NICE установил порог стоимости за QALY уже на уровне 100 тыс. фунтов стерлингов для лечения редких заболеваний, так как в альтернативном случае медицинские вмешательства для малого числа пациентов не были бы рентабельными.

Таким образом, использование ICER помогает снизить расходы на здравоохранение за счёт выбора оптимальной стратегии лечения из соотношения минимизации неблагоприятных последствий для здоровья при наименьших затратах. На основе данных коэффициентов можно разработать взвешенную политику распределения средств в области здравоохранения при условии их ограничения. Поскольку с ростом ожидаемой продолжительности жизни населения в мире затраты на здравоохранение продолжают расти, многие новые клинические исследования должны основываться на расчётах ICER для получения доказательств потенциальной пользы от медицинских вмешательств [3].

Как используются коэффициенты дополнительной экономической эффективности (ICER)?

1. Для понимания ландшафта исследований экономической эффективности в стране по болезни или медицинскому вмешательству.
2. Для понимания того, какие медицинские вмешательства могут иметь наиболее широкое влияние на результаты в отношении здоровья населения.
3. Для распределения инвестиций по конкретным программам в области здравоохранения.
4. Для сбора информации об улучшении здоровья в результате проводимых медицинских вмешательств.
5. Для оценки полной стоимости медицинского вмешательства, учитывающего как прямые, так и косвенные расходы.

Заключение

Исследования глобального экономического бремени болезни на основе QALY и DALY для одного и того же медицинского вмешательства могут отличаться. Однако различия, как правило, незначительные и вряд ли существенно повлияют на рекомендации по распределению ресурсов. С другой стороны, небольшие различия могут по-прежнему влиять на процесс принятия решений, если рассматривать их в более широкой перспективе, включая альтернативные издержки других медицинских вмешательств, бюджеты расходов на здравоохранение и цены, связанные с реализацией медицинских воздействий.

Хотя и QALY, и DALY могут давать оценки рентабельности, которые помогают в принятии решений в области здравоохранения, необходимы дальнейшие исследования для улучшения методологии и применения этих мер для удовлетворения местных потребностей в области здравоохранения.

Литература

1. Drummond M.F., O'Brien B., Stoddart G.L., Torrance G.W. Methods for the Economic Evaluation of Health Care Programmes. 2. Oxford Medical Publications: Oxford; 1997.
2. Duru G., Auray J.P., Beresniak A., Lamure M., Paine A., Nicoloyannis N. Limitations of the methods used for calculating quality-adjusted life-year values. Pharmacoeconomics. 2002; № 20. Pp. 463–473.
3. Macran S., Kind P. "Death" and the valuation of health-related quality of life. Med Care. 2001; № 39. Pp. 212–227.
4. Nord E. Cost-Value Analysis in Health Care: Making Sense out of QALYs. Cambridge University Press: Cambridge; 1999.
5. Torgerson W.S. Theory and Methods of Scaling. John Wiley and Sons: New York; 1958.
6. Wilson I.B., Cleary P.D. Linking Clinical Variables With Health-Related Quality Of Life. A conceptual Model of Patient Outcomes. JAMA. 1995. Pp. 59–65.
7. World Health Organization. International Classification of Functioning, Disability and Health. WHO: Geneva; 2001.

Анализ методологических основ теории решения изобретательских задач (ТРИЗ)

Analysis of the methodological foundations of the theory of inventive problem solving (TRIZ) (DOI: 10.34773/EU.2020.6.47)

С. СЕМЕНОВ

Семенов Сергей Николаевич, канд. филос. наук, старший научный сотрудник Центра стратегических и междисциплинарных исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук. E-mail: semenov777@mail.ru

Статья посвящена анализу современной критики теории решения изобретательских задач (ТРИЗ) – теории, разработанной еще в советское время группой изобретателей. Суть теории в том, что процесс изобретения нового можно представить в виде алгоритма определенных мыслительных действий, и этому алгоритму можно обучать людей. Эта теория внесла вклад в научно-технический прогресс страны во второй половине XX века. В статье показано, что несмотря на попытки ревизии основных положений этой теории, она остается актуальной в современных условиях вхождения мира и России в шестой технологический уклад.

Ключевые слова: ускорение экономического развития, теория решения изобретательских задач, ТРИЗ, научно-технический прогресс.

The article is devoted to the analysis of modern criticism of the theory of inventive problem solving (TRIZ) – a theory developed in Soviet times by a group of inventors. The essence of the theory is that the process of inventing something new can be represented in the form of an algorithm for certain mental actions, and this algorithm can be taught to people. This theory contributed to the country's scientific and technological progress in the second half of the 20th century. The article shows that despite attempts to revise the main provisions of this theory, it remains relevant in modern conditions of the entry of the world and Russia into the sixth technological order.

Key words: acceleration of economic development, theory of inventive problem solving, TRIZ, scientific and technological progress.

* Статья подготовлена в рамках выполнения НИР по государственному заданию УФИЦ РАН Министерства науки и высшего образования РФ.

В условиях вхождения мира в новую эпоху, связанную с началом развития шестого технологического уклада, в России особую актуальность приобретают задачи технологического развития ее экономики. Успех технологического развития, разработки и внедрения новых, инновационных технологий, зависит, конечно, от множества факторов, среди которых важную роль играет человеческий фактор, качество человеческого капитала.

Проблема поиска методов, позволяющих не только поощрять и стимулировать творческую деятельность в различных сферах, но и формировать и развивать творческие способности человека, давно привлекает большое внимание ученых и практиков. В этом отношении особый интерес представляет созданная во второй половине XX века группой советских изобретателей под руководством Г.С. Альтшуллера «теория решения изобретательских задач» (ТРИЗ).

Эта теория основана на анализе творческого процесса большого количества изобретателей. Основные положения ТРИЗ таковы: человеческое творчество направлено на решение тех проблем, которые возникают в процессе объективного развития конкретных сфер человеческой деятельности (техника, экономика, наука и др.), причем возникающая задача приобретает творческий характер тогда, когда для ее решения требуется преодолеть противоречие – совместить ранее несовместимые требования и свойства. Таким образом, объективные основы и разрешение противоречий – главные черты ТРИЗ. При этом творческие проблемы анализируются, формируются и разрешаются системно, что дает возможность реального обучения.

В результате популяризации этой теории в нашей стране, а затем и за рубежом появилось большое количество последователей и исследователей данного подхода, ТРИЗ в разных вариантах применялась и применяется в большом количестве компаний. Например, в таком авторитетном деловом журнале, как «Harvard Business Review» Ю. Нерин (U. Neren) пишет о возникающем вопросе: имеется ли такой организованный мыслительный процесс, который дает реальные креативные результаты? Отмечается, что имеются «162 различных ответа» на этот вопрос, но лишь немногие достаточно убедительны, в частности ТРИЗ: «модель, выдвинутая российским изобретателем Генрихом Альтшуллером – являющаяся оригинальным, эмпирически обоснованным методом, соответствующим “систематическому преобразовательному мышлению”...» [13].

Однако в современном развитии этого перспективного направления практического развития творческого потенциала человека выявились серьезные проблемы. Дискуссия разгорелась вокруг основного положения ТРИЗ, которое сам Г.С. Альтшуллер сформулировал так: «Задача становится изобретательской только в том случае, если для ее решения необходимо преодолеть противоречие» [1, 19]. Эту позицию до недавнего времени подтверждали и его «официальные» последователи, создавшие целый ряд «ТРИЗовских» организаций, в т. ч. и международных. Как отмечает П.Н. Шимукович, за прошедшие пятьдесят лет в ТРИЗ «по-прежнему наиболее известным и широко применяемым считается ее исторически первый инструмент – приемы устранения технических противоречий (ТП)» [11]. С ним согласен и И.Л. Викеньев («Лестница идей»): «важно не избегать противоречий, что так свойственно обыденному мышлению, а обострять и разрешать их во времени, структуре и взаимодействиях» [8]. Эти примеры легко умножить.

Однако в 2014 году ряд ведущих «тризовцев», в основном сотрудничающих с зарубежными компаниями и представляющих «Международную ассоциацию ТРИЗ» (МАТРИЗ), на официальном сайте ассоциации (metodolog.ru) предложили «уточнить» основные положения ТРИЗ в связи с «новой реальностью». Суть этих предложений, по нашему мнению, связана с прагматической адаптацией идей ТРИЗ к прикладному и антитеоретическому мышлению зарубежных и отечественных представителей бизнес-структур и управленцев, да и «среднему» уровню научных и производственных работников. Вместо методологии творческого решения проблем в разных сферах предполагаются «инновационные услуги потребителям», имеющие ценность на рынке («высокую рыночную стоимость») и нацеленные не на «идеальные» решения, а на «небольшие усовершенствования».

Ключевым методологическим положением из 12 предлагаемых изменений «нового видения» по сравнению с «классической ТРИЗ» является № 9: «Инновации не обязательно есть результат разрешения противоречий» – в противовес прежнему «ТРИЗ должна быть нацелена на выявление и разрешение противоречий»². Этот подход активно поддержал ведущий современный ТРИЗовец А.В. Кудрявцев, считающий, что «отказ от безусловной необходимости использовать противоречия как инструмент постановки задачи» стал ясен уже к 1974 году, а сегодня дискуссии показывают, что «подавляющее большинство граждан согласны с тем, что противоречий в окружающем нас мире нет» и задачи могут ставиться «как-нибудь еще». Кудрявцев в качестве сильнейшего аргумента выдвигает следующее суждение: «а попробуй сформулировать противоречие, если необходимо не усовершенствовать, а синтезировать систему с нуля» [6]. Мы же считаем, что попытки избавиться от противоречий сделают ТРИЗ просто набором более или менее полезных практических советов по «культуре умственного труда», приправленных системной и «тризовской» терминологией.

Что же породило сомнение в значимости противоречий у последователей ТРИЗ? Полагаем, что дело в том, что после Г.С. Альтшуллера основополагающие методологические идеи ТРИЗ не только не развивались, но и вообще не анализировались. Вот характерные мнения самих «тризовцев». Так, именно по поводу «таблицы технических противоречий» (создана в 70-х гг. прошлого века) Л. Шуб уже в 2006 году констатирует «метаморфозу» коммерциализировавшегося ТРИЗ в Европе начала XXI века: «неуклонное упрощение и стремительная деградация классической методики с постепенным распадом на отдельные наглядные и легко продаваемые “кирпичики”» [12]. А инженер-конструктор А.А. Барышников отмечает, что основные идеи ТРИЗ не менялись уже 30 лет, излагаясь «слово в слово» по Г.С. Альтшуллеру, и ставит вопрос: «Возможно, что нынешние эксперты и специалисты ТРИЗ просто не способны к тому, чтобы привнести в нее что-то свежее, новое, современное?» [2].

О ТРИЗ в целом – разговор особый, а вот по поводу идеи противоречий как основы творчества с критиками современной ТРИЗ следует согласиться. Но и сомнения в применяемых в «классической» ТРИЗ методологических технологиях тоже имеют основания. А.В. Кудрявцев в ходе соответствующих дискуссий отмечал, что хотя Г.С. Альтшуллер резко отделял ТРИЗ от других методик, «в то же время в реале приходилось работать с этими инструментами, потому что в ТРИЗ было и есть множество трещинок, через которые приходится прыгать своим воображением» [6]. Поясним, что речь идет о том, что ТРИЗ резко критикует методы психологической активизации поиска, предлагая «программу алгоритмического типа» (АРИЗ), одним из ключевых звеньев которой является именно противоречие. При этом, как отмечалось, само разрешение противоречия происходит по предельной логической схеме, переходами с уровня на уровень.

То есть, через двести лет после философского спора Шеллинга и Гегеля [5; 10] проблема логики и воображения в творчестве возникает снова, и снова – в связи с противоречием. Кто же прав? Полагаем, что творческий синтез как разрешение диалектического противоречия имеет свою логику (как у Гегеля), но эта логика настолько противоречива, что она включает в себя, как необходимые и органичные, механизмы воображения (как у Шеллинга). Именно эти «включения» воображения в логику и имеет в виду Кудрявцев. Но мы здесь имеем дело не с «низшим» по отношению к сознанию психическим уровнем бес- или подсознательного, а, согласно Шеллингу, с эстетично-художественным, то есть высококультурным воображением.

На художественно-образные аспекты начала «Науки логики» Гегеля мы уже обращали внимание. Но более того, мы отметили ценностный аспект в самом процессе диалектического творческого акта, прежде всего позитивное отношение к «накалу противоречия» в процессе поиска и к «парадоксальным» решениям (напомним позицию А.Ф. Лосева, сказавшего по поводу

² См. Предлагаемые изменения к основным положениям ТРИЗ [Электронный ресурс]. URL: <https://metodolog.ru/sites/default/files/u5/TRIZ%20Assumptions%20Revision%20%28Rus.%29%20012114%203SL%2C%20AZ.pdf>

«единства противоположностей как нового качества, не содержащего в этих противоположностях», что «для нас это не парадокс, а элементарное пребывание диалектической мысли<...>» [9, 297].

Кстати, сильное влияние эмоционального компонента на логику мышления «первобытных людей» подчеркивал видный этнограф Л. Леви-Брюль, именно говоря об их отношении к противоречиям: «Общий эмоциональный элемент может некоторым образом заменить логическую общность», в связи с чем в «мифических представлениях устанавливается и дает себя чувствовать своего рода родство, скрадывающее отсутствие согласованности в них и одновременно препятствующее первобытному сознанию замечать имеющиеся в них противоречия» [7, 262].

Но именно эти архаичные особенности ведущие современные исследователи видят ключевыми характеристиками всякого творческого мышления: свободное оперирование противоречивыми данными [3, 117, 166–167], эмоциональные, а не рассудочные связи [3, 147]. Соответственно, И.А. Бескова считает именно «реликтовое мировосприятие» «источником творческих прозрений» [4, 258]. Полагаем, что аналогии творческого мышления с «архаизацией» связаны с наиболее полным проявлением в нем сущностных качеств мышления вообще («мышления как творчество» по В.С. Библеру).

Оно диалектически противоречиво соединяет высшие проявления социально-культурных его качеств с его «первичными» проявлениями. Архаичное мышление носит творческий характер, поскольку оно вообще «мышление», а не биологическая психика, именно в ту эпоху полностью занимающая «место» современных социально-культурных стереотипов. То есть «реликтовое» и самое современное творческое мышление едины в своей творческой сущности и диалектическом характере (что, в сущности, одно и то же), хотя, естественно, различаются по своей развитости (артикулированности).

Творческий синтез – не случайно-хаотический процесс, а комплексный и многоуровневый процесс формирования новой конкретной «самодостаточной» духовной целостности, в постоянном взаимодействии с Универсумом, его разнообразными ресурсами. Это – целостное мышление. Имеющиеся факты и понятийные знания в нем постоянно связаны с эстетическими и эмоционально-ценностными компонентами, трансформируясь в диалектико-логическом процессе развития противоречия (или целого комплекса противоречий), причем процесс идет не только в самом мышлении (тем более не только в вербально-понятийном его измерении), а включает в себя и привлечение дополнительной информации извне (иногда – из подсознания), включения механизмов «сверхсознания», то есть «подключение» творца к надындивидуальным потенциям развития культуры.

Полагаем, что главная трудность в понимании и применении диалектически противоречивой логики творческого синтеза – ее реализация именно в целостном мышлении через развитие эстетически-образных систем, насыщенных знаниево-понятийными и эмоционально ценностными аспектами. А постольку эстетические образы в творческом процессе не являются самодовлеющими, имеют не «автономно-созерцательную ценность», а носят «служебный», инструментальный характер, являясь средством решения творческой проблемы, то они приобретают символический характер, в соответствии с его пониманием у А.Ф. Лосева [8, 142]. Соответственно, возникающая в творческом акте эстетически-образная идея решения проблемы является символом как «порождающим принципом» [8, 12], выступает как: «<...> модельное и закономерное, системное разложение той или иной обобщенной функции действительности в бесконечный ряд частных и единичностей <...>» [8, 15].

Итак, полагаем, что применение воображения в ТРИЗ при разрешении противоречий вполне обоснованно, поскольку еще Г.С. Альтшуллер включил в систему ТРИЗ приемы творческого воображения, ориентированные именно на получение первичной идеи синтеза противоречивых требований, которая затем развивается в конкретное решение. Однако именно опора на методику работы с противоречиями в профессиональной деятельности позволяет четко отделить творческие проблемы от стандартных задач и систематически, организованно работать

с этими проблемами. А опыт разбора противоречивых задач и парадоксальных, но оказавшихся логичными решений – развивает общие творческие способности, которые получают и при столкновении с проблемами, для решения которых недостаточно уже имеющегося «инструментария» ТРИЗ. Отказ от идеи противоречия как организующей структуры творческого поиска может превратить ТРИЗ в набор различных «эвристических приемов», не имеющих системного «стержня» и не выходящих непосредственно на сущность творческого мышления: нахождение конкретного способа «совмещения несовместимого».

Литература

1. Альтшуллер Г.С. Творчество как точная наука. М.: Сов. Радио. 1979. 184 с.
2. Барышников А.А. Что есть ТРИЗ? [Электронный ресурс]. URL: [http: www.inventech.ru](http://www.inventech.ru)
3. Бескова И.А. Как возможно творческое мышление? М.: ИФ РАН 1993. 196 с.
4. Бескова И.А. Творческая одаренность: природа, предпосылки, проявления // Эпистемология креативности. М.: «Канон +». РООИ «Реабилитация». 2013. С. 204–271.
5. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 1. М-Л.: Государственное издательство политической литературы, 1920. 473 с.
6. Кудрявцев А.В. Новое определение ТРИЗ и его основных положений [Электронный ресурс]. URL: <https://metodolog.ru/node/1791/>
7. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: ОГИЗ, 1937. XXXII+ 618с.
8. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1976. 367с.
9. Лосев А.Ф. Некоторые терминологические уточнения в области законов диалектики // Диалектика отрицания отрицания. М.: Политиздат, 1983. С. 294–303.
10. Шеллинг Ф.В.Й. К истории новой философии (Мюнхенские лекции) // Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1989. С. 387– 560.
11. Шимукович П.Н. ТРИЗ-противоречия в инновационных решениях. РН-метод. М.: Либроком, 2014.
12. Шуб Л. Осторожно! Таблица технических противоречий [Электронный ресурс].URL: [http: www.metodolog.ru](http://www.metodolog.ru)
13. Neren U. The Number One Key to Innovation: Scarcity // Harvard Business Review. 2011. January 14.

**Академик А. Махмутов в воспоминаниях коллег, друзей и
родственников: по материалам «круглого стола»**
**Academician A. Makhmutov in the memoirs of colleagues, friends and relatives:
based on the materials of a «round table»**
(DOI: 10.34773/EU.2020.6.48)

**С. САФИНА, Н. ЕВДОКИМОВ,
А. ШАЯХМЕТОВ**

Сафина Светлана Борисовна, доктор юридических наук, проректор по научной работе Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: svetlanasafina@mail.ru

Евдокимов Николай Анатольевич, кандидат политических наук, руководитель Научно-исследовательского и информационного центра Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: rodina-kirovo@mail.ru

Шаяхметов Арсен Маратович, научный сотрудник Научно-исследовательского и информационного центра Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан. E-mail: amshayakhmetov@gmail.com

Статья представляет собой обзор круглого стола «Вклад академика А.Х. Махмутова в стратегическое социально-экономическое развитие Республики Башкортостан», состоявшегося в Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан 9 сентября 2020 года.

Ключевые слова: Анас Махмутов, Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, журнал «Экономика и управление: научно-практический журнал», Республика Башкортостан.

The article is a review of the round table «Contribution of Academician A.Kh. Makhmutov in the strategic socio-economic development of The Republic Bashkortostan», held at The Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head The Republic Bashkortostan on September 9, 2020.

Key words: Anas Makhmutov, The Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head of The Republic Bashkortostan, the journal «Economics and Management: Scientific and Practical Journal», The Republic Bashkortostan.

Лето 2020 года унесло жизнь легендарного человека – доктора экономических наук, профессора, академика Анаса Хусаиновича Махмутова. Отметив 90-летний юбилей в январе этого года, он получил высшую награду Республики Башкортостан – орден Салавата Юлаева – из рук Главы республики Радия Фаритовича Хабирова. Будучи человеком удивительных личностных и профессиональных качеств, Анас Хусаинович не покинул нас с последним вздохом, его многогранная личность отразилась в потомках и в памяти поколений, благодаря проектам, объединившим тысячи людей.

9 сентября в Башкирской академии государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, сооснователем и первым ректором которой он являлся, состоялся круглый стол «Вклад академика А.Х. Махмутова в стратегическое социально-экономическое развитие Республики Башкортостан», посвящённый памяти выдающегося учёного. Он объединил родственников, друзей, коллег и учеников, собравшихся вспомнить Анаса Хусаиновича и отдать ему должное за яркий и плодотворный жизненный путь.

Открывая круглый стол, модератор мероприятия и проректор БАГСУ по научной работе Светлана Борисовна Сафина отметила:

«Имя Анаса Хусаиновича навсегда будет связано с нашей академией, как имя ее первого ректора. И сегодня преподаватели и сотрудники академии, которым повезло в свое время работать с Анасом Хусаиновичем, вспоминают его исключительно с особой теплотой и искренним уважением. Для меня академия – в буквальном смысле второй дом. Я пришла сюда студенткой, потом работала ассистентом, доцентом, заведующей кафедрой. Выпускаясь в 1998 году, получила диплом из рук Анаса Хусаиновича, чем очень горжусь. Без всякого сомнения, уверенное

поступательное развитие нашего вуза – это его заслуга, его правильно расставленные приоритеты и вера в успех. Академии с момента своего образования пришлось неоднократно подтверждать и свое качество, и свою востребованность, а иной раз преодолевать скепсис и недоверие. Основным стремлением Анаса Хусаиновича было собрать качественный преподавательский состав, поскольку сюда приходили за вторым высшим образованием уже взрослые сформированные люди, мотивированные на получение знаний и нередко меняющие свою профессиональную сферу деятельности. Им необходимо было не просто корректировать уже имеющееся образование, а фактически осваивать новую профессию, с которой впоследствии они связывали свою жизнь. Анас Хусаинович обладал прекрасным чутьем на верный результат и огромным трудолюбием. При этом он всегда был очень человечный, открытый, жизнерадостный и простой в общении – очень редкие качества для людей такого уровня. Анас Хусаинович для всех нас как первый учитель, который остается в памяти навсегда. В этой связи предлагаю ежегодно в нашей академии проводить научно-практическую конференцию “Махмутовские чтения” с обсуждением актуальных вопросов экономической науки».

Сомодератор мероприятия и ректор БАГСУ в 2011–2016 годах Сергей Николаевич Лаврентьев затронул тему детства и становления А.Х. Махмутова:

«Это был скромный парнишка, практически сирота. В войну он был “сын полка”, потом волнами шли комсомол, освоение целины, Академия общественных наук, докторская диссертация, сложный 1991 год и создание Академии управления. Стране нужны были новые кадры, новые идеи, новое мышление, а Анас Хусаинович был и теоретик, и практик, почти всё доводя до практического воплощения, как, например, журнал “Экономика и управление” – кто бы ещё мог его создать? Он был патриотом Башкортостана, родной земли и всё для неё делал. С такой биографией не “забронзовеешь”. При этом, будучи профессиональным бюрократом (в хорошем смысле этого слова), он никогда не избегал острых тем, а, наоборот, стремился к широкому обсуждению не только проблем сегодняшнего дня, но и ближайшего будущего. Например, когда об уровне бедности было говорить не принято, он постоянно актуализировал этот вопрос, поскольку понимал, что, если не делать это сейчас, в ближайшие годы можно получить более тяжёлые проблемы».

Помимо научной и преподавательской деятельности, Анас Хусаинович оказывал большое влияние на формирование государственной политики Республики Башкортостан через разработку документов, исследование социально-экономического потенциала региона, а также подготовку руководителей высшего звена. Один из его любимых учеников – нынешний Первый заместитель Премьер-министра Правительства Республики Башкортостан – Руководитель Аппарата Правительства Республики Башкортостан Илшат Азаматович Тажитдинов, начинавший свой карьерный путь в академии. Его заместитель Александр Валерьевич Гагин отметил влияние исследований А.Х. Махмутова 50-летней давности на современное развитие региона:

«Анас Хусаинович – основатель экономической школы Башкортостана, исследующей теоретические проблемы современной экономики. Его труды, разработанные им концепции и стратегии стали основой принятия важных государственных решений, до сих пор принимающиеся в практике. Под его научным руководством были разработаны Правительственная программа “Стабилизация экономики Башкирской ССР и перехода к рыночным отношениям”, “Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан на среднесрочную (2000 год) и долгосрочную (2005 год) перспективу: концептуальные основы”, “Башкортостан-2015: стратегия развития. Концепция долгосрочной стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан” (2004 год). В монографии 1968 года “Промышленные комплексы и их эффективность” он проанализировал опыт стерлитамакско-салаватского промышленного узла, спрогнозировав основные тренды развития и предоставив рекомендации развития. Эти и другие результаты его трудов использовались при создании долгожданной особой экономической зоны “Алга” в Ишимбайском и Стерлитамакском районах. Другая его большая заслуга – в создании Башкирской академии государственной службы и управления, тысячи выпускников которой и сегодня определяют социально-экономическое развитие Республики Башкортостан и страны в целом».

Ректор БАГСУ Ильгиз Раянович Кызыргулов в своём выступлении отметил колоссальный вклад, который внёс академик Махмутов в становление и развитие системы подготовки кадров в республике. В частности, Ильгиз Раянович напомнил, что именно благодаря Анасу Хусаиновичу была создана академия госслужбы, причём её становление происходило в сложные для республики и страны годы – в начале 1990-х, когда для реализации подобных крупных проектов требовалось приложить огромные усилия.

Нынешний ректор академии также заметил, что академик Махмутов был непосредственным инициатором реализации в республике Президентской программы подготовки управленческих кадров. На сегодняшний день данная программа – одна из наиболее эффективных в России, она позволила подготовить в общей сложности более 1800 квалифицированных специалистов, в чём есть прямая заслуга Анаса Хусаиновича.

Ильгиз Раянович также акцентировал внимание на том, что издающийся Академией госслужбы журнал «Экономика и управление: научно-практический журнал» также создан академиком Махмутовым. Более того, после ухода с поста ректора БАГСУ Анас Хусаинович долгие годы был главным редактором этого издания. На сегодняшний день «Экономика и управление» – один из ведущих научных журналов в республике, индексируемый в РИНЦ и входящий в список рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидатов и докторов наук по экономике и политологии.

В рамках круглого стола много слов было сказано о способности академика окружать себя талантливыми людьми и вдохновлять их. Сыновья академика, Анвар и Шамиль Махмутовы, вспоминают умение отца зажигать, убеждать и делать очень важные вещи, совмещая научную и академическую работу с партийно-общественной деятельностью. Академия госслужбы стала одним из лучших его проектов, а журнал «Экономика и управление» был его отдушиной, любовью, потому что его перу принадлежит множество работ. Большую роль в его переходе из Башкирского государственного университета в БАГСУ сыграли Марат Парисович Миргазянов и Александр Иванович Афанасьев – они были реализаторами проекта академии, привлекали ведущих специалистов, создавая отличный кадровый потенциал в БАГСУ. Помимо этого, они были инициаторами создания Консорциума в рамках Академии, выходящего на стандарты международного образования. Солидарен с сыновьями академика и Михаил Евгеньевич Бугера, депутат Государственной Думы текущего созыва. По его словам, Анас Хусаинович был очень смелым учёным-новатором, он не боялся идти вразрез с устоявшимся мнением, продвигать свои идеи. Он был инициатором создания кафедры политэкономии в Башкирском государственном университете, где готовили не столько экономистов-практиков, сколько людей, которые могли глобально осмысливать процессы. Солидарна с коллегами и заведующая кафедрой общей экономической теории БашГУ, экс-главный редактор журнала «Экономика и управление» Галина Михайловна Россинская: «У Анаса Хусаиновича был ряд качеств, мало совместимых в личности одного человека. Он был новатором, постоянно фонтанировал идеями. Удивительно, но всегда рождение идей сопровождалась выработкой модели их реализации и продвижения, они никогда не оставались абстрактными. Он очень активно занимался претворением задумок в жизнь, очень много писал, преподавал, вёл за собой и всего себя отдавал любимому делу. Его свойство гениально подбирать кадры, создавать замечательную творческую атмосферу в коллективе сделало время работы с А.Х. Махмутовым в БАГСУ наполненным таким количеством ярких воспоминаний и концентрацией научных проектов, что его можно отнести к лучшим страницам моей творческой жизни. Наследство, которое он оставил, в лице его замечательных детей и внуков (которые очень похожи на него по энергии, креативности, интеллекту), академии, журнала и других его детищ будет очень долго жить и воплощать его идеи, благодаря чему Анаса Хусаиновича ждёт долгая память в наших душах и сердцах».

Соратник и многолетний коллега, директор Института стратегических исследований АН РБ Александр Николаевич Дегтярёв назвал А.Х. Махмутова общепризнанным лидером научного сообщества: «В свои последние месяцы жизни он стал вдохновителем нашего нового журнала “Уфимский гуманитарный научный форум”, поскольку всегда повторял, что научное

учреждение обязательно должно иметь свой журнал, который способствовал бы реализации его потенциала».

Советник Главы Республики Башкортостан по вопросам использования природных ресурсов и экологической безопасности Расих Агзамович Хамитов говорил о заслугах Анаса Хусаиновича в сфере осмысления природопользования: «Он использовал комплексный философский подход, делал системный анализ происходящих событий и давал прогноз развития ситуации. Анас Махматов всегда выступал за разумный подход к использованию природных ресурсов, бережному отношению к богатствам. Он считал, что не нужно тратить весь потенциал сиюминутно, а сберегать его и преумножать. Предлагаю не только проводить “Махматовские чтения”, но и учредить премию им А.Х. Махматова в области экономики, дабы увековечить его заслуги».

Выпускник БАГСУ первого набора, в прошлом Председатель палаты представителей Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан и член Совета Федерации Миннираис Минигалиевич Ишмуратов вспоминает: «Стратегическое мышление А.Х. Махматова заключалось в умении предвидеть необходимость выработки системы подготовки кадров в тот переломный момент, когда в стране в 1990-е годы было нечего есть и все были озабочены вопросам жизнеобеспечения, жили сегодняшним днём, а Анас Хусаинович думал о будущем – кадровом обеспечении завтрашнего дня. При этом он всегда умел держать принципиальную позицию, несмотря на любое сопротивление. Благодаря его стараниям, академия получила статус “при Президенте Республики Башкортостан”, чтобы привлечь внимание высшего руководства к необходимости системной работы с кадрами на государственной службе. Сегодня утратилось это внимание к кадровой политике, академия уже несколько лет находится в режиме самовывживания. Необходимо возродить эту работу и вернуть бюджетное финансирование, поскольку БАГСУ готовит кадры для государства, в первую очередь, а не коммерческих структур».

Отметил особенность мышления своего деда и директор Департамента Счетной палаты Российской Федерации Тимур Анварович Махматов: «У него была своя собственная политэкономия: отдавать больше, чем получаешь. Он понимал, чтобы что-то создалось, нужно многое вложить, и всегда он это делал бескорыстно, он умел зажигать и вести к цели. Его главный принцип – постоянная деятельность, он никогда не останавливался в своей работе, но и не допускал имитации или бесполезной возни».

Многолетний коллега Анаса Хусаиновича, также стоявший у истоков создания БАГСУ, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Ильшат Шавалиевич Рысаев выделял ещё одну отличительную способность академика – умение находить баланс между властью, наукой и организаторскими способностями. Когда только создавалась академия, никто не думал, что она перерастет в высшее учебное заведение – задумывалось создание учреждения наподобие немецких академий профессиональной переподготовки и повышения квалификации. Анас Хусаинович долго не решался на полный переход, совмещая заведование кафедрой в БашГУ с ректорством в академии, говорил, что без бюджетного финансирования это слишком рискованная идея. Резюмируя итоги круглого стола, Ильшат Шавалиевич ещё раз отметил невероятный масштаб личности академика, который невозможно раскрыть в рамках круглого стола. В качестве одного из предложений он вынес возможность написания книге о выдающемся учёном и практике, выразив надежду, что она увидит свет уже в ближайшие годы.

В рамках «круглого стола» прозвучало много тёплых слов и личных воспоминаний об Анасе Хусаиновиче Махматове. О его влиянии на свою судьбу говорили проректор по учебной и воспитательной работе БАГСУ Гузель Фатиховна Биглова, доцент кафедры педагогики и психологии МГИМО Елена Николаевна Махматова; его вклад в развитие БАГСУ отмечал главный редактор журнала «Экономика и управление» Рустем Фаридович Латыпов. Так или иначе, Анас Хусаинович Махматов изменил жизнь всех нас и еще миллионов людей – своих учеников, выпускников, жителей республики. Мало кто знает, но даже памятник Салавату Юлаеву – самый узнаваемый символ Башкортостана – был возведён при кураторстве А.Х. Махматова еще в его бытность заместителем министра культуры Башкирской АССР.

Спасибо, Анас Хусаинович, за всё! Вы – навсегда в наших сердцах!

Издание входит в базу данных Российского
индекса научного цитирования
(eLIBRARY.RU).

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

РИНЦ

Научным статьям присваивается цифровой
идентификатор **DOI** международной
системы библиографических ссылок
DataCite.

.....

Учредители:

Башкирская академия государственной службы и управления при Главе
Республики Башкортостан (издатель), Башкирский государственный университет,
Уфимский государственный нефтяной технический университет (типография)

Адрес издателя (БАГСУ):

450008, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 40.
Тел. (347) 272-10-77. E-mail: bagsu@bagsurb.ru

Адрес редакции:

450057, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Цюрупы, 6, к. 402.
Тел. (347) 273-87-32. E-mail: ekonuprav@ufanet.ru
<http://www.inefb.ru/econuprav-ufa>

Адрес типографии (РИЦ УГНТУ):

450064, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Космонавтов, 1.
Тел. (347) 243-19-73. E-mail: polegaln@mail.ru

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 25,0. Тираж 300 экз. Свободная цена.
Заказ № 163. Подписано в печать 10.12.2020 (выход в свет – 25.12.2020).

ПРАВИЛА

направления статей для опубликования в издании
«Экономика и управление: научно-практический журнал»

1. Статья, представляемая в редакцию, должна быть оформлена согласно настоящим правилам и соответствовать профилю журнала. В авторских данных указываются фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание (если есть), место работы и занимаемая должность, электронный адрес.
2. Статья объемом от 6 страниц (шрифт Times New Roman Cyr, кегль 14, интервал — 1,5, абзацный отступ — 1 см, поля — 2 см со всех сторон), набранная в Word, направляется на адрес редакции: ekonuprav@ufanet.ru. Заголовок статьи — не более 8 слов. Страницы нумеруются. Таблицы и графические изображения (рисунки, схемы) даются в черно-белом варианте. Формулы, рисунки и таблицы должны быть доступны для внесения в них (при необходимости) корректив.
3. Список литературы оформляется в конце статьи в алфавитном порядке (сначала русские, затем — иностранные). Источники нумеруются, ссылки на них приводятся в тексте статьи в квадратных скобках. При включении в список электронного ресурса необходимо указать его название. В списке литературы доля работ автора не должна превышать 30 %.
4. Аннотация (до 5 предложений, но не более 10 строк), ключевые слова (5–8) и заголовок статьи представляются на русском и английском языках.
5. Автор статьи несет ответственность за подбор, правильность и точность приводимых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений.
6. К статье также прилагается небольшая рецензия из вуза, научного учреждения (с подписью и печатью).
7. Оригинальность представляемого материала (включая список литературы) должна составлять не менее 80 %.

Подробнее смотрите здесь:

<http://www.inefb.ru/ekonuprav-ufa/115-ekonuprav/1418-informatsiya-dlya-avtorov>

Регистрационный номер и дата принятия решения: серия ПИ № ФС77-73135 от 22 июня 2018 г. В запись о регистрации СМИ изменения внесены Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс издания в Объединенном каталоге «Пресса России» на первое полугодие 2021 года — 11487.

ISSN 2072-8697

9 772072 869021 >